4
Ш-72

Шмелев Д.Н.

Современный русский язык

Лексика

М., 1977

78646

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

х8646

Д. Н. ШМЕЛЕВ

БИБЛИОТЕКА

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

ЛЕКСИКА

Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов
по специальности № 2101
«Русский язык и литература»

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1977

4
Ш 72

4Р
Ш 72

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА [illegible] ЯЗЫКА
ИН-ТА [illegible] СССР

20

78646

Рецензенты:

кафедра русского языка
Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской;
проф. Розенталь Д. Э.

Шмелев Д. Н.

Ш 72 Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». М., «Просвещение», 1977.
335 с.

Учебное пособие знакомит студентов с особенностями лексики и фразеологии русского языка, с процессами и законами, которые характеризуют их развитие. Используя новейшие данные отечественной и зарубежной лингвистики, автор всесторонне анализирует лексику и фразеологию современного русского литературного языка. Пособие освещает основные темы программы.

Ш $\frac{60602\text{-}749}{103\,(03)\text{-}77}$ 12-77 4Р

© Издательство «Просвещение», 1977 г.

ОТ АВТОРА

В настоящем пособии[1] освещаются основные понятия, предусмотренные вузовской программой по разделу «Лексикология».

Слово является основной, центральной единицей языка, поэтому многие аспекты его изучения оказываются до некоторой степени общими для лексикологии и синтаксиса, для лексикологии и словообразования, для лексикологии и морфологии. В лексикологии, однако, слова изучаются прежде всего как единицы номинации, т. е. как языковые единицы, служащие для называния предметов и явлений окружающей действительности, их выделения и формирования соответствующих понятий. Известная условность такого отграничения предмета лексикологии (так как в языке слово является целостной единицей, в которой лексическое и грамматическое значения неразрывно связаны друг с другом) требует от студентов активного применения тех знаний о языке, которые были получены ими в школе, а также соотнесения содержащихся в этой книге сведений с теми положениями, с которыми их знакомит курс «Введение в языкознание».

Изучение лексики приобретает все большее значение в практике школьного преподавания. Смысловая сторона слов все больше привлекает к себе внимание и исследователей языка. По многим важнейшим вопросам лексикологии в настоящее время среди лингвистов существуют серьезные разногласия. Думается, что нет смысла даже в учебном пособии для студентов-филологов представлять эти вопросы решенными. Поэтому в ряде случаев в книге излагаются различные точки зрения, отмечается возможность различного подхода к решению изложенных проблем. Автор убежден, что показ спорности и сложности проблем, которые возникают при изучении освещаемого в этом пособии материала, должен способствовать бóльшему интересу к нему со стороны тех,

---

[1] От редакции. Эта книга является частью большого коллективного пособия по современному русскому языку. Ранее вышли «Современный русский язык. Фонетика» М. И. Матусевич (1976), «Современный русский язык. Графика и орфография» В. Ф. Ивановой (1-е изд.— 1966, 2-е изд.— 1976), «Современный русский язык. Словообразование» Е. А. Земской (1973), «Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения» И. И. Ковтуновой (1975), «Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения» С. Е. Крючкова и Л. Ю. Максимова (1-е изд.— 1969, 2-е изд. — 1977), «Современный русский язык. Пунктуация» А. Б. Шапиро (1-е изд.— 1966, 2-е изд.— 1974).

кто, приступая к его изучению, будет стремиться соотнести почерпнутые из книги сведения с собственными наблюдениями над употреблением слов. Необходимость в этом неизбежно возникает перед изучающими язык: лексика настолько необозрима по своему составу, что приводимые примеры не могут отразить с доступной полнотой всего многообразия существующих в ней связей и отношений. При встрече с новыми фактами часто возникают (даже у специалистов) сомнения в их характеристике в соответствии с уже установленными «рубриками». Между тем задачи лингвистического анализа текстов неизбежно ставят студентов и учителей словесников перед необходимостью лексикологической и стилистической характеристики различных групп слов. Автор стремился дать в пособии те сведения, которые бы помогли проводить подобный анализ самостоятельно, исходя из собственных наблюдений над словом.

Учебное пособие «Современный русский язык. Лексика» состоит из введения и пяти глав.

Во введении говорится о предмете и задачах лексикологии, о месте лексики среди других уровней языка и ее особенностях, об историческом и синхронном аспектах изучения лексики. Здесь же содержатся краткие сведения о различных типах словарей, т. к. в дальнейшем изложении на многие из них даются ссылки, из некоторых приводятся примеры.

Лексикографическое изучение слова основано на представлении об его тождестве, что предполагает разграничение многозначности и омонимии, определение различных видов многозначности. Рассмотрению этих вопросов посвящена первая глава.

Во второй главе содержится описание стилистической дифференциации словарного состава современного русского языка.

Представление о языке как системе делает необходимым определить характер системности лексики, что и составляет содержание третьей главы, в которой освещаются вопросы выделения различных тематических и лексико-семантических групп слов, синонимии, антонимии, лексической и синтаксической сочетаемости слова и т. д.

О том, какие группы слов выделяются в словарном составе современного русского языка с точки зрения их происхождения, и о том, какие способы номинации действуют в русском языке в настоящее время, говорится в четвертой главе.

Последняя, пятая глава посвящена фразеологическим единицам русского языка.

В конце каждой главы дается список дополнительной литературы. В списки литературы не включены учебники и учебные пособия, а также малодоступные для студентов издания и литература на иностранных языках.

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ЛЕКСИКОЛОГИИ. ЛЕКСИКА И ДРУГИЕ УРОВНИ ЯЗЫКА

§ 1. Язык представляет собой сложное устройство, которое может быть рассмотрено с разных точек зрения, в соответствии с чем и выделяются различные единицы языка. Звуковая и смысловая сторона языка, слова и морфемы, сочетания слов и предложения выступают как разнородные элементы общей системы языка, которую часто называют в силу этого многообразия составляющих ее элементов «системой систем». Сама множественность возможных подходов к языку давно уже потребовала расчленения науки о языке на ряд хотя и взаимосвязанных, но самостоятельных разделов, таких, как фонетика, грамматика (делящаяся в свою очередь на морфологию и синтаксис), лексикология, а также словообразование, этимология, лингвистическая статистика, стилистика, диалектология и т. д., не говоря уже о возможности как описательного, так и исторического изучения языка в рамках каждого из этих разделов.

Единицы, которые изучаются в разных разделах науки о языке, находятся в определенных взаимоотношениях друг с другом: одни из них входят в состав других, образующих более сложные единства, или единицы следующих уровней. Понятие «уровня» широко используется в современном языкознании: оно должно отразить тот факт, что различные единицы языка находятся в определенном соотношении друг с другом, например, каждая морфема состоит из фонем (реже представлена одной фонемой), причем «без остатка» может быть разложена именно на фонемы. Это и дает основание говорить о том, что фонемы и морфемы образуют два различных уровня языка: более «низкий» — фонемный и бо-

лее «высокий» — морфемный. Морфемы, в свою очередь, составляют лексемы (слова в определенных значениях), а сочетания лексем — синтаксические конструкции, что позволяет выделить два следующих уровня — лексику и синтаксис. Любой текст без остатка членится на фонемы, морфемы, лексемы и синтаксические конструкции.

Таким является одно из распространенных представлений о языковой стратификации, или уровнях языка.

Однако следует иметь в виду, что в трактовке уровней различными исследователями в настоящее время нет единства. Иногда к уровням наряду с перечисленными, относят также морфонологию, фразеологию, стилистику, словообразование и т. п. Было бы бессмысленно спорить о том, какое понимание уровней нужно считать правильным, а какое — нет. Спор был бы спором об употреблении термина, так как при различном выделении уровней учитываются различные стороны языковой действительности и соответственно в само обозначение «уровень» при этом вкладывается различное содержание. Речь может идти, следовательно, лишь о том, какие черты языковой организации мы хотим выделить, вводя понятие «уровня». Устанавливая фонемный, морфемный, лексический и синтаксический уровни, мы устанавливаем определенную иерархию языковых единиц, причем в соответствующий ряд уже не входят непосредственно те факты языка, которые относятся к словообразованию, фразеологии, стилистике и т. д. Таким образом, говоря об «уровнях языка», нужно учитывать, что само это понятие может подвергаться различному осмыслению.

Нетрудно заметить, что выделенные выше уровни не находятся в прямом и однозначном соотношении друг с другом. Язык характеризуется прежде всего тем, что единицы, имеющие значение (т. е. способные обозначать что-то во внеязыковой действительности), образуются единицами, имеющими лишь смыслоразличительную функцию (т. е. не имеющими собственного значения в указанном понимании). Минимальными самостоятельными единицами, имеющими собственное значение, являются слова, минимальными смыслоразличительными единицами — фонемы. Этим и обусловлено основное кардинальное членение языка. Таким образом, прежде всего противопоставлены друг другу два уровня: уровень фонем и уровень слов. Слово представляет собой сложную и многоаспектную единицу. Поэтому

исследованию подлежит и то, как образовано и как может изменяться данное слово (выделенные обозначения приобретают строгий смысл, когда рассматривается не отдельное слово, а определенные ряды слов), и то, как оно может сочетаться с другими словами, образуя более сложные единства, и то, что может обозначать, знаком чего может служить данное конкретное слово. Поскольку слова представляют собой целостную единицу, все эти аспекты взаимосвязаны, однако при анализе всегда приходится отвлекаться от некоторых сторон изучаемого объекта, сосредоточивая внимание на его определенных свойствах. В связи с этим в науке и выделяются такие разделы, как морфология, синтаксис и лексика. Устанавливая соответствующее членение на уровни (фонология — морфология — лексика — синтаксис), мы более или менее адекватно передаем основное членение, наблюдаемое в языке.

Указанное выделение уровней имеет то несомненное преимущество, что дает правильное общее представление о языковой структуре. Действительно, любой отрезок текста (т. е. любую речь) можно расчленить на синтаксические единства, т. е. сочетания слов, которые в свою очередь членятся на слова; в словах мы можем выделить морфемы; последние состоят из фонем. Понятно, что, включив в перечень уровней, наряду с названными, такие, как фразеология, стилистика и т. п., мы исходили бы уже из каких-то совершенно иных соображений. Иногда, по-видимому, здесь играют определенную роль соображения о важности соответствующих языковых явлений. Но уровни в указанном выше понимании никак не определяют лингвистический «ранг» изучаемых фактов. Говоря об изучении фразеологизмов, В. В. Виноградов отмечал, что «немало уделяется внимания схоластическому вопросу, образуют ли фразеологические конструкции «уровень» (как будто это бюрократический термин, вроде обер-офицерского чина в дореволюционной военной иерархии) или «подсистему» языка (или даже «пласт» его) и т. п.» [1]. Вопрос этот является схоластическим потому, что признание или непризнание за теми или иными явлениями

[1] Виноградов В. В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка.— В сб.: Мысли о современном русском языке. М., 1969, с. 10.

«уровневого» характера зависит прежде всего от того, какой смысл вкладывается в понятие «уровень». Если считать, что это понятие должно отразить структурную организацию языка, иерархию языковых единиц, то, конечно, придется признать, что фразеологические конструкции могут составить «уровень» лишь на каких-то других основаниях, чем синтаксические конструкции, морфемы и т. д.

§ 2. Лексикой называют словарный состав языка, причем, когда говорят о словарном составе языка, имеют в виду слова в их индивидуальных (лексических — в противоположность грамматическим) значениях. Каждое слово является обозначением какой-то реалии [2],— вот эта способность слов обозначать те или иные предметы, признаки, явления действительности и характеризует слова как единицы лексики.

Лексика современного русского языка представляет собой сложную систему, состоящую из различных по происхождению, по сфере употребления и стилистической значимости групп слов. С точки зрения происхождения различаются исконно русские (*лес*, *вода*, *ходить*, *читать* и т. п.) и заимствованные слова (начиная с древнейших заимствований, вроде *тетрадь*, *корабль*, и кончая сравнительно недавними, как *диктат*, *кемпинг*, *робот*, *радар*, *эскалация*, *акваланг* и т. п.). Значительный пласт лексики современного русского языка составляют славянизмы (ср.: *время*, *вред*, *среда* и т. д. и *брег* — *берег*, *град* — *город* и т. п.); при этом следует отметить, что в ряде случаев вытесненная старославянская форма остается основой для производных: *холод*, но *охлаждать*, *берег*, но *прибрежный*, *город*, но *градостроительство* и т. п.), в ряде случаев сохранившиеся, наряду с исконными восточнославянскими вариантами, старославянские (исторически) формы получают особое значение (ср.: *исходить* и *выходить*, *глава* и *голова*, *прах* и *порох* и т. п.).

---

[2] Иногда возникают сомнения, можно ли говорить о реалиях, коль скоро речь идет о существовании таких слов, как *ведьма*, *русалка*, *кентавр* и т. п. Сомнения эти необоснованны, поскольку в соответствующих словах также отражены определенные понятия, т. е. реалии нашего сознания. В этом смысле слово *кентавр*, по-видимому, не менее «реально», чем, например, *динозавр* и т. п.

В словарный состав литературного языка (в различные эпохи — с различной интенсивностью) входят также областные слова, употребление которых первоначально ограничено отдельными территориальными говорами. Некоторые из этих слов до сих пор сохраняют свой диалектный отпечаток и квалифицируются как диалектизмы.

С точки зрения сферы употребления различается общеупотребительная, нейтральная в стилистическом отношении лексика, составляющая основу словаря, и лексика, применение которой ограничено определенными типами речи, определенными условиями речевого общения (специальная научная и техническая лексика, разговорная лексика, лексика официально-деловых документов и т. д.). Из сказанного видно, что термин «лексика» употребляется не только для обозначения словарного состава языка как всей совокупности имеющихся в нем в тот или иной период его развития слов, но и каких-то частей словарного состава. Говорят также о лексике писателя, литературного произведения и т. д.

Некоторые слова (или значения слов) воспринимаются как устаревшие (архаизмы и историзмы), другие — как новые, еще не вполне «привычные», не вполне закрепившиеся в литературном языке. Стилистическая значимость слов не остается неизменной (отдельные устаревшие слова возвращаются в активный фонд словаря с новыми значениями, ср. *вратарь*, *довлеть*; специальные термины в ряде случаев, иногда видоизменяя значение, становятся общеупотребительными и т. д.).

Существенной особенностью лексики по сравнению с другими сторонами языка является ее непосредственная обращенность к явлениям действительности. Поэтому именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни,— появление новых предметов, возникновение новых понятий неизбежно влечет за собой создание новых наименований или видоизменение семантики тех или иных слов.

Непосредственное воздействие на лексику внеязыковой действительности обусловливает ее подвижность — в языке постоянно отмечается не только появление новых слов (и новых значений), вытеснение устаревших, утрачивающих свою актуальность обозначений, но и стилистическое перераспределение различных групп слов, изменение лексической и синтаксической сочетаемости слов и т. д.

Раздел науки о языке, в котором изучается лексика, носит название лексикологии.

Исследование словарного состава русского (как и любого другого) языка может вестись в разных направлениях. Прежде всего следует указать на различные задачи, которые стоят перед исторической лексикологией и лексикологией современного русского языка.

В ведении исторической лексикологии — история слов, формирование и развитие тех или иных групп слов, словарного состава языка в целом. Словарный состав языка изменяется (появляются новые слова, отдельные слова забываются, изменяются значения целого ряда слов и т. д.) в результате самых различных причин, некоторые из которых удается установить с достаточной достоверностью.

При выяснении истории отдельных слов и групп слов обнаруживаются как собственно языковые, так и внеязыковые (экстралингвистические) факторы изменений. Непосредственная связь лексики с внеязыковой действительностью обусловливает то, что появление новых предметов, возникновение новых понятий приводит к пополнению словаря новыми обозначениями этих предметов и понятий, способы же их обозначения, т. е. способы номинации (создание новых слов от существующих в языке при помощи аффиксов, создание составных наименований, семантическая деривация, заимствование иноязычных слов), во многом определяются теми лексическими ресурсами, которыми располагает данный язык, и теми лексико-семантическими отношениями, которые существуют в языке в ту или иную эпоху.

В число задач исторической лексикологии входит также установление путей изменения значений слов, приводящего к разрушению тех словообразовательных связей, которые обнаруживаются внутри отдельных словообразовательных гнезд.

Так, например, для современного русского языка оказывается разрушенной (и немотивированной в смысловом отношении) связь между такими словами, как *спасти*, *спасение* и т. д., с одной стороны, и такими, как *опасный*, *опасаться*, *опасение* и т. д.,— с другой. При словообразовательном анализе, проводимом с точки зрения соотношений, существующих в современном русском языке, эти ряды

слов не могут быть сопоставлены друг с другом. Однако исторически они связаны с глаголом *пасти* 'беречь', причем развитие значений ряда *опасный*, как показывают данные памятников древнерусской письменности, а также диалектов, прошло через значения 'осмотрительный, осторожный'; сочетание *опасьная грамота* имело значение 'охранная грамота' — реальная необходимость в такой грамоте в условиях средневековой действительности также, по-видимому, наложила свой отпечаток на семантику слова.

В задачи лексикологии современного русского языка входит исследование стилистической дифференциации словаря, отдельных тематических и лексико-семантических группировок слов, их соотношения друг с другом и соотношения единиц внутри этих группировок. Кроме того, лексикология включает в себя ряд семасиологических проблем, т. е. проблем, связанных со смыслом, со значениями слов, их способностью обозначать те или иные явления внеязыковой действительности.

§ 3. При исследовании семантики различных слов разграничиваются грамматические и лексические значения. В отличие от грамматических значений, общих для больших групп слов и выраженных формально (ср., например, значение «процессуальности», объединяющее все глаголы и связанные с этим общим значением грамматические значения времени, лица, присущие всем глаголам и находящие свое формальное выражение — в формах спряжения), лексические значения индивидуальны, поэтому их исследование представляет наибольшие трудности. (Сравнительно недавно отдельные лингвисты вообще высказывали в связи с этим мнение, что изучение значений слов не входит в задачу лингвистического исследования.) В последнее время, однако, применение новых методов исследования лексики (основанных на признании ее системного характера) привело к успешному анализу отдельных групп слов, установлению различных типов взаимоотношений, существующих между различными значениями, различных типов самих лексических значений.

Разграничение лексических и грамматических значений не должно пониматься как их противопоставленность в слове. Лексическое значение всегда опирается на грамматическое (более общее, классифицирующее) значение, является его непосредственной конкретизацией.

Однако разграничение этих значений, делающее возможным раздельное изучение лексической и грамматической семантики, основано на реальном отражении в языке индивидуального и общего и отдельном выражении этих значений различными языковыми средствами. Соответственно различаются задачи и методы составления толковых словарей и описательных грамматик.

Правда, в последние годы в некоторых лингвистических работах высказывалось утверждение, что принятое в «традиционной семантике» отграничение при семантическом анализе лексических значений от грамматических неоправданно. В обоснование этого утверждения приводился следующий довод: в ряде случаев то же самое содержание может быть передано и лексическими и грамматическими средствами, например, в предложении *Мальчик запрыгал от радости* значение начинательности передано грамматическими средствами (префиксом *за* — в глаголе *запрыгать*; ср. *засмеяться*, *запеть*, *загрустить* и т. п.); но то же значение может быть выражено и лексическими средствами — при помощи самостоятельного глагола *начать*: *Мальчик начал прыгать от радости*. Отмечалось также, что в разных языках одно и то же содержание нередко выражается различными средствами, например: в одном лексическими, в другом — грамматическими и т. д.

Довод этот не представляется убедительным — уже хотя бы потому, что само наблюдение над выражением одного и того же содержания разными средствами возможно только на основе разграничения этих средств. Совершенно ясно, что выделение лексической семантики в самостоятельную область исследования никак не означает невозможности сопоставления лексических значений с грамматическими во всех тех случаях, когда это представляется необходимым.

§ 4. Стилистическая значимость (или, как часто говорят, стилистическая окраска) слова определяется различными факторами. Во-первых, слова могут характеризоваться принадлежностью к определенным функциональным типам (стилям) речи; например, слова вроде *проживать*, *местожительство* и т. п. или *дезавуировать*, *денонсировать* и т. п. относятся к официально-деловым типам речи (так же, как, например, такие составные наименования, как *торговые точки*, *средства связи*, *населенный пункт* и т. д.); специальные термины (ср. *деепричастие*, *нейтрино*, *алго-*

ритм и под.) характеризуют научную речь и т. д. Во-вторых, в языке существует значительное количество слов, которые придают речи «высокий» или «сниженный» характер (в толковых словарях современного русского языка они имеют пометы «высокое», «книжное» или «разговорное», «просторечное»). Естественно, что подобная стилистическая окраска слов воспринимается лишь в связи с тем, что язык располагает нейтральными в стилистическом отношении словами (ср.: *чело — лоб*, *очи — глаза*, *пребывать — находиться*, *глава — башка — голова*, *смотаться— уйти* и т. п.). Многие слова в языке, обозначая какое-то явление, вместе с тем выражают определенное отношение к данному явлению (ср.: *соратник — помощник — приспешник*; *собрание— сборище*; *суд — судилище*; *говорить — разглагольствовать — болтать* и т. п.). Кроме того, в литературный язык входят слова, сохраняющие диалектную окраску, а в художественной литературе (главным образом в целях речевой характеристики персонажей) употребляются, кроме диалектных слов, так называемые жаргонные слова и выражения. Некоторые слова существуют как устаревшие (архаизмы и историзмы); некоторые несут на себе какое-то время отпечаток новизны (неологизмы) — часть их постепенно прочно входит в словарный состав языка. Во многих случаях сохраняющиеся в языке архаизмы воспринимаются как «высокие», «книжные» слова (и приводятся в словарях современного языка с соответствующими пометами).

§ 5. Будучи обозначениями предметов и явлений внеязыковой действительности, слова, естественно, отражают те связи, которые существуют между предметами и явлениями самой действительности. Вместе с тем слова являются единицами языка, и между ними существуют и собственно языковые связи: они объединяются в определенные «л е к с и к о - с е м а н т и ч е с к и е г р у п п ы, в каждом языке по-своему членя те или иные отрезки действительности (например, в русском языке названия возвышенностей: *гора*, *холм*, *пригорок*, *курган*, *сопка* и т. д., глаголы движения: *идти*, *ехать*, *лететь*, *плыть*, *ползти* и т. д., что не находит полного соответствия в других языках).

Все слова (многозначные — в каждом из своих значений) находятся в определенных соотношениях с другими словами (ср., например, *гора* и *холм*, значения которых противопоставлены друг другу по семантическому признаку раз-

мера). Одной из главных задач семасиологии как одного из разделов лексикологии является выяснение тех семантических противопоставлений, которые существуют между различными словами, в том числе синонимическими и антонимическими. Именно противопоставление значений различных слов делает возможным выделение существенных семантических признаков, которыми определяется данное значение слова (например, общий семантический элемент у слов *гора* и *холм* — 'возвышенность', который делает возможным их сопоставление; существенным же дифференциальным признаком для них является признак 'размера').

Возможность сочетания слова с другими словами теснейшим образом связана с его значением. Для многозначных слов именно сочетаемость и определяет то, что слово выступает в том или другом значении (ср.: *рыть землю*, *лечь на землю*, *приплыть к земле*, *земля вращается вокруг солнца* и т. д., где слово *земля* выступает в разных своих значениях).

К задачам лексикологии относится также определение слова как основной единицы языка, выяснение связи значения слова с понятием, выделение различных типов значений слов.

Одной из основных задач, которые призвана решить лексикология, является установление различных видов системных отношений, существующих внутри различных групп лексики, установление тех объективных (в том числе синтаксических) показателей, которые объединяют слова (в определенных значениях) друг с другом.

Решение теоретических вопросов лексикологии имеет важное практическое значение, в первую очередь для лексикографии.

Индивидуальная прикрепленность лексем к различным предметам и явлениям внеязыковой действительности делает соотношения между ними чрезвычайно разнообразными и сложными. Поэтому всякая попытка систематизировать эти отношения, установить определенные типы связей между отдельными значениями многозначных слов не может не быть известным упрощением этих связей. Однако это не значит, что всякого рода систематизация в данной области вообще невозможна или неоправданна (сложность и разнородность изучаемого материала как раз требует его определенной систематизации), но необходимо иметь в виду, что

предлагаемые схемы только в известной мере отражают подлинную сущность рассматриваемых связей, а потому почти всегда имеют условный характер.

§ 6. Результаты лексикологических исследований находят то или иное применение во многих отраслях знаний.

Овладение иностранными языками (соответственно обучение иностранцев русскому языку) было бы крайне затруднено при отсутствии лексикологических описаний языков—в первую очередь надежных и достаточно полных двуязычных словарей, составление которых является результатом определенной систематизации словарного материала каждого из сопоставляемых языков. Спорные вопросы, относящиеся к различным случаям нового словоупотребления, не могут научно и перспективно решаться без учета основных тенденций развития языка, в том числе — его словарного состава. Первостепенное практическое значение имеет упорядочение научно-технической терминологии и номенклатуры, стремительно растущей в наши дни (подавляющее количество вновь появляющихся слов представляет собой именно эту, специальную часть лексики). Значительное количество терминов и номенклатурных обозначений входит в общелитературное употребление, определенные слои общенародной лексики подвергаются своеобразной терминологизации,— все это делает задачу научно обоснованного регулирования терминологии все более важной. Для решения ее необходимо ясное представление о соотношении специальной и общелитературной лексики, а также понимание тех основных закономерностей, которые определяют соотношение различных способов номинации (называния), действующих в языке в различные периоды его существования.

Задачи автоматического перевода текстов с иностранных языков также требуют определенной семантической систематизации лексики (речь идет не о попытках «машинного перевода» каких-либо художественных текстов, попытках, которые приводили иногда к любопытным с чисто лингвистической точки зрения, но в целом к всего лишь частным и не имеющим практического значения результатам,— а о таких специальных текстах, хотя бы грубая предварительная расшифровка которых требуется как можно скорее). Возрастающий «поток информации», о котором так много пишут в последнее время, настоятельно требует

такой обработки получаемой научной информации (результатов исследований, проводимых в различных областях науки), которая позволила бы для ее хранения и выдачи по требованию использовать электронно-вычислительные машины (ЭВМ). Но соответствующая обработка информации требует формализации ее «словесной части», а это предполагает не только выработку оптимальных приемов такой формализации и установление ее реальных пределов для различных фактов естественных языков, но и достаточно адекватное лингвистическое описание самих этих фактов. Систематизация лексико-семантического материала представляет в этом отношении наибольшие трудности.

Данные исторической лексикологии в ряде случаев оказываются чрезвычайно важными для понимания различных фактов истории народа и его культуры.

Нередко от правильного прочтения текста зависит правильная интерпретация тех или иных событий,— для того же, чтобы правильно прочесть древнерусский текст, необходимо точное понимание составляющих его слов.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ

§ 7. На титульном листе «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (9-е изд., 1972 г.) указано, что словарь содержит около 57 000 слов. В четырехтомном «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова — более 80 000 слов. Более 80 тыс. слов включает и четырехтомный академический «Словарь русского языка» (1957—1961). Уже эти цифры говорят об одной из существенных особенностей лексики по сравнению с другими областями языка: при ограниченном количестве фонем, обозримом количестве словоизменительных и словообразовательных аффиксов язык располагает огромным количеством наименований предметов и явлений реальной действительности, сколько-нибудь полный охват которых возможен только при лексикографическом описании. В лексике, как отмечалось, в первую очередь (и наиболее непосредственно) отражаются изменения, происходящие в жизни общества. Проницаемость лексики для внеязыковых воздействий связана с самим назначением составляющих ее единиц — называть то,что окружает человека, то, что происходит в мире. В язык постоянно входят новые слова; некоторые из из-

давна существующих слов начинают применяться для обозначения новых предметов и явлений; отдельные слова постепенно вытесняются из языка или утрачивают свои прежние значения. Все это обусловливает подвижность лексического состава,— мы не можем ответить на вопрос: сколько в языке в тот или иной момент слов? Лексика характеризуется не только подвижностью, но и известной неопределенностью, «размытостью» своих границ: между различными ее пластами обнаруживаются переходные, промежуточные зоны. Так, язык постоянно пополняется новыми словами, но далеко не все новообразования, встречающиеся в разговорной речи, в текстах художественных произведений, в газетах, становятся подлинным достоянием литературного языка.

При этом не всегда можно вполне определенно сказать, какие из этих новообразований уже «входят в литературный язык», а какие так и остаются за его пределами. Нет четко обозначенной границы между ассимилированными, закрепившимися в литературном языке заимствованиями и так называемыми экзотизмами, разнообразными иноязычными вкраплениями; между диалектными словами и диалектизмами литературного языка. Не всегда возможен однозначный ответ и на вопрос о том, относится ли то или иное слово к разделу устаревшей лексики или же оно вообще является словом русского языка предыдущих эпох, т. е. не принадлежит даже к пассивному фонду современного языка. Сложным является вопрос и о так называемой просторечной лексике, о которой обычно говорят, что она находится на самой периферии литературного языка.

Огромное количество новообразований современных языков представляют собой специальные обозначения. Научные дисциплины оперируют в настоящее время многими десятками и сотнями тысяч терминов, огромное количество специальных слов обслуживает отдельные отрасли техники и производства. Совершенно ясно, что наименования, известные только узкому кругу специалистов, не входят в общелитературный язык (утверждая обратное, мы должны были бы признать, что каждый из носителей литературного языка владеет лишь ничтожной частью его словарного запаса), но между специальной терминологией и общеупотребительной лексикой также существуют переходные зоны: определенная часть терминов входят в общее употребление (ср. многие обозначения из области общественно-политической

78646
БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

терминологии, из области медицины, сельского хозяйства и т. д.), некоторые начинают употребляться в переносном значении (*симптом*, *импульс*, *инерция*, *атрофия*, *экватор*, *апогей*, *вакуум* и т. п.); с другой стороны, пополнение специальной лексики до некоторой степени происходит за счет общеупотребительных слов.

Таким образом, и в этой части словаря не во всех случаях легко провести решительное и бесспорное размежевание среди тех единиц, которые можно отнести к общелитературной лексике, и тех, которые приходится считать принадлежностью специальной речи (ср. многие физические и математические термины, наименования из области сельского хозяйства, названия лекарств и т. п.).

Лексика представляет собой наиболее проницаемую область языка. В этой связи заслуживает упоминания тот факт, что именно в лексике возникают окказиональные («к случаю») образования, являющиеся продуктом индивидуального творчества отдельных носителей языка. Когда говорят о языковом «новаторстве» того или иного писателя, то имеют в виду прежде всего и главным образом именно его словотворчество, т. е. введение им в текст произведений (это совсем не значит в «язык вообще») новых слов, призванных как-то по-особому назвать какой-либо предмет или явление [1].

Своевольное обращение с грамматическими формами слов почти невозможно — чаще всего оно попросту приведет к непониманию или будет воспринято как недостаточное владение языком. Русский язык дает широкие возможности, например, для переносного употребления глагольных форм времени и лица — возможны фразы вроде *Если мне не помогут, я пропал* (где форма прошедшего времени *пропал* отнесена к будущему и сочетается с формой

---

[1] «В каждом языке,— писал Г. О. Винокур,— наряду с употребляющимися в повседневной практике словами, существуют, кроме того, своего рода «потенциальные слова», т. е. слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность. *Слониха* при *слон* — это слово реальное и историческое. Но рядом с ним, как его тень, возникает потенциальное слово *китиха*, как женский род к *кит*, и именно в употреблении такого потенциального слова... и заключен акт новаторства в области формы слова... То, что живет в языке подспудной жизнью, чего нет в текущей речи, но дано как намек в системе языка, прорывается наружу в подобных явлениях языкового новаторства, превращающего потенциальное в актуальное». (Винокур Г. О. Маяковский новатор языка. М., 1943, с. 15).

будущего времени *помогут*) или *Тебя не переспоришь* (где форма 2-го лица глагола *переспоришь* явно не относится к собеседнику и вступает в этом смысле в «противоречие» с соотносительным местоимением *тебя*) и т. п., но нереальны фразы вроде *Завтра я читал эту книгу* или *Я тебя не переспоришь* [1]. Иными словами, нарушение существующих в языке грамматических норм, например употребление не того падежа, который требуется в данном словосочетании, или не той глагольной формы — это всегда ошибка; индивидуальные же новообразования в области грамматики вообще невозможны. По-иному обстоит дело с лексическими новообразованиями.

Они постоянно возникают в повседневной речи и вводятся в речь письменную — с самыми различными целями. Ср.: *Кирпично краснели крыши помещичьих хуторов* (Бунин. Учитель); *Казалось, конца-краю не будет этому бездолью и оголтению* (А. Толстой. Четыре века); *небритый черномаз в феске* (А. Толстой. Древний путь); *стремглавые в синей бездне облака* (Леонов. Вор); *нахальные мальчики, выглядящие в тысячи раз киношнее самых киношных кинематографистов* (И. Зверев. Космос для Петрухина) и т. п.

Разумеется, и различные лексические новообразования (стихийно ли возникающие в обычной речи, намеренно ли вводимые в художественный текст) подчинены определенным закономерностям, которые изучаются в специальном разделе науки о языке, посвященном словообразованию. Легко заметить, что чаще всего такие «придуманные слова» создаются по аналогии с уже существующими, закрепленными в языке словами, но иногда это просто какое-то переиначивание звукового облика реально существующего слова, целью которого является как бы «подключение» слова к новым рядам ассоциаций, как это бывает в случае так называемой ложной, или народной, этимологии (см. об этом дальше).

---

[1] Поэт-имажинист Вадим Шершеневич в статье под характерным названием «Ломать грамматику» заявлял, что «несуществующие падежи, несуществующие глагольные формы, несогласованность в родах и падежах — вот средства, краткий список лекарств застывающего слова». «Нам скучно от смысла фраз: *доброго утра! Он ходит!*.. Нам милы своей образностью и бессмысленностью несинтаксические формы: *доброй утра!* или *доброй утры!* или *он хожу!*». По-видимому, нет необходимости останавливаться на том, что такого рода «несинтаксические формы» сами по себе ничем не могут помочь «застывающему слову».

Можно обратить внимание еще на одну особенность лексики: именно в лексике отражены в первую очередь контакты между различными народами и в лексике же сосредоточено то, что является общим для многих самых различных языков. Это так называемые интернациональные слова, чаще всего созданные на основе греческих и латинских корней и вошедшие в целый ряд языков, как, например, *революция*, *социализм*, *радио*, *фотография* и др.: во многих случаях общими для языков являются и специальные термины отдельных наук и техники.

Итак, лексика характеризуется, во-первых, множественностью составляющих ее единиц, во-вторых, изменчивостью состава, в-третьих, известной неопределенностью, «размытостью» границ, отделяющих различные ее области. Все эти особенности обусловлены тем, что именно в лексике находят наиболее прямое и непосредственное отражение явления окружающей действительности, что в лексических значениях закрепляются результаты коллективного опыта людей, результаты познания мира. Каждое слово как бы выделяет что-то из бесконечного мира предметов и явлений и закрепляет в сознании. Любопытен в этом плане такой эпизод в фантастической повести А. Толстого «Аэлита»: «Лось пошел к озеру по знакомой дорожке. Те же стояли с обеих сторон плакучие лазурные деревья, те же увидел он развалины за пятнистыми стволами, тот же был воздух,— тонкий, холодеющий. Но Лосю казалось, что только сейчас он увидел эту чудесную природу,— раскрылись глаза и уши,— он узнал имена вещей».

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ СЛОВАРЕЙ

§ 8. Основным средством фиксации лексики является словарь. Существуют различные типы лингвистических словарей. Отличие лингвистических словарей от энциклопедических словарей и справочников заключается в том, что в них дается описание не реалий, обозначаемых словами, как в последних, а то или иное описание самих слов, их строения и семантики. Наибольшее значение для изучения словарного состава языка имеют толковые словари.

Прежде чем вкратце охарактеризовать основные толковые словари русского литературного языка, упомянем о некоторых других существующих в настоящее время лингвистических словарях, в которых получили отражение различные стороны русской лексики.

§ 9. Прежде всего, существуют двуязычные (и многоязычные) переводные словари, главная цель которых — помочь понять значение неясного слова другого языка. Естественно, что, помимо практических целей, эти словари решают в той или иной мере и теоретические лексикографические и лексикологические вопросы, так как при составлении словаря возникает вопрос о выделении значений слов, вопрос об их распределении и т. д. Сопоставление же лексики разных языков очень часто приводит к интересным наблюдениям общего порядка.

Древнейшие из переводных словарей, отражающие в известной мере состояние лексики своего времени, содержат много ценных фактов, важных для лингвистов, занимающихся историей литературного языка. Таким, например, является «Книга лексикон греко-славено-латинский» Е. Славинецкого (составлен между 1664—1676 гг.). В значительной степени практическое назначение имеют словари орфографические и орфоэпические: первые служат справочниками, сообщающими о том, как согласно существующим правилам нужно написать то или иное слово, вторые содержат также сведения о произношении слов. С лингвистической точки зрения важен состав этих словарей. Так, именно словник «Орфографического словаря» 1959 г. был положен в основу «Русского словообразовательного словаря» Д. С. Уорта и др. (о нем дальше).

§ 10. В определенном плане могут быть близки к переводным исторические словари, но словари такого рода обычно требуют документации приводимого в них материала и предлагаемых объяснений, т. е. в словаре должны содержаться примеры из памятников письменности, показывающие, когда и как употреблялось каждое из слов,— читателю предоставляется возможность и самому судить о значении слова. Такие словари содержат ценные сведения исторического характера, нужные не только лингвистам, но и историкам, литературоведам и т. д.

Древнерусская лексика собрана в знаменитом словаре И. И. Срезневского, изданном отдельными выпусками под заглавием «Материалы для словаря древнерусского языка» в 1890—1912 гг. (основная часть выпусков словаря готовилась к печати и издавалась уже после смерти составителя, посвятившего созданию словаря больше сорока лет жизни). В 1958 г. лексикографический труд И. И. Срезневского был переиздан (фотомеханическим способом) в трех томах. В предисловии к нему С. Г. Бархударов писал: «Более полувека Словарь И. И. Срезневского находится в научном обороте и является незаменимым руководством при чтении древнерусских памятников и надежным источником при изучении древнерусской лексики. Тот, кто когда-либо пользовался этим Словарем, понимает его подлинную цену и дорожит им, даже зная его неполноту и недостатки». Научное значение словаря определяется тем, что составителем использованы данные из 2 700 источников, причем учтены данные из всех основных памятников до XIV в. включительно (более поздние памятники — XV—XVI вв.— использованы частично). И. И. Срезневский исключительно бережно относился к собираемому и обрабатываемому им материалу, видя в каждом слове и отражение того, что было в жизни народа, и факт самой этой жизни. К недостаткам словаря можно отнести довольно случайное выделение и распределение значений слов, иногда не совсем безукоризненное их объяснение. Эти недостатки в известной мере восполняются собранными примерами из памятников, которые помещены в словаре и дают представление о смысле приводимых слов.

В 1937 г. были изданы под редакцией Б. Д. Грекова «Материалы для терминологического словаря древней России».

С 1975 г. начал выходить составляемый в Институте русского языка АН СССР под общей ред. С. Г. Бархударова «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (к настоящему времени издано три выпуска).

Существует несколько этимологических словарей русского языка, в которых определяется происхождение слов, их ближние и дальние генетические связи, объяснено семантическое развитие ряда слов. Следует упомянуть об «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, изданном в нашей стране в 1964—1973 гг. в переводе и с добавлениями О. Н. Трубачева в четы-

рех томах [1], о «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской (М., 1961) [2], а также о переизданном в 1958 г. и в 1959 г. «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенского (репродукцирован с выпусков 1910—1914 г. и части, опубликованной в 1949 г.) [3].

В настоящее время в Институте русского языка АН СССР ведется работа (под руководством О. Н. Трубачева) над «Этимологическим словарем славянских языков. Праславянский фонд» (в 1974—1976 гг. вышли три выпуска словаря), а в МГУ под руководством Н. М. Шанского создается большой многотомный этимологический словарь русского языка.

В отличие от этимологических словарей лишь самые элементарные сведения о происхождении слов содержат словари иностранных слов. Как правило, их основное назначение заключается в том, чтобы дать краткое объяснение смысла слов иноязычного происхождения. В этих словарях указывается обычно и то, из какого языка заимствовано слово. Для лингвиста они интересны тем, что фиксация в таком словаре слова свидетельствует о времени его вхождения в язык, иногда представляют интерес и предлагаемые объяснения. Естественно, что наибольший лингвистический интерес представляют старейшие из подобных словарей. В XVIII в., когда в русский язык проникло большое количество иноязычных слов, потребность в подобных словарях не ослабевала. Их задачей было объяснить непонятные слова, а также часто и показать ненужность многих заимствований, которым находились адекватные русские соответствия.

---

[1] Впервые «Russische Etymologisches Wörterbuch», составленный М. Фасмером, был опубликован в Гейдельберге в 1950—1958 гг. Словарь публиковался выпусками, которые составили три тома.

[2] Последнее, 3-е, исправленное и дополненное издание этого словаря вышло в 1975 г.

[3] «Этимологический словарь русского языка», составленный преподавателем 4-й московской гимназии А. Г. Преображенским, выходил отдельными выпусками с 1910 по 1914 г., печатание которых прекратилось во время первой мировой войны. Конец словаря, оставшийся в рукописи, был опубликован лишь в 1949 г. Словарь А. Г. Преображенского в течение многих лет, до выхода более совершенных этимологических словарей, был наиболее серьезным справочником по происхождению слов русского языка.

Первым из таких словарей был составленный по поручению Петра I рукописный «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», содержащий 503 слова (среди них такие, как *дисциплина*, *декрет*, *инструмент*, *карта*, *натура*, *оптика*, *проблема* и др., прочно закрепившиеся в нашем языке).

§ 11. Особый тип словаря представляют собой фразеологические словари, в которых собраны устойчивые словосочетания, так называемые фразеологизмы (о фразеологизмах русского языка см. дальше, § 154—184). В общих толковых словарях всегда находят себе место и фразеологические сочетания слов, однако отдельного такого словаря у нас не было до 1967 г., до того времени, когда вышел в свет «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова.

Для стилистики и культуры речи большое значение имеет правильная ориентация в возможностях выбора нужного слова из ряда близких по значению слов. Понятно, что общие словари лишь косвенно помогают в решении этой задачи. Поэтому русских писателей и ученых издавна занимала мысль о необходимости создания специального словаря с и н о н и м о в (о синонимах подробнее см. дальше, § 92—95), т. е. о словаре, содержащем ряды близких по смыслу слов, с расположенными по алфавиту «опорными» словами каждого из этих рядов. В 1783 г. вышел «Опыт российского сословника» Д. И. Фонвизина, содержащий 32 синонимических ряда. В 1818 г. была опубликована первая часть «Опыта словаря русских синонимов» П. Ф. Калайдовича, в 1840 г.— первая часть «Словаря русских синонимов, или сословов, составленного редакцией нравственных сочинений» под ред. А. И. Галича. Эти начинания не были доведены до конца. В советское время были изданы два учебных словаря синонимов русского языка (первый из них, составленный В. Д. Павловым-Шишкиным и П. А. Стефановским, был издан в 1930 г. и переиздан в 1931 г., второй, составленный В. Н. Клюевой, вышел в 1956 г., был переиздан в переработанном виде в 1961 г.). В 1968 г. был опубликован «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой; в этом словаре даны перечни близких по значению слов без толкований.

В 1970—1971 гг. вышли два тома «Словаря синонимов русского языка», созданного в Словарном секторе Инсти-

тута русского языка АН СССР (главный редактор — А. П. Евгеньева). Этот словарь — первый опыт достаточно полного собрания синонимов русского языка, в котором объяснение употребления каждого из приведенных слов подтверждено тщательно отобранным материалом. Синонимами признаются слова, близкие или тождественные по значению, которые употребляются для обозначения одного и того же понятия и входят в современный литературный язык. Эти слова собраны и сгруппированы в ряды, дана характеристика смысловых и экспрессивно-стилистических оттенков, которыми слова, входящие в один ряд, отличаются друг от друга. Каждая словарная статья содержит перечень слов, входящих в данный синонимический ряд, их толкование и примеры из литературно-художественных произведений. Синонимический ряд начинается опорным основным словом (ряды расположены по алфавиту опорных слов), т. е. словом, которое «наиболее отчетливо выражает то понятие», которое обозначают слова, входящие в ряд.

В 1974 г. был издан «Словарь омонимов русского языка» О. С. Ахмановой, представляющий большой теоретический интерес. Омонимы, т. е. слова одинаковые по звучанию, но не имеющие в своих значениях общих семантических элементов (вследствие чего данные значения и признаются значениями разных слов, а не одного многозначного слова; подробнее см. дальше), представлены в названном словаре с исчерпывающей полнотой, причем выделены различные типы слов-омонимов.

Практическую, в первую очередь, направленность имеют словари трудностей словоупотребления, в которых собраны наиболее часто встречающиеся случаи смешения близких по звучанию слов, неправильного сочетания слов и т. д. Последним по времени словарем такого рода является «Словарь трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, содержащий около 30 000 слов. В нем учтены самые разнообразные затруднения, которые возникают при использовании слов в письменной и устной речи: написание или произношение слова, стилистическая уместность применения слова в тех или иных контекстах, колебание в роде отдельных существительных, выбор падежной формы и т. д. Вот несколько примеров из этого словаря:

наро́д, наро́да, [или (в колич. знач., в значении «люди») наро́ду. *История русского народа. Много народу (народа).*

народи́ть, -рожу́, -роди́шь — нарожа́ть, -рожа́ю, -рожа́ешь. Совпадают в значении, но различаются стилистически: н а р о д и́ т ь — *разг.*, н а р о ж а́ т ь — *прост. Придешь ты в деревню, женишься... жена детей народит* (Горький). *Детей ему нарожала один другого лучше* (Л. Толстой).

наро́дно-демократи́ческий

наро̀днопоэти́ческий

наро̀днохозя́йственный

нарождённый, *кр. ф.* -ён, -ена́, -ено́, ены́. *Разг.*

наро́чно[*шн*] — **нарочи́то**. Различаются значением.

наро́чно. 1. С определенным намерением. *Ерофей Кузьмич нарочно запоздал: не хотел, чтобы... могли укорить, что он больше всех хлопотал о разделе* (Бубеннов). 2. Назло. *Ему запрещено ходить после заката, а он нарочно ходит* (Горький). 3. *Разг.* Для видимости, не всерьез. *Ты думал, что я в самом деле хочу тебя оставить? Это я нарочно* (А. Н. Островский).

нарочи́то. Умышленно, с показной подчеркнутостью. *Иногда я грубил нарочито, из протеста против чего-то чуждого мне и раздражавшего меня* (Горький).

Другой характер имеет изданный в 1962 г. словарь-справочник «Правильность русской речи» (составили Л. П. К р ы с и н, Л. И. С к в о р ц о в. Под редакцией С. И. Ожегова). Словарь-справочник в дополненном виде был переиздан в 1965 г. Он содержит около 600 словарных статей, более развернуто и подробно характеризующих «трудности словоупотребления». Вот пример:

н а с м е х а́ т ь с я, насме́шка.

В просторечии эти слова иногда произносятся как надсмехаться, надсмешка. Такое неправильное употребление проникает и в письменную речь, например: «Он [Багрицкий] любил шутить, а не *надсмехаться*» (А. Коваленков. Эдуард Багрицкий.— «Знамя», 1959, № 1).

В литературной речи слова *надсмехаться* и *надсмешка* недопустимы. Они используются иногда писателями для речевой характеристики персонажей... (следуют примеры из ряда произведений).

Из старых справочников такого рода большой интерес представляет вышедший в 1914—1915 гг. в двух томах труд В. И. Ч е р н ы ш е в а «Правильность и чистота русской речи», в котором содержится много тонких и интересных наблюдений над особенностями словоупотребления тех лет, а также не утративших своего значения стилистических рекомендаций.

Большой филологический интерес представляют словари языка отдельных писателей. У нас создан словарь языка Пушкина, изданный в 1956—1961 гг. в четырех томах, ценность которого несомненна.

Иногда у неспециалистов возникает вопрос: а разве язык Пушкина отличается от общерусского языка, почему потре-

бовалось составление специального словаря? Такой словарь нужен для многих целей. Разумеется, слова, которые мы найдем в этом словаре,— это слова русского языка, но важно, к а к и е слова из общенародного словаря А. С. Пушкин отбирал и как их применял. Лексика писателя всегда отражает своеобразие его стиля, развитие его поэтики; только на основе такого словаря мы можем составить достаточно полное представление об особенностях образного строя его произведений, об особенностях использования им традиционной поэтической фразеологии и т. д. Знание словесной структуры произведений писателя помогает также при решении вопроса о том, правильно или нет приписываются ему отдельные произведения. Словарь языка писателя дает возможность в случае необходимости отыскать по какому-либо слову нужное нам произведение (допустим, мы вспоминаем строчку, но не знаем, откуда она,— по представленным в ней словам можно установить это). Наконец, такой словарь дает возможность определить, к а к писатель относился к тем или иным реалиям, высказывался ли о тех или иных явлениях и если да, то как: ведь реалии обозначаются словами, а слова и собраны в словаре.

§ 12. Названные выше словари не предназначены только для каких-либо специально лингвистических целей. Действительно, двуязычный словарь нужен всякому, кто изучает иностранные языки; орфографический словарь нужен в первую очередь учащимся и учителям и т. д. (другое дело, что эти словари могут представить определенный интерес с особой лингвистической точки зрения, о чем упоминалось выше). Есть, однако, и такие типы словарей, которые предназначены в первую очередь для с о б с т в е н н о л и н г в и с т и ч е с к и х и с с л е д о в а н и й. Таковы ч а с т о т н ы е с л о в а р и, в которых слова расположены в соответствии с тем, как часто они встретились в определенных (подвергнутых обследованию) текстах. В 1963 г. в Таллине вышел «Частотный словарь современного русского литературного языка» Э. А. Ш т е й н ф е л ь д, в котором слова расположены именно по этому принципу. В словаре дано 25 000 наиболее употребительных слов, выявленных на основе статистического анализа текстов разных жанров, содержащих в целом 400 000 словоупотреблений. Кроме того, в данном словаре содержится краткий разбор двух

русских частотных словарей, изданных за рубежом [1]. В 1977 г. вышел в свет «Частотный словарь русского языка» под ред. Л. Н. Засориной, в котором содержится около 40 000 слов. Словарь, являющийся сводом данных о лексическом составе современного русского языка, состоит из трех частей: Алфавитно-частотный словник, Частотный словник, Статистическая структура словаря. Этот справочник представляет, безусловно, интерес для филологов, исследующих вопрос распределения слов в некоторых жанровых группах текстов.

В 1974 г. появился «Обратный словарь русского языка», содержащий около 125 000 слов [2]. В обратных словарях используется тот же принцип расположения слов по алфавиту, что и в словарях обычного типа, с той существенной разницей, что алфавит действует с конечных букв — слова выравниваются не по левому, а по правому краю. Например, академический четырехтомный «Словарь русского языка» начинается со слов: *а*, *абажур*, *абаз*, *абазинец*, *абазинка*, *абазинский*, *абазинцы*, *абака*, *аббат*, *аббатиса*, *аббатство*, *аббревиатура* и т. д.

«Обратный словарь русского языка» открывают другие слова: *а*, *аа*, *ба*, *аба*, *баба*, *кулибаба*, *кульбаба*, *даба*, *жаба*, *ослаба* и т. д.

В обычных словарях рядом стоят слова с одинаковым началом, в обратных — с одинаковым концом. Таким образом, по обратному словарю мы можем узнать, сколько слов в том словаре или словарях, по данным которых был составлен обратный, оканчиваются на такую-то букву или, что важно для словообразовательного анализа, на такой-то суффикс. Обратный словарь поэтому используется в работах по словообразованию, по морфологии — слова с теми же суффиксами (с небольшими «инородными вкраплениями», возникающими вследствие случайных звуковых совпадений) оказываются здесь собранными вместе (ср. глаголы с их конечным *-ть* при вкраплениях типа *кровать*, *рать*, *соть* и т. п.).

---

[1] Malíř Fr. Rusko-český slovnik najdůležitějších slov pro četbu sovětského tisku. Praha, 1951; G. G. Josselson. The Russian Word Count. Detroit, 1953.

[2] В конце 50-х годов вышли обратные словари русского языка под ред. Г. Бильфельдта в ГДР и Р. Греве, Б. Крёшё под ред. М. Фасмера — в ФРГ.

«Русский словообразовательный словарь» был составлен Дином С. Уортом, Эндру С. Козаком и Дональдом Б. Джонсоном и издан в Нью-Йорке в 1970 г. [1]. Слова в нем расположены в обычном алфавитном порядке, но по корням, т. е. префиксальные и суффиксальные образования (а также образования с чередованием в корне) объединяются в одном ряду, например:

выс выс и ть ся
выс ок ий
не выс ок ий
раз н о выс ок ий
с верх выс ок ий
с верх выс от н ый
выс ок оньк ий
выс ок ост ь
выс ок ох онек
выс ок ош енек
выс от а
выс от к а
выс от н ик
выс от н ость
выс от н ый
сред н е выс от н ый
выс оч айш ий ...

Дальше в установленном порядке следуют слова *высоченный*, *высочество*, *высший*, *наивысший*, *высь*, *ввысь*, *возвысить*, *возвыситься*, *превозвысить*, *завысить*, *повысить*, *повыситься*, *подвысить*, *подвысь*, *превысить*, *свысока*, *выше*, *вышина*, *вышка*, *радиовышка*, *вышний*, *всевышний*, *возвышать*, *возвышаться*, *возвышение*, *возвышенность*, *возвышенный*, *превозвышать*, *превозвышаться*, *превозвышение*, *превозвышенный*, *завышать*, *завышаться*, *завышение*, *завышенный*, *повышать*, *повышаться*, *повыше*, *повышение*, *повышенность*,

---

[1] См.: Russian Derivational Dictionary. By Dean S. Worth, Andrew S. Kozak, Donald B. Johnson. N.-J., 1970.

Учебный словообразовательный словарь был издан у нас (Потиха З. А. Школьный словообразовательный словарь. М., 1964) В словаре показано морфемное членение около 25 000 слов.

подвышать, подвышенный, превышать, превышаться, превыше, превышение, превышенный, свыше.

Словник данного словаря основан на «Орфографическом словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро (4-е изд., 1959 г.), содержащем 110 000 слов. Этот источник был выбран как наиболее полно, по мнению авторов, представляющий лексику современного литературного русского языка в ее основной части (нужно напомнить, что академические толковые словари ко времени работы над данным словарем еще не появились). Все слова разбиты в словаре на 10 953 гнезда.

Важность такого словаря для исследования словообразовательных связей, существующих в языке, несомненна. Несомненно также, что отграничение живых словообразовательных связей от исторических, чисто этимологических связей далеко не всегда может быть осуществлено при «гнездовании» слов на бесспорных основаниях. Поэтому включение слова в тот или иной ряд, объединение некоторых слов в одном ряду (или их разъединение) часто не представляется убедительным. Например, в указанном словаре слово *надменный* (в соответствии с его подлинным происхождением) помещено в гнезде *ду-ть* (в одном ряду со словами вроде *вдувание, стеклодув, задуть* и т. п.), так же как в одном ряду объединены *пасти, пастух, запасы, спасать* и *опасный* (и производные от них), но в то же время *гнуть, гибкий, сгибать* и т. д. отделены от *гибель, гиблый, губить* (причем сочетание *в три погибели* включено во второй ряд, так же как и *сугубый, усугубить* и т. д.), а *пылать, пылкий* и т. д. отъединены от *палить, воспаление* и т. д., как и от *пламя, полымя, пламенеть* и т. д., хотя такое распределение всех этих слов по гнездам вряд ли соответствует непосредственному ощущению семантического соотношения между ними.

§13. Составление толковых словарей всегда является результатом длительной подготовительной работы. Прежде всего должен быть установлен словник, т. е. установлен перечень слов, которые в соответствии с характером и задачами словаря необходимо включить в него. Для этого нужно определить «хронологические рамки» словаря, степень его нормативности и т. д. Необходимо располагать обширной картотекой, т. е. выписками из различных источников, иллюстрирующими разнообразное

употребление всех включаемых в словарь слов [1]. Само собой разумеется, что систематизация огромного иллюстративного (цитатного) материала требует не только кропотливого анализа примеров, но и выработки четких принципов подачи материала — определения того, как толкуются различные типы слов, на основе каких критериев выделяются отдельные значения многозначных слов, как проводится граница между многозначностью и омонимией и т. д. Теория лексикографии во многом опирается при этом на собственно лексикологические исследования. Вместе с тем всякое серьезное исследование лексики (не только решение, но и серьезное обсуждение основных теоретических проблем лексикологии) возможно только на основе того, что достигнуто в лексикографии, поскольку без данных толковых словарей у нас нет необходимых сведений о лексике языка.

Лексика русского литературного языка нашего времени представлена в четырех толковых словарях, издание которых было осуществлено в последние десятилетия.

Первым из них по времени является «Толковый словарь русского языка» в четырех томах под ред. Д. Н. Ушакова. Первый том этого словаря вышел в свет в 1935 г., последний — в 1940 г. В его составлении приняли участие виднейшие языковеды нашей страны — В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков.

Работа над словарем была начата в 1921 г. 18 января 1920 г. В. И. Ленин писал А. В. Луначарскому: «Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые,— ознакомиться с знаменитым словарем Даля. Великолепная

---

[1] Ни один самый выдающийся знаток языка не способен «держать в голове» семантику каждого толкуемого слова во всем ее объеме. В том, что нам не удается на основании своего непосредственного знания языка указать на возможные значения даже очень употребительных слов, легко убедиться, проделав такой несложный эксперимент. Мы можем взять одно из хорошо известных нам слов и попробовать выделить его значения и особенности его применения. Даже если мы отвлечемся в данном случае от действительно трудной проблемы разграничения самостоятельных «значений» слова и особых его «употреблений», то заметим, сравнив результаты нашего лексикографического эксперимента с описанием слова в одном из современных толковых словарей, что нами были отмечены и замечены далеко не все семантические возможности слова. И не потому, что мы о них не знаем (или не употребляем так слово), а только потому, что они просто ускользнули от нашего внимания, не будучи закреплены для нас ни в каких конкретных примерах.

вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького» [1].

Как писал С. И. Ожегов, «для реализации указания В. И. Ленина при Главнауке Наркомпроса вскоре был образован редакционный комитет, и работа началась при большом количестве сотрудников. Но осенью 1923 г. Наркомпрос, не удовлетворенный работой комитета в том виде, в котором она велась, счел целесообразным работу по словарю временно прекратить. Печальный конец этой работы имел глубокие внутренние причины. В качестве «новых» привлекались материалы из художественной литературы, главным образом предреволюционной поры. Рядом с Маяковским широко использовались материалы из символистов и дореволюционной лирики, наряду с выписками из М. Горького широко были представлены второстепенные произведения...» [2]. К концу 20-х гг. создаются предпосылки для возобновления лексикографической работы. «Обозначился характер новых явлений в словарном составе, яснее сложилось представление о тенденциях развития литературного языка наступавшей социалистической эпохи. Глубокий общественный интерес к вопросам нормы литературного языка немало содействовал уяснению языковых процессов современности» [3]. «Стремлением отразить живые процессы в современном языке определялась структура словаря. Это отразилось прежде всего на принципах определения лексических границ литературного языка. Отпадала устарелая лексика, связанная со старым бытом и понятиями, но удерживались архаизмы, стилистически оправданные в современном языке. Широко включались новые образования, отражавшие новые социальные явления и воплощавшие прогрессивные тенденции литературного языка. Не находили себе места диалектизмы или просторечные элементы, лишенные экспрессивной ценности в составе стилей литературной речи. Получили известное ограничение специальная терминология узкого употребления (научная, техническая, ремесленная и т. п.) и заимствованная лексика. Достаточно полно, по сравнению со

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 51, с. 122.
[2] Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, с. 160—161.
[3] Там же, с. 161.

многими предшествующими словарями, представлена фразеология» [1]. Заслугой составителей словаря была разработка системы стилистических помет, позволившей при сохранении основ нормативности в словаре осуществить в нем достаточно широкий охват лексики различных сфер употребления. В «Толковом словаре русского языка» обращается внимание на наиболее распространенные случаи неправильного применения или произношения слов, указаны ограничения в лексической сочетаемости ряда слов. Более последовательно, чем в предыдущих словарях, в этом словаре проводится разграничение многозначности и омонимии. При всех недостатках, которые были отмечены и рецензентами, и позднее исследователями лексикологии, словарь под ред. Д. Н. Ушакова представляет собой важнейшее лексикографическое описание современного русского языка, заложившее основу последующих лексикографических трудов. Словарь оказал воздействие и на упорядочение русской орфографии, поскольку рекомендуемое им написание ряда слов было принято во внимание в дальнейшем при создании свода орфографических правил.

Следующим толковым словарем современного русского языка явился однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, вышедший в 1949 г. С тех пор словарь выдержал девять изданий [2]. Словарь С. И. Ожегова во многом опирается на «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Но в нем опущены малоупотребительные специальные термины, сокращено количество областных и просторечных слов, исключены многие устаревшие слова.

Сокращение объема словаря достигнуто также благодаря тому, что некоторые категории производных имен не толкуются отдельно, а указаны при мотивирующем слове. Существенным отличием однотомника от «Толкового словаря...» под ред. Д. Н. Ушакова является также и то, что в нем нет цитат из литературных произведений — весь иллюстративный материал составляют так называемые рече-

---

[1] Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, с. 163.

[2] Последнее, девятое, исправленное и дополненное издание словаря было осуществлено под редакцией доктора филологических наук, профессора Н. Ю. Шведовой в 1972 г. В подготовке 9-го издания принимал участие Л. И. Скворцов.

ния, т. е. словосочетания и короткие фразы, указывающие на типичное применение слова в соответствующем значении. В словаре получили отражение важнейшие неологизмы наших дней.

В настоящее время мы располагаем также двумя академическими толковыми словарями — четырехтомным «Словарем русского языка» (1957—1961) и семнадцатитомным «Словарем современного русского литературного языка» (1950—1965), удачно сочетающими принципы нормативности с отражением лексики современного литературного языка во всем ее богатстве и многообразии. В семнадцатитомном словаре каждое из выделенных значений слова, как правило, иллюстрируется многочисленными примерами из литературных произведений, что делает словарь незаменимым справочником при самых разнообразных лингвистических исследованиях. В конце каждой словарной статьи отмечается первая лексикографическая фиксация слова.

Составителей этого словаря упрекали в некоторой непоследовательности словарных определений, в непоследовательном использовании стилистических помет. Создание такого большого по объему словаря требует усилий многих составителей и долголетней работы — нет ничего удивительного в том, что подготовленные разными лексикографами и в разное время тома словаря отличаются друг от друга приемами обработки и характеристики лексического материала. Нужно заметить, что первые три тома следуют гнездовому способу расположения слов, тогда как в дальнейшем использовался алфавитный принцип. В словаре отсутствуют пометы «книжное», «высокое», «официальное» — в связи с этим соответствующие разряды лексики подаются как нейтральные, хотя они вряд ли стилистически однородны (о стилистических пластах лексики и соответствующих словарных пометах см. дальше, §66—83).

В двух упомянутых словарях отражены результаты важных теоретических наблюдений наших ученых над особенностями словарного состава современного русского языка, над особенностями лексики вообще в системе языка, критериями разграничения многозначности и омонимии (при сравнении этих словарей со словарем под ред. Д. Н. Ушакова обращает на себя внимание значительно возросшее число слов-омонимов; многие значения, которые в последнем рассматривались как значения одного слова, здесь рассматриваются как значения разных слов).

Своеобразным дополнением к академическим толковым словарям, созданным в словарном секторе Института русского языка АН СССР, является составленный там же под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина словарь-справочник «Новые слова и значения» (М., 1971). Словарь-справочник дополняет толковые словари «словами, значениями слов и выражениями, появившимися или ставшими активно употребляться в периодической печати и художественной литературе в 50—60-е годы XX в. или несколько ранее».

Многие слова, включенные в словарь-справочник, существовали и ранее, но употреблялись лишь в отдельных сферах языкового общения (например, в профессиональной речи), в последнее же десятилетие стали единицами общелитературного языка. Словарь-справочник не ставит перед собой никаких нормативных задач. Все слова, включенные в него, сопровождаются выдержками, иллюстрирующими их употребление. Вот несколько примеров толкования новых слов, взятых из одного места словаря (без иллюстративных цитат): «**структурщик** — специалист, изучающий структуру, занимающийся структурным анализом; **студебеккер** — грузовой автомобиль американской фирмы «Студебеккер», поступавший в СССР по ленд-лизу в период войны 1941—1945 гг. *(в разг. речи)*; **ступень** — ступень ракеты. Часть составной ракеты, обеспечивающая ее полет на определенном участке траектории и отделяющаяся после выгорания содержащегося в ней топлива; **стыковаться** — соединяться встык; осуществлять стыковку *(см.)* друг с другом; **стыковка** — соединение объектов для их совместного действия или взаимодействия».

§ 14. Созданию современных толковых и иных словарей предшествовала многовековая лексикографическая практика. Приведем некоторые сведения о важнейших словарях прошлого.

В эпоху средневековья на Руси составлялись списки встречавшихся в различных памятниках письменности непонятных слов, главным образом греческих и церковнославянских, которым давалось то или иное объяснение. Такие списки толкуемых слов были небольшими по объему, слова в них располагались без определенной системы. Древнейший из подобных словариков, дошедший до нашего времени, был приложен к Кормчей книге 1282 г. Словарик

содержит 174 греческих, древнееврейских и церковнославянских слова, в том числе ряд библейских собственных имен.

Этот и другие аналогичные словарики переписывались в дальнейшем, подвергаясь исправлениям и дополнениям. Например, словарик 1282 г. пополнялся новыми словами и количество слов в его списках с течением времени возросло до 344.

В XVI—XVII вв. происходит существенное изменение в характере создаваемых словарей. Объем их значительно увеличивается, что требует определенной систематизации помещаемого в них материала. Появляются а з б у к о в н и к и — словари, в которых слова расположены по алфавиту. Часто составители указывают, из какого памятника ими взято слово или его объяснение. «В азбуковниках содержится громадный материал по истории русской лексики, особенно по таким вопросам, как употребление славянизмов, иностранных слов, соотношение русской и книжной лексики в стилях литературного языка того времени» [1]. Азбуковники получили широкое распространение, неоднократно переписывались на протяжении всего XVII в.

Известный ученый-филолог конца XVI — начала XVII в. Л а в р е н т и й З и з а н и й издал в Вильне в 1596 г. первый в России печатный словарь под названием «Лексис. Сирѣчь реченія вкратцѣ събранны и из словенского языка на простый рускій діалектъ истолкованы». Словарь Зизания содержит 1061 слово, главным образом в нем представлена церковнославянская лексика, кроме того, он включает некоторое количество иноязычных слов. В пояснениях используются слова живого белорусского, украинского и русского языков того времени.

Следующим печатным словарем был «Лексиконъ славенороссκій и именъ тлъкованіе» П а м в ы Б е р ы н д ы, содержащий почти 7000 слов. Составлению словаря Берында посвятил 30 лет, использовав всю доступную ему литературу, в том числе и «Лексис...» Зизания, который почти полностью — но с существенными исправлениями — вошел в его «Лексикон...». Берындою были использованы и так называемые «произвольники» — указанные переводчиками на полях книг синонимы к словам, посредством которых пере-

[1] Ц е й т л и н Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958, с. 9.

водились слова оригинального текста. «Лексикон...» Берынды делится на две части. Первая часть посвящена толкованию собственно славянских слов, вторая — толкованию иноязычных слов, преимущественно имен собственных. Берында достаточно последовательно противопоставляет старославянизмы их «росским» соответствиям, которые обычно и выступают среди других слов в объясняющей части, например, *в р а н ъ*: *воронъ*, *крухъ*, *гайворо(н)*; *в л е к у*: *веду*, *волоку*, *торгаю*; *в р а г ъ*: *ворогъ*, *непріятель* и т. п. Среди толкуемых слов в первой части встречаются, кроме старославянских, также и отдельные слова из других языков: чешского, немецкого, греческого и латинского (*друкую; стадион*, *сакрамент* и т. п.); в число объясняемых слов попали и некоторые собственно украинские слова (*н е т я г ъ*: *лѣнивый*; *п о р е к л о*: *прозвиско*, *пословица* и т. д.). Вот несколько примеров толкований слов в «Лексиконе...»: *б р а́ н ь*: *бо́рба*, πολεμος, *война́*, *би́тва*, *бой*; *в р а́ ч ь*: *лѣкаръ*, *до́кторъ*; *в р а ч е́ б н и ц а*: *до́мъ где́ лѣчатъ*, и ты́жъ *апты́ка*; *д е́ н ь*: *де́нь*, *кото́рый есть проти́вный но́чи*; *д е с н и́ ц а*: *правíца*, *рука́ пра́ваа*, мета (фора): *дѣвка*; *ж и в о́ т ъ*: *живо́т(ъ)*, *бога́тство*, *мешка́нье*, а́лбо *бру́хъ*, а́лбо *жолу́докъ*, та́кже *ма́тиця*, и ты́жъ: *ска́рбъ гро́шъ*; *з а в ѣ щ а в а́ ю*: *заповѣда́ю*, *прика́зую*, *роска́зую*, *нака́зую* и т. п.

§ 15. П е р в ы й т о л к о в ы й словарь русского языка был издан в 1789—1794 гг. Это — «Словарь Академии Российской», в составлении которого приняли участие 47 членов Академии Российской, в том числе — выдающиеся филологи и писатели того времени: Фонвизин, Болтин, Лепехин, Державин, Княжнин, Богданович и др. Объяснение математических и астрономических терминов давали в «Словаре...» математики Румовский и Иноходцев, медицинских терминов — медик Озерецковский, терминов естественных наук — натуралист Лепехин. В толковании древнерусских слов принял участие Мусин-Пушкин. Составители использовали предшествующие лексикографические труды, кроме того, сами подобрали основную часть иллюстративного материала (из церковных книг, древнерусских памятников, сочинений современных писателей). Всего в словаре насчитывается больше 43 000 слов, причем слова в нем расположены по гнездовому принципу, т. е. производные слова объединены в словарной статье вместе с производящим.

Словарь был переиздан в 1806—1822 годах «по азбучному порядку расположенный». Оба эти издания представляют собой важное явление не только для русской лексикографии, но и для русской культуры. Несмотря на ряд недочетов, которые отмечались и современными словарю рецензентами, и исследователями в дальнейшем (ориентация на устаревшие стилистические нормы языка, принципиальный отказ от фиксации многих фактов живой речи, уже получивших отражение в произведениях писателей конца XVIII — начала XIX в., ошибки в толкованиях значений слов и т. д.), эти издания внесли важный вклад в теорию и практику лексикографической работы.

На основе лексикографических трудов предшествующего времени, и в первую очередь словарей Академии Российской, в тридцатые годы XIX в. был издан словарь для учащихся П. И. Соколова — «Общий церковнославяно-российский словарь». Автор значительно увеличил количество слов, включенных в словарь, поместил в него много прочно вошедших в литературный язык иноязычных слов, а также ряд просторечных и устаревших слов, усовершенствовал грамматические и стилистические пометы, характеризующие слова, но в целом он следует академическому словарю и в толкованиях значений и в общей подаче материала.

Из последующих словарей необходимо отметить вышедший в 1847 г. «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук». В составлении словаря приняли участие выдающиеся лингвисты, в том числе А. Х. Востоков, автор замечательной для своего времени «Грамматики». Значительно расширен словник «Словаря...» — всего в словаре содержится почти 115 тысяч слов. В него включены слова из древнерусских и церковнославянских памятников, но также и многие слова, закрепившиеся в языке ко времени составления словаря. Авторы ввели значительное количество заимствованной лексики, но считали необходимым при этом строго подойти к ее отбору, отвергая слова, «не нуждою, а прихотью введенные, и не народом, а некоторыми только лицами употребляемые». Усовершенствован показ многозначности, лучше, чем в предшествующих словарях, подобран иллюстративный материал, представленный главным образом типичными словосочетаниями, придуманными составителями. Многие из примененных в словаре

толкований почти без изменений воспроизводились в позднейших толковых словарях. Словарь 1847 г. не преследовал нормативных целей, он, по замыслу составителей, должен был быть «сокровищницей языка». Однако разработанные его составителями приемы раскрытия семантики слов оказали влияние и на дальнейшую лексикографическую практику.

Любопытно, что даже непоследовательная трактовка различных групп слов, которую можно заметить в словаре 1847 г., в ряде случаев как будто воспроизведена в других словарях, вплоть до современных. В отдельных случаях это прямое воспроизведение, в других — обратное, т. е. составители как бы отталкивались от того, что есть в словаре 1847 г.

Например, многие названия деревьев, дающих плоды, в русском языке обозначают одновременно плод данного дерева. Что это — одно значение слова или два отдельных значения? В словаре 1847 г. про *сливу* сказано: «1) Дерево садовое, приносящее сливы. 2) Плод сего дерева»; про *вишню*: «1) Плодовитое дерево. *Дикая, садовая вишня.* 2) Ягоды, растущие на вишенном дереве. *Вишни сладкие, кислые, вареные, сушеные*». Но для *груши* оба соответствующих значения представлены как одно: «дерево и плод». Также *рябина* — «дерево и ягоды сего дерева». В Словаре под ред. Д. Н. Ушакова: *слива* — «1. Плодовое дерево из сем. розовых со съедобными плодами, имеющими большую косточку. 2. *только ед. собир.* Плоды этого дерева. *Варенье из сливы. Варить сливу.* 3. Одна штука этих плодов. *Съесть сливу. Купил несколько слив*». *Вишня* — «1. Плодовое дерево с сочными, косточковыми темно-красными ягодами. *Садовая в.* 2. Ягода этого дерева. *Съесть вишню.* 3. *собир.* Ягоды этого дерева *(разг.). На базар привезли много вишни*». Но для *груши* — это уже оттенки одного значения: «Сладкий съедобный плод, б. ч. круглый внизу и конически утончающийся к стеблю. // Дерево, на котором растет этот плод». Также *рябина* — «Дерево, дающее плоды в виде пучка оранжево-красных ягод... // Плоды этого дерева».

Относительные прилагательные от названий деревьев, если отвлечься от возможности метафорического и фразеологически связанного применения некоторых из них, образуют, естественно, группу слов с одинаковой семантической структурой. Выступают ли, однако, прилагатель-

ные *березовый*, *вязовый*, *сосновый* и т. п. в сочетаниях со словами *лист*, *лес*, *стол* и т. п., в одном значении или в разных? На этот вопрос в словаре 1847 г. также нельзя найти вполне определенного ответа. Вот несколько словарных статей с такими прилагательными: «*сосновый*: 1) Принадлежащий сосне. *Сосновые шишки. Сосновая кора.* 2) Состоящий из сосен. *Сосновый лес.* 3) Сделанный из сосновых бревен. *Сосновый сруб. Сосновый дом.* 4) Сделанный из сосновых досок. *Сосновый пол, стол, шкаф*»; «*дубовый*: 1) Принадлежащий дубу. *Дубовые листья.* 2) Сделанный из дуба. *Дубовый пол.* 3) Состоящий из дубов. *Дубовый лес*»; *ольховый*: 1) Принадлежащий ольхе. *Ольховый лист.* 2) Сделанный из ольхи. *Ольховый стол.* 3) Состоящий из ольхи. *Ольховый лес*»; «*кленовый*: 1) Свойственный клену. 2) Состоящий из кленовых деревьев. *Кленовая роща.* 3) Сделанный из клена. *Кленовые стулья*»; «*пихтовый*: 1) Принадлежащий пихте. *Пихтовая хвоя.* 2) Сделанный из пихтового дерева. *Пихтовая мачта.* 3) Состоящий из пихт. *Пихтовый лес*»; *березовый*: 1) Принадлежащий березе. *Березовый сук, лист.* 2) Сделанный из березы. *Березовый стул*»; «*вязо́вый*: 1) Принадлежащий, свойственный вязу. *Вязовая кора.* 2) Сделанный из вяза. *Вязовые оглобли*»; «*ли́повый*: 1) Принадлежащий, свойственный липе. *Липовая кора.* 2) Сделанный из липы. *Липовый стол*»; «*ясеневый*: 1) Относящийся к ясеню. *Ясеневое дерево.* 2) Сделанный из ясеня. *Ясеневый стол*»; «*тополевый*: 1) Свойственный тополю. 2) Состоящий из тополей. *Тополевая роща*»; «*осокоревый*: Принадлежащий осокори. *Осокоревые листья*».

Как видим, в общей сложности здесь выделены такие значения, как 'принадлежащий, или свойственный', 'состоящий из' (для *сосновый* — различаются при этом еще как отдельные значения 'из досок' и 'из бревен'), но с отдельными прилагательными эти значения соотнесены неодинаково.

В семнадцатитомном академическом словаре современного русского литературного языка аналогичны расхождения в трактовке таких прилагательных, но при этом наблюдаются расхождения и со словарем 1847 г. Так, *ивовый* — это 'относящийся к иве; сделанный из ивы' (одно значение и нет разграничения на оттенки); для слова *осокоревый* выделяется два оттенка: 'относящийся к осокорю, осокорям; состоящий из осокорей' и 'сделанный из осокоря'; для слов *кленовый, липовый, ольховый* — при некотором различии в

формулировках — три оттенка: 'относящийся к ...', 'состоящий из ...', 'сделанный из...', для *сосновый* — четыре оттенка: в дополнение к трем указанным еще и 'добываемый, получаемый из древесины, хвои и смолы сосны'. Что же касается таких, например, прилагательных, как *ветловый*, *еловый*, *дубовый*, то здесь 'сделанный из ...' выделено уже как особое второе значение.

Над составителями толковых словарей русского языка в XVIII — первой половине XIX вв. тяготело представление о русском литературном языке как языке, неизбежно включающем в свой состав многие архаичные элементы церковнославянской письменности и памятников древнерусской литературы. Говоря о необходимости различения активного и пассивного запаса слов, Л. В. Щерба попутно отметил: «Вовсе не косностью тогдашних академиков объясняется то обстоятельство, что в 1847 г. «Второе отделение императорской Академии наук» составило словарь церковнославянского и русского языка: оно не могло поступить иначе, поскольку старшее поколение того времени грамоте училось еще по часослову и псалтыри. Для него церковнославянские слова были пассивным словарным запасом, который как-то входил в систему лексики русского языка и в той или другой мере определял значение и оттенки разных русских слов» (Щ е р б а Л. В. Опыт общей теории лексикографии.—В кн.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 271). Словарь 1847 г. был последним из значительных словарей, совместившим в себе задачи исторического словаря и словаря современного литературного языка.

§ 16. Замечательным памятником русской лексикографии является «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Д а л я, составление которого было главным делом жизни знаменитого лексикографа. Труд В. И. Даля и в наше время не утратил своего значения как незаменимый справочник по многим вопросам. Он включает около 200 000 слов, причем около 80 000 было собрано самим автором.

При объяснении значений В. И. Даль дает не только толкования в собственном смысле слова, но иногда также пояснения этнографического характера, а во многих случаях и целые ряды синонимов (тождесловов, по его терминологии). Особенно это относится к заимствованным словам («чужеречиям») — их В. И. Даль, несмотря на подчерк-

нуто враждебное к таким словам отношение, все-таки счел нужным отразить в словаре, но избыточность их в языке стремился показать именно приведением русских «тождесловов» (нередко областных, а во многих случаях и просто сочиненных самим лексикографом слов), которыми, по его мнению, иноземные слова можно было бы заменить.

Как писал В. И. Даль, «в словаре сем, с намереньем, не были опускаемы чужесловы, по двум причинам: во-первых, словарник не законник, не уставщик, а сборщик; он обязан собрать и дать все то, что есть, позволяя себе разве только указания на неправильность, уклонения и примеры для замены дурного лучшим; во-вторых, долг его перевести каждое из принятых слов на свой язык и выставить тут же все равносильные, отвечающие или близкие ему выражения русского языка... От исключения из словаря чужих слов их в обиходе, конечно, не убудет, а помещение их, с удачным переводом, могло бы иногда пробудить чувство, вкус и любовь к чистоте языка». Как неоднократно отмечалось, далеко не все иноземные слова сопровождались в словаре действительно «удачным переводом». Иногда такого рода переводы давались после обычного толкования, например: *атмосфера* — «окружающий шар земной или иное небесное тело воздух, со всеми природными примесями его: испарениями, облаками и пр., мирокóлица, колозéмица»; но во многих случаях ими и ограничивалось толкование слова (*азарт*, например, поясняется при помощи таких тождесловов — «задор, вспыл, вспых, горячность, запальчивость»; *акробат* — «канатный плясун, весопляс, висопляс»; *антракт* — «промеждействие, междодействие, междействие, межуток, межéница» и т. п.).

Расположив слова по гнездам, В. И. Даль не всегда правильно оценивал подлинное этимологическое родство слов и живые смысловые связи между объединяемыми им словами. Сам он считал принятый способ группировки лексического материала «средним» между алфавитным, который отвергается на том основании, что он «крайне туп и сух» («всякая живая связь речи разорвана и утрачена», «читать такой словарь нет сил, на десятом слове ум притупеет и голова вскружится»), и корнесловным, который, как представляется автору, «очень труден на деле, потому что значение корней образует уже по себе целую науку... и при всем том основан на началах шатких и темных, где без натяжек и произвола не обойдешься...»

Грамматические указания, как отмечает сам составитель, «в словаре вообще скудны, потому что оказываются то ничтожными и бесполезными, то сбивчивыми и даже ложными». От стилистических помет, как таковых, В. И. Даль намеренно отказался.

Основное значение «Толкового словаря...» В. И. Даля в обилии включенного в словарь материала, интереснейшем иллюстративном материале, активном отражении фактов народной речи, мимо которых проходили прежние словари. Этим труд В. И. Даля и привлек к себе всеобщее внимание и завоевал долголетнее признание. Именно на этот словарь в первую очередь ссылаются обычно (и по сей день, когда уже вышли в свет два академических словаря) литераторы («есть у Даля», «у Даля нет» и т. п.), когда речь идет о каком-либо спорном слове или вызывающем сомнения словоупотреблении. При всех своих достоинствах, свойствами нормативного справочника «Толковый словарь...» В. И. Даля как раз не обладает. В значительной мере именно на авторитет В. И. Даля как лексикографа, намеренно не разграничившего в словаре слова разных функциональных стилей (в совмещении которых он и видел основу для «создания» литературного языка), опирались и опираются те из пишущих о русском языке, кто видит в словарных стилистических пометах какие-то «запретительные пометы» [1], как будто это нечто вроде автодорожных запретительных знаков, а не указания, отражающие (в краткой формуле, доступной словарю) реальную стилистическую значимость слов, указания, дающие известное представление о сфере применения слова.

Л. В. Щерба считал нужным подчеркнуть, что «с чисто лингвистической точки зрения «научным» надо считать словарь академического, или нормативного, типа, ибо такой словарь имеет своим предметом реаль-

[1] Мысль о запретительных пометах повторяется, например, в совсем недавно вышедшей книге К. Яковлева «Как мы портим русский язык» (М., 1976), который, правда, делает некоторое послабление в своей критике для семнадцатитомного академического словаря, замечая, что народные истоки русского языка (о народных истоках писал в свое время В. И. Даль), к счастью, «закрыть нельзя, и русскому слову уже много легче дышится» в этом словаре, где «оно не так стеснено запретительными пометами — «просторечие», «разговорное», «областное» (с. 42).

ную лингвистическую действительность — единую лингвистическую систему данного языка. Словарь-справочник в конечном счете всегда будет собранием слов, так или иначе отобранных, которое само по себе никогда не является каким-то единым фактом реальной лингвистической действительности, а лишь более или менее произвольным вырезом из нее» [1].

Сам В. И. Даль считал, что его словарь должен служить главной цели, которую автор видел в выработке нового литературного языка на основе народного [2]. Эта цель не может не показаться утопической, если принять во внимание, что свой словарь В. И. Даль составлял в то время, когда русский литературный язык нового времени уже сложился, когда уже появились многие произведения русской классической литературы (Л. Толстой в годы выхода в свет далевского словаря работал над «Войной и миром»).

§ 17. Идея последовательно н о р м а т и в н о г о словаря, т. е. словаря, достаточно последовательно отграничивающего как самим словником, так и при помощи соответствующих

---

[1] Щ е р б а Л. В. Опыт общей теории лексикографии.— В кн.: Щ е р б а Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 276.

[2] В. И. Даль писал в «Напутном слове», предпосланном словарю: «...пишущий строки эти полагает, что пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный. Народный язык был доселе в небрежении... Одни воображали, что могут сами составить язык из самоделковых слов, скованных по образцам славянским и греческим; другие, вовсе не заботясь об изучении своего языка, брали готовые слова со всех языков, где и как ни попало, да переводили дословно чужие обороты речи, бессмысленные на нашем языке, понятные только тому, кто читает нерусскою думою своею между строк, переводя читаемое мысленно на другой язык. Знаю, что за мнение это составителю словаря несдобровать. Как сметь говорить, что язык, которым пишут оскорбленные таким приговором писатели, язык нерусский? Да разве можно писать мужицкою речью Далева словаря, от которого издали несет дегтем и сивухой, или по крайности квасом, кислой овчиной и банными вениками? Нет, языком грубым и необразованным писать нельзя, это доказали все решавшиеся на такую попытку, и в том числе, может быть, и сам составитель словаря; но из этого вовсе не следует, чтобы должно было писать таким языком, какой мы себе сочинили, распахнув ворота настежь на запад, надев фрак и заговорив на все лады, кроме своего; а из этого следует только, что у нас еще нет достаточно обработанного языка, и что он, не менее того, должен выработаться из языка народного».

помет то, что реально существует в общелитературном языке в определенную эпоху, и то, что только спорадически проникает в него (из диалектов, жаргонов, языка предыдущих эпох, известного нам по книгам и т. д.), выкристаллизовалась в русской лексикографии только к концу XIX в., когда стал издаваться новый академический словарь под ред. Я. К. Грота. Я. К. Грот считал нужным включить в словарь общеупотребительную лексику со времен Ломоносова до конца XIX в. В отредактированных Я. К. Гротом выпусках содержатся слова с *А* по *Д* включительно. Особенностью этой части нового словаря была тщательно продуманная система грамматических и стилистических помет, внимание не только к последовательному выделению, но и к расположению в статье всех значений слова, тщательный подбор литературных иллюстраций из различных источников.

После смерти Я. К. Грота руководство словарем перешло к А. А. Шахматову, и характер создаваемого лексикона резко изменился. А. А. Шахматов придавал не меньшее значение иллюстративному материалу и разработке словарной статьи, но он совершенно по-другому смотрел на цель издаваемого словаря. Он считал, что академический словарь должен отразить по возможности все, что есть и было в языке, точно документировать все приводимые словоупотребления, так как в задачи ученого-лингвиста вообще не входит что-либо предписывать языку. А. А. Шахматовым была обработана часть словаря на буквы *Е — З*.

И часть академического словаря, принадлежавшая Я. К. Гроту, и часть, принадлежавшая А. А. Шахматову, представляют собой замечательный лексикографический труд. Они очень интересны также тем, что довольно отчетливо демонстрируют два разных типа толкового словаря: нормативный словарь (первая часть) и так называемый словарь-thesaurus, т. е. «сокровищница» языка, включающая в себя всю лексику, которую можно зарегистрировать по определенным источникам, независимо от того, является ли эта лексика общеупотребительной, областной, устаревшей и т. д.

А. А. Шахматов работал над словарем 12 лет (с 1895 по 1907 г.), затем во главе словаря стали В. И. Чернышев, Л. В. Щерба и другие. В 1937 г. издание слова-

ря, доведенного до буквы *О*, было прекращено. Постепенно издатели отходили от принципа thesaurus'а, но и к нормативному словарю гротовского образца они не вернулись. Под конец составители приняли идею создания компромиссного словаря — толкового словаря современного языка, но «взятого в историческом развитии». Принцип нормативности осуществлялся при этом крайне непоследовательно. Словарь остается незавершенным памятником лексикографических идей крупных лингвистов, содержащим в себе множество интереснейших семасиологических наблюдений.

§ 18. В отличие от всех названных словарей, охватывающих либо лексику языка в целом, насколько это позволяют источники, либо ориентированных преимущественно на литературный язык, существуют (и представляют большой лингвистический интерес) д и а л е к т н ы е словари, в которых отражена лексика того или иного территориального говора или говоров. Единственным словарем, в задачу которого входил показ в с е й лексики говора, независимо от того совпадают ли в нем те или иные слова со словами литературного языка (а такое совпадение всегда налицо, так как и диалектная и литературная лексика принадлежат одному языку), является «Словарь современного русского народного говора», изданный под ред. И. А. О с с о в е ц к о г о. В нем собраны слова одной деревни (Деулино в Рязанской Мещере) — в с е слова, которые удалось записать составителям (Г. А. Баринова, Т. С. Коготкова, Е. А. Некрасова, И. А. Оссовецкий, В. Б. Силина, К. П. Смолина). Словоупотребление, характерное для говора, иллюстрировано интереснейшими записями живой речи жителей села (носителей говора).

Все остальные имеющиеся у нас диалектные словари являются д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы м и, т. е. фиксирующими только то, что отличает лексику диалекта от общенародной [1].

---

[1] В настоящее время, когда получил всеобщее признание взгляд на лексику как на определенным образом о р г а н и з о в а н н у ю с и с т е м у, е д и н и ц ы к о т о р о й в з а и м о з а в и с и м ы и в з а и м о с в я з а н ы, трудно утверждать, что отдельные части диалектной лексики могут быть разграничены как независимые друг от друга сущности (одна отлична от общенародной, другая якобы попросту дублирует ее). Даже при обосновании принципа дифференциаль-

«Опыт областного великорусского словаря», вышедший из печати в 1852 г., важен тем, что отражает в с е, что было известно о диалектной лексике в середине XIX в. Этот словарь является сводным, поскольку в нем собраны диалектные материалы р а з н ы х говоров (полученные из разных мест и извлеченные из различных источников). Основная роль в обработке и объединении разнородного материала принадлежала выдающемуся ученому прошлого века А. Х. Востокову.

В 1858 г. было издано «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». Редактировал его также А. Х. Востоков. Оба эти собрания диалектной лексики сыграли огромную роль в изучении лексики различных говоров. После их выхода в свет появился целый ряд лексикографических описаний словарного состава отдельных говоров.

Из областных словарей дореволюционного времени можно назвать «Словарь областного архангельского наречия» А. П о д в ы с о ц к о г о (1885), «Словарь областного олонецкого наречия» Г. К у л и к о в с к о г о (1898), «Областной словарь Колымского русского наречия» В. Б о г о р а з а (1901), «Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора» Н. В а с н е ц о в а (1908), «Смоленский областной словарь» В. Д о б р о в о л ь с к о г о (1914). В дальнейшем вышли «Донской словарь» А. М и р т о в а (1929), «Краткий ярославский областной словарь» Г. Г. М е л ь н и ч е н к о (1961), «Проект архангельского областного словаря» О. Г. Г е ц о в о й (1970), «Словарь народных говоров западной Брянщины» П. А. Р а с т о р г у е в а (1973). Начат выпуск также других областных словарей. Важнейшим мероприятием по собиранию и фиксации диалектной лексики явилось предпринятое Словарным сектором Института русского языка

ности планируемого словаря авторы теперь в основном ссылаются на технические причины, а не выдвигают теоретических мотивов. Ср., например: «Отличия лексики говоров и литературного языка наблюдаются п о ч т и для к а ж д о г о диалектного слова... Однако не всегда в силу особенностей условий сбора диалектной лексики (прежде всего ограниченности во времени) эта специфика диалектного слова могла быть выявлена. Поэтому в АОС (Архангельский областной словарь) включена только та часть зафиксированной в архангельских диалектах лексики, для которой отличия от нормированного русского языка могли быть установлены» (Г е ц о в а О. Г. Проект архангельского областного словаря. М., 1970, с. 5).

АН СССР издание нового с в о д н о г о «Словаря русских народных говоров» под ред. Ф. П. Ф и л и н а и Ф. П. С о р о к о л е т о в а (к настоящему времени вышло одиннадцать выпусков этого словаря, до слова *зубренка*).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Г о р б а ч е в и ч К. С. Нормы литературного языка и толковые словари.— В сб.: Нормы современного русского литературного словоупотребления. М.—Л., «Наука», 1966.

Д о р о ш е в с к и й В. Элементы лексикологии и семиотики. М., «Прогресс», 1973.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., «Наука», 1970, с. 85—91, 376—413, 502—508.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., «Наука», 1972, с. 14—24, 67—71, 92—116, 394—510.

Общее языкознание. Методы лингвистического исследования. М., «Наука», 1973, с. 107—118.

О ж е г о в С. И. О трех типах толковых словарей русского языка.— В кн.: О ж е г о в С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., «Высшая школа», 1974.

Ц е й т л и н Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии (Словари русского языка). М., Учпедгиз, 1958.

Щ е р б а Л. В. Опыт общей теории лексикографии.— В кн.: Щ е р б а Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., «Наука», 1974.

Глава I

СЛОВО КАК ЕДИНИЦА ЛЕКСИКИ

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЛОВА

§ 19. С первого взгляда не может не показаться странным, что в науке о языке до сих пор нет общепринятого определения слова. Почти все соглашаются с тем, что слово является основной единицей языка, но было предложено несколько сотен определений этой единицы, и среди них нет ни одного, которое удовлетворило бы если не всех, то по крайней мере большинство лингвистов.

Вопрос о том, как определить слово, продолжает оставаться актуальным.

Все мы как будто прекрасно знаем, что такое слово (причем для этого вовсе не нужно изучать лингвистику) [1], но, по существу, это «знание» также является одной из причин того, что так трудно дать вполне удовлетворительное определение этой единицы. Нашему «донаучному», несформулированному представлению о слове, сложившемуся на основе непосредственной речевой практики, не может соответствовать полностью научная дефиниция, и это вызывает в нас чувство неудовлетворенности.

Но главное заключается в том, что слово — это такая единица языка, которая представляет собой и фонетичес-

---

[1] Выдающийся американский лингвист Э. Сэпир, отмечая «психологическую реальность слова», писал, что неопровержимым доказательством «может служить хотя бы тот факт, что у наивного индейца, совершенно непривычного к понятию написанного слова, никогда не чувствуется серьезного затруднения при диктовке ученому лингвисту текста на родном языке слово за словом». (Сэпир Э. Язык. М.—Л., 1934, с. 27.)

То же можно сказать и о тех очень далеких от лингвистических знаний информантах, с которыми приходится иметь дело диалектологам.

кое, и морфологическое, и лексико-семантическое целое, а следовательно, может быть охарактеризовано с разных сторон — соответственно с учетом различных по своей природе признаков. Вместе с тем эти различные признаки не в одинаковой степени характеризуют все те единицы, которые мы привыкли называть словами (ср., например, знаменательные слова, с одной стороны, и служебные — с другой), а стремление выделить слово на основании какого-либо единого критерия, неизбежно делает определение односторонним.

При определении слова к нему подходили как к звуковой последовательности, как к грамматически оформленной (соответственно выделимой) единице, как к семантически целостной единице языка. Так, П. С. Кузнецовым самостоятельное слово определяется так: 1) «Звуковая последовательность, могущая быть ограниченной паузами любой длины, есть звуковая последовательность, которая содержит по крайней мере одно самостоятельное слово»; 2) «Звуковая последовательность, определенная указанным выше способом, внутрь которой не может быть вставлена другая звуковая последовательность, определенная таким же способом, и есть отдельное самостоятельное слово» [1]. Служебное слово определяется на основе только что полученных определений: «Звуковая последовательность, которая не является ни отдельным самостоятельным словом, ни частью отдельного самостоятельного слова, есть служебное слово» [2].

Определяющим признаком слова А. И. Смирницкий считает грамматическую оформленность. Он пишет: «...проблема отдельности слова расчленяется на два основных вопроса: а) вопрос выделимости слова, представляющий собой вместе с тем вопрос о различии между словом и частью слова (компонентом сложного слова, основой, суффиксом и пр.); и б) вопрос цельности слова, являющийся вместе с тем вопросом о различии между словом и словосочетанием» [3].

Наряду с непосредственной выделимостью слова А. И. Смирницкий устанавливает «косвенную, остаточную,

---

[1] Кузнецов П. С. Опыт формального определения слова.— «Вопросы языкознания», 1964, № 5, с. 75.

[2] Там же, с. 76—77.

[3] Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема отдельности слова).— В кн.: Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952, с. 187.

или отрицательную», выделимость слова, т. е. выделимость слова «вследствие прямой, положительной выделимости соединяемых с ним слов». А. И. Смирницкий отмечает, что «если в каком-либо языковом образовании *АВ* единица *А* (или *В*) есть часть слова, то и единица *В* (или *А*) также есть часть слова, и, напротив, если *А* (или *В*) есть слово, то и *В* (или *А*) есть по меньшей мере слово, т. е. либо слово, либо более сложное образование — эквивалент слова: фразеологическая единица или даже свободное словосочетание, но никак не часть слова»[1]. Критерий идиоматичности при определении слова играет для А. И. Смирницкого дополнительную роль, этот критерий положен в основу определения, предложенного М. В. Пановым.

М. В. Панов, считает, что «при определении слова через грамматическую форму мы упускаем специфику лексики; лексику определяем как нечто не лексическое, слово определяем через часть слова — притом через лексически как раз менее всего характерную часть (через аффикс)» [2]. Словам дано такое определение: слова — «это смысловые единства, части которых не составляют свободного сочетания... Все, что отвечает этому требованию, есть (в той или иной степени) слово» [3]. М. В. Панов отмечает, что «во многих фразеологических сочетаниях *(железная дорога, дом отдыха)* на раздельность указывают и грамматические признаки. Они спорят с главными, решающими признаками слова. Однако те единицы, в которых основные признаки слова не в ладу со второстепенными, составляют полосу переходных случаев от слова к не-слову... Переходные случаи такого рода должны быть: они есть в любой области языка. Если сказанное верно, т. е. если сочетание *не видно ни зги* и пр.— слово, хотя и занимающее переходные области к не-словам, то, кроме ранее сделанного вывода: слово — то, что фразеологично,— следует сделать и иной: то, что фразеологично — слово» [4].

Дефиниции, основанные на отдельных признаках слова, в ряде случаев неодинаково очерчивают границы данной

---

[1] Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема отдельности слова).— В кн.: Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952, с. 192—193.

[2] Панов М. В. О слове как единице языка.— «Учен. зап. МГПИ», 1956, т. 51, с. 137.

[3] Там же, с. 146.

[4] Там же, с. 163.

единицы, это обстоятельство приводило некоторых исследователей к сомнениям в возможности дать общее определение слова, определение «слова вообще» [1]. Высказывалась мысль о том, что можно говорить лишь о «графическом слове», о «фонетическом слове», о «словарном слове», слова же в о о б щ е попросту не существует. Но языковая реальность этой единицы подтверждается непосредственным опытом самих носителей языка, а при изучении различных языковых фактов исследователям всегда приходилось так или иначе обращаться к слову, даже тем из них, которые декларативно отказывались признать за словом статус научного лингвистического понятия (например, Ш. Балли писал: «Необходимо освободиться от неопределенного понятия слова» [2], но конкретные его исследования в значительной части посвящены сопоставлению слов различной структуры).

Рассмотрение различных точек зрения на основные критерии слова приводит к выводу, что эти критерии дополняют друг друга. Критерии, выдвинутые А. И. Смирницким, П. С. Кузнецовым (и рядом других исследователей), учитывают ф о р м у в ы р а ж е н и я слова (фонетическую и грамматическую); критерий, отстаиваемый М. В. Пановым, основан на ф о р м е с о д е р ж а н и я этой единицы. Вряд ли следует думать, что разнородность этих критериев должна явиться непреодолимым препятствием для их совмещения. Сама определяемая единица — слово — представляет собой двустороннюю единицу, и ее двусторонний характер должен быть отражен в определении.

Грамматическую оформленность нужно понимать более широко, чем просто морфологическую оформленность: морфологическая оформленность слова неразрывно связана с его синтаксической функцией и в целом подчинена ей (во многих определениях слова отмечается именно его синтаксическая самостоятельность [3]).

---

[1] В ряде работ (более или менее последовательно в работах американских дескриптивистов) провозглашался отказ от самого понятия слова как лингвистической категории, в настоящее время такая точка зрения мало кем разделяется.

[2] Б а л л и Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Русск. пер. М., 1955, с. 315.

[3] В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой дано такое определение слова: «Предельная составляющая предложения, способная непосредственно соотноситься с предметом мысли как обоб-

Следует отметить также, что критерии грамматической и фонетической оформленности слова существенно дополняют друг друга. Обращает на себя внимание также то, что критерии А. И. Смирницкого и П. С. Кузнецова во многом однотипны (невозможность вставить в слово другое слово; «остаточная» выделимость служебных слов), хотя эти исследователи исходят из разных уровней «оформленности» слова. Можно признать, следовательно, что фонетическое и грамматическое в ц е л о м характеризует слово с одной и той же стороны. Так и должно быть, поскольку и то и другое является формой по отношению к лексическому содержанию слова, хотя, разумеется, это формы разных уровней.

Каждая единица языка определяется прежде всего ее основной функцией. Функция слова определяется в ряду: фонема (смыслоразличительная функция), слово (номинативная функция), предложение (коммуникативная функция). Таким образом, с л о в о я в л я е т с я н о м и н а т и в н о й е д и н и ц е й, е д и н и ц е й н а и м е н о в а н и я.

Каждая значимая единица языка представляет собой двустороннюю единицу. Формой слова является одновременно его звуковое выражение и грамматическая структура, содержанием — его лексическое значение.

Выделимость слова дает возможность говорить о его цельнооформленности (фонетической и грамматической), а непредсказуемость значения (немотивированность или неполная мотивированность) — о его идиоматичности.

Сказанное дает основание так сформулировать наше понимание того, что такое слово. С л о в о — э т о е д и н и ц а н а и м е н о в а н и я, х а р а к т е р и з у ю щ а я с я ц е л ь н о о ф о р м л е н н о с т ь ю (фонетической и грамматической) и и д и о м а т и ч н о с т ь ю.

В языке существуют центральные и периферийные, четко отграниченные друг от друга и промежуточные явления. Между двусторонними единицами различных «ярусов» нет непреодолимых границ. Следует отметить, что многие исследователи считают необходимым в определении слова отразить все наиболее существенные его признаки,

---

щенным отражением данного «участка» («кусочка») действительности и направляться (указывать) на эту последнюю; вследствие этого слово приобретает определенные лексические, или вещественные, свойства.

которые только в совокупности и характеризуют эту единицу языка.

Такой точки зрения придерживается, например, Н. М. Шанский. «Основными признаками слова как лингвистической единицы в целом (во всей своей совокупности свойственными лишь классическим словам),— говорит Н. М Шанский,— являются следующие: 1) фонетическая оформленность, 2) семантическая валентность, 3) непроницаемость, 4) недвуударность, 5) лексико-грамматическая отнесенность, 6) постоянство звучания и значения, 7) воспроизводимость, 8) цельность и единооформленность, 9) преимущественное употребление в сочетаниях слов, 10) изолируемость, 11) номинативность, 12) фразеологичность» [1]. Тут же Н. М. Шанский выделяет из этих «основных признаков» еще и «предельный минимум признаков, характерных для слова», в который входят: «фонетическая оформленность, семантическая валентность, недвуударность, лексико-грамматическая отнесенность и непроницаемость». «Рабочее определение» слова дается в такой формулировке: «слово — это лингвистическая единица, имеющая (если она не безударна) в своей исходной форме одно основное ударение и обладающая значением, лексико-грамматической отнесенностью и непроницаемостью» [2].

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

§ 20. Слово является двусторонней единицей, т. е. имеет звучание (является материальным знаком) и имеет значение (обозначает что-то). Легко заметить, что между звучанием и значением слова для говорящих существует тесная, неразрывная связь. Произнося какое-либо слово, мы вызываем в сознании образ какого-то определенного предмета (действия, явления, признака) и, наоборот, при необходимости обозначить какой-то предмет — в сознании возникает образ соответствующего слова, т. е. образ знака. Однако связь между звучанием и значением слова не является сама по себе предметно обусловленной: в звуковой стороне слова никак не отражены какие-либо свойства обозначае-

[1] Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964, с. 10.

[2] Там же, с. 31.

мого словом предмета как такового. Это видно хотя бы из того, что одни и те же предметы обозначаются в разных языках по-разному, т. е. слова, называющие то же самое, имеют неодинаковое звучание (нередко для называния одних и тех же предметов существуют различные наименования и в говорах, ср. *волк* и *бирюк*, *петух* и *кочет* и т. п.).Из истории языка известно, что фонетические изменения, происходящие в языке, не отражаются непосредственно на смысловой стороне слов, а семантические изменения, которые претерпевают те или иные слова, обычно не отражаются на их звуковом облике. Иначе говоря — фонетические и семантические изменения происходят независимо друг от друга.

Слово является словом постольку, поскольку оно имеет значение,— бессмысленные сочетания звуков мы не считаем словами. Но по вопросу о том, что такое значение слова, как определить значение, в науке о языке высказывались и высказываются разные мнения. Неодинаково понимается различными исследователями как характер отношения значения к обозначаемому словом предмету, так и его соотношение с понятием. Значение слова определяется и как особая языковая форма отражения действительности, и как отношение между звуковым комплексом и понятием, и как отнесенность звукового комплекса к явлениям действительности; значение приравнивается к понятию или же рассматривается как определенное видоизменение понятия в соответствии с характером языкового знака и т. д., не говоря уже о том, что в современной неопозитивистской философии оно определяется также с точки зрения «реакции субъекта на знак» и т. д.

Кроме того, высказывалась и такая точка зрения, что, если мы хотим дать лингвистическое определение значения, то не должны выходить за рамки языка. В соответствии с такой точкой зрения значение предлагается определять как «потенциальную сочетаемость» слова или же вообще отказаться от понятия «значение» в лингвистике и говорить только о «значимости» слова, определяемой его соотношением с другими словами определенного ряда. Однако основное назначение слов состоит в том, чтобы называть предметы и явления окружающей действительности, поэтому при определении лексического значения невозможно ограничиться собственно языковыми моментами, такими, как

сочетаемость и соотношение данного слова с другими, сопоставленными с ним по определенным признакам.

Сочетаемость — важнейший показатель значения слова, но именно показатель, а не само значение. Если бы мы попытались при определении лексического значения остаться в рамках «чисто лингвистических» категорий, то, по существу, очутились бы перед «уравнением со всеми неизвестными», так как, определяя значение одного слова из его возможных сочетаний с другими словами, мы и значения этих других слов должны бы были определить их возможными сочетаниями с еще какими-то словами и т. д., т. е. определять одни величины другими еще не определенными величинами.

Истолкование значения как отношения (между звуковым комплексом, или наименованием, и понятием, или вообще «смыслом») не вполне помогает его пониманию: остается неясным, находится ли это отношение внутри самого слова, т. е. рассматриваются ли звучание и смысл как элементы слова, или же слово приравнивается только к «звуковому комплексу», который каким-то образом соотнесен с существующим вне слова «смыслом». Недостаточно определенным остается и значение самого термина «отношение», поскольку и связь между звуковым комплексом и смыслом, с одной стороны, и соотнесенность смысла с «предметом», с другой, расцениваются как «отношение».

Правильной представляется точка зрения А. И. Смирницкого, писавшего, что «значение слова есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» [1].

§ 21. В задачу лексикологии не входит, естественно, описание самих предметов и явлений, обозначаемых слова-

[1] Смирницкий А. И. Значение слова.— «Вопросы языкознания», 1955, № 2, с. 89. Аналогичное определение дано в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, см. с. 160—161.

ми,— в ином случае лексикология стала бы чем-то вроде собрания энциклопедических справок. Истолкование значения слова не равнозначно описанию самих реалий, обозначенных данным словом. Игнорирование этого бесспорного факта заставляло некоторых лингвистов вообще отказаться от последовательного изучения лексико-семантической системы, как это было, например, в американской дескриптивной лингвистике. Основоположник и один из главных теоретиков этого направления в языкознании Л. Блумфилд писал: «Чтобы дать научно точное определение значения для каждой формы языка, мы должны были бы иметь точные научные сведения обо всем, что окружает говорящего. Однако реальный объем человеческих знаний чрезвычайно мал. Мы можем правильно определить значение той или иной языковой формы лишь в том случае, если это значение относится к чему-либо, о чем мы обладаем достаточными научными познаниями. Мы можем определить названия минералов, например, в терминах химии или минералогии, когда мы говорим, что обычным значением английского слова *salt* 'соль' является «поваренная соль (NaCl)»; мы можем определить названия растений или животных с помощью специальных терминов из области ботаники или зоологии, но у нас нет способа точно определить такие слова, как *love* 'любовь' или hate 'ненависть', связанные с ситуациями, которые еще не были точно расклассифицированы,— а ведь таких слов подавляющее большинство» [1]. Однако, говорящие, независимо от того, имеют ли они какое-либо представление о химическом составе поваренной соли, знают ли они о психологической характеристике таких чувств, как любовь и ненависть, прекрасно понимают, что обозначается данными словами. Можно испытывать очень сложные, даже противоречивые чувства, которые трудно определить, а следовательно, и однозначно назвать, но это, конечно, не вследствие того, что невозможно дать научное определение этим чувствам. Если мы услышим: *я тебя люблю* или *я тебя ненавижу*, то в каждом конкретном случае мы можем очень различно реагировать на каждую из этих фраз — именно потому, что нам известно значение данных слов: *любовь* и *ненависть* сами по себе несут вполне определенную для нас информацию.

---

[1] Блумфилд Л. Язык. Пер. с англ. М., 1968, с. 142.

Задолго до выхода в свет книги Л. Блумфилда А. А. Потебня писал: «Что такое «значение слова»? Очевидно языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Например, говоря о значении слова *дерево*, мы должны бы перейти в область ботаники, а по поводу слова *причина* или причинного союза — трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем б л и ж а й ш и м, другую, составляющую предмет других наук,— д а л ь н е й ш и м з н а ч е н и е м с л о в а. Только одно ближайшее значение слова составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова» [1].

З н а ч е н и е с л о в а — о т р а ж е н и е в с л о в е т о г о и л и и н о г о я в л е н и я д е й с т в и т е л ь н о с т и (предмета, качества, отношения, действия, процесса). Различают г р а м м а т и ч е с к о е и л е к с и ч е с к о е значение слова. Первое из них обусловлено принадлежностью слова к определенному классу (части речи), которой определяется его общая категориальная значимость (предметность, процессуальность и т. д.), а также возможности его сочетания с другими словами и особенности его видоизменения (спряжение, склонение) в связи с выражаемыми им значениями и отношением к другим словам в словосочетании и предложении. Лексическое значение слова определяется как соотнесенностью слова с соответствующим понятием (что составляет ядро лексического значения слова), так и его местом в лексической системе языка (т. е. различными связями данного слова с другими словами).

ОБОБЩАЮЩИЙ ХАРАКТЕР СЛОВА

§ 22. В отличие от грамматического лексическое значение слова индивидуально, хотя в значениях отдельных слов могут быть обнаружены общие смысловые элементы

[1] П о т е б н я А. А. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, с. 19.

(например, для глаголов *идти, ехать, ползти, брести, плыть, лететь и т. д.* общим элементом является 'двигаться, перемещаться в пространстве'),— это и дает возможность их сопоставления, группировки и выделения у них различительных (дифференциальных) признаков (например, у указанных глаголов это, прежде всего, 'способ передвижения').

Значение слова выступает как диалектическое единство языкового и внеязыкового содержания. Будучи прикреплено к определенному звуковому комплексу, оно вместе с ним образует слово, являющееся единицей языка и в качестве таковой связано фонетически, грамматически и семантически с другими словами. Являясь отображением каких-то явлений внеязыковой действительности, оно включает в себя понятие об этих явлениях, которое и представляет собой его внутренний стержень[1].

Вопрос о том, у всякого ли слова в основе его лексического значения лежит понятие, входит ли вообще понятие в значение слова, остается до сих пор предметом разногласий.

Не соглашаясь с тем, что в основе лексического значения каждого знаменательного слова (независимо от того, является ли данное слово научным термином или обозначением бытового предмета) лежит отображение какого-либо отрезка внеязыковой действительности, представленное как соответствующее понятие, некоторые исследователи указывают на следующее. В понятиях отражены общие и существенные признаки предметов и явлений, в значениях же фиксируются только их отличительные признаки. Значение слова-термина, призванного выразить именно понятие, часто отличается от нетерминологического значения того же слова. Но нужно признать, что мышление бывает не только научным, всякая же мысль представляет сочетание определенных понятий, в том числе и обиходных.

---

[1] Различая соотнесенность слова (через его значение) с предметом и с понятием, обычно говорят о денотативной (или референтной) и сигнификативной функциях слова. В значениях слов выделяют также коннотации — дополнительные экспрессивно-стилистические оттенки, которые обусловлены сферой употребления слова, различного рода ассоциациями, связанными с самим словом или обозначаемым им предметом (явлением).

Понятие является категорией мышления, но, указывая на связь языка с мышлением, мы тем самым и утверждаем, что при помощи языка можем выражать и передавать другим свои мысли.

Будучи отображением в нашем сознании предмета или явления действительности, лексическое значение слова неизбежно заключает в себе понятие об этом предмете или явлении, находящееся в определенной связи с другими понятиями. Язык по-своему отражает эти связи, но невозможно отрицать предметную обусловленность лексических значений во всех их многообразных взаимоотношениях друг с другом. Точно так же невозможно отрицать то, что и сами понятия по-разному соотносятся друг с другом. То обстоятельство, что некоторые из них могут быть обозначены одним и тем же словом, нужно расценивать как объективное свидетельство того или иного их сближения, закрепленного в языке в какой-то период его развития. Каждый язык представляет широкие возможности для такого рода сближений. Вряд ли оправданно на основании того, что мы способны, абстрагируясь от языковой формы, представить понятия как отдельные, самостоятельные сущности, находящиеся в более строгом и рационально организованном соотношении друг с другом, чем соответствующие лексические значения, игнорировать взаимообусловленность тех и других.

Слово является языковым знаком, призванным обозначать предметы и явления окружающей действительности. Как и всякий знак, слово имеет значение, но в отличие от знаков искусственных систем оно входит в сложное взаимоотношение с другими языковыми единицами (знаками других уровней).

В основе значения каждого знаменательного слова лежит именно понятие, содержащее общие существенные признаки какого-то отрезка действительности, т. е. такие признаки, которые дают возможность объединить единичные предметы и явления в определенные классы. В то же время фундаментальной особенностью языка является то, что при помощи слов, отражающих общие признаки предметов и явлений, говорящие способны передать самое разнообразное содержание мысли, отразить все индивидуально неповторимые особенности явлений действительности, отразить любое индивидуальное восприятие самых разно-

образных ситуаций. Когда мы читаем, например, строчки из стихотворения Блока:

Никогда не забуду (он был или не был,
Этот вечер) пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре фонари —

перед нами конкретная картина, индивидуальное восприятие происходящего, более того, нам передается и определенное эмоциональное содержание высказывания, но все это основано именно на вполне устойчивом общественно закрепленном значении каждого слова, в основе которого понятие, являющееся обобщенным отражением называемых словами предметов и явлений, причем сами по себе значения всех этих слов в отдельности лишены эмоциональной направленности.

Отрицание связи каждого знаменательного слова с понятием основывается на понимании понятия как только научного понятия, находящего свое выражение в терминологических обозначениях. Между тем обобщающая способность не только терминов, но и всех знаменательных слов указывает на существование, кроме научных, также и «обычных», так сказать донаучных понятий, которым и принадлежит решающая роль в формировании основной части лексики общелитературного языка.

Связь между значением и понятием не является односторонней. Сами понятия как категории мышления формируются и закрепляются в языке, в словесных знаках. Как отмечает Э. Бенвенист, «мыслительные операции независимо от того, носят ли они абстрактный или конкретный характер, всегда получают выражение в языке. Мы можем сказать все что угодно, и сказать это так, как нам хочется. Отсюда и проистекает то широко распространенное и так же неосознанное, как и все, что связано с языком, убеждение, будто процесс мышления и речь — это два различных в самой основе рода деятельности, которые соединяются лишь в практических целях коммуникаций, но каждый из них имеет свою область и свои самостоятельные возможности...». И дальше Э. Бенвенист пишет о том, что содержание мысли «оформляется языком и в языке, который как бы служит формой для отливки любого возможного выражения; оно не может отделиться от языка и возвыситься над ним... Языковая форма является... не только условием передачи мысли, но прежде всего условием ее реализации.

Мы постигаем мысль уже оформленной языковыми рамками. Вне языка есть только неясные побуждения, волевые импульсы, выливающиеся в жесты и мимику» [1].

Действительно, когда нам кажется, что мы что-то «знаем, понимаем, только не можем выразить словами», обычно дело не в отсутствии нужных слов, как таковых, а в неумении их найти, т. е. в неотчетливости самой мысли. Неоформленность так называемой внутренней речи (характер которой почти не познан и представляется в настоящее время трудно определимым) [2], конечно, не может свидетельствовать о возможности мышления без посредства языка, поскольку «внутренняя речь», «поток сознания», очевидно, и не представляют собой мышления в подлинном смысле слова. То, что мы встречаемся сплошь и рядом с малоинформативными, вообще пустыми высказываниями, разумеется, тем более ни о чем не свидетельствует, так как могущество и гибкость языка не только в том, что при его помощи можно передать любое мыслимое содержание, что значения слов могут многообразно видоизменяться в зависимости от ситуации, но и в том, что слова в речи могут вообще утрачивать свое значение, будучи, следовательно, лишены и всякой понятийной основы. В языке, как таковом, они всегда обладают значением, а следовательно, и предметно-понятийной отнесенностью.

§ 23. Как уже говорилось выше, лексическое значение определяется не только предметной отнесенностью слова, но и теми связями, которые существуют между словами как собственно языковыми единицами: ведь слово, помимо того, что оно является обозначением какого-то отрезка действительности, имеет определенную материальную (звуко-

[1] Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с франц. М., 1974, с. 104—105.

[2] С первого взгляда может показаться парадоксальным, что, успешно познавая многие тайны Вселенной, проникнув в космос, зарегистрировав неуловимое нейтрино, человек оказался, в общем, беспомощным в определении глубинной природы процессов, происходящих в его собственном сознании. Но дело в том, что, как только мы сосредоточиваем внимание на том, «как мы думаем», бессознательный «поток мыслей» неизбежно прерывается. Происходит нечто аналогичное тому, что наблюдается при измерении координат и импульса частицы: для определения координат требуется неподвижный при взаимодействии прибор, но импульс частицы при взаимодействии с прибором изменяется; прибор же, точно регистрируя импульс прохождения частицы через диафрагму, позволяет судить о положении частицы уже только неопределенно.

вую) форму и характеризуется принадлежностью к определенному грамматическому классу. Лексические значения не существуют независимо от грамматической характеристики слова. Звуковая форма слова, его словообразовательные связи во многих случаях также далеко не безразличны для его значения.

Слово одновременно является знаком, обозначением какого-то отрезка действительности и единицей языка, чем и определяется то, что значение слова основано на диалектическом единстве языкового и внеязыкового содержания. Когда мы устанавливаем, например, что те или иные слова объединяются в определенную группу, мы можем, сопоставляя значения этих слов, обнаружить в их значениях те элементы, по которым они противопоставлены друг другу.

Так глаголы *идти*, *бежать*, *лететь*, *плыть* и т. д. образуют в русском языке группу слов, передающих разные виды движения. Сопоставление этих глаголов дает возможность выделить в их значениях те элементы, которые отграничивают их друг от друга (способ передвижения, среда, в которой происходит передвижение). То, как общая идея движения передается данными глаголами, как соответственно соотносятся их значения друг с другом, является фактом языка. Это следует хотя бы из того, что общее значение движения, перемещения в пространстве в разных языках по-разному «распределено» между отдельными глаголами. Например, ближайшие соответствия русскому глаголу *идти* в ряде западноевропейских языков связаны с выражением «движения к» и «движения от» (ср. англ. *to come* и *to go*, нем. *kommen* и *gehen*, франц. *venir* и *aller*), что соответствует уже русским префиксальным глаголам (*прийти* и *уйти*), в самом же глаголе *идти* подобных семантических элементов нет. В то же время указанные иноязычные соответствия шире по своему значению, чем этот глагол (по-русски нельзя, например, сказать *пришел на самолете* и т. п.). Но в русском языке существует иное противопоставление, выделяющее именно глаголы движения — противопоставление по признаку «однонаправленности — неоднонаправленности» (ср.: *идти — ходить*, *бежать — бегать*, *лететь — летать*, *плыть — плавать* и т. д.). Изменение значений слов в пределах одного и того же языка также указывает на собственно языковой характер «распределения» между различными словами общего значения 'движения'.

Но общая идея движения, представляющая семантическую основу всех указанных глаголов, конечно, не является собственно языковой категорией, хотя она и закреплена в нашем сознании опять-таки при помощи языка.

Нужно также отметить, что в ряде случаев составителям толковых словарей приходится толковать слова при помощи близких по значению слов (с указанием на то, ч т о отличает соответствующие значения), но не слов, обозначающих родовые понятия, поскольку такие слова отсутствуют в языке.

Например, толкование первого (основного для современного языка) значения глагола *требовать* во всех толковых словарях современного русского литературного языка дается в основном через глагол *просить*: «просить чего-либо или предлагать сделать что-либо в настойчивой, категорической форме»; «настойчиво, повелительно просить, добиваться»; «просить в категорической форме, будучи убежденным в своем праве на то, чтобы эта просьба была выполнена». Толкования эти нельзя признать вполне удачными, поскольку глаголы *просить* и *требовать* являются наиболее полярными в группе слов, называющих различные виды выражения волеизъявления (ср.: *молить*, *умолять*, *увещевать*, *предлагать*, *советовать*, *приказывать* и др.), но в таких толкованиях отражена связь между значениями слов определенной группы (в некоторых из этих толкований выступают также глаголы *добиваться*, *предлагать*) и их противопоставленность по определенным признакам (ср. указание на такие признаки, как «настойчиво», «повелительно», «в категорической форме»). Следует обратить внимание на то, что выделяемые в толкованиях отличительные признаки значений слов отличаются при помощи слов того же естественного языка. Поэтому нельзя считать, что они вполне адекватны значениям тех слов, которые участвуют в толкованиях. Нередко последние только как бы намекают на эти признаки, о чем свидетельствует хотя бы различное «лексическое наполнение» словарных статей, посвященных тому же слову, в разных словарях. На неполную адекватность приведенных выше толкований указывает также то, что возможны словосочетания *настойчиво требовал*, *повелительно требовал* и т. п.,— если бы передаваемый данными определениями признак совершенно точно соответствовал значению самих слов *настойчиво*, *повелительно* и т. д., сочетания глагола *требовать* с этими

словами оказались бы тавтологичными. Во многих случаях происходит то же самое, и это далеко не всегда следует расценивать как недостаток тех или иных словарных статей.

Таким образом, лексическое значение слова определяется двумя различными по своей природе факторами. Слово служит обозначением чего-то вне языка, т. е. имеет внеязыковую соотнесенность. Вместе с тем каждое слово находится в разнообразных отношениях с другими элементами языка, отношениях, определяющих возможность его употребления для обозначения тех или иных явлений и возможность его сочетания с другими единицами лексики.

ТОЖДЕСТВО СЛОВА. ОМОФОРМЫ, ОМОФОНЫ, ОМОГРАФЫ. ВАРИАНТЫ И ДУБЛЕТЫ

§ 24. Отмечая подвижность лексики, необходимо в то же время обратить внимание и на устойчивость ее основной части. Если мы сравним современный русский литературный язык с древнерусским языком XI—XIV вв., мы заметим, что грамматическое оформление слов (формы склонения имен и спряжения глаголов) почти полностью изменилось, но сами по себе многие слова сохранились, что делает возможным понимание старого текста без перевода.

Можно взять почти любой древнерусский текст, чтобы убедиться в этом. Вот, например, отрывок из начальной русской летописи «Повесть временных лет» (Лаврентьевский список 1377 г.): «В лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина Игореви «ѡтроцi Свѣньлѣжи изодѣли сѧ суть ѡружьємъ и порты, а мы нази; поиди, кнѧже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша ихъ Игорь, иде в дерева в дань, и примышлѧше къ первои дани, и насилѧше имъ и мужи его; возъємавъ дань поиде въ градъ свои. Идущу же єму въспѧть, размысливъ рече дружинѣ своєи: «Идѣте съ данью домови, а ѧ возъвращю сѧ, похожю и єще». Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъврати сѧ, желаѧ больша имѣньѧ».

Некоторые из слов приведенного текста выступают в непривычном для носителя современного языка обличье (*ѡтроцi*, *кнѧже*, *нази*, *добудеши* и др.), но сквозь это чуждое обличье все-таки явно проступают знакомые черты обычных современных слов (ср.: *отрок*, *князь*, *нагой*, *добыть* и т. д.). Мы говорим, что это «те же слова», которые претерпели, однако, изменения в грамматическом оформлении.

Но, кроме вопроса об историческом тождестве слова, во многих случаях встает вопрос о тождестве слова в тот же самый момент развития языка, когда мы должны ответить на вопрос: какие видоизменения слова следует признать формами того же слова, а какие — отдельными самостоятельными словами. Ответить на этот вопрос не всегда достаточно легко.

Прежде, однако, следует отметить такие случаи частичного совпадения форм слов, которые в общем не вызывают затруднений в признании их формами разных слов. Это омоформы и омофоны.

§ 25. Омоформы — совпадающие по звучанию (и написанию), но не по смыслу формы отдельных слов, отличающихся другими своими формами. Например, во фразах *Вода, наконец, стекла* и *Из-за разбитого стекла в комнате холодно* мы видим одинаковые формы *стекла*, но у нас, конечно, не возникает никаких сомнений в том, что это формы разных слов (глагола *стечь* и существительного *стекло*). Ср. также: *твердость стали* и *опять стали читать*, *ветер стих* и *вспомнился один стих*, *пила чай* и *пила совсем затупилась*, *убежал, разрыв грядки* и *разрыв отношений*, *из окна дуло* и *дуло пистолета*, *простой машин* и *простой рассказ*, *гол в матче* и *гол как сокол*, *лечу на самолете* и *лечу больных*, *пара сапог* и *струя пара*, *маленькая главка* и *сотрудники главка*, *он не прав* и *перечень прав и обязанностей*, *мой руки* и *мой друг* и под. В основной своей массе омоформы представляют собой случайно совпавшие формы слов, относящихся как к одной и той же, так и к разным частям речи.

Только очень редко такое совпадение может приводить к двусмысленности. Это или случаи вроде фразы *Вожу сына в детский сад*, когда контекст сам по себе не дает возможности определить является ли *вожу* формой глагола *водить (вожу за руку)* или глагола *возить* (ср. *вожу на троллейбусе*); или же случаи специального обыгрывания подобных совпадений, как, например, в загадке, приводимой в сборнике М. А. Рыбниковой: *Три теленка — сколько ног?* (Ответ — «Сколько ни три — останется четыре».)

§ 26. Омофоны — это слова, которые совпадают (полностью или — что чаще — также в отдельных формах) в звучащей речи, но различаются на письме. Например: *луг — лук, гриб — грипп, плод — плот, мог — мок, стог — сток, рог — рок, порог — порок, строг — строк, роз — рос, везти — вести, бачок — бочок, волы — валы, старожил — сторожил, барон — борон, долго — долга, лиса — леса* и т. д. Появление омофонов вызвано теми звуковыми изменениями, которые произошли в языке (в приведенных примерах это — оглушение звонких согласных в конце слова, неразличение гласных *о* и *а* в безударном положении).

§ 27. От омоформ и омофонов отличаются так называемые омографы — слова, совпадающие (чаще опять-таки лишь в отдельных формах) только на письме, но в звучащей речи различающиеся ударением (и соответственно во многих случаях также и произнесением безударных гласных). Например: *за́мок — замо́к, по́ра — пора́, му́ка — мука́, па́рить — пари́ть, сто́ит — стои́т, ве́сти — вести́, во́рон — ворон, до́рог — доро́г, мо́ю — мою́, па́ром — паро́м, ви́ски — виски́, по́лка — полка́.*

§ 28. В отличие от омофонов и омографов, появившихся в результате случайных в семантическом плане совпадений (омофоны — как следствие изменившихся норм произношения, омографы — как следствие существующих правил написания слов), омоформы в определенной своей части отражают собственно семантические процессы, как происходившие в языке глубокой древности, так и происходящие и в настоящее время. Так, некоторая часть издавна существующих в русском языке омоформ объясняется так называемой конверсией, которая заключается в том, что слово одной части речи начинает употребляться в функции другой части речи, следуя при этом и словоизменительным особенностям последней. Если подобное употребление слова закрепляется в языке, можно говорить о возникновении нового слова, а если наряду с ним продолжает существовать и старое, язык может пополниться омоформами. Так, в свое время произошел отрыв форм инфинитива (который

по происхождению считается дательным падежом отглагольных существительных) от парадигмы существительного и его переход в систему глагола (он приобрел свойства, присущие именно глаголу, такие, как вид, возвратность-невозвратность). В связи с изменением формы инфинитива в русском языке (утрата конечного *и*, когда оно было безударным) в некоторых случаях инфинитив снова совпал с теми же остаточно сохранившимися отглагольными (по происхождению) существительными (уже с их формами именительного и винительного): *знать (знаю* и т. д.— *родовитая з н а т ь)*, *стать*, *мочь*, *сечь*, *течь*, *печь*.

В современном языке отмечаются активные процессы субстантивации, адвербиализации (переход других частей речи в наречия), адъективации (переход других частей речи в прилагательные). Однако ответ на вопрос, имеем ли мы при этом дело с новыми словами или же перед нами такие видоизменения слова, которые не разрушают его семантического единства, в ряде случаев бывает различным. Причина состоит как в неоднородности самих процессов семантического распада слова (кроме всего прочего, соответствующий процесс может быть и близким к завершению в одних случаях и только намечается в других), так и в существовании различных точек зрения на отдельность и тождество слова, на то, какие видоизменения слова (формальные и семантические) целесообразно считать тем же самым словом.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ И ОМОНИМИЯ. ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ МНОГОЗНАЧНОСТИ И ОМОНИМИИ

§ 29. Когда в начальной школе детей знакомят с понятиями спряжения и склонения (практически они овладевают спряжением и склонением много раньше, когда учатся говорить), ни у кого — ни у учащихся, ни у учителей — не возникает сомнения в том, что *читаю*, *читаешь*, *читает* и т. д. представляют собой видоизменения одного и того же глагола (обобщенно представленного формой инфинитива *читать*), а *стола*, *столу* и т. д. являются видоизменениями существительного *стол*, т. е. что *стол*, *стола*, *столу* — это одно слово, выступающее в разных формах, так же как *читать*, *читаю*, *читал* и т. д.— формы одного слова. Такие сомнения обычно не возникают и позднее, и, спрашивая,

например, как нужно сказать: *согласно приказа* или *согласно приказу* и т. п., говорящие предполагают, что в обоих случаях, сказав и *приказа* и *приказу*, мы употребим одно и то же слово.

Нужно отметить, что в подобных случаях сомнений в тождестве слова не возникает и у большинства лингвистов, хотя по этому поводу высказывалось и иное мнение. Так, А. А. Потебня, указав на значения, которые имело слово *верста* в древнерусском языке, писал: «В действительности не только *верста*=500 саженей есть слово отдельное и отличное от *верста* = возраст, *верста* = пара, но и *верста* в одном из этих значений есть иное слово, чем *версты*, *версте* и т. д. в том же лексическом значении, т. е. малейшее изменение в значении слова делает его другим словом» [1]. Точка зрения А. А. Потебни по этому вопросу не получила признания. Однако существует ряд случаев, когда не столь бесспорно: следует ли говорить о формах того же слова или об отдельных словах.

Например, многие наречные образования появляются, как известно, в результате семантического отрыва от падежных и предложно-падежных форм, с которыми они продолжают сохранять внешнее тождество и известную семантическую близость. Ср.: *шагом (лошади шли шагом)*, *на глазок (определить на глазок)*, *на дом (взять работу на дом)*, *не в силах (был не в силах ответить)*, *без ума (был без ума от нее)*, *без спросу (взять без спросу)*, *со зла (сделал это со зла)*, *на радостях* и т. д. «Наречия,— писал В. В. Виноградов,— представляют собой не только морфологические остатки исчезнувших или исчезающих грамматических разновидностей, но и вновь возникающий продукт борьбы между живыми формами в составе других частей речи» [2]. Понятно, что поскольку говорится о возникновении наречий на основе форм других частей речи, т. е. о процессе, то между уже оформившимися наречиями и обосабливающимися в функции наречия падежными формами имени могут быть переходные случаи. Ср.: *без перерыва*, *на слово (поверить на слово)*, *не под силу*, *до конца (стоять до конца)* и т. п.

---

[1] Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, с. 15.

[2] Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, с. 341.

Отдельные формы некоторых глаголов, утрачивая отчетливые очертания своего лексического и грамматического значения, могут в разных контекстах выступать в функции и частиц, и междометий, а также и такой, которая не может быть подведена ни под какую рубрику классификации по частям речи: ср. употребление форм *смотри — смотрите, гляди — глядите, брось — бросьте.*

«Отрыв» здесь идет одновременно по нескольким линиям. Лексическое и грамматическое значение формы сдвигается в различных направлениях, но оно продолжает оставаться тем внутренним стержнем, который ощущается при самом разнообразном употреблении этих форм и который не дает им распасться на ряд самостоятельных омонимов. Ср. неустраненную «потенциальную» соотнесенность этих «оторвавшихся» форм с другими формами соответствующих глаголов: *...Живи, заинька, как тебе подсказывает молодое сердце. В а л я й вовсю, покуда в а л я е т с я.— Она засмеялась и куснула Надю за шею.— Старая будешь — так не заваляется, кукушечка* (А. Т о л с т о й. Голубые города); *...так что в а л я й т е, высказывайтесь! — махнул он рукой...— В а л я т ь можно только дурака, а мне, уважаемый, в а л я т ь нечего-с! — оскорбленно возразил Петр Горбидоныч* (Л е о н о в. Вор); ср.: [Настя:] *...Так с м о т р и т е же!* [Баклушин:] *Что с м о т р е т ь - т о?* [Настя:] *Не обманите меня* (О с т р о в с к и й. Не было ни гроша...); *— Иди спи, Петр Федотович, а то в окно выброшу! — Ну это, говорю ей, мы еще п о с м о т р и м.— Ну, и п о с м о т р е л... Проявил излишнюю активность, и вот вам, пожалуйста...* (Ш о л о х о в. Они сражались за Родину); *— Может быть, вернемся, Колька? Ты с м о т р и! — Чего,— говорю,— там с м о т р е т ь, пять верст всего* (Ж и т к о в. Метель); *— П о д у м а е ш ь — возмутилась Катя Смолева.— П о д у м а е ш ь...— но, сколько н и д у м а л а, подходящих слов не нашла; до того возмутилась* (Р е к е м ч у к. Века, века...) и мн. под.

Следует заметить, что процесс лексикализации отдельных форм слов вообще сравнительно слабо проявляется в области глагола (сюда относятся *почти, пусть, ишь*). По-видимому, значение «признака, проявляющегося во времени», достаточно определенное, является тем прочным фундаментом, который не дает некоторым формам отдельных глаголов при всей их экспрессивной насыщенности вполне обособиться в качестве самостоятельных (лексически

и грамматически) слов. Показательно в этом отношении и то, что «отрывающиеся» формы глаголов, подобные приведенным выше, не становятся образцом для самостоятельных образований по аналогии, как это происходит с обособившимися формами имен существительных и прилагательных.

Ввиду сказанного представляется возможным считать, что семантическое обособление какой-либо из грамматических форм слова еще не свидетельствует само по себе об образовании самостоятельной лексической единицы. Семантическое единство слова нельзя считать разрушенным в тех случаях, когда обособлению одной из его форм способствует собственно грамматическая характеристика данной формы, как, например, в приводившихся выше формах повелительного наклонения, вроде *смотри*, *валяй*, употребляемых в междометно-императивной функции.

Точно так же можно считать, что особое значение, отмечаемое, например, у некоторых существительных в формах множественного числа (ср. *волосы* — 'более чем один волос', но также и 'шевелюра', *башмаки* — 'более, чем один башмак', но также пара башмаков и т. п.), не свидетельствует о таком отрыве форм, который заставлял бы видеть в этих формах отдельные самостоятельные слова [1]. Лексические «сдвиги» обусловлены здесь самим грамматическим значением множественности, которое, естественно, неодинаково «накладывается» на семантику различных существительных уже в силу конкретных различий в природе обозначаемых предметов: волосы у человека и составляют шевелюру, башмаки же нужны прежде всего как пара, так же, как и все прочие виды обуви; но вряд ли было бы оправданно считать, что во фразах *Он долго собирал разбросанные старые башмаки* и *Он долго выбирал себе в магазине башмаки* перед нами два разных слова *башмаки*, сколь бы ни было различно соответствие «назначению» обозначаемых в данных ситуациях существительным *башмаки* предметов.

§ 30. Перед тем как перейти к основному для нас вопросу, связанному с тождеством слова,— вопросу о разграничении многозначности и омони-

[1] Противоположная точка зрения относительно этих форм была высказана А. И. Смирницким. См.: Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова»).— «Труды Института языкознания», 1954, т. IV, М., с. 39.

м и и, нужно хотя бы вкратце остановиться еще и как бы на другой стороне этого тождества. До сих пор мы говорили либо о частичных и случайных совпадениях по звучанию (или написанию) отдельных форм заведомо разных слов, либо о семантическом обособлении некоторых форм слов, полностью совпадающих с «регулярными» формами последних. Теперь речь пойдет о таких случаях, когда слова, отличаясь частично в звучании (а иногда и морфологически), в то же время полностью дублируют друг друга в семантическом плане, то есть являются словами-дублетами. Различаются ф о н е т и ч е с к и е и м о р ф о л о г и ч е с к и е д у б л е т ы.

К ф о н е т и ч е с к и м д у б л е т а м относятся такие пары, как *ноль — нуль*, *тоннель — туннель*, *матрас — матрац*, *галоша — калоша*, *шкаф — шкап*, *тождество — тожество*, *строгать — стругать*, *кринка — крынка* и некоторые другие, в том числе связанные с различным местом ударения: *твóрог — творóг*, *мы́шление — мышлéние*, *нáголо — наголó*, *мéлочный — мелочнóй*, *удалóй — удáлый*, *подвижнóй — подви́жный*, *дремá — дрёма*.

К м о р ф о л о г и ч е с к и м д у б л е т а м относятся такие пары, как *скирд — скирда*, *рельс — рельса*, *парафраз — парафраза*, *ставень — ставня*, *чинар — чинара*, *уксусник — уксусница* и др.

Некоторые существовавшие в прошлом дублеты к настоящему времени освободились или почти освободились от дублирования; ср. *ботинок — ботинка*, *зала — зал*, *кладби́ще — клáдбище*, *принци́п — при́нцип*, *санатория — санаторий* и ряд других. Отдельные дублеты используются с экспрессивно-оценочным значением (*прожект* при *проект*).

Иногда подобного рода дублетные образования называют «фонетическими и морфологическими в а р и а н т а м и» слова [1]. Но за термином «варьирование» в лингвистике закрепляется значение такого видоизменения, которое так или иначе позиционно обусловлено [2]. Приведенные пары

[1] См.: А х м а н о в а О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с. 195 и сл. Вслед за О. С. Ахмановой этим же обозначением такого рода двойных слов пользовались многие другие исследователи.

[2] Например, А. И. Смирницкий называл «лексико-семантическим вариантом» отдельное значение многозначного слова. Это соответствует позиционной обусловленности каждого значения, поскольку то, что слово предстает в каком-то из своих значений, как раз и определяется лексико-семантической позицией слова.

слов попросту дублируют семантику друг друга, их употребление не сигнализирует ни о каких семантических или стилистических особенностях контекста, а это значит — никак не определяется им. Употребление того или иного дублетного слова зависит, по-видимому, только от речевых навыков говорящего, но при этом дублеты лишены и сколько-нибудь заметной характерологической окраски.

Приступая к описанию и классификации фонетических и морфологических вариантов, О. С. Ахманова ставит следующий вопрос: «Если... значительное семантическое разнообразие оказывалось совместимым в одном слове, причем это разнообразие выступало в виде лексико-семантических и лексико-фразеологических вариантов, не могут ли быть обнаружены в языке такие случаи, когда при тождестве значения известное разнообразие в области звучания, известное варьирование материальной звуковой оболочки оказалось бы совмещенным в одном слове?» [1].

Известное варьирование материальной оболочки, конечно, не разрушает тождества слова. Таким известным варьированием и является склонение имени и спряжение глагола. Например, падежные формы имени — это и есть его грамматические, или «морфологические», варианты, позиционно обусловленные и совмещенные в одном слове. То же, понятно, относится к спрягаемым формам. Но О. С. Ахманова имеет в виду не такое варьирование (не затрагивающее основу слова), а двойные обозначения, подобные приведенным выше. Но такое варьирование никак не параллельно лексико-семантическому варьированию слова, поскольку последнее основано на ассоциациях, которые если и не поддаются какой-либо строгой схематизации в силу индивидуального характера лексической семантики, то во всяком случае прозрачно отражены в самих единицах лексики. Дублеты же и не находятся в отношении «дополнительного распределения» друг к другу, и никак не объяснимы с точки зрения современных связей, существующих между словами, их появление в языке может быть понято лишь при обращении к истории.

§ 31. Тождество слова является непременным условием функционирования языка в целом. Основой тождества слова является

[1] См.: Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с. 193.

его материальная закрепленность, его «звуковая оболочка». Мы называем теми же словами очень разные по своей природе предметы и явления, мы говорим о *стене* в комнате и о городской *стене*, называем *землей* и почву, и поверхность почвы, и всю нашу планету, можем назвать *сухой* и скатерть, и дорогу, и чью-то фразу и т. д. Очевидно, у нас тем не менее не возникает мысли о том, что это какие-либо «разные слова». Вместе с тем, хотя обычно фразы *Он спешит* и *Он торопится* для нас совершенно равнозначны, нам не приходит в голову, что *спешит* и *торопится* — одно и то же слово.

§ 32. Многие слова (так же как и некоторые грамматические формы слов и синтаксические конструкции) имеют не одно, а несколько (два или больше) значений, т. е. служат для обозначения различных предметов и явлений действительности. Так, например, для глагола *стоять* в ССРЛЯ [1] выделено семнадцать значений (с разграничением внутри некоторых из них еще и ряда «оттенков»).

Вот как определяются эти значения и «оттенки».

1. Находиться на ногах, не двигаясь с места. О человеке, животном.

С т о я́ т ь на голове, на руках, на задних лапах и т. п. Находиться в таком положении, при котором упор тела перенесен на голову, на руки, на задние лапы и т. п.

С т о я́ т ь на коленях, на четвереньках и т. п. Находиться в полусогнутом положении, присев на колени, на четвереньки и т. п.

С т о я́ т ь в какой-либо позе; с т о я́ т ь сгорбившись, выпрямившись и т. п., навытяжку, в струнку и т. п. Находиться на ногах, придав своему телу то или иное положение.

Находиться в вертикальном положении. О предметах.

Находиться в вертикальном положении, поднявшись, задравшись кверху. Обычно о волосах, шерсти и т. п.

С т о я́ т ь дыбом, торчком и т. п.

2. Выполнять какую-либо работу, заниматься каким-либо делом, связанным с пребыванием на ногах (в примерах: *стояли на тяге* и под.).

С т о я́ т ь на дежурстве, на часах, в карауле и т. п.; с т о я́ т ь дежурным, часовым, дневальным и т. п.

Переходные и *непереходные*. С т о я́ т ь вахту, с т о я́ т ь на вахте.

С т о я́ т ь на молитве. Молиться.

Переходные и *непереходные*. С т о я́ т ь заутреню, обедню и т. п.; с т о я́ т ь у заутрени, у обедни и т. п. Присутствовать на церковной службе во время заутрени, обедни и т. п.

3. Быть установленным, укрепленным на каком-либо основании, опоре; держаться на чем-либо... *Мост стоит на сваях.*

---

[1] Здесь и далее используется общепринятое сокращение ССРЛЯ для обозначения «Словаря современного русского литературного языка» (т. 1—17), изданного АН СССР в 1950—1965 гг.

www.ruslang.ru

Перен. Разг. Существовать благодаря кому-, чему-либо, иметь кого-, что-либо опорой существования (ср. *На лошади все хозяйство стояло!*).

4. Быть неподвижным, не двигаться, не трогаться с места. О человеке, животном.

О предметах.

О средствах передвижения.

Не течь, не струиться. О воде, жидкости.

Не рассеиваться, заполняя какое-либо пространство. О дыме, паре, пыли и т. п.

5. Находиться в бездействии, не работать. О механизмах или о заводе, фабрике и т. п.

Перен. Не развиваться, не продвигаться вперед; находиться в застое.

6. Находиться где-либо в стоячем положении, на ногах. О человеке, животном (*Позади его стоят стольники, Супротив его все бояре да князья...*).

Находиться, быть поставленным, помещенным где-либо. О предметах. *Цветы стоят в вазе.*

С т о я́ т ь на якоре, на приколе и т. п. Находиться на стоянке. О судне.

Находиться где-либо, располагаясь, размещаясь тем или иным образом (*Расфранченные женихи из купечества стояли шпалерами по бокам главной аллеи сада*; [Флигель] *был помещителен и удобен, хоть и стоял, как все флигеля, боком к выездной аллее и к югу*).

Быть написанным, напечатанным, изображенным где-либо, на чем-либо; значиться где-либо (*На ленточке* [бескозырки] *стояло имя крейсера «Авроры»*).

7. Иметь временное местопребывание, размещаться где-либо (на отдых, постой, стоянку).

Разг. Временно проживать где-либо или у кого-либо, снимать квартиру, комнату, номер; квартировать.

8. Занимать боевую позицию, располагаться на каком-либо участке местности для ведения боевых действий. О воинских частях.

9. Стойко держаться в бою, не отступать, выдерживая натиск, нападение (ср. *...И до конца стоять*).

Перен. Твердо придерживаться какого-либо мнения, взгляда, быть убежденным в чем-либо. С т о я́ т ь на чем-либо и (*устар.*) в чем-либо.

10. Защищать, отстаивать чьи-либо интересы, бороться на стороне кого-, чего-либо. С т о я́ т ь за кого-, что-либо.

11. В предложных сочетаниях с некоторыми существительными употребляется в значении: занимать то или иное положение (среди кого-, чего-либо или по отношению к кому-, чему-либо). *Стоять у власти. Стоять во главе государства. Стоять в центре внимания. Стоять вне конкуренции.* (Ср. *далеко от, в оппозиции к.*)

12. Существовать, быть на свете.

Разг. Существовать, храниться, оставаясь неизменным, не теряя своих качеств. *Варенье может стоять долго.*

13. Иметься, быть в наличии (*Между нашим намерением и приведением его в исполнение стоит множество случайностей*; *Стоит вопрос: кто хозяин на фабрике...*)

14. Быть, сохраняться, удерживаться. О состоянии чего-либо. (*Во всякое время на улице стояла топь непроходимая*; *На дворе стояла такая темень, что по кельям хоть огни вздувай; Во флигеле долго стояла тишина.*)

О погоде.

Быть. О времени суток, временах года *(Тогда стояла осень...; Стоял конец декабря)*.

Владеть кем-либо, наполнять собой тело, душу и т. п. Об ощущении кого-либо *(Тупая боль стояла во всех ее членах; Во всем теле стоит такая лень...)*.

Быть видным, заметным на лице, в глазах и т. п. О каком-либо выражении, улыбке и т. п.

Не выходить из сознания, постоянно быть в памяти, воображении. О каких-либо мыслях, представлениях и т. п. *(Одно... стоит в голове...; Вечером он долго не мог уснуть: все стояло перед глазами гневное лицо Любавы, все слышался ее голос)*.

15. Быть на каком-либо уровне *(Часовая стрелка стоит на половине осьмого; При этой болезни температура стоит ниже нормы)*.

С т о я́ т ь высоко, низко и т. п. О небесных светилах.

Перен. Быть на какой-либо ступени, уровне по своему положению, значению, влиянию и т. п.

16. Употребляется в составе сказуемого в значении: быть каким-либо, находиться в каком-либо состоянии, положении *(Весенний лед прошел, и время стояло довольно теплое; ...дверь его комнаты стояла настежь; А у нас овсы не убраны стояли)*.

17. С отрицанием. *Разг.* Не жалеть чего-либо (денег, расходов и т. п.). Не с т о я́ т ь за чем-либо. *Не стоять за ценой.*

§ 33. Наличие у слова нескольких значений называют п о л и с е м и е й или м н о г о з н а ч н о с т ь ю.

То, что слово выступает в том или другом значении, определяется особенностями сочетания данного слова с другими словами, иногда — более широким контекстом или ситуацией.

Каждое из выделенных лексических значений слова регулярно реализуется в определенных словосочетаниях. Ср., например, *смотреть на улицу*, *смотреть в окно*, *в зеркало*, *на часы* и т. п., где глагол *смотреть* имеет значение ‘направлять взгляд, чтобы увидеть что-то’ и *смотреть за порядком*, *смотреть за детьми* и т. п., где тот же глагол выступает в значении ‘иметь попечение, заботиться о ком-либо или о чем-либо’. Прилагательное *черствый* способно реализовать свое первое значение (‘засохший и твердый’) с существительными, обозначающими предметы, которые могут сохнуть и становиться твердыми (хлеб, пирог и т. п.). В сочетаниях же вроде *черствый человек*, *черствый характер* это же прилагательное выступает уже в другом значении — ‘неотзывчивый, бездушный’. То же самое можно видеть и при реализации одного из приведенных значений глагола *стоять*. В самих толкованиях этих значений во многих случаях отражены обусловливающие их связи слова: «О человеке, животном»; «О предметах»; «О волосах, шерсти»;

«О средствах передвижения», «О воде, жидкости»; «О механизме или о заводе, фабрике» и т. п. и т. д.

Между значениями многозначного слова существует определенная семантическая связь, что дает основание считать их значениями одного и того же слова. Эта связь может основываться на том, что в значениях обнаруживаются общие семантические элементы, например, у существительного *стена* в толковых словарях выделяются следующие значения: 1) вертикальная часть здания, служащая для поддержания перекрытий и для разделения помещения на части; 2) высокая ограда; 3) вертикальная боковая поверхность чего-либо; 4) тесный ряд или сплошная масса чего-либо, образующие завесу, преграду; общий семантический элемент здесь может быть определен как 'вертикальная преграда, отделяющая что-то'.

§ 34. От многозначных слов, т. е. слов, которые в различных контекстах (иначе говоря, в зависимости от тех лексико-семантических позиций, в которых они выступают) имеют различные значения, принято отграничивать слова-омонимы.

Омонимией называется звуковое совпадение разных языковых единиц, которые семантически не связаны друг с другом. Например, формы прилагательных *большой*, *молодой* и т. п. представляют формы, во-первых, им. п. ед. ч. муж. р. *(большой дом, молодой человек)*, во-вторых, формы род. п. ед. ч. жен. р. *(большой деревни, молодой женщины)*, в-третьих, дат. п. ед. ч. жен. р. *(большой деревне, молодой женщине)*, в-четвертых, твор. п. ед. ч. жен. р. *(большой деревней, молодой женщиной)*. Основанием для признания этих форм разными формами, хотя и совпадающими по звучанию, служит то, что они согласуются с существительными, выступающими в различных падежах (причем те же прилагательные с существительными мужского и среднего рода здесь имеют различные формы — *большое село, большого села, большому селу* и т. д.). Таким образом, признание этих форм омонимичными не вызывает сомнений. Сложнее обстоит дело в случае лексической омонимии.

Омонимы — это слова, совпадающие по звучанию, одинаковые по своей фор-

ме, но значения которых никак не связаны друг с другом, т. е. не содержат никаких общих элементов смысла, никаких общих семантических признаков. Омонимы — это отдельные, самостоятельные слова, слова-двойники.

Если мы сопоставим различные значения — те, которые признаются значениями одного слова, и те, которые считают значениями слов-омонимов, мы обнаружим существенное различие между соотношением соответствующих предметов и явлений. Например, звуковой комплекс *раствор* может иметь следующие отмечаемые в словарях значения:

1. Угол, образуемый раздвинутыми концами какого-нибудь инструмента (лезвиями ножниц, ножками циркуля и т. п.). *Широкий раствор.*
2. Отверстие, образуемое при раскрытии двустворчатого окна, двери, ворот и т. п.
3. Жидкость, получившаяся в результате растворения твердого, жидкого или газообразного вещества в жидком веществе. *Насыщенный раствор.*
4. В строительном деле: вязкая, тестообразная смесь, получившаяся от смешения цемента или других вяжущих веществ с водой.

Нетрудно заметить, что в то время как между первыми двумя значениями, так же как и двумя следующими, существует определенная связь, между теми и другими нет ничего общего. Эти значения и даны в словарях соответственно как значения того же слова и как значения слов-омонимов.

Лексические омонимы появляются в языке вследствие различных причин. Во-первых, в результате звуковых изменений, происходящих в языке, может произойти звуковое совпадение первоначально различающихся по звучанию слов, как, например, *лук* (растение) и *лук* (для стрельбы), в результате того, что *о* носовое, которое было во втором из этих слов, совпало в древнерусском с *у*. Во-вторых, заимствование иноязычного слова (или слов) может привести к появлению в языке одинаково звучащих наименований; например: заимствованное через польский *брак* (изъян) оказалось тождественным по звучанию со словом *брак* (женитьба; ср. *брать*); заимствованное из голландского *линь* (вид каната) совпало со словом *линь* (вид рыбы); совпали в звуковой форме заимствованное из голландского *рейд* (место стоянки кораблей) и заимствованное из английского *рейд* (военный набег в тыл противника). В-третьих, омонимы могут быть следствием распада

многозначного слова, семантического разрыва, происходящего между различными его значениями. Омонимы такого происхождения довольно многочисленны в современном русском языке, ср.: *болтать* (говорить) и *болтать* (смешивать), *брань* (ругань) и *брань* (война, битва), *долг* (обязанность) и *долг* (взятие взаймы), *колоть* (раздроблять) и *колоть* (ср. *укол*), *лист* (дерева) и *лист* (бумаги), *метить* (ставить метку) и *метить* (стараться попасть), *свет* (лучистая энергия) и *свет* (мир, вселенная), *среда* (окружение) и *среда* (день недели) и мн. др. Наконец, не менее многочисленна в современном русском языке группа омонимов, звуковое совпадение которых объясняется независимым образованием слов от одной и той же основы (в соответствии с одной и той же словообразовательной моделью, но каждое со специализированным значением), например: *ветрянка* (мельница) и *ветрянка* (оспа), *приемник* (устройство для приема чего-либо) и *приемник* (учреждение), *овсянка* (птица) и *овсянка* (крупа), *дождевик* (пальто) и *дождевик* (гриб), а также омонимичностью словообразовательных аффиксов, как в случаях *бумажник* (для денег) и *бумажник* (работник бумажной промышленности), *настоять* (ср. *настойчивый*) и *настоять* (ср. *настойка*), *настроить* (например, домов) и *настроить* (наладить), *отстоять* (простоять до конца), *отстоять* (защитить) и *отстоять* (находиться на определенном расстоянии) и т. д.

§ 35. В ряде случаев отнесение различных значений к отдельным словам-омонимам или же их объединение в составе многозначного слова не представляется бесспорным. Разрыв, расхождение значений многозначного слова (т. е. утрата этими значениями общих семантических элементов) может осуществляться постепенно, поэтому существует целый ряд значений, которые в разных словарях подаются по-разному — или как значения самостоятельных слов омонимов, или же как значения, принадлежащие одному и тому же слову. Ср., например, квалификацию таких значений, как *угодить* (куда, в кого) и *угодить* (кому), *топить* (нагревать) и *топить* (расплавлять), *ярый*, (яростный, страстный) и *ярый* (светлый), *журавль* (птица) и *журавль* (шест у колодца), *колено* (ноги) и *колено* (в пении) и мн. др. в разных толковых словарях современного русского языка.

Трудности точного разграничения многозначности и омонимии, возникающие в ряде случаев, приводят некоторых лингвистов к мысли, что омонимами следует считать только значения, относящиеся к словам, различным по происхождению.

Принятие этой точки зрения отодвинуло бы понятие омонимии в область исторической лексикологии, между тем несомненно, что именно для современного языка приходится разграничивать значения, связанные друг с другом, и значения, которые хотя и относятся к словам, звучащим одинаково, но не имеют в своих значениях ничего общего (ср.: *растворить окно* и *растворить порошок в воде*, *мешать работать* и *мешать кашу* и т. п.). Кроме того, историческая точка зрения на омонимию не может решить полностью проблемы, поскольку происхождение многих слов, в том числе и омонимов, далеко не всегда представляется окончательно выясненным. Так, например, *топить* (нагревать) и *топить* (заставлять тонуть) во всех словарях подаются как слова-омонимы, но в то время как первое слово считается связанным с *тёплый* (чередование гласных), относительно происхождения второго существуют разногласия, в частности, высказывалась мысль о возможности его этимологического отождествления с *топить* (нагревать). Спорным представляется и этимологическое разграничение (или же отождествление) таких омонимов, как *ключ* (источник) и *ключ* (от замка).

Иногда в качестве объективных критериев разграничения омонимии и многозначности выдвигают словообразовательные и синтаксические показатели. Их значение, однако, нельзя признать решающим, поскольку расхождение словообразовательных рядов не непременно связано с разрывом соответствующих значений, а реализация разных значений слова в различных синтаксических конструкциях также не всегда связана с их семантическим разрывом (ср.: *смотреть* что-либо, *смотреть* на что-либо и *смотреть* за кем-либо, чем-либо, а также такие производные от этого глагола как *смотр*, *смотрины*, *присмотреть*, *присмотреться*, *насмотреться* и т. д.).

В языке существуют переходные, промежуточные явления; их существование осложняет отграничение в ряде случаев омонимии от многозначности, однако само по себе разграничение этих явлений представляется важным и теоретически, и для лексикографической практики.

§ 36. Следует отметить, что признание многозначности, т. е. того, что одно слово может иметь не одно, а больше значений, не всем исследователям представлялось оправданным. Выше уже упоминалось высказывание Потебни, согласно которому «малейшее изменение в значении слова делает его другим словом». В своей известной статье «Опыт общей теории лексикографии» Л. В. Щерба писал: «Неправильно думать, что слова имеют по нескольку значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько фонетическое слово имеет значений...» [1]. Аналогичное мнение высказывается и в настоящее время: «То что обычно называется «многозначностью» представляет в сущности разные слова с одинаковой оболочкой, находящиеся в отношении словопроизводственной связи» [2].

Основанием для подобных суждений служит главным образом то соображение, что в значении слова закреплен результат обобщения, признание же многозначности противоречило бы представлению о единстве формы и содержания. Любопытно, однако, что отрицание многозначности, основанное на такого рода общих соображениях, приводит к прямо противоположным выводам. Наряду с мнением, что значения, которые считаются обычно значениями одного многозначного слова, должны расцениваться как значения отдельных самостоятельных слов, высказывалась мысль о едином лексическом значении и его вариантах. Так, в книге В. А. Звегинцева «Семасиология» сказано: «Слово не может иметь нескольких «значений», напоминая некоторую совокупность синонимов, связанных известными смысловыми отношениями. Поскольку в лексическом значении слова закреплен результат определенного обобщения и этот процесс обобщения не прерывается до тех пор, пока живет и развивается язык, в одном слове не может одновременно происходить нескольких разных обобщений, проходящих по разным направлениям, что только и могло бы привести к образованию в слове нескольких лексических значений. Лексическое значение в слове одно, но оно может складываться из нескольких потенциальных типовых сочетаний, которые

---

[1] Щ е р б а Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 290—291.

[2] Г у б а н о в а В. А. Некоторые вопросы глагольной полисемии.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1969, с. 167.

с разных сторон характеризуют единое смысловое целое... Эти типовые потенциальные сочетания в описанном смысле правильнее всего назвать лексико-семантическими вариантами (термин А. И. Смирницкого) единого значения слова. В соответствии с этим собственно лингвистическое определение лексического значения слова должно принять следующий вид: значение слова — это совокупность его лексико-семантических вариантов» [1].

Если иметь в виду не просто терминологическую замену более традиционного термина «значение» термином «лексико-семантический вариант» [2], перед нами возникает проблема определения некоего «общего значения» слова; между тем несводимость отдельных значений целого ряда слов к какому-либо общему значению совершенно очевидна. Например, в сочетаниях *глубокая канава* и *глубокие знания*, *широкая улица* и *широкая популярность*, *широкие массы трудящихся* и т. д. прилагательные *глубокий*, *широкий* вряд ли могут быть охвачены общим семантическим определением, в котором учитывался бы не только общий «элемент смысла», присущий данным прилагательным в сочетании с разными группами слов, но отражалось бы и конкретное различие в том, что они (эти прилагательные) реально могут обозначать в соответствующих словосочетаниях, так чтобы это не было простым перечислением тех семантических признаков, которые как раз учитываются при толковании «отдельных значений» указанных прилагательных в толковых словарях.

Даже в тех случаях, когда отдельные «вторичные» значения слов, отмечаемые в словарях, непосредственно выводимы из основных значений данных слов, их семантическое своеобразие обычно не раскрывается (и не может быть раскрыто) при описании основной семантики слова, что и является причиной их особого выделения. Например, основное значение глагола *готовить*, даже если его представить обобщенно, так чтобы им покрывались такие сочетания, как *готовить уроки*, *готовить кадры*, *готовить встречу*, *готовить обед* и т. д. (которые в современных толковых словарях служат основанием для выделения разных значений глагола), все равно не может указать на возможность особого

---

[1] Звегинцев. В. А. Семасиология. М., 1957, с. 125—126.

[2] Менее удобным, вследствие того что легко сказать: «слово в таком-то значении», тогда как гораздо более громоздким оказывается в таких случаях обозначение того же при последовательном использовании термина «лексико-семантический вариант».

смысла этого глагола при его абсолютивном употреблении (ср.: *Она хорошо готовит; Его учили готовить в специальном училище* и т. п.).

Сказанное так или иначе относится почти ко всем группам многозначных слов; трудность сведения отдельных значений к какому-либо «общему значению» (представление о нем Е. Курилович вообще назвал «абстракцией, с трудом поддающейся формулировке») особенно наглядна в случае наличия у слова так называемых метафорических значений, когда последние связаны с «первичными», «основными» значениями не какими-либо существенными «элементами смысла», а так сказать, ассоциативно, на основе тех признаков, которые не являются семантически значимыми при определении первичных значений. Мы одинаково можем сказать *В чайнике кипела вода* и *В брате кипело возмущение; Костер разгорелся* и *Спор разгорелся; Развернули сверток* и *Развернули кампанию; Раздул самовар* и *Раздул дело* и т. д. и т. п., но несомненно, что употребление данных глаголов (как и множества других) для обозначения конкретного действия представляется нам первичным, а употребление этих же глаголов в сочетаниях вроде *кипело возмущение, разгорелся спор* — как бы «образным» переосмыслением их основной семантики. Подобные значения в толковых словарях обычно сопровождаются пометой «переносное», что и указывает на их известную «несамостоятельность», зависимость от тех значений, которые признаются основными и соответствуют непосредственному восприятию этих значений как каких-то особых применений слова. Поскольку такое применение слова не является индивидуальным или случайным, а закреплено в языке (так же как когда речь идет о *носе* корабля, *носике* чайника, *спинке* стула и т. д.), можно говорить об особых значениях, но явная «зависимость» последних от других значений, их «образный», как бы «надстроечный» характер, конечно, не позволяет считать их значениями отдельных самостоятельных слов, т. е. слов-омонимов (ср.: *лук* ‘растение’ и *лук* ‘орудие для стрельбы’, *ключ* (для замка) и *ключ* ‘источник’ и т. п.).

Определение лексического значения как лексико-семантического варианта слова удачно, однако, в том смысле, что значение действительно выступает как позиционно-обусловленный (устойчиво обусловленный лексико-синтаксической позицией данного слова) вариант материально тождественной единицы.

§ 37. Значения многозначного слова объединяются в семантическое единство благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия, функциональная общность). Однако именно характер этих отношений не позволяет усматривать в слове какое-то «общее значение», а его применение для отображения разных явлений действительности расценивать как некое варьирование этого «общего значения».

Приняв утверждение, что «в одном слове не может одновременно происходить несколько разных обобщений», и оказавшись не в состоянии установить «общее значение» для целого ряда лексико-семантических вариантов, мы вынуждены были бы рассматривать их не как варианты слов, а как отдельные слова — омонимы. Однако приведенное утверждение само нуждается в доказательстве, зависимость же определенных лексико-семантических вариантов от других для некоторых слов настолько очевидна, что рассмотрение их с точки зрения омонимии вряд ли сделает определение последней достаточно реальным.

Реальным фактом языка является существование в нем таких единиц, как *коса* 'сплетенные волосы' и *коса* 'орудие' с одной стороны, и таких, как *земля* в ее разных значениях — с другой. Трудно усомниться в том, что это различные по своей природе «тождества» звуковых комплексов. Совмещение значений, связанных с звуковым комплексом *коса*, возможно только как нарочитая «игра слов», тогда как значения звукового комплекса *земля* могут в разных контекстах по-разному объединяться друг с другом на основе именно их семантических связей, как, например, в таких строчках: Ударился затылком о родную, Весеннюю приветливую *землю*, И в этот миг в мозгу прошли все мысли... (Блок. О смерти). По-видимому, нет никакого смысла игнорировать эти различия. Именно для их обозначения естественнее всего использовать традиционные термины «омонимия» и «многозначность».

§ 38. Будучи позиционно обусловленными, значения многозначного слова не выступают независимо одно от другого. Сферы их действия могут перекрещиваться, но они в принципе не могут противоречить друг другу. То, что слово «употреблено в таком-то значении» — это и значит, что слово в данном употреблении

предполагает определенный контекст, который в разных случаях может быть выражен, естественно, по-разному, но который обычно поддается обобщенной характеристике, вследствие чего и можно говорить о «типизированном контексте», или «семантической позиции» слова.

Когда мы говорим о разных значениях, присущих данному слову, мы, по существу, и исходим из разных контекстов его употребления. То, что с этими разными значениями связаны различия в предметной отнесенности слова (в его денотативной функции), далеко не во всех случаях само по себе создает четкие границы между разными значениями слова. Если для слов, обозначающих конкретные предметы, разграничение значений осуществляется как будто на основе учета денотативных возможностей слова, то для всех остальных лексических единиц самая мысль о нем возникает только в связи с тем, что сопоставляются разные контексты употребления слова.

На отсутствие непосредственной денотативной обусловленности такого разграничения прямо указывают данные толковых словарей, в которых значения многих слов выделены совершенно по-разному. Понятно, что отчасти это может быть объяснено отсутствием общепризнанных лексикографических принципов описания семантической структуры слова, но в значительной мере вызвано и тем, что в самом слове значения, как правило, не существуют независимо друг от друга, каждое из них не замкнуто в самом себе, а в з а и м о с в я з а н о с другими значениями.

Часто говорят так: многозначность слов не препятствует речевому общению, так как контекст показывает, в к а к о м значении в данном случае употреблено слово. Правильнее, по-видимому, сказать, что контекст не показывает, а о б у с л о в л и в а е т то, что в каждом случае выступает то или иное значение слова. Поэтому многозначность и не может быть (принципиально) препятствием точному пониманию.

В этом и состоит ее коренное отличие от омонимии.

Если мы рассмотрим любое многозначное слово, мы убедимся, что в большинстве случаев вообще не может возникнуть ситуации, в которой «неопределенность» значения слова сама по себе делала бы высказывание двусмысленным.

Например, для прилагательного *новый* в ССРЛЯ устанавливаются следующие значения:

1. Впервые созданный или сделанный, недавно появившийся или возникший. Противопол.: старый... Сохранивший свой первоначальный вид, нетронутый временем.

2. Относящийся к нашему времени; современный. Противопол.: прежний, старый... Нынешний, теперешний... Пришедший на смену старому.

3. Следующий, очередной.

4. Вновь открытый, обнаруженный; ранее неизвестный... Ранее неизведанный, вновь появившийся.

5. Незнакомый, малоизвестный. Н о́ в ы й кому-, чему-либо, для кого-, чего-либо... Непривычный, неопытный в каком-либо деле.

6. Пришедший на смену прежнему, ранее не служивший. О человеке, людях... Пришедший, введенный на смену старому, прежнему.

7. Не тот, что прежде: иной... Обновленный... Явившийся (являющийся) вслед за чем-либо; другой, иной.

8. Этого года, последнего урожая.

Возьмем самые простые и обычные фразы с этим прилагательным: *Это н о в а я книга?; На заводе появился н о в ы й мастер; Н о в а я мысль возникла у него* и т. п. Кажутся нам эти фразы чем-то двусмысленным? Конечно, нет. Но можем ли мы со всей определенностью сказать, в каком из приведенных значений употреблено слово? По-видимому, тоже нет.

Контекст может предопределять то, что слово выступает с тем или иным значением, точно так же как и то, что в других случаях отдельные из этих значений могут не отграничиваться друг от друга. Поэтому при составлении словарей и бывает трудно распределить по значениям иллюстративный материал. Но в реальном языковом общении обычно не возникает подобного вопроса.

П р и н ц и п д и ф ф у з н о с т и значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику. То, что лексикографические описания не отражают этого (более того, именно стремятся освободить словарные статьи от «неопределенных» примеров), существенно искажает представление о семантической структуре описываемых слов. При столкновении же омонимов такая неопределенность принципиально невозможна. Это и дает нам основание считать данные значения значениями р а з н ы х слов, несмотря на то что внешне это как будто одно и то же слово.

Легко заметить, что даже специальное обыгрывание семантической многоплановости слова (основанное на том, что слово поставлено в такие условия, которые создают противоречие между позиционно обусловленным значением слова и более широким контекстом) не приводит к разрушению

его семантической целостности. Ср., например, у Блока: *Миры летят. Года летят. Пустая Вселенная глядит в нас мраком глаз* и мн. под.

По-иному обстоит дело с омонимами. Ассоциации здесь основаны только на звуковом тождестве, поэтому нарочитое столкновение омонимов всегда оказывается неожиданным в семантическом плане, не подкрепленным смысловыми ассоциациями; случайное же их столкновение в речи, приводящее к недоразумениям, свидетельствует об отсутствии «понятийного контакта» между говорящими (ср. замечание Н. С. Трубецкого о том, что «при восприятии любого языкового выражения мы обычно уже заранее настраиваемся на определенную, ограниченную сферу понятий и принимаем во внимание только такие лексические элементы, которые принадлежат этой сфере»).

Именно на комическом недоразумении, основанном на непонимании слушателями терминологического значения произносимых слов, строятся некоторые сценки, изображенные Чеховым. Например: «При словах «предложение» и «союз» ученицы скромно потупляют глаза и краснеют, а при словах «прилагательное» и «придаточное» ученики с надеждою взирают на будущее» («Из записной книжки отставного старого педагога»); «У постели больного стоят доктора Попов и Миллер и спорят». Они произносят, в частности, такие фразы, как «Я, признаться, плохой приверженец консервативного метода», «Я говорю о режиме, который следовало бы изменить in concreto...», «Не обойтись без сильного возбуждающего...» «Но прежде, чем давать возбуждающее, я просил бы вас обратить внимание на его конституцию...» В заключение больной, «побледнев», восклицает: «Ах, господа, не говорите так громко! Я человек семейный... служащий... Под окнами люди ходят... у меня прислуга... Ах!» и безнадежно машет рукой («У постели больного»).

§ 39. Устанавливая существование в языке, с одной стороны, омонимов, с другой — многозначных слов, мы только констатируем то, что есть в языке. Нет смысла обсуждать возможность или невозможность этого явления с точки зрения тех или иных логических построений. Это факт языка, он не нуждается в доказательстве своей правомерности. Он требует объяснения и изучения, но не логического оправдания. В самой действительности предметы и явления объединяются сложными и многообразными связя-

ми. В стихотворении «Гремская колокольня» Симона Чиковани есть такие строчки:

Всему дана двойная честь
Быть тем и тем:
предмет бывает
тем, что он в самом деле есть,
и тем, что он напоминает.

(Перевод Беллы Ахмадуллиной.)

Материальное (звуковое) тождество слова является о с н о в о й его семантического тождества, несмотря на возможность самого разнообразного применения слова, всевозможных модификаций его смысла, наконец, расщепления его денотативных функций. Когда же вопреки этому тождеству мы утверждаем, что перед нами разные слова, мы и должны обосновать именно это утверждение.

Сама языковая данность, то, что перед нами о д н а звуковая единица, и является решающим доводом в пользу того, чтобы считать ее одним словом. Если мы обнаруживаем при этом, что в семантическом отношении она неоднородна, так как ее номинативные функции различны, перед нами как раз и возникает задача определить возможность подобных различий, т. е. в конечном счете ту функциональную особенность языка, на которую обращал внимание еще В. Гумбольдт и которая заключается в его способности ограниченными средствами передавать безграничность человеческого опыта [1].

У нас нет никаких оснований заранее считать каждую номинативную функцию одной и той же единицы значением различных слов. Наоборот, нам нужно доказать, что такие-то значения, несмотря на то, что они выражаются той же материальной единицей, принадлежат не одному слову, а разным словам, т. е. омонимам.

Как показывают наблюдения, говорящим как раз свойственно стремление видеть что-то общее в «смысле» слов, имеющих одинаковое звуковое выражение. Показательно,

[1] Ю. С. Степанов отмечает: «экономичное устройство языка: небольшое количество фонем путем регулярных комбинаций служит выражением большого числа морфем; комбинации морфем способны экономно передать смысл и т. д. С такой же компактностью и экономичностью мы сталкиваемся в смысловом устройстве слова. Значений в семантической системе языка гораздо больше, чем слов. Слова многозначны» (Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966, с. 152).

что «языковое сознание» сближает и этимологически различные, но вследствие различных причин совпавшие по звучанию слова [1].

Таким образом, в случае материальной тождественности мы исходим из презумпции тождественности слова, как такового. Если воспользоваться аналогией (памятуя, что аналогия в «языке науки» — это всего лишь своего рода метафора), можно пояснить это так: встретив знакомого в новой ситуации, мы, разумеется, прежде всего исходим из того, что это «то же» лицо, не предполагая сразу же, что имеем дело с близнецами или случайным сходством.

Ж. Вандриес, указав на то, что омонимы это «бич языка» (так как «язык нуждается в ясности и больше всего для него опасна двусмысленность»), отмечал в то же время, что «омонимия, однако, опасна лишь в той мере, в какой сознают опасности, которые с ней связаны... Смешение может стать настолько полным, что из-за него не испытывают неудобств, так как его не замечают» [2].

Иногда высказывалась мысль, что омонимия столь же естественна в языке, как и многозначность. С этим нужно согласиться, если иметь в виду речевую практику: разграничение многозначности и омонимии проводится не в речи самих носителей языка, а в лексикологии и лексикографии. Однако это не может свидетельствовать о необоснованности этого разграничения. Из того, что сами носители языка не замечают разницы между какими-то явлениями, никоим образом не следует, что между этими явлениями в самом языке как системе нет принципиальной разницы.

Когда некоторые лингвисты подчеркивают отсутствие принципиальных различий между полисемией и омонимией на основании того, что говорящие обычно не испытывают неудобств из-за омонимов, так как контекст определяет значение слова в случае омонимии, так же как и в случае много-

---

[1] «Мы сделали небольшой эксперимент: опросили 10 человек, поставив им такой вопрос: «Как вы думаете, почему *ключ* 'источник' называется так же, как *ключ* от двери?» Ни один не ответил нам: «Совершенно случайно» или: «Просто так». Напротив, люди задумывались, начинали искать связь, объединяющую эти слова и понятия, и, к нашему удивлению, находили ее, например, в таком виде: «Вода где-то заключена и пробивается тоненьким ручейком» или: «Вода — ключ жизни» и т. д» (Арсеньева М. Г., Строева Т. В., Хазанович А. П. Многозначность и омонимия. Л., 1966, с. 5).

[2] Vendryes J. L'étymologie croisée.— «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», 1955, t. 51, f. 1, s. 46.

значности, они обходят вниманием тот факт, что контекст выполняет при этом различную роль.

Значения слов-омонимов всегда взаимно исключают друг друга. Между значениями многозначного слова существуют иные отношения: они находятся или в отношении однонаправленной детерминации, когда одно из значений предполагает другое (ср. значения, которые в словарях именно в связи с этим квалифицируются как «переносные»), или между ними существуют отношения невзаимоисключающей дизъюнкции (реализация одного из значений зависит от лексико-синтаксической позиции слова, но между этими значениями нет непреодолимой границы; существуют такие позиции слова, в которых различающиеся в других случаях значения предстают как бы в совмещенном виде, к этим различиям в проявлении многозначности нам придется еще вернуться).

Нужно отметить, что, тогда как многозначность во многом характеризует своеобразие лексической системы каждого отдельного языка, омонимия в этом смысле предстает как внесистемное явление.

§ 40. Понятию лексической многозначности может быть противопоставлено не только понятие омонимии, но и понятие однозначности, т. е. закрепленности за данным звуковым комплексом лишь одного устойчивого лексического значения. Например, такие слова, как *беркут*, *береза*, *грусть*, *дикобраз*, *заводь*, *мгла*, *палка*, *шпага*, *ситец*, *надменный*, *сиплый*, *завидовать*, *веселиться*, *тачать* и др., характеризуются однородной предметной направленностью, семантической одноплановостью. Определение соотношения, существующего в том или ином языке между однозначными и многозначными словами, а также того, какие семантические группы слов более тяготеют к многозначности, а какие — к однозначности, представляет безусловный интерес для лексикологии, как и определение различных типов многозначности в отдельных национальных языках, поскольку характер объединения значений в границах одного слова, виды связей между разными значениями того же слова в разных языках далеко не всегда совпадают.

§ 41. Связь между явлениями действительности может по-разному отражаться в разных языках, поэтому семанти-

ческая структура иноязычных слов, выступающих как лексические эквиваленты русских слов, когда речь идет об их основных значениях, в целом нередко значительно отличается от семантической структуры последних. Например, французское прилагательное *vert* соответствует русскому прилагательному *зеленый* в его основном, цветовом значении, но те вторичные значения, которые выделяются у французского прилагательного, никак не покрываются семантикой русского слова: кроме значения 'незрелый, неспелый', *vert* в различных сочетаниях значит также 'сырой' (например, *bois vert* 'сырые дрова'), 'бодрый, крепкий, здоровый', 'вольный, игривый' и 'резкий, строгий'.

Сама связь между значениями многозначного слова в одних случаях, хотя и не соответствует связям, существующим в другом языке, представляется все же достаточно естественной с точки зрения носителей этого другого языка, в иных же случаях она кажется вообще немотивированной. Ср., например, как определена система значений нескольких английских слов в англо-русском словаре:

back 1. спина; 2. спинка (стула); 3. гребень (волны, холма); 4. задняя или оборотная сторона, изнанка, подкладка; 5. корешок (книги); 6. обух.

smart 1. резкий, сильный (об ударе, боли), суровый (о наказании); 2. быстрый, проворный; 3. остроумный, находчивый; 4. ловкий, продувной; 5. щеголеватый; нарядный, модный; 6. *разг.* порядочный.

to lick 1. лизать, облизывать; 2. *разг.* бить, колотить, побивать превосходить); 3. *разг.* спешить.

bolt 1. *ист.* стрела; 2. молния; удар грома; 3. засов; задвижка; язык (замка); 4. болт; 5. *разг.* бегство; 6. быстрое проглатывание пищи; 7. вязанка (хвороста); кусок (холста, шелковой материи).

Первое из приведенных слов (существительное *back*) представляет, по-видимому, необычную с точки зрения носителей русского языка, но в общем-то понятную систему значений, тогда как связь значений других слов кажется и непривычной и немотивированной.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА. МЕТАФОРА. МЕТОНИМИЯ. СИНЕКДОХА. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРЕНОСЫ НАИМЕНОВАНИЙ

§ 42. Уже при беглом знакомстве с подачей значений многозначного слова в том или ином словаре может сложиться впечатление, что выделяемые значения представляют собой достаточно независимые семантические единицы. Сам

способ семантического описания слова, при котором толкования даются одно вслед за другим под отдельными номерами, как будто должен свидетельствовать об их равноправности (или же последовательной соподчиненности). Между тем, конечно, у составителей словарей всегда в той или иной степени присутствовало сознание того, что слово с семантической точки зрения не есть простая сумма значений, которые одинаково зависят друг от друга или же одинаково автономны. Уже сама группировка значений, разграничение значений и оттенков значений, различные пометы, вроде «переносное», призваны отразить тот факт, что значения многозначного слова образуют определенную семантическую структуру, элементы которой по-разному зависят один от другого и по-разному связаны один с другим. Однако линейное расположение толкований неизбежно затушевывает подлинное соотношение значений, семантическую организацию слова.

Рассмотрим значения слова с относительно простой семантической структурой.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова семантика существительного *зерно* описана следующим образом:

1. Семя растений, содержащее мучнистое вещество и зародыш. *Сеять зерна. Горчичное зерно. Конопляное зерно. Крупные, мелкие зерна. Насыпать птицам зерен. Кофе в зернах.* 2. *Собир., только ед.* Семена хлебных злаков. *Торговать зерном. Хлеб в зерне.* 3. Малая частица чего-нибудь округлой формы, видом напоминающая зерно. *Жемчужное зерно. Золото иногда добывается в зернах.* || *перен.* Небольшая частица, крупица чего-нибудь *(книжн.). Зерно истины.* 4. *перен.* Зародыш, ядро, основное начало *(книжн.). Зерно теории. Зерно поэмы* [1].

Нетрудно заметить, что выделенные значения не образуют какого-либо последовательного ряда «смыслов». Несколько упрощенно связь между ними могла бы быть отражена в такой схеме:

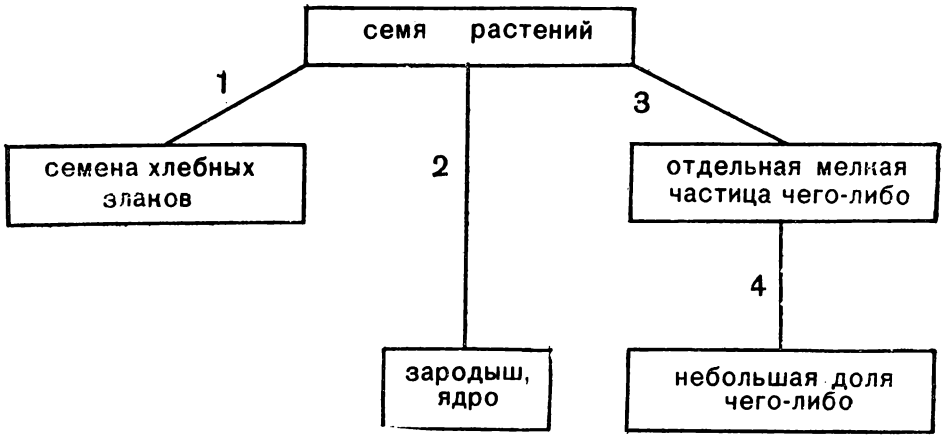
---

[1] Примерно так же семантика данного слова описана и в других современных толковых словарях. Отличия касаются формулировок и соотношения между значениями и оттенками значений. Ср., например, в «Словаре русского языка» в четырех томах:

«1. Плод и семя злаков, семя растений.|| *собир.* Семена хлебных злаков.

2. Отдельная частица, крупинка какого-либо вещества.|| *перен.* Небольшая доля, частица, крупица.

3. Зародыш, исходное начало, ядро чего-либо».

1. Такую связь между значениями слова называют обычно синекдохой, сущность которой состоит в том, что целое называется по какой-либо его части, для совокупности предметов используется наименование единичного предмета, или наоборот.

2. Основанием для переноса наименования служит «назначение» предмета, основанием для связи значений является, таким образом, функциональный момент.

3. В основе связи значений сходство по форме и величине обозначаемых предметов. Перенос наименования на основе сходства называется метафорой.

4. Эта связь между значениями слова имеет также метафорический характер, но здесь сходство только по величине; соответственно — связь значения «небольшая доля чего-либо» с исходным значением слова основана лишь на ассоциативном признаке.

Сразу же обращает на себя внимание, что возможности сочетания слова в разных значениях различны. Следовательно, и проявление этих значений в разной степени зависит от контекста. К рассмотрению этого вопроса нам придется вернуться, пока же остановимся подробнее на тех видах связи между значениями слов, которые обычно устанавливаются в лексикологии. Нужно заметить только, что чаще всего эти виды связи определялись в плане исторического развития семантики слов. Однако историческое раз-

витие значений слов, идущее в том или ином направлении, обусловливает и известный тип соотношений между сосуществующими в дальнейшем значениями, точно так же как характер взаимоотношений между сосуществующими значениями слова определенным образом указывает на ход его семантического развития. Понятно, что далеко не всегда семантическое развитие слова приводит к сосуществованию новых и старых значений,— нередко новые значения вытесняют прежние или оттесняют их на второй план. Следовательно, определение значений, как «главных», «основных», «первичных», с одной стороны, и «вторичных», «переносных» — с другой, может иметь различный смысл, в зависимости от того, говорим ли мы об историческом развитии семантики слова или же о тех соотношениях, которые существуют в данный момент. Дальше речь будет идти прежде всего о семантической структуре слова именно в современном языке.

§ 43. Метафора. Наименование того или иного предмета или явления перенесено на другой предмет или явление на основании их сходства (по форме, внешнему виду, положению и т. д.).

При метафоре один предмет (явление) уподобляется другому, причем «образность» такого метафорического наименования в разных случаях оказывается различной. Не говоря уже о том, что в речи постоянно возникают индивидуальные метафоры (ср. их роль в художественной литературе) и собственно «языковые метафоры» разнятся по степени закрепленности за ними соответствующих переносных значений. Ср., например, *подкапываться* (под кого-нибудь), *копаться* (в чем-нибудь) и *окопаться* (где-нибудь, в значении 'найти пристанище'; например: *Тут работы — мама ро́дная! — громко сказал парень... Не может быть, чтобы я здесь не окопался* — Владимов. Большая руда) с гораздо более заметной «образностью». Ощутимость последней зависит и от устойчивости (и частотности) данного метафорического словоупотребления, и от того, насколько употребительно слово в своем первичном значении. Ср. развитие переносных (основанных на метафоре) значений у таких слов, как *волынка* (*Она быстро пошла по коридору, собираясь сейчас же рассказать и о Мите, и о его матери, и о волынке отдела снабжения с изготовлением плакатов, и о своем тяжелом положении на строительстве* — Ан-

т о н о в. Первая должность), *очаг*, *трущоба*, *распоясаться*, *состряпать* и др. под., малоупотребительных в настоящее время в их первичных значениях,— и у таких, как *молния* (*На нем была рыжая вельветовая куртка на «м о л н и я х»*...— В л а д и м о в. Большая руда; ср.: *телеграмма-м о л н и я*, *стенгазета-м о л н и я*), *баня* («*Ну, быть б а н е!*» — *подумал я. По всем признакам, прокурор решил упечь меня* — Ч е х о в. Ночь перед судом), *улетучиться* («*Мрачнее ночи она посмотрела на мужчин, и Петр Горбидоныч незамедлительно у л е т у ч и л с я восвояси...*— Л. Л е о н о в. Вор), *хвост* (*Кроме того, у меня были х в о с т ы по географии и по математике* — Г а й д а р. Судьба барабанщика), *зеленый* (*Уже много лет в бригаду Федора Федоровича начальство посылало з е л е н ы х ребят и девчат — бывших разнорабочих...*— А н т о н о в. Беккеровский рояль), *гнездо* (*пулеметное г н е з д о*), *сливки* (*с л и в к и общества*), *окно* (в болоте; в расписании), *ширма*, *котел*, *платформа*, *водораздел* (см. *провести в о д о р а з д е л*), *отгородиться*, жаргонное *вкалывать* (— *Ну, ты там в к а л ы в а е ш ь, в вечернюю школу ходишь... На черта тебе это надо?* — Д у б о в. Жесткая проба), *туман*, *вода*, *докатиться* и мн. под., у которых переносные значения явно не приобрели главенствующего положения в их семантической структуре.

Метафорические переносы наименований наиболее интенсивно затрагивают те группы лексики, которые связаны с наиболее насущными в данный период жизни общества явлениями. Показательна, например, активизация военной лексики в переносном употреблении после гражданской, а затем Великой Отечественной войны; например: *техническое п е р е в о о р у ж е н и е; ф р о н т строительных работ; в з я т ь р у б е ж и; м о б и л и з о в а т ь р е з е р в ы; н а п о з и ц и я х б о р ь б ы за мир; э н е р г о в о о р у ж е н н о с т ь; р е й д ы писательских бригад; рабочая г в а р д и я; заводские в е т е р а н ы; т о р п е д и р о в а т ь переговоры* и т. п.

С другой стороны, происходит вовлечение лексики других семантических пластов для метафорического обозначения тех предметов и явлений, которые связаны с важными для жизни общества (или отдельных его групп) событиями. Например, в годы Великой Отечественной войны окружение противника называлось *котлом*, *мешком*, *клещами*, *кольцом*, *подковой*, *обручем*, *крысоловкой*, *мышеловкой*, освети-

тельные авиабомбы и ракеты — *фонарями, люстрами, лампадами* и т. п.[1].

Можно отметить экспансию спортивной терминологии в наши дни, связанную с возросшей ролью спорта в жизни общества; ср. переносное употребление таких слов и выражений, как *старт, финиш, раунд, марафон, эстафета, положение вне игры, с ничейным счетом, вырваться на первое место*, шахматные: *цейтнот, ход конем* и т. п.

Как видно уже из приведенных примеров, метафорические соотношения между значениями слов очень разнообразны, их трудно было бы подвести под более или менее устойчивые формулы, хотя и здесь можно отметить некоторые более или менее общие закономерности.

Так, например, многие прилагательные, обозначающие конкретные, чувственно воспринимаемые признаки, служат одновременно для обозначения более отвлеченных признаков, связанных с психическим состоянием, моральными качествами и т. п. Ср. употребление таких прилагательных, как *высокий — низкий, широкий — узкий, близкий — далекий, яркий — бледный, светлый — темный, чистый — грязный, горячий — холодный, теплый — прохладный, полный — пустой, легкий — тяжелый, мягкий — жесткий* и т. д.

При даже самом беглом ознакомлении с семантикой различных групп многозначных глаголов не может не обратить на себя внимание тот факт, что среди глаголов, обозначающих конкретные физические действия и состояния, сравнительно немного таких, значения которых были бы ограничены указанной сферой,— большая часть этих глаголов используется также для обозначения действий, имеющих менее конкретный характер, для обозначения психических процессов и т. д. Ср.: *открыть дверь* и *открыть физический закон, разжечь костер* и *разжечь страсти, стереть кляксу* и *стереть различия, разрубить полено* и *разрубить противоречия, бросать мячик* и *бросать слова, поднять платок* и *поднять вопрос, вселить в квартиру жильцов* и *вселить в друга уверенность, вскрыть ящик* и *вскрыть недостатки, уколоть палец* и *уколоть самолюбие, взвесить хлеб* и *взвесить воз-*

[1] Кожин А. Н. Русский язык в дни Великой Отечественной войны.— «Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та», 1961, т. 109. Труды кафедры русского языка, вып. 7, с. 640.

можности, осветить комнату и *осветить вопрос, подтянуть ремень* и *подтянуть отстающих, развязать веревки* и *развязать войну* и мн. под.

§ 44. Метонимия. Наименование того или иного предмета или явления перенесено на другой предмет или явление по смежности. Например, значения существительного *упряжка* определяются так:

1. Действие по значению глагола *упрячь — упрягать.— Если лошадь не спутаешь, то во время упряжки она брыкается, долбит копытами по оглоблям, рвет сбрую* (Чехов. Письмо М. П. Чеховой). 2. Несколько лошадей, собак, оленей и т. п., запряженных одной упряжью. *—Грудастые рослые лошади — по несколько штук в упряжке — везли четыре дальнобойных морских орудия* (Седых. Даурия). 3. Совокупность принадлежностей для запряжки.— *По улицам мчались раскормленные лошади в богатой упряжке, развозя солидных москвичей* (Горький. Жизнь Клима Самгина).

Как видим, отглагольное существительное, обозначающее действие, служит также для обозначения того, что охвачено этим действием, а также предметов, при помощи которых действие осуществляется. Ср. также *свисток, гудок* (1. обозначение действия: *Раздался свисток, гудок;* 2. предмет, при помощи которого может быть осуществлено действие: *свистеть в свисток; клапан гудка* и т. п.).

Пример метонимического соотношения значений представляет слово *бумага* (ср. его первое значение 'материал для письма' и значение 'официальный документ', то есть 'написанное на бумаге'). Могут быть отмечены различные типы метонимических переносов, например:

1. Действие — результат действия: *совпадение взглядов* и *совпадения в тексте; укрепление здоровья* и *линия укреплений; украшение городов* и *елочные украшения; занималась шитьем* и *древнерусское шитье; сочинение рассказов* и *школьное сочинение; факт ранения* и *тяжелое ранение.*

2. Действие — место действия: *выход на сцену* и *выход из зала; помещение в больницу* и *жилое помещение;* иногда также и время действия (ср. *сенокос*).

3. Материал — изделие из материала: *добывать серебро* и *столовое серебро; шерсть медведя* и *шерсть на костюм.*

4. Вместилище — его содержимое: *налить воды в чайник* и *вскипятить чайник.* Когда мы говорим *Кипит вода*, речь идет именно о «кипящей воде», но мы говорим также *Кипит*

чайник, что, конечно, уже не означает «кипения» самого чайника, а значит, что кипит опять-таки вода, налитая в чайник. Ср.: *Самовар скоро вскипел, и мы благодушествовали за ним втроем: я, Трофим и Михайло* (Эртель. Записки степняка); *В маленькой комнатке за магазином жила сестра хозяина, я кипятил для нее самовары* (Горький. Мои университеты); *Чайник давно уже вскипел, но Кузьма затеял еще точить косу* (Абрамов. Безотцовщина). Ср.: также *съесть целую тарелку* и т. п. Напр.: *Доктор выпил второй стакан тоже залпом, потом стал угощать меня концентратом — шоколад с какао* (Каверин. Два капитана).

5. Учреждение — помещение, в котором оно находится: *организовал лабораторию и вошел в лабораторию.*

6. Учреждение — люди, работающие или находящиеся там: *работал на заводе* и *весь завод любил его.*

7. Населенный пункт — жители: *увидали деревню* и *вся деревня вышла на сенокос.*

И т. п.

Метонимические переносы свойственны не только существительным, но и другим частям речи. Например, многие качественные прилагательные могут иметь как значение 'обладающий каким-либо качеством' (о живом существе), так и значением 'обнаруживающий это качество' (о предмете — в широком смысле); ср. *умный человек — умная книга; глупый мальчишка — глупый вопрос; смелый охотник — смелый ответ; легкомысленный юноша — легкомысленный поступок; интересный рассказчик — интересный рассказ* и мн. под.; ср. также соотношение значений 'вызывающий какое-либо чувство, состояние' и 'находящийся в этом состоянии', а также 'выражающий это состояние': *веселый ужин — веселый человек — веселые глаза; угрюмый лес — угрюмый подросток — угрюмый вид* и т. п. Как отмечал еще М. М. Покровский, «*кручинный* может употребляться как о человеке, находящемся в печали *(в горе жить, кручинну быть)*, так и о деле, причиняющем горе, кручину; таким же образом употребляются *скорбный, горестный, радостный, скучный* (например, *скучная работа*, с другой стороны — *Что ты так скучен, друг*), *печальный, тревожный*» [1]. У целого ряда относительных прилагательных, как отметил тот

[1] Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959, с. 224.

же исследователь, «развивается значение 'полный', иногда уживаясь со старым значением, иногда вытесняя его. Например, *умный* теперь значит не 'относящийся к уму', но 'имеющий его': *умные глаза* — это 'глаза, в которых светится ум'; но в старом языке *умные глаза* значило 'глаза ума, умственные ~~очи~~'...» Среди прилагательных, в семантике которых отмеченные значения «уживаются», такие, например, как *снежный (снежный обвал — снежная зима)*, *хлебный (хлебная торговля, амбар — хлебное место)*, *грибной (грибной суп — грибная пора — грибное место)*, *рыбный (рыбная ловля — рыбный стол — рыбное озеро)* и под.[1].

Метонимическим соотношением значений характеризуется целый ряд глаголов; ср.: *рубить поленья* и *рубить дрова; поленья* — это объект, который подвергается действию, но *дрова* — это уже результат действия. Аналогичное соотношение присуще ряду других глаголов, ср.: *косить траву* и *косить сено; копать глину* и *копать яму; рыть землю* и *рыть окопы; варить рыбу* и *варить уху; варить ягоды* и *варить варенье; рисовать (лепить) кого-либо* и *рисовать (лепить) портрет; разжечь хворост — разжечь костер* и т. п.

Различия в соотношении глагола с объектом действия (в одном случае объектом является предмет, подвергаемый воздействию, в другом — в качестве объекта выступает обозначение предмета, создаваемого соответствующим действием) дают основание видеть соответственно разные значения в приведенных глаголах. Однако при этом нельзя упускать из виду особый характер данных значений (если считать целесообразным квалифицировать соответствующие употребления глагола как особые значения), поскольку возможно абсолютивное употребление данных глаголов или их сочетание с такими неопределенными объектами (вроде «что-то, что-нибудь» и т. п.), которые не дают возможности выяснить, к какому же из выделенных (на основании предыдущих примеров) значений мы должны отнести соответствующие употребления, например: *Она любит рисовать; Он все время что-нибудь рубит; Кажется, она что-то варит сейчас* и под.

У ряда глаголов совмещены значения, которые указывают на «обратимые» действия, например: *уложить чемодан — уложить вещи в чемодан, прибрать комнату —*

[1] Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959, с. 226—227.

прибрать в комнате, обвязать шарф вокруг шеи — обвязать шею шарфом, выжать сок из лимона — выжать лимон, топить печь — топить комнату и под. Следует отметить, что, как далеко не всякое метафорическое употребление слова свидетельствует о приобретении словом соответствующего метафорического значения, так и применение слова на основе ассоциации по смежности не всегда может быть расценено, как появление у слова нового значения. Так, обозначение совокупности людей словом, обозначающим место, где они живут, работают и т. д., в большей части случаев не является результатом того, что данное слово получило соответствующее значение; например, во фразе *Кулика этого знает уже весь берег...* (К а з а к о в. Тропики на печке) существительное *берег* возможно не потому, что оно имеет значение 'люди, живущие на берегу', а потому, что в языке существует закономерность, согласно которой многие названия местностей, помещений, учреждений и т. д. могут быть использованы также для обозначения находящихся там людей (ср. *в е с ь д о м о т д ы х а заинтересовался этим; з а л аплодировал* и т. п.).

Нет оснований приписывать многозначному слову *голова* еще одно самостоятельное значение — 'боль в голове' — на том основании, что это существительное (как и ряд других существительных, обозначающих 'части тела') может в разговорной речи регулярно употребляться именно в таком значении: *Варенька встретила его любопытным взглядом и ласковым вопросом: — П р о ш л а г о л о в к а?* (Г о р ь к и й. Варенька Олесова); — *...Но мучения твои сейчас кончатся, г о л о в а п р о й д е т* (Б у л г а к о в. Мастер и Маргарита); *Я до такой степени удивился, что у меня даже п р о ш л а г о л о в а* (Б у л г а к о в. Театральный роман). Ср.: — *Что, п р о ш л о у вас г о р л о?* (Ч е х о в. Иван Матвеич); *Поездка удалась, как он и не думал; с е р д ц е у Раисы п р о ш л о, она была даже приветлива...* (А. Т о л с т о й. Приключения Растегина).

То же самое относится и к ряду других метонимических по своему характеру обозначений. Так, по аналогии с существительными, имеющими количественно-временно́е значение, в таких же контекстах и с таким же назначением могут употребляться и некоторые другие существительные, приобретающие в данном случае (именно к о н т е к с т н о) функцию обозначения времени: *На Чернове была розовая рубаха, — он в е с ь п о х о д играл на балалайке, плясал,*

пил водку и угащивал товарищей (Л. Толстой. Дяденька Жданов и кавалер Чернов); *...человек этот, не упускавший случая задеть любого сослуживца коготком критики, целых три остановки, хотя давно ему следовало вылезать, расспрашивал Петра Горбидоныча о делах, здоровье, предстоящей женитьбе...* (Леонов. Вор); *Всю дорогу она злобно сжимала кулаки под платком* (Тендряков. Не ко двору) и т. п. Совершенно ясно, что слово *поход* не имеет особого значения 'время похода', *остановка* — значения 'время движения от одной остановки до другой', *дорога* — значения 'время нахождения в пути'. Однако, как и целый ряд других имен существительных, они подчиняются общей закономерности, согласно которой существительные с предметным значением в определенных контекстах используются в количественном значении. Дело, таким образом, не в том, что каждое из них в отдельности приобрело соответствующее значение, а в том, что для определенных семантических групп слов существует общая возможность аналогичного метонимического применения. Ср.: *На балконе они просидели почти до заката. Мама после чая продолжала говорить о соседях, о хозяйстве...* (Бунин. Митина любовь); *После вкусной ухи и водки глаза Якова осовели* (Горький. Мальва); — *Вы мне простите,— сказал Орлов, кивнув на газеты.— Читать за кофе — это моя непобедимая привычка* (Чехов. Рассказ неизвестного человека).

Конечно, не с точки зрения метонимических изменений значений, а только как метонимическое применение слов можно рассматривать и случаи вроде *читал Пушкина, слушал Бетховена* и т. д.

§ 45. Синекдоха. Наименование целого заменено названием отдельной его части, или наоборот. Часто синекдоха рассматривается как вид метонимии. Здесь также следует различать случаи, когда слово, как таковое, действительно приобретает такое значение (т. е. последнее становится фактом словаря, как это наблюдается со словом *зерно* или со словом *волос*, ср. *конский волос, матрас из волоса* и под.), от возможного применения слова в таком же значении, применении, которое никак не отражается на собственной семантике слова. Так, во фразе *И слышно было до рассвета, как ликовал француз* единственное число существительного *француз* вместо множест-

венного *французы* никак не значит, что слово *француз* приобрело особое (собирательное) значение, хотя эта фраза приводится Л. А. Булаховским как пример синекдохи в разделе «Метонимические изменения значений» [1], как нельзя считать, что, например, в словосочетании *собрание старинной гравюры* существительное *гравюра* приобретает особое значение.

Употребление единственного числа вместо множественного — явление не лексико-семантическое, а семантико-синтаксическое (и стилистическое); совершенно ясно, что *француз* вместо *французы* не свидетельствует об изменении лексического значения слова. Ср.: *научно-исследовательский институт игрушки; выставка французской книги* и т. п. Ср. также такие реплики персонажей в рассказе Чехова «В бане»: — *...Пущай меня бог простит за осуждения мои, но невеста нынче пошла все непутящая, несмысленая...*; — *...Жених нынче лютый,— с ним и обходиться нужно сообразно; — Мужчина нынче балованный, глупый, вольнодумствующий* — или такой газетный текст: *Проблема — кому старый чабан передает свою пастушью палку — одна из самых острых. Решение ее зависит от того, в каких условиях будет жить и работать современный молодой животновод.*

К явлениям синекдохи относятся также случаи, вроде *голова* в значении единицы счета скота (*Всех быков делят на партии по десяти голов в каждой и гонят их на другой конец города* — Чехов. Холодная кровь) или *юбка* «*перен. разг.* Женщина (как предмет чувственного влечения мужчины)»; ср.: *Он остался верен себе: не влюбился сдуру в первую встречную юбку, не ходил, как иной трезор, под окнами своей возлюбленной* (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки).

Названия разных видов одежды вообще нередко употребляются для обозначения людей в этой одежде, например: *— Это верно, что дорого,— вздыхают рыжие панталоны* (Чехов. Лишние люди), однако вряд ли оправданно считать, что такое употребление — свидетельство изменения собственного лексического значения этого словосоче-

---

[1] См.: Булаховский Л. А. Введение в языкознание, ч. II. М., 1953, с. 66.

тания [1]. Перенесение названия осуществляется здесь в соответствии с общей семантической формулой. Ср.: *Вечер. По улице идет пестрая толпа, состоящая из пьяных т у л у п о в и к а ц а в е е к* (Ч е х о в. Ряженые); *Прошли гуськом последние посетители дворца-музея — п о л у ш у б к и, ч у й к и, в а т н ы е к у р т к и* (А. Т о л с т о й. Гобелен Марии-Антуанетты).

Как видно из последних примеров, подобные обозначения людей могут иметь не только экспрессивную, но и социально-характерологическую направленность, однако трудно усомниться в том, что слова *вицмундир*, *шинель*, *чуйки*, *тулупы* и т. д. не изменили здесь своих значений и не приобрели новых значений. Употребление их для обозначения лиц (соответственно одетых) воспринимается как специальный стилистический прием, выразительность которого основана именно на контекстном смещении их прямого номинативного значения.

§ 46. Ф у н к ц и о н а л ь н ы е п е р е н о с ы н а и м е н о в а н и й. Наименование того или иного предмета или явления п е р е н о с и т с я на другой предмет или явление на основе их ф у н к ц и о н а л ь н о й о б щ н о с т и.

Существительное *лавка* осталось в языке свидетельством одной из первоначальных форм торговли, с видоизменением которой сформировалось новое значение слова — 'небольшое торговое помещение', при этом *лавка* 'скамья' и *лавка* 'торговое помещение' стали словами-омонимами.

Движение к новому значению, по-видимому, можно понять уже из того краткого толкования, которое дается ему в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «Отделенье в рядах, вообще помещенье для продажи товаров»; оно достаточно отчетливо прослеживается по памятникам письменности.

В приведенном примере перенос наименования привел к омонимическому расщеплению слова, но в других случаях функциональный момент в слове служит как раз основой единства его семантики. Например, с появлением электрического освещения фонари и лампы не зажигаются и не горят так, как зажигались и горели керосиновые фонари и лампы, но назначение — давать свет — осталось у изменив-

---

[1] См.: Б у л а х о в с к и й Л. А. Введение в языкознание, ч. II. М., 1953, с. 67.

шихся фонарей и ламп неизменным, и благодаря тождеству функции слова *зажигаться*, *гореть* продолжали применяться к уже новым осветительным приборам, получив в результате новые значения. Так, для глагола *гореть* в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова выделено отдельное значение 'действовать, быть в исправности' (о том, что дает свет). *Все лампочки горят.*

Во многих случаях изменение формы и внутреннего устройства предметов, характера осуществления различных действий не приводит к перемене названия, если их назначение остается прежним. Далеко не всегда, по-видимому, можно говорить даже и о развитии у слова нового значения. Мысль о том, что вообще осуществлен какой-то перенос, чаще всего возникает лишь вследствие того, что слова сохраняют прозрачную внутреннюю форму, ясно указывающую на первоначальные особенности соответствующих денотатов. Ср.: *кости*, *слон*, *ладья*, *горка* и под. *Игральные кости* не непременно должны быть костяными. Обозначение шахматных фигур *ладья* и *слон* в настоящее время не оправдано их формой, но сами названия не изменились, так как не изменилась значимость и функция этих фигур в шахматной игре. *Горка* — название стеклянного шкафа для посуды, никак не связанное с пирамидальной формой, обусловившей первоначально возникновение самого слова. Существительное *леса* относится в настоящее время не только к деревянным, но и к лесам из металлических стержней. И т. д.

Слова *город*, *село*, *улица*, *мост*, *завод*, *станок*, *люстра*, *книга*, *тетрадь* и мн. др. обозначают в настоящее время предметы, мало похожие на те, которые они обозначали первоначально. Но изменение предметов не вызвало замены самих названий, поскольку не изменилось их основное назначение. Изменения в характере и способах осуществления таких действий, как *писать*, *освещать*, *строить*, *ездить*, *косить*, *пахать*, *сеять*, *жать*, *шить* и других, опять-таки не вызвали изменения названий, поскольку основное назначение (цель, функциональная направленность) действий осталась прежней. Ср. также: *электропила*, *электроутюг*, *электробритва* и мн. под. обозначения новых предметов, в которых старые наименования (*пила*, *утюг*, *бритва* и под.) только как бы уточняются (при помощи *электро-*), использование старых наименований возможно потому, что функция предметов осталась прежней, как неизменным осталось обозначение соответствующих действий — *пилить*, *гладить*,

брить(ся) и т. д. Таким образом, функциональный момент в семантике слова во многих случаях выступает как фактор семантической устойчивости значительных пластов лексики.

§ 47. Таковы основные типы соотношения значений в семантической структуре многозначных слов. Конечно, нельзя забывать о том, что факторы, влияющие на семантические передвижения, на ассоциации, определяющие развитие семантики слов, сложны и многообразны. Не всегда можно с полной уверенностью установить роль каждого из них в отдельности в этих изменениях. Сам характер лексико-семантических переносов только с известной долей условности может быть описан в указанных терминах.

В ряде случаев на семантическом движении слова попеременно сказываются ассоциации — по сходству, по смежности и по функции. Например, возникновение у слова *узел* значения 'завернутые в кусок ткани вещи' (значение это возникло еще в древнерусском языке) легко объяснить метонимией, т. е. ассоциацией по смежности,— вещи, завернутые в кусок ткани, завязывались узлом, и весь предмет получил то же наименование. В дальнейшей судьбе слова решающим оказался не способ крепления предмета (можно зашить узел с вещами, стянуть узел ремнями и т. п.), а его назначение, а также и общий вид упаковки (перенесение наименования в силу тождества функции и внешнего сходства). Различного рода ассоциации могут и одновременно влиять на развитие значений слов. Так, *ножки стола, кровати* и т. п. не только внешне напоминают ноги, но имеют и определенное функциональное сходство (стол, кровать стоят на них). *Седло велосипеда, мотоцикла* имеет некоторое внешнее сходство с седлом на лошади и аналогичное назначение. *Ковш экскаватора* черпает землю и т. д., так же как *ковш* 'сосуд' — воду, и в то же время несколько похож на него по форме и т. д.

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

§ 48. Семантическая структура слова не остается неизменной. Некоторые значения слова появляются, другие исчезают с течением времени. В результате изменяется соотношение между значениями слова: первичные значения ряда слов вытесняются переносными, значения отдельных слов,

которые в настоящее время воспринимаются как переносные (и с соответствующей пометой выделяются в современных толковых словарях), могут оказаться первичными с исторической точки зрения.

Так, для современного русского литературного языка не существует первоначальных значений таких слов, как *юдоль* (первоначально 'долина'), *поприще* (первоначально 'путевая мера'), *снедать* (первоначально 'есть, съедать', значение сохранилось в говорах), *дымка* (первоначально название вида материи) и т. п.

Только живые словообразовательные связи указывают на исходную метафоричность ряда слов, в которых соответствующие значения являются в настоящее время основными (и единственными), например: *возбудить* (ср. *будить*), *дремучий (дремать, дремлющий)*, *закрасться (красться)*, *здравый (здоровый)*, *притеснять (тесный, теснить)*, *услаждать (сладкий)*, *отмежеваться (межа)*, *оцепить (цепь)*, *уломать (ломать)*, *отлечь (лечь)*, *насаждать (насадить)* и т. д.

По-видимому, только лексикографическая традиция (и наличие в картотеках примеров, отражающих прежнее словоупотребление) заставляет составителей толковых словарей современного русского языка помещать в качестве первого, основного значения некоторых слов такие значения, которые явно вытеснены в настоящее время другими, выделяемыми как переносные (ср. толкования слов *гнёт*, *личина*, *узы*, *стезя*, *уязвить*, *горнило* и под.).

Примером семантического переразложения, совершающегося на наших глазах, является судьба слова *трущоба* в литературном языке. Толковые словари современного русского языка (по-видимому, в противоречии с непосредственным ощущением большинства носителей литературного языка, особенно из городского населения) в данном случае дают историческое соотношение значений; например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (изд. 1952 г.): «**трущоба, -ы**, *ж.* 1. Труднопроходимое место (напр. лес с буреломом)... 2. *перен.*[1] Глушь, захолустье, а также грязная, тесно застроенная часть капиталистического города, обычно на окраинах, где живет беднота». Подобная подача значений вскрывает историю слова, но не отражает того факта, что в современном литературном языке переносное

[1] В 4-м издании «Словаря...» (1960) помета «переносное» снята.

значение слова закрепляется как его основное значение и, напротив, в сочетании *лесная трущоба* оно предстает уже каким-то подобием метафоры: *Главным занятием четырех братьев были великие кровавые подвиги против местных разбойников, населяющих мрачные дебри наровчатских лесов.— И бог мой! — что это были за богатырские ночлеги в л е с н ы х т р у щ о б а х у костров!* (К у п р и н. Храбрые беглецы). Характерно, что относительное определение не требуется при употреблении слова в его новом значении: *И бурчало у т р у щ о б в утробе, покрывая детвориный плачик — Под работу, под винтовку ль, на — ладони обе! Приходи, заступник и расплатчик!* (М а я к о в с к и й. Владимир Ильич Ленин); *К ночи Векшин был пьян. На окраине, в гадкой т р у щ о б е лил он на свою боль, раскачиваясь и задыхаясь, острый припахивающий падалью напиток...* (Л. Л е о н о в. Вор) и т. п. Если нам и известны исторически первоначальные значения таких слов, как *канитель, мишура, веха, бирюлька, чреватый, обуздать* и под., то явно не они определяют в настоящее время восприятие и употребление этих слов.

§ 49. Закрепление за словом переносного значения может вести, таким образом, к в ы т е с н е н и ю и з а б в е н и ю его прямого значения.

Но и само соотношение между прямым и переносным значениями слова, обычно воспринимаемое говорящими как соотношение между первичным и вторичным значениями, не остается неизменным. Так, для современного русского языка соотношение значений слова *прилепиться* ‘пристать (о чем-н. клейком, липком)’ и ‘поместиться, расположиться (непрочно или о чем-нибудь маленьком на чем-нибудь большом)’ совершенно недвусмысленно определяется как движение от конкретного к более абстрактному, причем последнее явно воспринимается как метафорическое развитие первого. Однако исторически это не так. Слова *липнуть, лепить, лепиться* связаны чередованием с *льнуть*, в котором и сохранился общий первоначальный смысл данных образований. Глагол *прилѣпитися* согласно «Материалу для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского выступал в древнерусских памятниках в таких значениях: ‘соединиться; поселиться; предаться; сочетаться; пристраститься’. Во всех этих определениях нет того конкретного смысла, который присущ современному глаголу *прилепиться*. Ср. в па-

мятнике XIV в.: *зрите убо, откуду разлучаемся и къ кому п р и л ѣ п л я е м с я* (Юрьевский пролог).

Соотношение между различными значениями слова в современном языке, таким образом, само по себе не может свидетельствовать об историческом развитии семантики слова. Вот еще один пример.

В современном русском языке слово *жажда* имеет основное, прямое значение, определяемое как 'желание, потребность пить при ощущении сухости в глотке и во рту, позыв к питью' и переносное 'необыкновенно сильное, страстное желание' («Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова). Это не значит, однако, что первое значение является первичным, а второе переносным с исторической точки зрения. Напротив, рассматривая употребление этого слова в древнерусских текстах, мы не только видим достаточную древность его второго (переносного для современного языка) значения, но и с известной долей вероятности можем предположить исконность именно этого значения, более общего и более абстрактного. Показательно в этом отношении частое употребление слова *жажа* с определением *водный*, свидетельствующее о том, что значение 'желание пить' не являлось еще основным, или, во всяком случае, отражающее наличие у слова более широкого значения в прошлом. Соответствующие примеры многочисленны в древнерусских памятниках.

Аналогичная картина может быть обнаружена в развитии значений слова *шататься* — сохранение более старого значения 'блуждать' воспринимается нами лишь как бы в качестве своеобразной метафоры основного современного значения; ср. *Пришла буря: камыш ш а т а л с я, мотался, до земли сгибался* (Л. Т о л с т о й. Камыш и маслина); *Он шел, ш а т а я с ь от дремоты, таща за угол подушку* (Б у н и н. Ночной разговор) и *Ему теперь скучно, и он, ш а т а я с ь из угла в угол, не знает, чем развлечься* (П о м я л о в с к и й. Очерки бурсы); *Толпенников до поздней ночи ш а т а л с я по бульварам* (Л. А н д р е е в. Первый гонорар).

Обратной метафоризацией, по-видимому, определяется история слова *застрять*. А. И. Соболевский связывал (и, как кажется, не без основания) это слово с корнем *стряп-*, «который является в русских *стряпать* с производным *стряпчий*...»; древнее значение, по мнению А. И. Соболевского, «может быть восстановлено в виде: возиться долго на

одном и том же месте...» [1]. Если принять во внимание значение слов с корнем *стряп-* в древнерусском языке, это объяснение кажется гораздо более правдоподобным, чем сближения со словами *встретить* или *стреха*. В «Материалах...» И. И. Срезневского отмечены следующие глаголы с этим корнем: *стряпати* 'медлить' (III, 573), *стряти, стряпу* 'медлить' (III, 574), *устряти, устряпу* 'замедлить', 'замешкаться' (III, 1290), *устряпати* 'замедлить' (III, 574), *постряти, постряпу* (?) 'замедлить' застрять' (II, 1269), *перестряпати* 'переждать' (II, 915). Любопытны лексические варианты к слову *устряти* в разных списках Пролога (в житии Аввакума, 2 декабря): *и рече своимъ сы: азъ иду далече, и, аще з а м у ж ю, принесете пищю жьньчемъ* (Лобковский Пролог, XIII в.); *и рече своимъ: се азъ иду далече и, аще у м е д ь л ю, принесете пищю женцемъ* (Пролог начала XIV в.); *и рече домашнимъ: азъ иду далече, аще же у с т р я п у, изнесѣте вы пищю женцемъ* (Пролог из Юрьевского монастыря, XIV в.).

Если указанная этимология слова *застрять* является правильной, то его переносное употребление в современном языке ('оставаться, задерживаться где-либо') является ярким примером обратной метафоры. Другими словами, когда оно употребляется в таких, например, случаях, как: *Вздумалось ему прокатиться по новой еще тогда железной дороге, сел, поехал, попал в Петербург да там и з а с т р я л на целый месяц* (М е л ь н и к о в - П е ч е р с к и й. На горах); *И неизменно отныне опаздывал к невесте, всякий раз з а с т р е в а я в пути по секретной и, значит, подпольной оказии* (Л. Л е о н о в. Вор),— то это вторичное и образно-переносное с точки зрения синхронной системы языка применение слова оказывается исторически основным и первоначальным. Таким образом, изменения в значениях слова смещают соотношения между прямыми номинативными и переносными значениями, причем последние, являясь переносными с точки зрения современного восприятия, не всегда, как мы видели, являются таковыми в плане реального исторического развития лексики.

Таким образом, современное ощущение связи между исходным и метафорическим значениями слова нельзя переносить на его прошлое. Те изменения в значении слов, кото-

---

[1] С о б о л е в с к и й А. И. Мелочи.— «Русский филологический вестник», т. 66, с. 349.

рые определяются обычно как их метафоризация, не всегда могут быть правильно поняты без учета возможности своеобразной реметафоризации, или обратной метафоризации. Переносное употребление слова, ведущее к закреплению у данного слова нового значения, может явиться источником новой языковой метафоры, в том числе, при забвении или частичном вытеснении первоначального прямого значения,— источником обратной метафоры, как бы возвращающей слово к его прежнему (или близкому) значению. Для исторической лексикологии это обстоятельство весьма существенно.

§ 50. Согласно довольно распространенному взгляду, во всех языках существует «общая тенденция движения» в семантических изменениях «от конкретного к абстрактному». Несомненно, что многие переносные значения слов в то же время являются более абстрактными, чем их прямые значения. Однако изменения в семантической структуре слова происходят и в ином, противоположном направлении. Мы уже видели это на примере слов *жажда, прилепиться*. Аналогичные изменения претерпел и целый ряд других слов.

Так, конкретное значение слова *вещь*, в современном языке выступающее как основное (ср. в четырехтомном академическом словаре: «**вещь.** 1. Всякий отдельный предмет, преимущественно бытового обихода, трудовой деятельности и т. п.»), по-видимому, нельзя считать исходным значением слова — памятники древнерусской письменности в гораздо большей мере отражают его более абстрактное значение: *Бы же тъгда вещь пречюдьна и плачь великъ* (Нестор. Житие Феодосия); *Въ житеискыхъ вещехъ тружаются человѣци* (Поучения Кирилла Туровского); *Князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи злыя, но думцы вводятъ* (Слово Даниила Заточника) и т. п.

Более абстрактное значение было вытеснено более конкретными у слова *орудие*. В древнерусском языке это слово имело значение ‘дело’: *Тако по всему словеси и оруди ю помощникъ ему бысть* (Лобковский Пролог, XIII в.; ср. в другом списке Пролога, относящемуся к началу XIV в.: *Словеси и дѣлу помощникъ*); *Святославъ же нелюбьемь рче ему: брате и свату, ажь ты идешь изо очины своея на свое орудье, а азъ паки иду за Днѣпръ своих деля орудѣй* (Ипатьевская летопись, список ок. 1425 г.). Ср. в поль-

ском приобретение словом *działo* (родственное с русским *дело*) значения 'орудие; пушка'.

У многих отглагольных существительных наряду со значением действия существует и другое значение «результата или объекта действия», причем, что важно подчеркнуть, не вообще результата данного действия, а соотнесенного с определенными конкретными предметами; ср.: *название, собрание, строение, украшения, укрепления, соединения;* ср. также: *право — права, пролом* и т. п.

Многие существительные с суффиксом *-ость*, имеющим абстрактное значение 'свойство', также приобрели конкретное значение 'проявление данного свойства'; появились и соответствующие формы множественного числа: *отличался дерзостью — говорил дерзости; покорил своей любезностью — говорил любезности; отличались подлостью — делали подлости; грубость обращения — очередная грубость; непристойность поведения — не терпел непристойностей; обнаружил свою глупость — говорил глупости; странность разговора — человек со странностями* и под.

Оба направления — «от конкретного к абстрактному» и «от абстрактного к конкретному» — могут своеобразно п е р е к р е щ и в а т ь с я в развитии семантики одного и того же слова. Такой, в частности, представляется семантическая история слова *верста*. Этимологически это слово связывается с *вертеть* и первоначально обозначало 'оборот плуга' [1]. Значение 'мера длины' послужило основой для (более абстрактного) временного значения 'возраст', которое в свою очередь обусловило возникновение более конкретного значения 'ровесник'. В дальнейшем, как известно, эти значения были утрачены словом, и оно дошло до нашего времени с конкретным значением 'мера длины' и зависимым от него метонимическим значением 'верстовой столб'.

ПРЯМЫЕ (ОСНОВНЫЕ) И ПЕРЕНОСНЫЕ (ВТОРИЧНЫЕ) ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

§ 51. То, что переносное, вторичное с исторической точки зрения значение может стать его основным значением, а употребление слова в историческом основном значении бу-

[1] См.: Ф а с м е р Макс. Этимологический словарь русского языка. М., 1964, т. I, с. 300. Там же параллели из других языков, подтверждающие этимологию слова.

дет ощущаться говорящими уже как проявление вторичного значения, конечно, никак не свидетельствуют о неоправданности или «бесцельности», как считает В. А. Звегинцев, таких категорий, как «основное значение», «прямое значение», «переносное значение» [1].

Перераспределение значений в слове, изменение в их соотношении, напротив, лишний раз подтверждает тот факт, что совокупность значений слова всегда характеризуется определенной организацией, что значения образуют определенную структуру. Не всегда словарные статьи вполне адекватно отражают эту структуру, однако высказываемые иногда мысли о якобы полнейшем несоответствии словарных описаний семантической структуры слов языковой реальности представляются необоснованными. Явно основаны на известной предубежденности утверждения, например, вроде того, что носители языка свою речевую деятельность вовсе не соотносят со словарными субординациями значений.

Разумеется, носителям языка не приходится соотносить свою «речевую деятельность» со словарными «субординациями значений». Это как раз задача составителей словарей — «соотносить» словарные описания с речевой деятельностью носителей языка, точнее, стремиться наиболее адекватно отобразить ее в словарной статье.

Отдельные авторы идут еще дальше, возражая и против последовательного разграничения контекстуальных и внеконтекстных значений. Так, например, согласно Л. В. Сахарному, «характерное для современной лингвистики резкое различение контекстуального значения (т. е. значения, связанного с определенной ситуацией и поэтому не включаемого в лингвистическое описание) и внеконтекстного значения (т. е. значения узуального, никак не связанного с ситуациями и поэтому включаемого в лингвистическое описание семантической системы) оказывается в значительной мере иллюзорным» [2].

Никому не придет в голову отрицать, что конкретный смысл слова всегда определяется ситуацией и контекстом его применения,— слова не

---

[1] См.: Звегинцев В. А. Семасиология. М., 1957, с. 222.

[2] Сахарный Л. В. Структура значения слова и ситуация (к экспериментальному обоснованию психолингвистической теории значения слова).— «Материалы 4-го Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации». М., 1972, с. 143.

употребляются вне ситуации и контекста. Однако очевидно, что при реализации различных значений многозначного слова ситуация и контекст играют различную роль.

§ 52. Все значения многозначных слов обусловлены в конечном счете контекстом, но это не значит, что такая обусловленность существенна для них в одинаковой степени. Традиционное деление значений слов на первичные (основные, главные) и вторичные (переносные), если оно основано на установлении существующего соотношения между этими значениями, а не на их историческом взаимодействии, правильно отражает неравноправное положение этих значений в семантической системе. «По нашему мнению,— писал известный польский лингвист Е. Курилович,— самое важное — главное значение то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения прибавляют еще и элементы контекста» [1].

В таком определении в общих чертах намечены пути для разрешения вопроса о «синхронической иерархии» значений. В главном значении слова, конечно, следует видеть не какое-то общее значение, но такое значение, которое наиболее обусловлено парадигматически и наименее обусловлено синтагматически.

Почему мы вправе считать, что, например, форма 2-го лица единственного числа глагола во фразе *Ты всех переспоришь* выступает в первичном значении (в синхроническом понимании термина), а во фразе *Тебя не переспоришь* — во вторичном? Потому, что «конкретно-личное» значение этой формы глагола парадигматически более определенно (противопоставление значениям 1-го и 3-го лица единственного числа), чем ее «обобщенно-личное» значение (противопоставление значению всех вообще личных форм). В то же время синтагматически это значение обусловлено только негативно (нет показателей других значений), тогда как для реализации второго значения необходимы некоторые синтаксические условия (отсутствие соотносительного местоимения *ты*).

---

[1] Курилович Е. Заметки о значении слова.— В кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 246.

До некоторой степени аналогичное соотношение устанавливается и между лексическими значениями слов. Например, в русском языке существует ряд глаголов движения (перемещения в пространстве): *идти*, *бежать*, *ползти*, *лететь*, *плыть* и под., соотнесенность которых друг с другом вполне очевидна. Каждый из этих глаголов употребляется также и в переносном значении, но нетрудно заметить, что отчетливая парадигматическая закрепленность присуща им только при их употреблении в основных значениях, когда они достаточно определенно противопоставлены друг другу по способу передвижения и по отношению к той среде, в которой движение осуществляется.

Можно заметить, что, когда эти глаголы выводятся из сферы их основных противопоставлений, т. е. начинают употребляться в переносных, вторичных (с точки зрения современных соотношений) значениях, они уже не вступают в столь же отчетливые ряды смысловых противопоставлений с теми словами, в качестве экспрессивных синонимов которых они тогда выступают. Ср.: *Еще толчок — и книги л е т я т на пол — и книги п а д а ю т на пол; Орел п л ы в е т под облаками — п а р и т под облаками* и т. п. Вместе с тем такое употребление слов связано с синтагматическими ограничениями (не говоря о стилистических), которые определяются уже тем, что эти значения не могут вступать в противоречие с основным значением,— мы, например, не можем придать глаголу *ползти* значение 'медленно двигаться' в сочетании с существительными, обозначающими существа, которые могут реально ползать, или обозначающими предметы, движение которых может напоминать движение пресмыкающихся. Фраза *Ползла птица* должна быть понята только в соответствии с основным значением глагола, а не в том смысле, что 'птица медленно летела', а во фразе *Мимо нас один за другим п о л з л и, переваливаясь, танки* глагол выступает в значении, обнаруживающем то свойство, которое выше было названо «диффузностью», т. е. «уподобление движению пресмыкающихся» (в СРЯ [1] эта фраза и служит иллюстрацией к определенной таким образом разновидности 1-го значения) не отграничено здесь от значения 'двигаться медленно'. Ср. также:

[1] Здесь и далее используется общепринятое сокращение СРЯ для обозначения «Словаря русского языка» в четырех томах под ред. А. П Евгеньевой, изданного в 1957—1961 гг.

Книги л е т е л и с полки, Тарелки л е т е л и со стола и т. п.—но *Птицы л е т е л и со стола* и т. п. не будет значить 'падали'.

Синтаксическая структура глагола *ронять* в СРЯ описана так (описание воспроизведено сокращенно):

1. Нечаянно выпускать из рук ... Давать чему-л. выпасть откуда-л. ... Нечаянно сбрасывать, сталкивать откуда-л. ...
2. Лишаться чего-л., терять (листья, перья и т. п.).
3. Бессильно опускаться вниз.
4. *перен.* Небрежно произносить.
5. *перен.* Унижать, умалять, дискредитировать.

Если попробовать составить фразу с глаголом в каждом из указанных значений, придется прийти к выводу, что возможности сочетания глагола (то есть количество и разнообразие тех ситуаций, которые могут быть описаны при помощи данного глагола в разных значениях) окажутся различными.

Действительно, в то время как глаголу в первом из выделенных значений мы можем сразу же легко найти большое количество применений (так как объектом действия могут быть, по существу, все конкретные предметы, которые можно реально или хотя бы в воображении ронять), сочетание глагола во всех других значениях явно ограничено какими-то более специальными лексическими или семантическими условиями, а также и синтаксическими условиями. Ко второму значению такое ограничение указано и в самом толковании слова (можно заметить только, что оно указано так, что неясно, идет ли речь о собственно семантическом или лексико-фразеологическом ограничении, между тем как примеры, вроде *Р о н я е т лес багряный свой убор...*, показывают, что дело в семантических, а не лексико-фразеологических ограничениях,— в таком случае лучше всего было бы сказать: «о листьях, перьях и т. п.», как это обычно и делается в словаре [1]). Но нетрудно заметить, что такие ограничения характеризуют и все следующие значения. Мы можем встретить сочетание *ронять* ('бессильно опускать вниз') *голову*, но, по-видимому, реализация этого значения возможна только при указании направления движения: *При каждом новом упоминании*

[1] О различии семантических и лексико-фразеологических ограничений в сочетаемости слов подробнее см. дальше.

об этом он вздрагивал и р о н я л г о л о в у н а г р у д ь; ср. примеры, иллюстрирующие данное значение в словаре: *Коренник лениво месил ногами, пристяжки р о н я л и м о р д ы ч у т ь н е в с а м у ю п ы л ь д о р о г и, тарантас расслабленно дребезжал* (К о р о л е н к о. В облачный день); *Аксинья, приподнявшись на локте, подолгу глядела на красивое, измененное сном лицо мужа. Р о н я я н а п о д у ш к у г о л о в у, что-то шептала* (Ш о л о х о в. Тихий Дон). Лексические же ограничения при реализации указанного значения совершенно очевидны. Например, очевидно, можно сказать *Пытаясь поднять гирю на вытянутой руке, каждый раз бессильно о п у с к а л е е вниз,* но *ронял ее* — будет обозначать совсем другое действие (отмеченное в 1-м значении). Указание на ограничительные условия проявления четвертого из выделенных в словаре значений имплицитно заключено в самом данном там толковании — «произносить» (отметим попутно, что в данном значении глагол не участвует в осуществляемой при других его значениях видовой корреляции: *ронять — уронить*). Пятое значение глагола также явно ограничено определенными фразеологическими сочетаниями, в которые данный глагол вступает (*ронять себя, ронять свое достоинство, ронять кого-л. в чьих-л. глазах* и под.); нельзя, например, передать это значение, сказав просто: *Зачем ты его роняешь?*

Существенно, что относительно «независимое» употребление этого глагола (относительно — потому, что это переходный глагол, которому несвойственно так называемое абсолютивное употребление) неизбежно обусловливает проявление именно его первого значения, т. е., сочетаясь со словами, которые по своему лексическому значению являются обобщающими (а следовательно, безразличными для «семантической группировки» реалий), глагол выступает в своем первичном, главном, основном значении; ср.: *Она все всегда р о н я е т; Что ты там р о н я е ш ь?* и т. п.

Таким образом, старое определение главного, основного значения как такого, которое первым приходит в голову, когда называют слово, не представляется таким уж необоснованным и наивным, как это иногда казалось. Этому определению противопоставлялись некоторыми исследователями факты, свидетельствующие, во-первых, о социальной и профессиональной обусловленности восприятия

слова, во-вторых, о том свойстве значений многозначного слова, которое было обозначено нами как диффузность и на проявления которого нам придется обращать внимание и дальше. Социальные и профессиональные (а также и индивидуальные) различия в восприятии целого ряда слов не подлежат сомнению, они не колеблют тех общих особенностей организации лексики, которые присущи языку в целом. Одна из таких существенных особенностей заключается в том, что информативные возможности многих слов шире тех рамок, которые определяются их прямой предметно-понятийной закрепленностью. Это расширение семантики происходит, как об этом говорилось выше, благодаря различным ассоциациям, возникающим при конкретном использовании слов.

Если те или иные ассоциации достаточно устойчиво связываются со словом, за последним закрепляется особое значение. Однако в той мере, в какой эти ассоциации присутствуют в сознании говорящих, основанные на них значения воспринимаются именно как переносные, как определенное переосмысление слова. Это и обусловливает большую зависимость переносного, вторичного значения от контекста, то, что для реализации такого значения необходимо проявление более специальных синтагматических (лексических и синтаксических) связей.

Так, глагол *толкать* имеет основное значение ‘двигать от себя, касаться резким движением, коротким ударом’. Именно в этом значении слово сравнительно четко противопоставлено рядам других слов (*ударять*, *касаться*, *гладить*; ср.: *толкаться*, *столкнуться* и т. д.). Синтагматические связи слова достаточно широки. Глагол может быть применен и к одушевленным и к неодушевленным предметам, употреблен безлично (ср.: *Вагон начало толкать взад и вперед* — А. Толстой. Эмигранты), реальное направление толчка может быть различным — поэтому при глаголе возможны различные предложно-падежные формы, указывающие на направление толчка (*Баба толкала одуревшего мужа к дому* — Сологуб. Тарантас), как возможно употребление глагола и без этих форм: — *Батюшка Петр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня.— Не упрямься!* (Пушкин. Капитанская дочка).

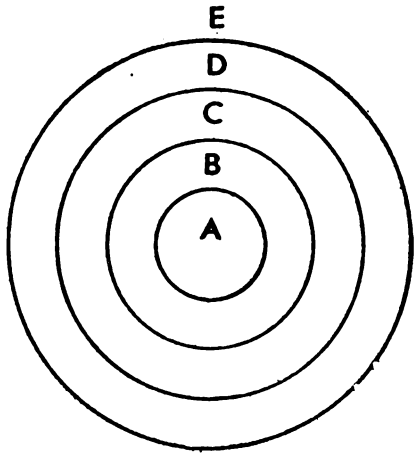
У этого же глагола отмечается переносное значение, определяемое в словарях как ‘побуждать к чему-л., быть

причиной чего-л.'. При употреблении глагола в таком значении указание на направление становится неизбежным: *толкать* на что-либо, *толкать* к чему-либо (ср.: *Вы на что толкаете меня? Скрывать факты?* — Гранин. Искатели). Очевидно, что семантические противопоставления глагола при таком употреблении становятся менее четкими, так как его значение осложняется экспрессивно-оценочными моментами: побуждать можно к чему-то и плохому и хорошему, толкать на что-то — естественнее употребить, если это «что-то», т. е. вызываемое действие, оценивается отрицательно: *толкать на преступление* и т. п.

§ 53. Уже относящиеся к давнему времени наблюдения над тем, что семантическая структура многих слов не совпадает в различных языках, сами по себе возможны только потому, что представляется возможным сопоставить эти слова по таким их значениям, которые представляются исходными в семантической структуре данных слов. Так, на многие случаи несовпадения семантической структуры русских слов с французскими было указано в свое время А. С. Шишковым, упорно боровшимся против семантического приспособления слов русского языка для выражения определенных понятий по образцу французского. Очевидно, что и развитие вторичных значений у слова по образцу иноязычного может происходить лишь вследствие того, что сами эти слова определенным образом приравниваются друг к другу — именно по их главным значениям и несмотря на различия в их семантике в целом.

А. С. Шишков вошел в историю русского литературного языка как отъявленный пурист-ретроград и безнадежный защитник устаревшей «тяжеловесной славенщины». Между тем в своей книге, направленной против многих уже закрепившихся в русском литературном языке конца XVIII—начала XIX вв. лексических новшеств, он сделал ряд интересных семантических наблюдений, аналогичные которым еще предстояло сделать лингвистам, исследовавшим семантическую структуру слов в различных языках. «Во всякомъ языкѣ,— писал А. С. Шишков,— есть множество словъ или названій, которыя въ долговременномъ отъ разныхъ Писателей употребленіи получили различные смыслы, или изображают разныя понятія, и потому зна-

менованіе ихъ можно уподобить кругу, раждающемуся отъ брошеннаго въ воду камня, и отчасу далѣе предѣлы свои распространяющему. Возмем напримѣръ слово *свѣтъ* и разсмотримъ всю обширность его знаменованія. Положимъ съ начала, что оно заключаетъ въ себѣ одно токмо понятіе о сіяніи или о лучахъ, исходящихъ отъ какого нибудь свѣтила, какъ то въ слѣдующей рѣчи: *солнце разливаетъ свѣтъ свой повсюду*. Изобразимъ оное чрезъ кругъ *A*, которого окружность *B* опредѣляетъ вышесказанный смыслъ его, или заключающееся въ немъ понятіе. Станемъ потомъ пріискивать оное въ другихъ рѣчахъ, какъ наприкладъ въ слѣдующей: *Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*. Здѣсь слово *свѣтъ* не значитъ уже исходящіе лучи отъ свѣтила, но ученіе или наставленіе... И такъ получило оно другое понятіе... смыслъ слова сего разширился, или изображающій его кругъ *A* распространился до окружности *C*. В рѣчи: *семдесятъ вѣковъ прошло, как свѣтъ стоитъ*, слово *свѣтъ* не заключаетъ уже въ себѣ ни одного изъ вышеописанныхъ понятій, но означаетъ весь міръ или всю вселенную. Присоединяя сіе третіе понятіе къ двумъ перьвымъ, ясно видимъ, что кругъ *A* распространился до окружности *Д*. Въ рѣчи: *онъ натерся въ свѣтѣ*, слово *свѣтъ* представляетъ паки новое понятіе, а именно, общество отличныхъ людей: следовательно кругъ *A* распространился еще до окружности *E*. Въ рѣчи: *Америка есть новый свѣтъ*, слово *свѣтъ* означаетъ новонайденную землю... И такъ кругъ *A* получаетъ еще большее распространение. Наконецъ отъ сего слова, какъ бы отъ нѣкоего корня, произошли многія вѣтьви или отрасли: *свѣтлый, свѣтскій, свѣтящійся, свѣтило, свѣтлица*, и так далѣе. Подъ именемъ *свѣтскаго человѣка* разумѣется иногда отличающійся отъ духовнаго, а иногда умѣющій учтиво и пріятно обращаться съ людьми. Такимъ образомъ кругъ, опредѣляющій знаменованіе слова *свѣтъ*, отчасу далѣе разширяетъ свои предѣлы. Сіе есть свойство всякого языка, но въ каждомъ языкѣ данные одному слову различные смыслы и произведеніе отъ нихъ другихъ словъ, или распространеніе вышепомянутого кру-

га, опредѣляющего ихъ знаменованіем не одинакимъ образомъ дѣлается» [1]. Далее автор отмечает, что французскому слову *lumière* не свойственны такие значения, как русскому *свѣтъ*, и делает следующее важное семантическое наблюдение: «Всѣ извѣстныя намъ вещи раздѣляются на видимыя и невидимыя, или, иначе сказать, однѣ постигаемъ мы чувствами, а другія разумомъ: *солнце*, *звѣзда*, *камень*, *дерево*, *трава* и проч. суть видимыя вещи; *счастіе*, *невинность*, *щедрота*, *ненависть*, *лукавство* и проч. суть вещи умственныя, или разумомъ постигаемыя. Каждая изъ всѣхъ сихъ вещей на всякомъ языкѣ изображается особливымъ названіемъ; но между сими различными каждаго языка словами... находится слѣдующая разность: тѣ изъ нихъ, кои означаютъ видимую вещь, хотя звукомъ произношенія и составляющими ихъ письменами различны между собою, однакожъ кругъ знаменованія ихъ на всѣхъ языкахъ есть почти одинаковъ... Напротивъ того тѣ названія, коими изображаются умственныя вещи, или дѣйствія наши, имѣютъ весьма различные круги знаменованій, поелику, как мы выше сего видѣли, произхожденіе слов, или сцѣпленіе понятій, у каждаго народа дѣлается своимъ особливымъ образомъ» [2]. Это различие А. С. Шишков показывает на примере различия в семантической структуре («круге знаменований») русского глагола *трогать* и французского *toucher*, совпадающих в своих исходных значениях, что вообще делает возможным их сопоставление.

Основные значения слов, семантически противопоставленных друг другу, не могут одновременно относиться к тому же предмету. Однако при выдвижении на первый план других значений слова утрачивают свою соотносительность, а вместе и противоречивость. Например: — *Ты бы, Евграф Иваныч, дал ему еще рублей шесть на сапоги. Ну, как ему, погляди, ехать в Москву в такой рвани?*

— *Пусть мои старые возьмет. Они еще совсем новые* (Чехов. Тяжелые люди).

Прилагательными *старые* и *новые* предмет характеризуется здесь с разных точек зрения, поэтому они и могут относиться к одному и тому же предмету.

---

[1] Шишков А. С. Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка. Спб., 1803, с. 29—33.

[2] Там же, с. 35—36.

На возможности восприятия слова в разных значениях построена, в частности, такая загадка: — *Она какая, красная? — Нет, черная.— Почему ж она желтая? — Потому что зеленая* (смородина; любопытно, что такая же загадка отмечена и в немецких говорах). К этому типу относится и фраза *вошли две дамы, обе девицы* в романе Достоевского «Подросток», которую Горький приводил как пример «обмолвки». Вот несколько аналогичных примеров из произведений других писателей: — *Здесь управитель персона важная-с,— отвечал исправник,— бывший камердинер господина и вступивший в законный брак с мамзелью, исправлявшей некоторое время при барине должность мадамы* (Писемский. Леший); *Все ей надо знать, во все сунуть свой розовый нос, особенно куда не надо* (Куприн. Сашка и Яшка); *Единица — вздор, единица — нуль...* (Маяковский. Владимир Ильич Ленин); *Первым тенором в театре был баритон Брейг. Тут нет ни доли каламбура, просто с тенорами обстояло из рук вон и приходилось дорожить малейшей способностью любого актерского голоса брать хоть какие-нибудь теноровые ноты* (Федин. Я был актером) и т. п.

ВИДЫ МНОГОЗНАЧНОСТИ

§ 54. «Психологи говорят: для животного нет мира, а есть только окружение,— пишет С. Иванов в популярной книге о памяти.— Если расположить банан и палку так, чтобы они не попали одновременно в поле зрения обезьяны, искать палку она не станет, она не имеет о ней представления. Если на ящике будет сидеть одна обезьяна, другая не воспользуется им как подставкой. Для нее этот ящик не подставка, а сиденье. Нам известно, что есть палки вообще и ящики вообще, а обезьяне неизвестно. Собаке тоже. Закат солнца, говорил один психолог, напоминает ей не о гибели богов и героев, а о том, что пора ужинать. Она знает только ассоциации по смежности, но не по сходству» [1].

Как мы видели, различие между этими ассоциациями проявляется в различии отдельных видов многозначности. Но семантические соотношения, существующие в семан-

[1] Иванов С. Отпечаток перстня. М., 1974, с. 70.

тической структуре отдельных слов, многообразнее и сложнее, чем можно представить их, разграничивая ассоциации по сходству и ассоциации по смежности. Так, различные глаголы передают неодинаковые по сложности действия и состояния. Наряду с глаголами, выражающими относительно простые действия, существуют глаголы, семантическая структура которых представляется значительно более сложной. Если сравнить такие глаголы, как *произносить*, *выражать*, *сообщать* и под., и *говорить*, нетрудно понять, о какой сложности в данном случае идет речь. Действия, обозначенные первыми из указанных глаголов, в известном смысле однoплановы, они выражают действие как такое, которое определяется одним каким-то признаком; между тем действие, выраженное глаголом *говорить*, предполагает ряд взаимосвязанных проявлений «говорения», оно многоаспектно, или разнопланово, т. е. представлено как комплексное или сложное действие. *Говорить* — это 'произносить', 'пользоваться устной речью', это 'словесно выражать что-то', это 'общаться с кем-то, сообщать кому-то что-то',— все эти аспекты действия, по существу, не отграничены друг от друга, и, хотя в разных контекстах любой из соответствующих признаков может выступить на первый план (становясь иногда и единственно существенным), во многих контекстах они проявляются одновременно, в различном взаимодействии друг с другом. Ср.: *Он г о в о р и л нам это тихо, почти неразборчиво; Она сказала ему то самое, что он только что г о в о р и л себе, но теперь уже он этого не думал* (Л. Т о л с т о й. Воскресение); *А г о в о р и л он высоким голосом дьячка, всегда что-то особенно памятное и так, что нельзя было понять, серьезно г о в о р и т он или шутит* (Г о р ь к и й. Жизнь Клима Самгина); *Маргарита г о в о р и л а вполголоса, ленивенько растягивая пустые слова, ни о чем не спрашивая, Клим тоже не находил, о чем можно г о в о р и т ь с нею* (т а м ж е); *Лиля краснеет и смеется, когда я г о в о р ю ей об этом* (К а з а к о в. Голубое и зеленое).

Отмечаемые в толковых словарях значения не всегда, таким образом, находятся в однозначной «подчинительной связи» по отношению друг к другу.

Выделение главного, или первичного (с синхронической точки зрения), значения слова не для всех слов может быть бесспорно. Определение первичных и переносных значений слов не встречает особых затруднений в случаях,

подобных приводимому Е. Куриловичем (*осел* — I — животное, II — глупый или упрямый человек), ср. соотношение первичных и метафорически-переносных значений у таких слов, как *картина*, *арена*, *атмосфера*, *область*, *круг*, *направление*, *призма*, *организм*, *цепь*, *сеть*, *точка*, *линия*, *платформа*, *ширма*, *нить*, *клубок*, *лазейка*, *дебри*, *ориентироваться*, *маскировать*, *оттенять*, *освещать*, *расшевелить*, *гореть*, *остыть*, *глубокий*, *сухой* и мн. под.

Аналогично в этом отношении и распределение значений слова *дом*: первое ('здание' и т. д.) явно воспринимается как основное значение, второе ('семья' и т. д.) — как переносное. Семантическое единство слова определяется существующей между этими значениями внутренней связью, опирающейся на одну из общих формул перенесения названий с одного явления на другое (метонимия).

Иное соотношение значений обнаруживается у слова *земля*. Эти значения также, безусловно, связаны друг с другом и определенным образом организованы. Семантическое единство слова подтверждается взаимопроницаемостью его отдельных значений в некоторых контекстах, т. е. определенной диффузностью этих значений. Вместе с тем трудно было бы считать какое-то из них главным, а остальные — производными, хотя мы и можем представить их в соотношении «целое — часть». Однако, если последовательно расположить их в соответствии с этой формулой, вряд ли это расположение отразит подлинную ассоциативную связь между ними. Даже однонаправленность движения от каких-либо значений к другим не кажется здесь бесспорной.

Семантическое содержание слова *земля* следующим образом раскрывается в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова:

1. *только ед.* Планета, на которой мы живем.

2. *перен., только ед.* В мифологии и поэзии — реальная действительность, в противоположность миру идеальному, небу (книжн., поэт. устар.). *...Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет и выше* (П у ш к и н).

3. *только ед.* Суша (в отличие от водных пространств).

4. *только ед.* Почва, верхний слой коры нашей планеты. || Рыхлое рассыпчатое вещество темно-бурого цвета, входящее в состав коры нашей планеты (разг.). *Песок с землей. Вырвать растение с землей. Засыпать ров землей.*

5. *только ед.* Твердая поверхность, почва, по которой мы ходим, на которой стоим.

6. Страна, государство (устар.). ... || *перен.* Народ (старин.).

7. Территория с находящимися на ней угодьями, состоящая в чьем-нибудь владении, в собственности кого-нибудь.
8. Название различных красок (спец.).

Выделенные значения отчетливо проявляются в различных контекстах употребления слова — вместе с тем существуют многочисленные контексты (соответствующие примеры обычно не включаются в словарные статьи), в которых наблюдается как бы с о в м е щ е н и е отдельных значений слова; например: «— *Дед,— сказал Трубников,— вот ты бродишь по весенней з е м л е, неужто молчит в тебе твое природное, крестьянское?.. Полвека з е м л е служил, как же можешь ты паразитом по ней таскаться?*» (Н а г и б и н. Страницы жизни Трубникова). В каком из выделенных в словаре значений употреблено здесь слово *земля*? Речь идет о земле, по которой «бродит дед» — это как будто заставляет нас считать, что здесь должно проявиться 5-е значение («твердая поверхность, почва, по которой мы ходим, на которой стоим»). Однако определение при слове *земля (по весенней земле)* явно противоречит такому пониманию, а следующее дальше сочетание *служил земле* еще больше сдвигает смысловую перспективу слова (ср. также пример на с. 84), Неоднозначность слова никак не препятствует вполне однозначному пониманию высказывания, не производит впечатления не только какой-либо двусмысленности, но и нарочитости,— здесь, очевидно, нет намеренного «столкновения значений», как это бывает при каламбурном использовании многозначности. Говорящие обычно и не замечают подобной неоднозначности, поскольку просто нет необходимости осмыслить фразу в соответствии только с тем или иным значением.

Разграничение указанных значений находит отражение в неодинаковой их соотнесенности с различными производными от слова *земля*. Так, например, уменьшительное *землица* соответствует 4-му и 7-му значениям; прилагательное *земной* относится к существительному *земля* в 1-м, 2-м и 3-м значениях, *земляной* — в 4-м значении, *земельный* — в 7-м значении и т. д. Ср. соотнесенность с разными значениями сложных слов: *землевладение, земледелие, землекоп, землемер, землетрясение, землеустройство, землепроходец* и т. п. При этом очевидна связь этих значений друг с другом, их распределение внутри единого семантического целого. Однако показательно, что деривационные

ряды оказываются не полностью разграниченными (ср. указания: «к 4-му и 7-му значению» и т. д.), т. е. обнаруживается также и своего рода деривационная «диффузность».

Таким образом, бесспорно, что соотношение значений слова *земля* во многом аналогично соотношению значений других многозначных слов. Вместе с тем в семантической структуре этого слова было бы трудно выделить исходное, основное значение, считая другие его значения переносными. Здесь можно видеть последовательное обозначение целого по части, однако соотношение соответствующих значений для современного языка не представляется однонаправленным.

То же можно сказать и по поводу семантической организации ряда других слов.

В ССРЛЯ статья, посвященная глаголу *любить*, построена следующим образом: в словаре выделено четыре значения, из которых первое и третье, кроме того, разбиты на ряд оттенков.

1 Первое значение определяется через такие оттенки: «Чувствовать глубокую привязанность, преданность к кому-, чему-либо, основанные на признании высокого значения, достоинства, на общих целях, интересах и т. п.» (в примерах: *каждый отчизну с младенчества любит* и т. п.) и «Чувствовать склонность, привязанность к кому-либо, вытекающие из отношений близкого родства, дружбы, товарищества и т. п.» *(Всех я вас люблю сердечно, Но другому я навечно Отдана, мне всех милей Королевич Елисей)*.

2 Второе значение формулируется так: «Чувствовать горячую сердечную склонность, влечение к лицу другого пола».

3 Оттенки третьего значения довольно многочисленны: «Чувствовать внутреннее влечение, внутреннюю склонность, тяготение к чему-либо. *Любить свою работу. Любить музыку*»; «Испытывать удовольствие (от созерцания, ощущения чего-либо). *Люблю тебя, Петра творенье, Люблю твой строгий, стройный вид...; Люблю грозу в начале мая...*»; «Иметь пристрастие к чему-либо; отдавать предпочтение (в примерах: *любить кефир; любить птиц, цветы;* здесь же сочетания с инфинитивом: *любить наряжаться* и т. п.)»; «Быть довольным чем-либо, испытывать удовлетворение от чего-либо. *Люблю, чтоб около меня с довольными лицами ходили, разговаривали, пели песни*».

Наконец, четвертое значение: «Предпочитать что-либо как наилучшее условие своего существования, обитания. О животных, растениях. *Птиц почти не было слышно — они не любят больших лесов; Эта рыба простор любит*».

Такого рода факты показывают, что концепция «общего» лексического значения слова не является совершенно необоснованной. Но такого рода факты находятся рядом с другими, к которым эта концепция действительно неприменима. Если мы возьмем слова вроде *буря*, *вихрь*, *поток*, *зерно*, *бледный*, *острый*, *блестеть*, *давить*, *озарить*, *обрастать*, *развеять*, *сколотить*, *хромать* и т. п., нам будет крайне трудно объединить общим толкованием те их значения, которые отмечаются в словарях как переносные, с теми, которые выделяются как основные. Пытаясь обобщить эти значения, мы должны будем отказаться от таких конкретных признаков последних, которые и определяют реальную семантику данных слов, т. е. отказаться от их подлинного толкования.

Если мы сравним соотношения, существующие между такими значениями, как приведенные выше значения глаголов *говорить* и *любить*, опять-таки обнаружим различия. Отдельные значения последнего отграничиваются в связи с тем, что обозначаемое глаголом действие-состояние («чувствовать») направлено на разные объекты, а благодаря этому глагол обозначает, по существу, различные, хотя и соотносительные друг с другом, чувства. В соответствующих значениях, как нетрудно заметить, глагол находится в неодинаковом соотношении с другими словами (ср. противопоставления *любить — ненавидеть*, *недолюбливать; любить — не любить; любить — обожать* и т. п.; *любовь — страсть — ревность — равнодушие; любовь — ненависть — отвращение* и т. д.).

В семантике же глагола *говорить*, как такового, аспекты действия, по существу, не отграничены друг от друга и, хотя в разных контекстах любой из соответствующих признаков может выступать на первый план (становясь иногда и единственно существенным), во многих контекстах они проявляются одновременно, в различном взаимодействии друг с другом. Ср. приведенные выше примеры: *Он г о в о р и л нам это тихо...* и т. д.

По-иному соотносятся друг с другом значения таких глаголов, как *озарить*: «1. Осветить», «2. *перен.* Неожиданно прийти на ум, прояснить чье-либо сознание»; *осве-*

тить: «1. Сделать светлым, видимым; наполнить светом», «2. *перен.* Изложить, истолковать что-либо»; *рвать*: «1. Выдергивать, дергать с силой, резким движением», «2. Резким движением разделять на части, разрывать», «3. *перен.* Прекращать, порывать (отношения, связи и т. п.)», «4. *разг.* Производить взрыв чего-либо»; *подорвать*: «1. Уничтожить, разрушить взрывом», «2. *перен.* Нанести вред чему-либо, расстроить, поколебать» и мн. др. Использование глаголов с конкретными значениями для обозначения более отвлеченных действий — явление настолько распространенное в языке, что, конечно, оно неоднократно отмечалось исследователями, которые определяли его как «языковую метафору». Следует заметить, однако, что семантическая природа различных метафорических переносов в общем не исследована.

Существенно то, что в различных типах метафор поразному осуществляется связь значений. Например, переносное значение слова *камень* ('тяжелое, гнетущее чувство') не связано с исходным ('всякая твердая нековкая и не распускающаяся в воде горная порода в виде сплошной массы или отдельных кусков, отдельный кусок такой породы') никаким существенным семантическим признаком: в толкованиях этих значений вообще нет общих элементов, указывающих на их связь. Тем не менее эта связь явно существует (и отчетливо воспринимается говорящими), но она основана на ассоциативных, или репрезентативных, признаках, связанных со словом в его основном значении.

Иной вид связи существует между переносным и основным значениями, например, слова *ключ* (соответственно: «3. *перен.* Средство, возможность для разгадки, понимания кого-, чего-либо, для овладения чем-либо» и «1. Металлическое приспособление для запирания и отпирания замка»). Здесь переносное значение непосредственно развивает именно существенный элемент исходного значения: 'то, при помощи чего можно что-то открыть', слово как бы освобождается от конкретных признаков «металлические приспособления», «для отпирания замка», сохраняя лишь основной признак «функционального назначения» предмета.

Аналогичное выявление семантической основы слова происходит при переносном употреблении глаголов, вроде указанных выше, с той, однако, разницей, что само функциональное назначение глаголов обнаруживается в более сложном соотношении семантических признаков.

§ 55. Возможность переносного применения ряда глаголов, как мы видели, обусловлена тем, что глагол допускает своеобразное «освобождение» семантической темы, основного элемента значения слова от более специальных семантических признаков, которые при прямом употреблении слова и определяют его смысловую специфику. Эти признаки становятся семантически несущественными в том смысле, что не накладывают на употребление слова тех ограничений, которые определяют его употребление в прямом значении. Но они не устраняются полностью, отступая на задний план, они как бы трансформируются в экспрессивно-стилистический фон, на котором и выступает новое значение. Этим определяется то, что последнее воспринимается именно как переносное, т. е. сохраняющее зависимость от прямого значения. Например, основное значение глагола *кочевать* — это 'переходить или переезжать с места на место со своим жильем и имуществом'. Ядром этого значения, его семантической темой является элемент «переходить или переезжать с места на место», а элемент «со своим жильем и имуществом» является тем семантическим признаком, который определяет специфику глагола при его прямом употреблении. Метафоризация глагола связана с тем, что этот признак отодвигается на задний план, определяя лишь экспрессивно-стилистическую окраску слова, когда оно выступает в переносном значении. Ср.: *К о ч у ю т из города в город, из концерта в концерт одинаково громко и посредственно играющие инструментально-вокальные ансамбли...* (Правда, 1974, 19 октября); *...Бабурину опять пришлось поколесить по России, п е р е к о ч е в ы в а я с одной частной должности на другую...* (Т у р г е н е в. Пунин и Бабурин). Ясно, что в подобных контекстах значимой остается только семантическая тема прямого значения слова; но ясно также, что речь не может идти о том, что в переносном значении слово становится эквивалентом сочетания «переезжать или переходить с места на место». Смысл этого словосочетания, как такового, не равен смыслу этого же словосочетания, приводимого в толковых словарях в качестве толкования второго значения глагола *кочевать*. В словарях данное значение сопровождается пометой «переносное», что должно указывать на его обусловленность первым (основным) значением, а соответственно на его семантическую несамостоятельность и экспрессивную значимость.

Понятно, что совмещение такого рода значений неосуществимо уже в силу их качественных различий, в то время как в семантике таких глаголов, как *говорить, сказать*, значения неразрывно связаны самим представлением о комплексном действии, и само их отграничение определяется возможностью как бы «отслоения» части семантики глагола, что бывает обусловлено, например, отнесением действия к не-лицу. Ср.: *Обветренное и загорелое лицо его и заскорузлые руки г о в о р и л и о том, каким тяжелым трудом он добывал себе средства к жизни* (А р с е н ь е в. В горах Сихотэ-Алиня); — *То, что вы не слышали, еще ни о чем не г о в о р и т,— сказал он* (Т р и ф о н о в. Доктор, студент и Митя); *И этот взгляд многое с к а з а л и тому и другому* (Л. Т о л с т о й. Воскресение) и т. п. Ср. соотношение значений глаголов *бросить, запутать, выиграть* и под.

§ 56. Продуктивность и регулярность различных производных значений, как мы видели, неодинакова. Если попытаться, отвлекаясь от индивидуального своеобразия семантики различных слов, схематически изобразить о с н о в н ы е в и д ы с о о т н о ш е н и я з н а ч е н и й внутри слова, можно выделить:

1) регулярные метонимические значения *(город, березовый)*;

2) менее регулярные метонимические значения *(земля, блюдо)*;

3) относительно регулярные метафорические значения *(бросить, толкать)*;

4) нерегулярные метафорические значения *(лиса, камень)*.

В целом же следует отметить, что в отличие от метонимических метафорические переносы и соответственно основанные на таких переносах соотношения между значениями многозначных слов н е п о д д а ю т с я достаточно обобщенной характеристике. Очень схематически они могут быть представлены в таких формулах, о б о б щ е н н о отражающих с о о т н о ш е н и е с е м а н т и ч е с к и х п р и з н а к о в соответствующих значений:

а) *ab* → *a* (извлечение «семантического корня»: *топить* ‘губить’, *лазейка* ‘выход из того или иного положения’);

б) *ab* → *ac* (*спутник* ‘тот, кто совершает путь вместе с кем-либо’ → ‘небесное тело, сопутствующее планете, звезде’; ср. *искусственный спутник*);

в) *ab(d)* → *cd* (основанием для переноса служит не один из парадигматически значимых, т. е. дифференциальных, признаков в значении слова, а ассоциативный признак, сама семантическая значимость которого определяется данным переносом; ср. развитие значений слова *молния* на основе признака быстроты).

СЛОВО КАК ЕДИНСТВО ЛЕКСИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЙ

§ 57. Выше мы касались вопроса о некоторых, так сказать, в н е ш н и х показателях (словообразовательных и синтагматических), которые, по мнению ряда исследователей, служат для разграничения многозначности и омонимии. Мы отмечали, что таких безусловных показателей нет.

Особая сочетаемость характеризует как раз каждое из выделяемых значений того же слова, иначе само выделение значений представлялось бы в известном смысле фантастическим. Ведь мы, как правило, не задумываясь и без всякого труда узнаем, в каком из своих значений употреблено в той или иной фразе многозначное слово, именно потому, что контекст (реально осуществленный в речи или предполагаемый ситуацией) указывает на это значение. Нам не приходится смотреть в словарь (как это бывает при чтении текста на чужом языке), чтобы понять, несмотря на многозначность слова, как такового, о чем идет речь.

Особые словообразовательные ряды, связанные с различными значениями слов, характеризуют не только омонимию, но и многозначность; существенно и то, что и от слова в одном и том же значении (как однозначного, так и многозначного) часто образуются разные ряды производных, в которых различно преломляется семантика слова. Например, слово *лед* определяется как однозначное слово; между тем деривационно связанные с ним слова как бы в разных направлениях развивают его значение, опираясь на различные элементы целостного, по существу, семантического содержания: *льдина*, *льдистый*, *ледовый*, *ледостав*, *ледоход*, *ледокол* и т. п.; *леденеть — леденить*, *леденистый*; *ледни́к*, *ледниковый*; *ле́дник — ледни́к*; *леденец*.

Можно предположить, что если внешние показатели недостаточны для отграничения омонимии от многозначности, то более непреложными в этом отношении могут оказаться показатели в н у т р е н н и е, т. е. относящиеся к морфологии самих слов, подлежащих семантическому анализу. Предположение это требует, однако, проверки на конкретном материале.

§ 58. Существенно выяснить, например, в какой степени следует учитывать соотношение форм числа при характеристике значений имен существительных [1]. Вопрос заключается в следующем: если то же самое (фонетически) существительное имеет два разных значения, причем при реализации одного из этих значений выступает только в форме единственного числа, а при реализации другого имеет обе формы, можно ли считать, что перед нами одно слово, а не омонимы? Например, многие существительные с отвлеченным значением не имеют форм множественного числа; эти же существительные, выступая в более конкретном значении, одинаково возможны и в том и в другом числе: ср. *глупость (отличался глупостью)* и *глупость — глупости (сказал опять глупость* и *говорит и делает глупости); грубость (его постоянная грубость надоела)* и *грубость — грубости* 'проявление грубости' *(сказал очередную грубость*, а также и — *постоянно говорил грубости); углубление (приступили к углублению дна реки)* и *углубление — углубления* 'выемка' *(углубление в песке* и *углубления в песке); труд (умственный и физический труд)* и *труд — труды (печатный труд* и *печатные труды); открытие (открытие выставки, открытие новой элементарной частицы)* и *открытие — открытия (важное открытие* и *важные открытия); объявление (объявление войны)* и *объявление — объявления (объявление в газете* и *объявления в газете); обобщение (обобщение опыта)* и *обобщение — обобщения (неоправданное обобщение* и *неоправданные обобщения); поворот (неожиданный поворот событий)* и *поворот — повороты (крутой поворот* и *крутые пово-*

[1] Некоторые исследователи (Ф. Ф. Фортунатов и его последователи) предлагали считать вообще форму множественного числа существительных отдельным словом. Понятно, что такое решение не снимало бы вопроса о «статусе» существующих слов, так как в единственном числе они все равно остались бы многозначными — с тем же самым соотношением значений; изменилось бы лишь то, что множественное число было бы передвинуто в область внешних, словообразовательных показателей.

роты); игра (игра кончилась дракой) и *игра — игры (игра в футбол* и *спортивные игры); ссора (они все еще в ссоре)* и *ссора — ссоры (шумная ссора* и *постоянные ссоры); суд (попасть под суд)* и *суд — суды (народный суд* и *народные суды); явление (явление гения — эпоха в жизни народа)* и *явление — явления (редкое явление в природе* и *редкие явления); стройка (участвовать в стройке)* и *стройка — стройки (гигантская стройка* и *гигантские стройки); посев (посев озимых)* и *посев — посевы (боронить посев* и *озимые посевы); сравнение (сравнение результатов)* и *сравнение — сравнения (в повести встретилось странное сравнение* и *встретились странные сравнения); утрата (утрата доверия)* и *утрата — утраты (тяжелая утрата* и *тяжелые утраты)* и мн. под.

Указанные существительные можно сопоставить с такими также словообразовательно связанными с глаголом или прилагательным, которым не свойственна подобная семантика. Значения действия (процесса, состояния) остаются единственными значениями большей части отглагольных существительных (*воспитание, обучение, обсуждение, улучшение, отпор, отмена* и т. д.), в других случаях в них стерто значение процессуальности, как таковой, и закреплено более конкретное значение результата, объекта, определенного проявления выраженного глаголом действия или состояния (*терпение, опасение, удивление, сомнение, утомление, просьба, мольба* и т. д.; ср. с более заметным «семантическим отрывом» от соответствующих глаголов — *замечание, приключение* и под.). Аналогичные расхождения наблюдаются среди имен существительных, произведенных от прилагательных. Одни из них только как бы субстантивируют качества или свойства, выраженные последними (*вежливость, приветливость, смелость, твердость, жестокость, упрямство, чистота* и т. д.), другие проявляют более специальные значения, в той или иной степени осложненные дополнительными семантическими признаками (лица, определенного предмета и т. п.; ср.: *плоскость, бездарность, знаменитость, общественность, достопримечательность* и т. д.). Во всех этих случаях, однако, общим является то, что производные имена существительные развивают семантику соответствующих глаголов и прилагательных в каком-либо одном направлении: они или, так сказать, непосредственно отражают или же определенным образом специализируют ее. В этом

их существенное отличие от приведенных выше, на их фоне ясно видна семантическая раздвоенность последних; ср.: *отличался грубостью*, *отличался вежливостью*, а также — *сказал грубость*, но не *вежливость; углубление дна реки*, *обмеление рек*, а также — *углубления в почве*, но не *обмеления в реке* и т. п. Формы множественного числа существительных вроде *сомнение*, *опасение* и т. д. не связаны с «расщеплением» их семантики (их значения не определяются просто по глаголу), тогда как у отглагольных существительных, приведенных выше, формы множественного числа сигнализируют как раз об особом, вторичном значении.

Действительно ли, в таких случаях это одно слово, выступающее в двух разных значениях, а не два разных слова — омонима, связанных лишь отношениями словообразовательной производности?

Ответ на этот вопрос диктуется следующими соображениями: если мы вообще признаем, что одно и то же слово способно служить обозначением различных по своей природе предметов и явлений окружающей действительности, а следовательно, иметь несколько значений, соотнесенных с хотя и взаимосвязанными, но разными понятиями (с этим, как мы видели, согласны не все исследователи), то при решении вопроса о тождестве слова нам следует прежде всего исходить из того, связаны ли значения материально тождественного слова в смысловом отношении. Нужно иметь в виду при этом, что отсутствие у слова тех или иных грамматических форм — если отсутствие не вызвано фонетическими причинами или «капризами» узуса (как в случае 1-го лица глагола *победить* и под.) — само по себе свидетельствует только о несовместимости его лексического значения с грамматическим значением отсутствующей формы, но никак не о его несовместимости с другими лексическими значениями. Как отмечал А. И. Смирницкий, отдельным «лексико-семантическим вариантам» могут быть свойственны некоторые грамматические особенности, которые все же «не уничтожают тождества слова, так как они выступают в качестве обусловленных лексической семантикой». Например, если слово *стол* выступает в значении ‘питание’, «то естественным представляется, что в таком значении это слово не употребляется во множественном числе» [1].

---

[1] Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождест-

§ 59. Для многих прилагательных характерно то, что не все значения их полной формы могут быть выражены также и краткой формой. Иначе говоря, здесь также наблюдается нарушение грамматической корреляции между значениями слова. Как пишет Н. Ю. Шведова, «процесс лексического расхождения двух форм прилагательных идет, несомненно, по пути обогащения значений полных форм и сужения, ограничения значений форм кратких... Характерно, что при нескольких значениях полной формы прилагательного краткая его форма, как правило, имеет одно-два значения, которые к тому же часто являются фразеологически связанными». Далеко не все случаи такого расхождения Н. Ю. Шведова связывает с появлением омонимов, считая, что «расхождение это может только намечаться, создавая различные оттенки значений внутри одного слова» [1].

Разрыв между разными значениями слова, приводящий в ряде случаев к появлению разных слов, одинаково звучащих, но не связанных по смыслу, т. е. слов-омонимов, не является, таким образом, неизбежным следствием грамматической «недостаточности» слова в каком-то из его значений. Этот разрыв может поддерживаться грамматическим разрывом, но определяется в конечном счете собственно семантическими факторами — наличием или отсутствием между значениями определенной связи, т. е.

ва слова»).— «Труды Института языкознания». Т. IV. М., 1954, с. 25. Нужно заметить, что тем не менее формы множественного числа *усы* ('больше, чем один ус') и *усы* ('волосы над верхней губой'), *волосы* ('больше, чем один волос') и *волосы* ('шевелюра') А. И. Смирницкий считал разными словами. По-видимому, больше оснований говорить об омонимизации тогда, когда разные значения устойчиво закреплены за разными грамматическими формами слова, так что последние уже сами по себе указывают на эти значения; ср.: *бег — бега*, *выбор — выборы* и т. п. Можно также обратить внимание на то, что язык не использовал предоставленных ему возможностей формальной дифференциации соответствующих значений множественности, смешав или устранив формы двойственного числа, служившие для обозначения парных предметов; ср.: *плечи — плеча* (*Умыть лицо, п л е ч а и грудь* — П у ш к и н. Евгений Онегин; *Платок скатился с ее головы на п л е ч а*...— Т у р г е н е в. Отцы и дети; *И целую тебя я в п л е ч а* — Б л о к. Кармен); *колени — колена* (*Упав смиренно на к о л е н а*...— Б а р а т ы н с к и й. К Кюхельбекеру; *Звучали рабские моленья, К о л е н а всех преклонены*...— Б л о к. Аллегория) и под.

[1] Ш в е д о в а Н. Ю. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке.— «Учен. зап. МГУ», 1952, вып. 150, с. 74.

наличием или отсутствием некоторых общих «элементов смысла» в этих значениях.

§ 60. У целого ряда многозначных глаголов реализация определенных значений исключает формы 1-го и 2-го лица. Так, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова отдельные значения глагола *вести*, такие, как 'иметь то или иное направление, служить путем куда-либо', 'иметь что-нибудь своим следствием, завершением', снабжены указанием «1-е и 2-е лицо не употребляются». Аналогичные указания имеются при отдельных значениях глаголов *гореть:* 'действовать, быть в исправности (о том, что дает пламя, свет)', 'краснеть от прилива крови', 'сверкать, блестеть', 'преть или гнить, нагреваясь', 'быть под угрозой срыва из-за опоздания, срыва сроков'; *стоять:* 'быть, находиться, иметь место', 'иметься в наличии, нуждаясь в решении'; *страдать:* 'быть плохим, не на должном уровне'; *ползти:* 'расти, прилегая к поверхности, цепляясь за нее', 'распространяться, передаваться' и др.; *ослепить:* 'лишить способности здраво, спокойно рассуждать, действовать'; *расти:* 'увеличиваться в числе, в размерах', 'крепнуть, усиливаться' и мн. др.

Такие же критерии применимы к фактам безличного употребления личных глаголов.

Как сказано в академической «Грамматике русского языка» 1953 года, «многие личные глаголы могут употребляться и как безличные», при этом безличные формы глагола «стоят на разных ступенях смыслового обособления от параллельных им личных форм. Безличное употребление глагола в одних случаях не изменяет или почти не изменяет его основного лексического значения; ср. безличные *дует от окна, на дворе темнеет, шумит в голове* и личные *ветер дует, краска на картине темнеет, лес шумит.* В других случаях глаголы в безличном употреблении настолько отходят по своему значению от соответствующих им личных глаголов, что образуют особые безличные глаголы, являющиеся лишь омонимами к параллельным им личным; ср. *ребенок рвет бумагу* и *ребенка рвет; сила солому ломит* (пословица) и *ломит поясницу от простуды*» [1]. Нужно заметить только, что в лексико-семантической оценке конкретных глаголов, имеющих такого рода параллельные

[1] Грамматика русского языка, т. I. Изд. АН СССР. М., 1953, с. 473.

формы, наблюдаются существенные противоречия. Во «Введении» к этому же тому «Грамматики...», написанном Л. В. Щербой и В. В. Виноградовым, говорится следующее: «...есть глаголы, которые, будучи личными в одном значении, оказываются безличными в другом: в словосочетании *его везет извозчик* глагол *везет* — личный, а *ему везет в карты* — безличный; в словосочетании *ему досталось наследство* глагол *досталось* — личный, а *за шалости ему досталось от отца* — безличный». И несколькими строками дальше: «Во всех случаях безличного употребления основное значение глагола сохраняется неизменным; поэтому можно говорить об о с о б о м б е з л и ч н о м у п о т р е б л е н и и (разрядка в цитируемом тексте) соответственных личных глаголов» [1].

Уже в этих немногих строках высказаны два взаимоисключающих положения: сначала говорится о глаголах, которые могут быть личными в одном значении и безличными — в другом, вслед за этим выдвигается совершенно иное положение, так как оказывается, что во всех случаях значение глагола остается неизменным и речь должна идти — и это подчеркивают авторитетные авторы «Введения» — лишь об особом употреблении глагола. В цитированном же нами перед этим отрывке (который следует непосредственно за отсылкой к параграфу из «Введения») высказана еще одна точка зрения на семантическое соотношение рассматриваемых форм глагола: там сказано о «разных ступенях смыслового обособления» — от неизменности лексического значения обеих форм глагола в одних случаях до их омонимичности в других. Получается, что выдвинутые в цитируемом издании теоретические установки явно противоречат друг другу.

Не меньший разнобой можно обнаружить при распределении указанных глаголов в толковых словарях. Но там этот разнобой вызван уже не теоретическими противоречиями, а разнообразием конкретных языковых фактов, которые действительно находятся на «разных ступенях смыслового обособления». Между многозначностью и омонимией, как об этом говорилось выше, есть переходные явления: разрыв между значениями слова намечен, но его нельзя признать завершенным. Здесь, согласно сказанному выше о разграничении многозначности и омонимии, ре-

[1] Грамматика русского языка, т. I. М., 1953, с. 32.

шение должно основываться на материальном тождестве единиц, передающих смысл, т. е. противоречие решается в пользу многозначности, а не омонимии. Иначе говоря, в тех случаях, когда возникает сомнение, отнести ли два значения к одному слову или к двум разным словам, целесообразнее признать их значениями одного слова, если смысловая связь между ними не разрушена окончательно. Поэтому безличные формы глагола не только *шумит*, *звенит*, *светлеет* и т. п., но и *ломит (поясницу ломит)* должны быть признаны формами личных глаголов *шуметь*, *звенеть*, *светлеть*, *ломить*, в то время как безличную форму *рвет (больного рвет)* следует, очевидно, считать омоформой ввиду ее явного семантического обособления от значений личных форм глагола *рвать*.

§ 61. На первый взгляд проще обстоит дело в тех случаях, когда разным значениям соответствует не наличие или отсутствие определенных грамматических форм, а их определенное расхождение.

Исходя из того, что слово представляет собой систему форм (и в свою очередь представлено всей этой системой), единство же этой системы зиждется на формальном единстве, мы должны были бы считать такое расхождение показателем омонимии, т. е. того, что соответствующие значения представлены разными словами. Однако эти общие (и, в общем, правильные) рассуждения не объясняют конкретных грамматических особенностей различных слов. Так, поскольку на соотношении форм числа имен существительных сказались самые различные процессы, происходившие в русском языке (например, вытеснение форм на *-ы* формами на *-а* у многих существительных мужского рода, преобразование некоторых существительных с собирательным значением на *-ие* в формы на *-ья*, т. е. в формы множественного числа с соответствующим значением, появление терминологических значений у слов и т. п.), это соотношение не отражается сколько-нибудь единообразно и последовательно в формальном плане.

Так, например, у существительного *хлеб* в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова выделены следующие значения:

1. «Пищевой продукт, выпекаемый из муки» — в этом значении слово не имеет множественного числа.

2. «Пищевой продукт из муки в виде выпеченного изделия какой-нибудь формы» — форма множественного числа *хлéбы*.

3. «Зерно, из которого делают муку» — множественного числа нет.

4. «Хлебный злак» — множественное число *хлебá*.

5. *перен.* «Пропитание, иждивение» — множественное число *хлебá*.

6. «Средства к существованию, заработок» — множественного числа нет.

Если бы мы решили следовать при описании семантики слова грамматическим показателям, нам пришлось бы прежде всего противопоставить 4-е и 5-е значения *(хлебá)* 2-му *(хлéбы)*, оставаясь в неизвестности при этом, как быть с остальными (1-м, 3-м и 6-м), которые не выступают в формах множественного числа, что не сопровождается, однако, их бóльшей (по сравнению с другими) смысловой близостью. Между тем несомненна почти идентичность 1-го и 2-го значений (в СРЯ они объединены в одном значении как «оттенки»), хотя первое из них и ограничено формой единственного числа (употребление слова как будто не дает оснований для разграничения этих значений, поскольку указание на определенную форму не непременно сопровождает в данном случае существительное во множественном числе и равным образом может имплицитно присутствовать при употреблении его в тех словосочетаниях, которые должны иллюстрировать «1-е значение»: *выпечь хлеб, ржаной хлеб;* ср. *С утра до ночи печет ржаные хлебá* — А. Толстой. Чудаки). Если формальные показатели не дают оснований для сближения отдельных значений слова, то тем более они не могут служить в данном случае основанием для его разбиения на омонимы.

Следует заметить, что в ряде случаев формы на *-ы (-и)* и *-а (-я)* вообще не связаны ни с какими, кроме стилистических, различиями в семантике слов *(профéссоры — профессорá, слéсари — слесаря́, тóполи — тополя́)* и т. д., хотя для других слов стилистическое различие связывается и с собственно семантическим; ср. *учи́тель:* 1. (мн. *учителя́*) ‘преподаватель’ и 2. (мн. *учи́тели*) ‘основоположник, глава учения, авторитет в какой-либо области’ *(высок.)*.

В то время как *лист — листья растения* (при устаревшей форме *листы*) и *лист — листы бумаги, железа* (при невозможности *листья*) как будто могли бы свидетель-

ствовать о соответствии формальных различий семантическим (хотя в толковых словарях оба значения трактуются как значения, относящиеся к одному слову, ср. *муж — мужья* и *муж — мужи*), в целом ряде других случаев такое разграничение становится менее убедительным, ср.: *зуб — зубы* и *зубья*, *крюк — крюки* и *крючья*, *камень — камни* и *каменья*, *сук — суки* и *сучья* и т. п. Если для первых из этих существительных дифференцированное выражение множественности определенным образом соотносится с семантическими различиями, в двух последних различие в формах множественного числа скорее связано с различным представлением «множественности» в самих этих формах [1].

Таким образом, возможные грамматические координаты оказываются никак не всеобщими, а это ставит под сомнение их решающую роль и в случаях вроде *лист — листья* и *лист — листы*.

§ 62. По-иному, очевидно, нужно оценивать значение грамматических показателей в случаях глагольной префиксации.

Как известно, каждому русскому глаголу присуще видовое значение, т. е. каждый глагол выступает как глагол или совершенного, или несовершенного вида. Не во всех случаях у глаголов одного вида есть соответствия в другом виде (их нет у таких, например, глаголов несовершенного вида, как *бездействовать*, *значить*, *нуждаться*, *обожать*, *ожидать* и т. п.), не во всех случаях видовое различие связано с различными по форме глаголами (*велеть*, *ранить*, *женить*, *казнить* и некоторые др.), но это различие отражено тем не менее в семантике каждого глагола (ср. *Когда к а з н я т его?* и *Когда б у д у т к а з н и т ь его?*).

Однако формальное выражение вида в русском языке очень разнообразно. Наряду с имперфективацией (преобразованием глагола совершенного вида при помощи суффиксальных средств в глагол несовершенного вида:

---

[1] А. Х. Востоков писал об этом различии так: «Когда говорят о предметах в отдельности, как об единицах, тогда употребляют правильное окончание: *стру́пы*, *батоги́*, *крю́ки*, *камни*, *корни*; когда же рассматривают предметы в совокупности, как собрание единиц, тогда употребляют окончание на *-ья*: *струпья*, *батожья*, *крючья*, *каменья*, *коренья*». Формы эти восходят к старым собирательным на *-ье*.

решить — решать, убедить — убеждать, встретить — встречать, бросить — бросать, кончить — кончать, направить — направлять, составить — составлять, согреть — согревать, надписать — надписывать, отломить — отламывать, подпилить — подпиливать и т. п.) действует перфективация (преобразование глаголов несовершенного вида при помощи префиксов в глаголы совершенного вида: *делать — сделать, играть — сыграть, петь — спеть, писать — написать, мирить — помирить, портить — испортить, слабеть — ослабеть*). Но, тогда как суффиксальная имперфективация не нарушает (или нарушает в незначительной степени) лексическую соотносительность глаголов разных видов, префиксальная перфективация в преобладающей части случаев связана с бóльшим или меньшим изменением как раз лексического значения глагола, что и ведет к повторной имперфективации: *рвать — оторвать — отрывать, готовить — приготовить — приготовлять, дернуть — выдернуть — выдергивать, низать — нанизать — нанизывать* и т. д., не говоря уж о выражении префиксами различных «способов действия» (ср.: *крутить — закрутить, накрутить, подкрутить, скрутить — закручивать, накручивать, подкручивать, скручивать* и т. п.).

Один из наиболее спорных вопросов в учении о виде — это вопрос о том, являются ли видовые пары формами одного слова, а если да, то в каких случаях противопоставленные по значению вида глаголы представляют отдельные слова (связанные друг с другом только как единицы словообразования), поскольку в их видовое различие примешивается и лексическое. По этому вопросу высказывались различные мнения. В. В. Виноградов считал, что «соотносительные парные формы совершенного и несовершенного вида — при отсутствии различий в лексических значениях — являются формами одного и того же глагола» [1]. Другие исследователи, обращая внимание на то, что только при имперфективации более или менее последовательно сохраняется чисто грамматическое противопоставление, в случае же префиксальной перфективации оно чаще всего осложнено лексически, предлагали вообще только имперфективацию относить к словоизменению (соответственно

[1] Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, с. 498.

считать видовые пары формами одного слова), с перфективацией же всегда связывать образование новых слов, т. е. не только *подписать*, *расписать*, *выписать*, *надписать*, *записать* и т. д., но и *написать* считать не видовой формой, а отдельным словом по отношению к *писать*. Существует, наконец, и такая точка зрения, что видовые пары глагола — это всегда разные слова, хотя и непосредственно соотнесенные друг с другом.

В пользу этой точки зрения можно привести хотя бы следующее: считая формы вида формами слова, мы при этом не могли бы указать, какого же именно слова,— ведь если мы говорим, что *сделай — сделаю* и т. д.— это формы глагола *сделать*, то не имеем при этом в виду, что они также формы и глагола *делать*, так как у последнего есть своя система соотносительных с ним форм (*делай*, *делаю* и т. д.). Таким образом, получается, что, когда говорим о «видовых формах», мы имеем в виду «формы», которые в совокупности составляют опять-таки «форму» другой совокупности «форм». Следовательно, мы, по существу, употребляем обозначение «форма» в другом смысле, чем когда речь идет о «формах лица» или «формах времени» того же глагола. Все падежные формы существительных и единственного и множественного числа образуются флексиями, т. е. при помощи словоизменительных показателей, в то время как значение вида выражается суффиксальными, т. е. словообразовательными показателями. При этом глагольные формы имеют и словоизменительные показатели (времени, лица).

Против указанной точки зрения выступает регулярность видовых соответствий и безусловная «грамматичность» самого значения вида.

Однако не может не быть существенным также и то обстоятельство, что для значительной части многозначных глаголов видовая соотносительность связана с различными префиксальными образованиями, да и вообще глагол в разных своих значениях неодинаково связан с видовыми противопоставлениями.

Так, например, для глагола *шутить* в значении, которое реализуется в сочетаниях вроде *остроумно шутить*, *весело шутить* и т. п., есть видовое соответствие *пошутить;* но значение 'относиться несерьезно, без должного внимания' (ср. *шутить с огнем*, *не шутите своим здоровьем* и т. п.) лишено видового соответствия. Глагол *ронять* соотносителен с глаголом совершенного вида *уронить* во всех своих

значениях, кроме значения, определяемого в толковых словарях, как 'лишаться чего-нибудь (перьев, волос, листьев)'. Глагол совершенного вида *сыграть* охватывает значения глагола *играть* в сочетаниях *играть в шахматы (сыграть в шахматы)*, *играть на фортепьяно (сыграть на фортепьяно)*, но другие значения того же глагола не находят видовых соответствий. Соотношение *гореть — сгорать* определяет такие значения глагола *гореть*, как 'поддаваться действию огня' *(горят дрова)*, 'испытывать сильное чувство под влиянием чего-то' *(гореть от любопытства)*, 'отдаваться полностью (какому-нибудь делу, идее)', но исключает значения 'действовать (о том, что дает пламя, свет)', *(все люстры горели)*, 'быть в жару' *(рана горит)*, 'сверкать, блестеть' *(заря горит, глаза горят)*. Точно так же основному значению глагола *грызть* 'раскусывать зубами (что-либо твердое)' соответствует *разгрызть*, а к переносным значениям глагола ('постоянно придираться', 'терзать, мучить') аналогичного соответствия нет.

Глагол *мирить*, у которого выделяются значения 'восстанавливать согласие, мирные отношения' и 'заставлять терпимо относиться к чему-либо или кому-либо', соотносителен только в первом из выделенных значений с глаголом совершенного вида *помирить*, но в обоих этих значениях — с глаголом *примирить*. Так же более общим оказывается соотношение *ломать — сломать*, менее общим — *ломать — поломать* и т. п.

В то время как в некоторых случаях различные префиксальные образования достаточно однозначно разграничивают значения глаголов несовершенного вида (ср. *будить — разбудить* и *будить — пробудить; палить — опалить* и *палить — спалить; чистить — вычистить* и *чистить — очистить; мерить — смерить* и *мерить — померить; венчать — увенчать* и *венчать — обвенчать* и под.), в других случаях они полностью или частично совпадают. Например, у глагола *учить* толковые словари выделяют такие значения: 1) передавать знания, навыки; 2) наставлять, побуждать к чему-либо; 3) обосновывать какое-либо положение (с союзом *что*); 4) занимаясь, усваивать. Значение совершенного вида передается префиксальными образованиями — *обучить*, соотносительным с 1-м значением, *научить* — с 1-м и 2-м, *выучить* — с 1-м и 4-м. Таким образом, особенности перфективации не могут быть положены в ос-

нову разграничения значений. Вместе с тем такого рода факторы свидетельствуют в пользу мнения, что видовые соответствия являются не формами слова, а разными словами. Ведь нельзя думать, что, положим, глагол *ронять* распадается на три разных слова: *ронять — выронить*, *ронять — уронить* и *ронять* (без видового соответствия), а если считать, как это часто предлагают (см. выше), что в одних случаях перед нами формы глагола *(делать — сделать)*, а в других — разные слова *(учить — научить* и т. п.), то встанем перед трудной задачей не только сложного разграничения конкретных образований, но и теоретического обоснования того, что, например, *написал* — это форма глагола *писать*, в то время как *научил* — форма отдельного глагола *научить*, т. е. *писать — написать* — одно слово, а *учить* и *научить* — два разных слова.

Таким образом, видовые пары — это, по существу, н е п а р ы г л а г о л о в, к а к т а к о в ы е, а только пары глаголов в о п р е д е л е н н ы х з н а ч е н и я х, т. е. видовое словообразование, когда оно осуществляется при помощи префиксации, отражает многозначность глагола и во многом зависит от нее. При этом, как мы видели, даже в случае реальной семантической соотносительности (префиксация ведь может и по-разному трансформировать лексическое значение глагола; ср. *учить — подучить*, *проучить*, *отучить* и т. п.) мы имеем дело не просто с видовыми парами, а с рядами соотносительных по виду глаголов *(учить — выучить*, *учить — научить*, *учить — обучить)*, в которых опять-таки разнообразно перекрещиваются отдельные значения исходных слов (ср. в этом плане семантику отглагольных существительных, связанных с субстантивным обозначением самого действия, например: *выучка*, *обучение*, *учеба*, *учение*).

Нужно отметить, что и в случае глагольной омонимии видовые соответствия могут быть как различными, так и омонимически совпадать. Например, глагол *мешать* ‘создавать препятствия’ соотносителен с глаголом совершенного вида *помешать*; глагол-омоним *мешать* в значении ‘переворачивать, взбалтывать круговым движением’ имеет такое же (следовательно, омонимическое) соответствие — *помешать*; в значении же ‘соединять что-нибудь с чем-нибудь’ он соответствует глаголу совершенного вида *смешать*. Ср. также: *мешать — мешаться — вмешиваться* и *мешать — мешаться — смешаться* и т. п.

§ 63. Отдельного упоминания требуют факты, относящиеся к так называемой конверсии.

В русском языке на протяжении всей его истории активными процессами были субстантивация прилагательных и адъективация причастий. Те прилагательные, которые утратили свои адъективные свойства (например, *портной*, ср. *портновский*, *портняжный*), естественно, квалифицируются как существительные; преодоление их грамматической двойственности (ср. устаревшее к настоящему времени употребление того же слова *портной: Первоначально его обучали портному мастерству* — Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина) снимает и вопрос о семантической целостности соответствующих слов. Но многие прилагательные сохраняют подобную двойственность. Например, *больной*, *дежурный*, *знакомый*, *постовой*, *раненый* и под. употребляются в функции существительного со специальным значением лица; ср. то же значение у прилагательных преимущественно во множественном числе: *ближние*, *домашние*, *родные*. Например:

Провожать вышли все домашние: Смердяков, Марфа и Григорий (Достоевский. Братья Карамазовы); *— Я тебе должен сделать одно признание,— начал Иван,— я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних* (там же) и т. п.

Некоторыми исследователями подобные субстантивированные прилагательные рассматриваются как омонимы, образовавшиеся в результате конверсии. Более обоснованной, однако, представляется та точка зрения, согласно которой субстантивированное употребление прилагательных не ведет к омонимическому разрыву до тех пор, пока не разрушено семантическое тождество слова, как это произошло, например, в случае *часовой*, когда прилагательное *часовой* и существительное *часовой* выступают уже как омонимы. Такая точка зрения соответствует и лексикографической практике: субстантивированное употребление прилагательных *больной*, *знакомый* и т. д. отмечается особо, но в пределах словарной статьи, посвященной описанию семантики каждого из данных прилагательных.

Можно обратить внимание на то, что подобная субстантивация может распространяться на лексически незамкнутый круг прилагательных. Вот один из возможных примеров:

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выходит из народа
Столько с л а в н ы х то и знай,—
Столько д о б р ы х, б л а г о р о д н ы х,
С и л ь н ы х любящей душой
Посреди т у п ы х, х о л о д н ы х
И н а п ы щ е н н ы х собой!

(Н е к р а с о в. Школьник.)

Ср. также при другом семантическом направлении субстантивации: *На б у р о в ы х случалось ей всякое слышать — не обращала внимания* (Р е к е м ч у к. Время летних отпусков); ...*Уже о т п у с к н ы е получила, взяла аккредитив* (т а м ж е); *Тетка же не секретничала и всем сообщала, что Женю... приняли в р е м е с л е н н о е. Живет в общежитии* (П а н о в а. Сережа) и т. п. Соображение о том, что употребление прилагательного в роли существительного связано с ограничениями в выражении категории рода, не может здесь быть решающим, так как, по существу, любое употребление слова в функции другой части речи связано с сужением его словоизменительных возможностей. Совершенно ясно, что значение лица накладывает на прилагательное ограничения в изменении по родам, поскольку значение лица несовместимо с категорией среднего рода, точно так же, как собственно предметное, вещное значение субстантивированного прилагательного, естественно, замыкает его в формах среднего рода; ср., например: *Из денег, полученных за повесть, он заплатил долги, справил себе одежду и з и м н е е, накупил книг...* (А. Т о л с т о й. Егор Абозов); *В гостиной на узеньком диване лежала молодая женщина в ч е р н о м* (А. Т о л с т о й. Без крыльев); *К плетню подошел степенный мужик, одетый в н о в о е и к р а с н о е, без шапки...* (А. Т о л с т о й. Хромой барин); *Некоторые из них еще в военной форме, некоторые уже переоделись в в о л ь н о е* (Катаев. Родион Жуков) и т. п.

Если при выражении таких значений набор субстантивирующихся прилагательных соответственно ограничен (ср. другое направление субстантивации: *В номере пахло к и с л ы м* — А. Т о л с т о й. Мечтатель) и т. п., то выражение прилагательными (а также и причастиями) среднего рода единственного числа отвлеченных понятий, по сути дела, не поддается никакому лексико-семантическому приурочению; ср. *Т и х о е, р о б к о е и г р у с т н о-п о к о р-*

н о е заметно в людях прежде всего... (Г о р ь к и й. В людях); *Мы привыкли или молчать, или говорить о п о с т о р о н н е м, н е с у щ е с т в е н н о м* (Т е н д р я к о в. За бегущим днем); *В е л и к о е и н и ч т о ж н о е смешалось в эту ночь* (Н и к о л а е в а. Битва в пути) и т. п.

При этом существенно, что независимое употребление прилагательных и причастий или же их согласование со словами *что-то, нечто, всё* и т. п. в таких случаях не меняет их собственного значения. Ср.: *Иван Федорович сошел вниз, вид имел почти что веселый, хотя было в нем, в словах и в жестах его, н е ч т о как бы р а с к и д ы в а ю щ е е с я и т о р о п л и в о е* (Д о с т о е в с к и й. Братья Карамазовы); *Погода была неопределенная, но лучше и суше киевской, с ч е м-т о в о л н у ю щ и м в воздухе* (Б у н и н. Казимир Станиславович); — *Я ей и рассказываю, что эта Катенька была чем-то вроде первой любви... ч т о-т о этакое с т у д е н ч е с к о е, м о л о д о е, з е л е н о е, чему никакого значения нельзя придавать* (Ч е х о в. Ниночка); — *...Возьмите вы доктора, судью, литератора. С к о л ь к о с п о р н о г о, у с л о в н о г о, с к о л ь з к о г о в их профессиях!* (К у п р и н. Болото); *Я начал жить очень хорошо, каждый день приносил мне н о в о е и в а ж н о е* (Г о р ь к и й. Мои университеты); — *Я тебя не виню, Павел. Раз я не смогла подойти к тебе и быть понятной, то я заслужила с е г о д н я ш н е е* (О с т р о в с к и й. Как закалялась сталь); *У него начали подниматься плечи, он пробормотал н е в н я т н о е, взялся за голову* (А. Т о л с т о й); *Он хочет поскорее оправдаться, чтобы она любила в нем его н о в о е, ч е с т н о е, с у р о в о е, с т р а с т н о е...* (т а м ж е); *М а л ь ч и ш е с к о е, о з о р н о е пересилило женственность ее лица* (Л е о н о в. Барсуки); — *Глупый человек чаще говорит у м н о е, чем умный — г л у п о е...* (Ф е д и н. Первые радости) и т. д.

Понятно, что говорить о возникновении каких-либо новых слов-омонимов в таких случаях нет оснований.

Бóльшая степень семантического обособления обнаруживается у отдельных прилагательных среднего рода, выступающих во фразеологически замкнутых контекстах, как например: *В нем взыграло р е т и в о е* (П у ш к и н. Сказка о царе Салтане); *Вздрогнул от ярости Никита Романович. Закипело в нем р е т и в о е* (А. К. Т о л с т о й. Князь Серебряный); *Он оправдывается? Стало быть, его за ж и в о е задело* (Б о б о р ы к и н. Китай-город); *Он вообще*

все принимал от людей как должное (Панова. Сентиментальный роман); *И когда Ахапкин, взглянув на нее, тоже не поздоровался, она приняла это как должное и не огорчилась* (С. Антонов. Первая должность) и т. п. Однако именно фразеологическая связанность значения не позволяет говорить в таких случаях о возникновении омонимов.

§ 64. Адъективация причастий также в принципе не ведет к их расщеплению на омонимы, поскольку их собственная двойственная природа сама по себе предопределяет — в зависимости от различных условий — то преобладание в них глагольности, то крен в сторону выражения качественных значений [1]. Говорить об омонимизации здесь было бы, кроме всего прочего, крайне затруднительно в связи с тем, что лексические рамки адъективации не являются сколько-нибудь определенно очерченными. Даже возможности наречной трансформации адъективированных причастий довольно широки и неопределенны; ср.: — *Непременно! — наивно повторила Кити, соболезнующе глядя ей в глаза* (Толстой. Анна Каренина); — *...На меня, вообще говоря, сцена действует воспитывающе...* (Чехов. О драме); *Но эти идеи уже не влияли на меня так ошеломляюще, как тогда, когда я впервые познакомился с ними* (Горький. Мои университеты); *В сарае оглушающе грохнуло, затрещало* (А. Толстой. Аэлита); *Его речи, улыбки, любезности были располагающе мягки* (Федин. Первые радости); — *...Накой мне, простите, черт все это? — плаксиво и протестующе перебил Пастухов* (там же); *Пастухов посмотрел на Егора Павловича испытывающе, потом внезапно захохотал* (там же); — *Зачем моей дочери касаться опасных людей? — устрашающе взвел брови Мешков* (там же); — *Вы к нам? — почти обрадованно справился Ознобишин* (там же); *Ну, что же вы сердитесь, Александр Владимирович? — почти обиженно сказал подполковник* (там же); *Растерянно брели в небе отставшие от толпы некучные облака* (там же) и т. п.

---

[1] Как подчеркивает Л. П. Калакуцкая, «способность адъективироваться заключена в самих причастиях, является грамматическим свойством причастий...» (Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М., 1971, с. 74).

Как отмечал В. В. Виноградов, «в формах причастий наблюдается необыкновенно острый и сложный процесс грамматической гибридизации. Смысловая структура этих форм подвергается глубоким изменениям. В причастной форме сталкиваются и объединяются противоречивые ряды значений. Полный распад формы на омонимы осуществляется не часто. Однако семантическое единство причастной формы становится колеблющимся и условным. Намечается новый тип «гибридной» лексемы, не вполне обычный в языке с преобладающим синтетическим строем» [1].

§ 65. От процессов субстантивации должны быть отграничены словообразовательные явления, внешне сходные с первыми. Так, например, в современном языке широко распространены наименования помещений (различного назначения) на *-ая*, представляющие собой по форме субстантивированные прилагательные женского рода: *столовая, кондитерская, гостиная, детская, профессорская, диспетчерская* и т. п. Ср.: *Кроме к р е н д е л ь н о й, у нашего хозяина была еще и б у л о ч н а я* (Г о р ь к и й. Двадцать шесть и одна); *Они вместе вошли в ш и н е л ь н у ю и разделись* (К у п р и н. Мясо); *Рядом с м а с т е р с к о й чернели такие же ветхие сараюшки к л а д о в ы х, ж е с т я н о ч н ы х, с в а р о ч н ы х, электростанции* (Г р а н и н. После свадьбы); *Чупров по привычке направился в п л о т н и ц к у ю* (Т е н д р я к о в. Падение Ивана Чупрова); *Из а к к у м у л я т о р н о й, задевая полами распахнутого пальто за станины, прошел директор...* (Т е н д р я к о в. Не ко двору) и т. п.

Природа таких образований в общих чертах вырисовывается достаточно ясно. На основе сочетаний типа *зеленная лавка, гостиная зала, детская комната* и т. д., в результате их эллиптического употребления прилагательные женского рода приобрели значение соответствующих помещений, причем некоторые из них *(гостиная, кладовая, прихожая)* перестали выступать в качестве определений, другие *(столовая, детская)*, сохраняя семантическую связь со значением исходных прилагательных, тем не менее сохраняют ее лишь в той мере, в какой вообще производные с прозрачной словообразовательной формой соотносительны с мотивирующими словами; ср., например, разграни-

[1] В и н о г р а д о в В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, с. 284.

чение обозначений *детская* (в квартире) и *детская комната* (в милиции). Образования такого рода послужили словообразовательным образцом ряда, или, точнее, различных по предметной направленности рядов обозначений [1]: *мастерская — конструкторская, диспетчерская* и т. д.; *столовая — закусочная, шашлычная* и т. д. Легко заметить продуктивность подобных образований в современном языке; ср.: *Вот и подъезд. Вестибюль. Администраторская с дежурной* (Козлов. Ворота города); *И друзья отправились по маршруту «Гастроном» — «Автомат-закусочная» — «Пышечная» — «Блинная» — «Чебуречная» — «Бутербродная» — «Шашлычная»* (Егоров. Максим, левее!).

Субстантивность таких образований наглядно подчеркивается их автономностью в отношении грамматического рода, когда они выступают в качестве приложений: *автомат-закусочная* в примере выше, ср. *кафе-молочная* и т. п.; ср. также: *Федора я нашел в механической. Мне сказали в проходной, что завгар здесь. Я постоял на дороге, привыкая к сумеркам цеха, и увидел Федора...* (Халов. Пеленг 307). Вместе с тем под несомненным влиянием данных образований (и одновременно как определенное отталкивание от них) в современном языке распространяются обозначения типа *механический, инструментальный* и т. д.: *В инструментальном и модельном он, так же как в сборочном, невольно вздохнул полной грудью* (Николаева. Битва в пути); *Он устроил Игоря в механический учеником на фрезерный* (Гранин. После свадьбы); *...Леночку Рогову — зубного врача, окончившую только что стоматологический* (Рекемчук. Без боли) и т. п. Связь с существительными *завод, цех, институт, факультет* и под. в таких случаях явно не оборвана, и прилагательные, отдельно представляющие соответствующие сочетания (*инструментальный* вместо *инструментальный цех* и т. д.), сохраняют то же значение, которое им свойственно в этих словосочетаниях.

---

[1] Не останавливаясь на этом, отметим все же, что в процессе становления данного словообразовательного типа, по-видимому, перекрещивались разнородные ряды образований. Например, слово *булочная* первоначально, по-видимому, выступало как название пекарни и метонимически (и в соответствии с наименованиями типа *кондитерская*) было перенесено на название магазина (лавки) и т. д.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аничков И. Е. Об определении слова.— В сб.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., изд-во АН СССР, 1963.

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., Учпедгиз, 1957.

Будагов Р. А. Закон многозначности слова.— В кн.: Будагов Р. А. Человек и его язык. Изд. 2-е. Изд-во МГУ, 1976.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слов.— «Вопросы языкознания», 1953, № 5.

Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях.— «Вопросы языкознания», 1968, № 5.

Головин Б. Н. О типах лексических значений слов русского языка.— «Учен. зап. Горьковского унив-та». 1960, вып. 59.

Курилович Е. Заметки о значении слова.— В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., «Прогресс», 1962.

Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова»).— «Труды Института языкознания». Т. IV. Изд-во АН СССР, 1954.

Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., «Наука», 1974.

Филин Ф. П. О слове и вариантах слова.— В сб.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., изд-во АН СССР, 1963.

Глава II

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЛЕКСИКИ

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ СЛОВ

§ 66. Отбор, как и сочетание слов, всегда определяется не только задачами непосредственной передачи информации, но и теми условиями, той ситуацией, в которых происходит речевое общение. Наряду со словами, которые употребляются в любой ситуации, в любом типе речи (эти слова составляют основное ядро лексики и обычно обозначаются как стилистически нейтральные), существует целый ряд слов стилистически окрашенных, обладающих определенной стилистической значимостью.

Можно заметить, что некоторые слова противопоставлены друг другу именно по своей стилистической значимости, т. е. они обозначают одни и те же «отрезки действительности» и, следовательно, взаимозаменимы с точки зрения их способности указывать на те же предметы и явления действительности, но противопоставлены в другом, в стилистическом плане и, следовательно, не являются взаимозаменимыми с точки зрения их экспрессивно-стилистических возможностей. Например, слова *лентяй* и *ленивец* имеют, конечно, то же самое предметное значение, но одно из них характеризуется как разговорное, другое — как книжное. Стилистически нейтрального соответствия этим словам нет. Нейтральному *умереть* противостоят разговорное *помереть* (вульгарное *загнуться* и т. п.) и книжное *скончаться;* нейтральному *теперь* — разговорное *нынче* и книжное *ныне;* нейтральному *помогать* — разговорно-просторечное *пособлять* и книжное *содействовать* и т. п. Ясно ощутима стилистическая значимость таких противопоставлений, как *глаза — очи, лоб — чело, будущий — грядущий, ребенок — дитя* и т. д.

§ 67. Целый ряд слов снабжен в толковых словарях пометами «высокое», «книжное», с одной стороны, и «разговорное», «просторечное» — с другой. Эти пометы указывают на то, что употребление соответствующих слов обусловлено определенным типом речи — разговаривая, например, в неофициальной обстановке о бытовых вещах, мы редко употребляем «высокие» слова, и, напротив, слова, отмеченные как «разговорные» и тем более «просторечные», были бы, как правило, неуместны в официальной обстановке, в публичном выступлении и т. п.

Помета «высокое» сопровождает, например, слова *вверенуть*, *вверить*, *вдохновить*, *величие*, *вершить*, *вещий*, *горнило*, *грядущий*, *губитель*, *дерзание*, *дерзать*, *достояние*, *единоборство*, *завет*, *злодеяние*, *иго*, *изобличить*, *искони*, *испепелить*, *исцелить*, *кара*, *клич*, *крушить*, *многотрудный*, *мудрец*, *невозвратный*, *незабвенный*, *незапамятный*, *неисчерпаемый* и т. д. Ясно, что включение в речь подобных слов придает ей определенную тональность. Это — стилистически отмеченные слова, слова «высокого слога».

С пометой «книжное» выступают в словарях такие слова, как *бедствие*, *безвременье*, *безвластие*, *безграничный*, *благоухание*, *бодрствовать*, *вероломный*, *вестник*, *видоизменить*, *головокружительный*, *гонение*, *горнило*, *дальновидный*, *декорум*, *добродетель*, *доктрина*, *значимость*, *иерархия*, *изничтожить*, *изобиловать*, *импозантный*, *импульс*, *индивидуум*, *индифферентный*, *инсинуация*, *импонировать*, *исчислить*, *компоновать*, *корыстолюбец*, *лапидарный*, *мерило*, *мертвить*, *миропонимание*, *миросозерцание*, *моралист*, *нагой*, *невольник*, *недуг*, *немощный* и т. д. Было бы ошибочно полагать, что характеристика слова как книжного указывает на то, что оно применяется только в книжной, т. е. письменной, речи (и равняющихся на нее видах речи устной, таких, например, как лекция, доклад и т. п.). И в нашей обиходно-разговорной речи мы касаемся самых разнообразных тем, которые обусловливают быструю и часто довольно резкую смену стилистических «регистров»; но обусловленность выбора стилистически окрашенных единиц языка темой разговора, реальной значимостью того, о чем в данный момент идет речь, как раз и указывает на присутствие в сознании говорящих стилистических примет слова. Владение языком — это не только знание предметной отнесенности применяемых слов, но также и их экспрессивно-стилистических возможностей.

§ 68. Слова, имеющие помету «разговорное», не составляют какого-либо основного фонда обиходной устно-разговорной речи. И в устно-разговорной речи используются прежде всего стилистически нейтральные слова. Но помета «разговорное» указывает на стилистическую «сниженность» слова, на ограничения в его применении за пределами разговорной речи. Ср. стилистическое звучание таких слов, как *бедокурить*, *безалаберный*, *бойкий*, *болельщик*, *болтанка*, *брюзга*, *бултыхнуться*, *ватага*, *весельчак*, *вздорить*, *вмиг*, *втридорога*, *вызволить*, *галиматья*, *грохнуть*, *давнишний*, *дичиться*, *дошлый*, *ерошить*, *журить*, *завраться*, *завсегдатай*, *заезжий*, *залежалый*, *заядлый*, *испитой*, *ковылять*, *колесить*, *конфуз*, *корить*, *крепыш*, *кривотолки*, *крошечный*, *кутерьма*, *лебезить*, *мешкать*, *мигом*, *морочить*, *мудреный*, *надоумить*, *невдомек*, *неказистый* и т. д.

Еще более сниженный характер имеют слова, выделенные как «просторечные», например: *барахло*, *бесстыжий*, *блажить*, *бросовый*, *вихлять*, *влопаться*, *втемяшиться*, *втихую*, *выволочь*, *галдеть*, *гаркать*, *гиблый*, *давешний*, *даваться*, *дурень*, *елозить*, *ерепениться*, *жарынь*, *жох*, *заводила*, *зажилить*, *зариться*, *затрещина*, *знаться*, *измаяться*, *карманник*, *кокнуть*, *колошматить*, *корежиться*, *легчать*, *морока*, *напуститься*, *невесть*, *немудрящий*, *нюнить* и т. д.

§ 69. Необходимо отметить, что отнесение слов, например, к высоким или же книжным (а также к разговорным или просторечным и т. д.) никак не предполагает, что между данными разрядами существуют какие-либо отчетливые границы. О том, что соответствующая квалификация различных групп лексики вообще в достаточной мере условна, свидетельствует и несовпадение во многих случаях стилистических помет в разных словарях, и тот очевидный факт, что и слова, отнесенные в том же словаре к одной стилистической группе, в неодинаковой степени удалены от нейтральных,— у одних стилистическая окраска проступает ярче, у других она менее заметна.

Необходимо сказать и следующее.

Отсутствие пометы является также значимым. Слово, которое не снабжено никакой пометой, тем самым признается нейтральным в стилистическом и экспрессивном

плане. Это значит, что данное слово может выступать в любом типе речи (его можно употребить в любой речевой ситуации, независимо от взаимоотношения говорящих и т. д.), что оно не осложнено никакими экспрессивно-оценочными моментами. Понятно, что само лексическое значение слова может выражать при этом оценку.

§ 70. С просторечными словами смыкаются так называемые областные слова, или диалектизмы. Во все периоды развития литературного языка в его словарный состав проникали диалектные слова, слова местных народных говоров. Многие из этих слов вполне освоены литературным языком и не несут на себе в настоящее время какого-либо особого стилистического отпечатка (подробнее о таких словах см. дальше). Естественно, такие слова можно назвать диалектизмами только в историческом плане, в современном же языке они растворены среди других стилистических групп словаря и характеризуются как разговорные, просторечные или же стилистически нейтральные единицы лексики. Диалектизмами в составе литературного языка не являются и просто слова местных народных говоров, которые могут эпизодически проникать в литературную речь (например, встречаются в текстах литературно-художественных произведений [1]). Поскольку диалектизмы (с пометой «областное») включаются в словари современного литературного языка, естественно видеть в них особый пласт, хотя и внелитературной лексики, но в том или ином плане приближающийся к стилистически отмеченным группам лексики собственно литературного языка. Обычно это слова, достаточно широко распространенные в целом ряде говоров, часто вводимые в художественные произведения — или с целью речевой характеристики персонажей, или для обозначения каких-либо особых реалий местного быта [2].

[1] В рассказе Куприна «Груня» изображен «великий писатель» Неежмаков, который поучает начинающего автора Гущина: «...Язык изучай, обычай, нравы, особенности. Ты вот этого... как оно... помнишь, как у меня в «Иртышских очерках» написано? «Айда с андалой на елань поелозить». Что это значит? В том-то брат, и уксус! По-российски выходит в переводе: «Пойдем с дружком на лужайку побродить». Вот оно — настоящее изучение языка». Конечно, подобные слова не находятся даже у границ литературного языка.

[2] В вводных замечаниях к четырехтомному «Словарю русского

С пометой «областное» включены в словари такие, например, слова, как *береженый, богатей, большак, вред, вечерять, взгорье, волглый, всполох, завидущий, когтить, колдобина, лог, майдан, молодка, молодуха, огнище, околица, поветь, подклеть* и т. п.

§ 71. Главным образом в составе книжной (иногда «высокой») лексики сохраняются слова, несущие на себе особый стилистический отпечаток — отпечаток архаичности. Это устаревшие слова, но еще не вытесненные окончательно из языка, как были вытеснены многие другие слова и формы слов, и поэтому включаемые в словари современного языка.

Такие слова обозначаются обычно как архаизмы. К архаизмам относятся, например, *вежды, вельми, возлюбить, воитель, вотще, всуе, вящий, денница, доселе, зело, златой, издревле, ланиты, око, отрок, поныне, попрать, послушник, препоясать, провидеть* и т. п. Значительную группу архаизмов современного русского языка составляют старославянизмы: *брег, вотще, глад, град* ('город') и др. О старославянизмах подробнее будет сказано дальше, здесь нужно заметить только, что далеко не все славянизмы относятся к устаревшей лексике (ср. *бремя, время, единица, мощный* и т. д.), а в некоторых случаях в качестве архаизмов при вполне нейтральных словах старославянского происхождения выступают их исконно русские соответствия, например: *враг — ворог, плен — полон, шлем — шелом* и под.

Архаизмы — это слова, называющие такие предметы и понятия, которые сами по себе никак не устарели, но для обозначения которых используются теперь другие слова. Поэтому архаизмам почти всегда можно найти достаточно точные (если отвлечься от их стилистической значимости) соответствия среди слов (или словосочетаний) нейтральной лексики: *вежды — веки,*

языка» сказано: «Словарь содержит общеупотребительную лексику и фразеологию современного русского литературного языка... В соответствии с задачами Словаря в него не входят:

а) областные слова, за исключением тех, которые достаточно широко представлены в художественных произведениях различных авторов или обозначают предметы, явления, понятия, особенно важные и характерные для жизни, быта и т. д. населения той или иной области и широко известные за ее пределами (*баз, бурак, зеленя* и т. д...)».

вельми — очень, *воитель — воин*, *вотще — напрасно*, *денница — утренняя заря*, *доселе — до сих пор* и т. д.

Причины «устаревания» слов в языке могут быть различными. Было бы неправильным считать, что все архаизмы современного языка — это слова, бывшие когда-то стилистически нейтральными, но постепенно вытесненные другими словами с тем же значением. Старославянизмы представляют собой яркий пример слов, которые были всегда стилистически отмеченными единицами в составе русской лексики; их стилистическая «нейтрализация» в одних случаях и окончательное стилистическое и семантическое размежевание с исконно русскими соответствиями в других осуществлялись на протяжении длительного времени.

Архаизмами в современном русском языке являются и некоторые из прежних лексических заимствований, оказавшихся «лишними» в языке, например: *виктория* ('победа'), *променад* ('прогулка'), *респект* ('уважение') и под.

В некоторых случаях вообще трудно дать удовлетворительное объяснение тому, что одно слово было вытеснено другим, например, почему слово *око* в русском языке уступило место слову *глаз* (первоначально имевшему значение, как полагают, 'шар' или 'камешек').

Иногда наряду с лексическими архаизмами выделяют также семантические архаизмы, обозначая этим термином устаревшие значения современных слов. Например, глагол *вещать* имеет современное значение, которое сопровождается пометой «специальное» — 'передавать по радио', а также устаревшее значение — 'прорицать, изрекать'. Последнее можно назвать семантическим архаизмом. Существительное *любовник* имеет, кроме современного значения, устаревшее — 'влюбленный; возлюбленный'. В пушкинских строках *Увы! Любовник молодой, Поэт, задумчивый мечтатель, Убит приятельской рукой!* («Евгений Онегин») — слово употреблено именно в устаревшем значении. Прилагательное *обязательный* в значении 'любезный' также является семантическим архаизмом, ср.: [Васильков:] *Завтра же воспользуюсь вашим обязательным приглашением* (Островский. Бешеные деньги); не учитывая наличие у слова архаического значения, мы неправильно истолковали бы приведенный пример.

§ 72. В определенном противопоставлении архаизмам часто рассматриваются неологизмы, т. е. новые слова.

Перемещения в лексике связаны, понятно, не только с тем, что отдельные слова выходят из активного употребления, устаревают, но и с постоянным появлением в языке новых слов. Большая часть новых слов, представляющих собой прямое обозначение новых предметов и явлений, как правило, без задержек усваивается языком, утрачивая при этом и всякий отпечаток новизны. Новизна подобного слова может сознаваться говорящими только в связи с тем, что новым является само обозначаемое им явление (ср. *самолет*, *радио*, *телепередача*, *транзистор*, *стыковаться* и т. п.). Лишь некоторая часть новообразований, чаще всего ограниченных определенной сферой употребления, сохраняет в течение какого-то времени отпечаток новизны, часто мешающий отдельным группам говорящих признать законность данного новообразования в языке. Так, например, в печатных выступлениях против «порчи языка» среди примеров «порчи» обычно называется и ряд вновь созданных слов, с которыми авторы не смогли примириться (например, *плавсредства*, *сухофрукты*, *пересортица* и т. п.) и против которых они призывают бороться.

В отличие от архаизмов неологизмы, если говорить об их основной части, беспрепятственно вошедшей в общелитературный язык, лишены какой бы то ни было стилистической окраски. В этом смысле они столь же обычны, как и все другие обычные слова, независимо от их возраста. В качестве неологизмов они могут рассматриваться лишь в историческом аспекте, с точки же зрения синхронных отношений, существующих в языке, они, как правило, нейтральны и поэтому не противопоставлены стилистически отмеченным архаизмам.

Что касается индивидуальных новообразований, возникающих и в обиходной речи, и создаваемых (и письменно фиксируемых) писателями, то, как правило, они остаются фактами речи (конкретного высказывания, конкретного произведения), они обычно и не предназначаются для того, чтобы выйти за пределы соответствующего контекста, выполняя именно в нем определенную экспрессивно-семантическую функцию. В лингвистическом плане они привлекают внимание не только

при лингво-стилистическом анализе текста, но и при исследовании словообразовательных возможностей языка, при определении продуктивности тех или иных словообразовательных моделей. Такие новообразования, понятно, не входят в словарный состав языка, но представляют интерес при выяснении соотношения разных способов номинации, действующих в языке в определенный период его развития.

§ 73. Кроме архаизмов, в составе устаревшей лексики находятся так называемые историзмы.

В отличие от архаизмов, слов, стилистически нейтральное выражение значений которых в современном языке осуществляется другими словами, историзмы обозначают реалии, исчезнувшие к настоящему времени или ставшие неактуальными в современной жизни. Исчезновение реалий, естественно, приводит и к переходу их обозначений из активного словаря в пассивный. Историзмы современного русского языка относятся к реалиям разных эпох и народов. Обычно соответствующая приуроченность слова отмечается при его толковании. Ср. несколько примеров из «Словаря русского языка» С. И. Ожегова: *басма́ч* — «Бандит-контрреволюционер в период борьбы за укрепление Советской власти в Средней Азии»; *басурма́н* — «В старину: иноземец, человек иной веры (преимущественно о магометанине); *бердыш* — «Старинное орудие — топор с лезвием в виде полумесяца»; *богаде́льня* — «До революции: приют для инвалидов»; *ботфо́рты* — «В старину: высокие кавалерийские сапоги»; *бра́тина* — «Ковш, употреблявшийся в старину для питья вина»; *бу́дочник* — «В старину: постовой полицейский, имевший на посту будку»; *бу́рса* — «В старину: название духовного училища, духовной семинарии [первоначально общежитие при них]»; *вакха́нка* — «В античном мире: жрица Вакха — бога вина и веселья»; *ва́хмистр* — «В царской армии: звание фельдфебеля в кавалерии»; *ве́че* — «В древней Руси: собрание горожан для решения общественных дел...»; *воево́да* — «В древней Руси: начальник войска, а также области, округа»; *гайдама́к* — «1. В XVII—XVIII веках: украинский казак, участник восстания против польских помещиков. 2. Солдат контрреволюционных отрядов во время гражданской войны на Украине»; *гале́ра* — «Старинное гребное многовесельное судно, на котором в Западной Европе греб-

цами обычно были каторжники»; *гетера* — «В древней Греции: незамужняя женщина, обычно с артистическими способностями, живущая самостоятельно и ведущая свободный образ жизни»; *городничий* — «Начальник города (в России до середины XIX в.)»; *дворня* — «При крепостном праве: домашняя прислуга в помещичьем доме»; *дьяк* — «В древней Руси: должностное лицо, ведущее дела какого-нибудь учреждения (приказа)»; *ендова* — «Большая открытая посуда с рыльцем, употреблявшаяся в древней Руси и в русском флоте для вина» и т. п.

С русской историей связаны, кроме указанных, также такие слова, как *боярин*, *вотчина*, *городовой*, *детинец*, *ловчий*, *оброк*, *опричник*, *стрелец*, *ушкуйник* и ряд других.

Легко заметить, что не возраст определяет степень «неактуальности» слова. Некоторые явления сравнительно недавнего прошлого относятся уже к истории, вслед за ними в разряд историзмов перешли и их обозначения. Например, историзмами для языка наших дней являются такие слова, связанные с первыми послереволюционными годами, как *нэпман*, *продналог*, *продразверстка*, из приведенных выше *басмач*, *гайдамак* и мн. др.[1].

Некоторые из названий, обозначавших исторические реалии, были использованы для обозначения новых близких по функции предметов и таким образом совмещают в своей семантике исторические и актуальные значения (т. е. являются лишь «частичными историзмами»), ср., например, значения существительного *шлем*: «1. Старинный металлический воинский головной убор, защищавший от ударов, стрел. 2. Специальный головной убор летчиков, танкистов, лыжников и др., а также особый головной убор для защиты от солнечных лучей. *Кожаный шлем. Пробковый шлем.* 3. Специальное устройство, предохраняющее голову и изолирующее ее от внешней среды. *Водолазный шлем. Кислородный шлем* (обеспечивающий поступление кислорода)». Аналогичное распределение значений у существительных *дружинник*, *таран*, *щит* и т. п.; у других историческое зна-

[1] Заметим, что только современные исчезнувшим реалиям обозначения считаются историзмами. Так, например, не причисляют к историзмам *динозавр*, *ихтиозавр* и под. Таким образом, историзмами являются сохранившиеся в языке (а не созданные позднее) обозначения исторических предметов и явлений.

чение совмещено с более отвлеченным переносным — *глашатай*, *меч* и т. д.

Можно заметить еще, что вышедшие из употребления предметы и сами по себе не в одинаковой степени исчезли из жизни, поэтому их обозначения неодинаково «далеки» от нас. *Трон*, *корону*, *кольчугу*, *братину*, *бердыш* и т. д. можно увидеть в ряде музеев; о *князьях*, *губернаторах* и т. п. мы читаем не только в произведениях нашей классической литературы или учебнике истории, но и в современных газетах, когда речь идет о зарубежной жизни.

Следовательно, это не такие историзмы, как *боярин*, *вече*, *полюдье* и т. д., а, скорее, вышедшие из активного оборота слова, своего рода слова «на пенсии», не имеющие актуального значения в современной речи, но обозначающие не исчезнувшие, а существующие реалии. В Новгороде, например, сохранился средневековый *детинец* — так там назывался 'кремль', он и по сей день так называется, и так его обозначают в многочисленных путеводителях. В том же Новгороде есть здание, которое по традиции зовут *гридницей*, и т. д.

Некоторые из историзмов проявляют активность также в другом направлении. Они, так сказать, парадно представительствуют, выступая в качестве украшающих обозначений реалий, которые имеют другие (прямые) наименования; например, в спортивных репортажах: *футбольный поединок*, *шахматный трон*, *шахматная корона* и т. п.

Слова же, обозначающие реалии, исчезнувшие из нашей действительности, но существующие в зарубежной жизни, приобретают как бы двойственный «статус» — они являются в определенном смысле историзмами и в то же время примыкают к так называемым экзотизмам. Экзотизмы составляют своеобразный пласт в лексике многих языков, в том числе и русского. Это такие слова, которые связаны с обозначением каких-либо характерных реалий других народов. Естественно, что по самой своей функции эти слова занимают периферийное место в словарном составе, хотя некоторые из них достаточно прочно закрепились в языке и значение их хорошо известно бóльшей части говорящих: ср. в лексике современного русского языка такие слова, как *брамин* (член высшей жреческой касты в Индии),

бюргер, *гондола*, *далай-лама*, *дехканин* (крестьянин в Средней Азии), *духан* (небольшой ресторан на Кавказе), *клерк*, *колледж*, *мэр*, *падишах*, *ранчо* и т. п. Особенностью этих слов является то, что их употребление ограничено специальными условиями — они появляются в переводных произведениях литературы, в описаниях жизни других народов и лишь изредка применяются к явлениям своей действительности, приобретая метафорический смысл.

Что касается других иноязычных слов, вошедших в язык (о заимствованных иноязычных словах в русском языке — подробнее дальше), то в том случае, когда они действительно вошли в язык, т. е. полностью освоены им, они не представляют уже какой-либо отдельной стилистической группы. Многие из них растворились в составе нейтральных слов (*батон*, *салат*, *лифт*, *слесарь*, *солдат* и т. п. и т. д.), другие пополнили разряд книжной лексики (*меломан*, *импозантный*, *одиозный*, *перипетия*, *комплекция* и т. п. и т. д.).

§ 74. Стилистической отмеченностью обладают не те иноязычные слова, которые вошли в язык, а те, которые вводятся в речь, никак не обогащая ее, поскольку попросту дублируют уже существующие в языке слова. Такого рода незакрепившиеся в общелитературном языке единицы получили наименование варваризмы [1]. Варваризмы употребляются обычно лишь отдельными группами говорящих; с течением времени они полностью выходят из употребления — память о них поддерживается лишь воспроизводящими их произведениями художественной литературы.

Галломания, пристрастие к неоправданным заимствованиям из французского, характеризует, например, салонно-дворянский жаргон XVIII — начала XIX в., что сатирически отражено писателями того времени, начиная с Сумарокова, Фонвизина и Новикова. Дворянско-жаргонное словоупотребление того времени находит сатирическое отображение, в частности, в романе А. Е. Измайлова «Евгений» (1799), где Евгений Негодяев изъясняется таким

[1] Обозначение «варваризм» употребляется и в другом значении. См., напр.: Калинин. А. В. Лексика русского языка. М., 1966, с. 76 и сл. См. также «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, где указаны различные значения данного термина.

образом (курсив всюду издания романа): «Колокольчик *фрапирует* мои уши. Закоптелые избы, в которых кудахчут куры и кричат ребята, меня не *амюзируют*»; «Если ты мне истинный друг, сделай милость, перестань *плезантировать*»; «Вижу, что нельзя *екскюзировать* мой поступок...»; «Сначала *инвенция* моя ей очень понравилась...»; «Он говорит сам себе мысленно: я найду всегда оказию быть в здешнем danse клубе, но не найду, может статься, больше никогда *оказии* пробыть долго tête à tête с тою, которая ко мне так благосклонна и которая верно не простит моего *дезобеиссанса*»; «И Надежда Михайловна сказала мне вчерась, что ты человек редкий, только жаль, что *манкируешь* немного *юзажем* du monde...»; «Я, сказать по правде, не так чтоб к ней был очень *атташирован*...»; «Так ловок, так *авантажен!*.. Право, не *флатирую* нисколько...»; «Да уж добро бы у меня *ривалем* был равный мне, а то сержантишка»; «Bravo! мы *разъирритируем* ее с тобой!»; «Девица Миловзорова, конечно, прекрасна, сказал он сам себе, спустя некоторое время после своего несчастия, потеря ее, конечно, мне *эньсюппортабельна*...» и т. п.

Пристрастие к варваризмам, как известно, проявлялось в «высших» и «средних» слоях русского общества и позднее; оно отражено в произведениях Л. Толстого, Лескова и других русских писателей XIX в. Вот один из многих возможных примеров: —*...Для меня м о в е ш е к не существовало: уж одно то, что она женщина, уж это одно половина всего... да где вам это понять! Даже в ь е л ь ф и л ь к и, и в тех иногда отыщешь такое, что только диву даешься на прочих дураков, как это ей состариться дали и до сих пор не заметили!* (Д о с т о е в с к и й. Братья Карамазовы).

В предреволюционные годы у отдельных поэтов наблюдается своеобразная активизация жаргонного словотворчества на основе французских и некоторых других иноязычных слов. В поэзии И. Северянина и других эгофутуристов подобные образования представлены настолько обильно, что именно ими в значительной степени определяется стилистическое звучание многих стихотворений этих поэтов. Характерна пародия на И. Северянина, опубликованная в 1913 г. за подписью «Г. Е.» (см.: Русская стихотворная пародия. Л., 1960, с. 671—672) «Перевод Пушкина на язык эгофутуристов»: *Зима! Пейзанин экстазуя, Ренувелирует шоссе...*

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА

§ 75. При помощи слов говорящие не только называют различные предметы и явления, но также выражают определенное отношение к этим предметам и явлениям.

Нетрудно заметить, что различные слои лексики по-разному используются с этой целью. Так, наряду со словами *река*, *дерево*, *ходить*, *голубой* и т. п., которые сами по себе нейтральны в эмоциональном плане (хотя каждое из них может, разумеется, стать выразителем самых различных чувств и переживаний), существуют слова, лексическим содержанием которых является обозначение эмоций: *радость*, *тоска*, *любить*, *ненавидеть*, *милый* и т. п. Смысловая направленность одних слов такова, что они чаще всего употребляются в контекстах, которые, как правило, не вызывают эмоционально-оценочных реакций со стороны участников речевого общения, в то время как другие слова, наоборот, по самому своему семантическому содержанию тяготеют к эмоционально-насыщенным контекстам.

В некоторых описаниях лексики русского языка выделяется «эмоциональная лексика» [1], к которой авторы относят слова вроде *любить*, *ненавидеть*, *гнев*, *красивый*, *плохой*, *раздражен* и т. п., наряду с суффиксальными образованиями типа *песочек*, *солнышко*, *миленький*, *малюсенький*, *здоровущий* и т. д. Можно ли объединить эти слова? Эмоциональная окраска таких слов, как *любить*, *ненавидеть* и т. д., целиком определяется их предметной направленностью, а именно тем, что данные слова непосредственно обозначают различные эмоции, настроения и т. д. Если считать эти слова, как таковые, эмоциональными, то такое понимание эмоциональных моментов в лексике будет основано не на лингвистических категориях, а на характеристике самих предметов и явлений. Выделение эмоциональной лексики при таком подходе является результатом предметно-тематической классификации слов, тогда как образования

[1] См., например: Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Лексика. М., 1954, с. 136—137; Финкель А. М., Баженов Н. М. Современный русский литературный язык. Киев, 1954, с. 85—87; Петровский В. И. О стилистической дифференциации лексики современного русского языка. Львов, 1959.

с уменьшительными и др. суффиксами включаются в ту же группу эмоциональной лексики на основании уже совсем иных признаков. Кроме того, экспрессивно-оценочные моменты могут быть объективно закреплены за словом [1]. *Кляча* это не просто 'лошадь', а 'плохая лошадь', *вонять* не просто 'пахнуть', а 'дурно пахнуть', *прожект* не просто 'проект', а 'несбыточный проект', *мешанина* не всякая 'смесь', а такая, которая представляется неоправданной, и т. д. Слово же *любить* обозначает чувство, которое в разных условиях может вызывать совершенно различное отношение со стороны говорящего, быть источником самых разнообразных эмоций у собеседников, так же как и слова *ненависть*, *гнев*, *красивый* и т. п., не говоря уже о том, что в целом ряде контекстов они выступают как эмоционально нейтральные знаки отвлеченных понятий, и поэтому их противопоставление «отвлеченной лексике» не является безусловным.

Таким образом, необходимо различать, во-первых, слова, которые обозначают определенные эмоции и переживания, имеют эмоционально-оценочные значения и т. д. (выделение этих слов производится в связи с предметно-тематической классификацией лексики); во-вторых, слова, эмоциональная значимость которых создается при помощи словообразовательных средств; в-третьих, слова, в собственно лексическом значении которых заключена определенная оценка обозначаемых ими явлений. Только по отношению к двум последним группам слов было бы оправданным наименование «эмоционально окрашенная лексика», так как слова, обозначающие эмоции и т. д., не окрашены этими (или какими-то другими) эмоциями, а непосредственно отображают их своими значениями.

В то же время следует различать объективно и устойчиво закрепленную за словом эмоциональную окраску и

---

[1] О реальном ощущении говорящими такого рода ореола, даже когда он не фиксируется словарями, т. е. едва проступает у слова, свидетельствует, в частности, желание говорящих в некоторых случаях путем различных оговорок как бы отстранить его; ср.: *Инженер по нормированию — знающий человек. Это в хорошем смысле слова педант. У Туганова вся производственная статистика расписана, разложена по полочкам. Любую цифру найдешь* («Известия», 1963). При более сильной оценочной окраске — ее устранение становится, по-видимому, невозможным; ср.: *буквоед*.

эмоциональные наслоения, обволакивающие самые разнообразные по своей тематической принадлежности слова в определенных ситуациях.

Экспрессивно-оценочные, или эмоциональные, элементы, устойчиво закрепленные за словами, отчетливо обнаруживаются при сопоставлении последних со словами, имеющими ту же предметную направленность, ср.: *кляча* и *лошадь*, *крохотный* и *маленький*, *по милости* (кого-то) *из-за*, (кого-то) и *благодаря* (кому-то), *дилетант* и *любитель*, *огласка* и *известность*, *рассадник* и *источник*, *главарь* и *руководитель*, *пособник* и *помощник* и т. п.[1]. Ср. также очевидное обособление существительного *сговор* в рядах *договориться — договор*, *уговориться — уговор* и *сговориться — сговор* именно в связи с наличием в его семантике экспрессивно-оценочного элемента.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в словах, в которых экспрессивная оценка выражена не специальными суффиксальными средствами (ср.: *старик — старичок — старикан*, *старушка — старушенция*; *дурачок — дуралей — дурень*; *глупыш — глупец* и т. п.), проявляется главным образом отрицательная экспрессия. Именно ее отражает достаточно дифференцированная система помет в словарях. Между тем для отражения положительной экспрессии, по существу, и нет помет, если не считать, пометы «ласкательное», применяемой в редких

---

[1] Подробнее см.: Петрищева Е. Ф. Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики в русском языке советского времени.— В сб.: Развитие лексики..., с. 51 и сл. «Оценочные слова,— отмечается в статье,— принципиально отличны от слов *скупой*, *ложь* (намеренная неправда), *льстить* (хвалить с корыстной целью), *храбрость*, *доброта*, *веселье* и т. п. Слова типа *скупой* лишь называют явления, с общественной точки зрения положительные или отрицательные признаки явлений, т. е. имеют положительное или отрицательное предметное содержание, но не заключают в себе информации об оценке этих явлений говорящим. Эти различия отчетливо обнаруживаются в контекстах, которые мы условно называем неясными. Так, слово *скупой* обозначает отрицательное явление. Однако при неясном контексте *Иванов — человек скупой* он не дает возможности судить, как относится говорящий к скупости некоего Иванова (отрицательно, индифферентно или даже положительно): известно, что возможна субъективная, противоречащая общепринятой точка зрения на отрицательные явления (в частности, на скупость: «скупость не глупость»), что в некоторых ситуациях такие явления могут оказаться желательными. В отличие от *скупой* слово *скупердяй* дает оценку обозначаемого. Ср.: *Иванов — скупердяй*».

случаях, да и то не во всех словарях. Пометами же отрицательными — «неодобрительное», «презрительное», «уничижительное», «пренебрежительное», указывающими на то, что значения слов осложнены именно отрицательными экспрессивными элементами, отмечено большое количество слов, например: *главарь*, *групповщина*, *двурушник*, *деляческо*, *дылда*, *жмот*, *зазнаться*, *злопыхать*, *интриган*, *кичиться*, *кропать*, *ловкач*, *молодчик*, *нажива*, *напыщенный* и мн. под.

§ 76. Часто пометы оценочного типа совмещены с пометами собственно стилистического характера. При этом нетрудно заметить, что отрицательную оценку выражают преимущественно слова, квалифицируемые как разговорные и просторечные: *глазеть*, *головорез*, *деляга*, *дрейфить*, *дрязги*, *живодер*, *забулдыга*, *заграбастать*, *кобениться*, *колобродить*, *нахрапом*, *недотепа* и т. п. В то же время за «высокими» словами во многих случаях закрепляется положительная экспрессия (ср.: *дерзать*, *достояние*, *свершения* и т. п.), и таким образом эта стилистическая группа слов в некоторой своей части образует как бы противовес словам с отрицательными пометами. Однако при всем этом нельзя сомневаться в том, что собственно стилистическая прикрепленность слов (к сниженным или высоким слоям лексики) и их экспрессивная направленность представляют две различные характеристики. Соответствующие окраски могут наслаиваться одна на другую и даже вызывать одна другую, но они могут выступать и отдельно. На это указывают и многие примеры разговорных и просторечных слов, лишенных отрицательно-оценочной отмеченности (ср. примеры выше), и то, что отрицательная оценочность присуща также книжным (*вертеп*, *клика*, *клеврет*, *ренегат* и под.) и «высоким» словам (*губитель*, *злодеяние*, *крушить* и под.). Значительное число «высоких» слов приобрело в то же время ироническое звучание, как, например: *благонравный*, *блюститель*, *велеречивый*, *изречь*, *лицезреть*, *недреманный*, *отпрыск*, *пассия*, *приношение*, *разглагольствовать*, *соблаговолить*, *соизволить* и т. п.

§ 77. Стилистическая прикрепленность слов не остается неизменной. Например, многие слова, которые приведены в «Словаре...» под ред. Д. Н. Ушакова

с пометой «книжное устаревшее», в более новых словарях (СРЯ, «Словаре русского языка» С. И. Ожегова) даны уже без всяких помет, что, несомненно, отражает изменившееся за короткий срок, отделяющий эти словари друг от друга, восприятие этих слов носителями языка, ср.: *живописец*, *заздравный*, *замыслить*, *запустеть*, *изваяние* и мн. др.

Наряду с процессом «восстановления» в активном употреблении устаревшей лексики и вовлечения в обиходную речь лексики книжной, процессом, отмеченным А. М. Селищевым еще в первые послереволюционные годы [1] (произошедшее в это время изменение стилистической окраски таких слов, как *выявить*, *достижение*, *задание*, *изжить*, *метод*, *мыслить*, *осмыслить*, *осознать*, *предпосылки*, *сознательный*, *устремление*, бывших, по словам А. М. Селищева, терминами, редко употреблявшимися за пределами специальной философской и общественно-политической литературы; активизация таких устаревших славянизмов, как *во главу угла*, *зиждется*, *ибо*, *стезя*, *сугубый*, *якобы* и др.), происходит изменение в экспрессивно-оценочной направленности ряда слов.

Например, слова *законник*, *красивость*, *полчище*, *рьяный*, *рыскать*, *сговор*, *усердствовать* и др. не сопровождаются экспрессивно-оценочными пометами. Как отмечает Е. Ф. Петрищева, «цитатный материал свидетельствует, что в XIX в., в предреволюционный период и в первые десятилетия после революции, эти слова функционировали как неоценочные. При этом слово *красивость* по предметному содержанию совпадало со словом *красота*» [2]. Ср.: *Я не признаю в нем большой творческой силы, но у него есть изящество, к р а с и в о с т ь в гармонии и вкус* (Ч а й к о в с к и й. Письмо Н. Ф. Мекк, 1879 г.); *Мы уже требуем к р а с и в о с т и в костюме* («Женский журнал», 1928 г.) и т. п. В наше время произошло перемещение этих слов из состава неоценочной лексики в состав экспрессивно-оценочной («эмоционально-окрашенной», согласно Е. Ф. Петрищевой). Как неоценочные

---

[1] С е л и щ е в А. М. Язык революционной эпохи. М., 1928.

[2] П е т р и щ е в а Е. Ф. Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке (Опыт лингвистического эксперимента).— В сб.: Развитие лексики современного русского языка. М., 1965, с. 46 и сл.

употреблялись также слова *главарь*, *дележ*, *подоплека*, *пособник* и др., в значениях которых в современном языке явно обнаруживаются экспрессивно-оценочные моменты.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЛОВ И СФЕРА ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ

§ 78. Еще одна линия стилистической дифференциации литературной лексики определяется расслоением развитого литературного языка на отдельные функциональные разновидности, «функциональные стили», характеризующиеся некоторым как грамматическим, так и лексическим своеобразием.

Например, ряд слов помещается в словарях с пометой «официальное», что свидетельствует об их принадлежности к официально-деловой речи, например: *взыскать*, *вменить*, *востребовать*, *вручитель*, *ведение*, *ведомство*, *взяткодатель (-получатель)*, *внеслужебный*, *военнослужащий*, *воспрещать*, *даритель*, *дачевладелец*, *жительство*, *значиться*, *извлечение*, *испросить*, *исходящий*, *местонахождение*, *местопребывание*, *надлежит*, *наличность*, *нарекание*, *начет*, *невыезд*, *незамедлительный*, *опознать*, *отлагательство*, *отправитель* и т. п.

Особый и очень значительный по объему слой в современном языке составляют слова, вводимые в словари с пометой «специальное», то есть термины, относящиеся к различным областям науки и техники (*анабиоз*, *атом*, *бекар*, *ген*, *гипотенуза*, *зазор*, *индекс*, *морфема*, *нейтрино* и т. д. и т. п.). Термины играют все более важную роль в развитии языка. Подавляющее большинство новых слов, появляющихся в языке, составляют именно термины. «Термины — наиболее «управляемая» часть лексики. И поэтому вопросы построения терминологий разных наук, терминологическая практика имеют не только чисто практическое, но и большое теоретическое значение как пример целесообразно управляемого приспособления языковых средств к потребностям обмена опытом в человеческом обществе» [1].

---

[1] Капанадзе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология».— В сб.: Развитие лексики современного русского языка. М., 1965, с. 75.

Особенность терминов в том, что в то время, как значение обычного слова может быть только истолковано (т. е. на основе реального применения слова говорящими устанавливается его смысловое содержание), значение термина должно быть определено, иначе говоря, термин не просто обозначает то или иное понятие, а основан на определении (дефиниции) понятия.

«Общеизвестно,— писал В. В. Виноградов,— что прежде всего слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т. е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно — простой знак, или средством логического определения, тогда оно — научный термин» [1].

Между общелитературной и терминологической лексикой происходит постоянное взаимодействие: многие обычные слова вовлекаются в сферу терминологии, получая там строгую дефиницию (ср. *вид* в биологии и лингвистике, *род* в лингвистике, *притяжение*, *давление* в механике и т. д.), термины в свою очередь проникают в общелитературное употребление (в основном именно такие термины и фиксируются толковыми словарями). «И этот обмен возможен не вопреки, а именно благодаря тому глубокому различию, которое существует между терминами и нетерминами. Попадая в общелитературный язык, термин приобретает лексическое значение и становится словом, отмеченным в стилистическом отношении, его преследует особый «технический ореол», почему он и используется нередко как определенное стилистическое средство. При этом экспрессивная окраска термина возникает из сопоставления, которое появляется в нашем сознании, между «строгим» научным термином и обычными словами» [2].

Отмечая проникновение терминов в современную общелитературную речь, обусловленное возрастающей ролью науки и техники в жизни современного общества (а как следствие этого — и соответствующей терминологии), нужно обратить внимание не только на факты широкого метафорического применения терминов (такое их применение

---

[1] Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947, с. 12—13. О других определениях и критериях выделения терминов см. в указ. выше статье Л. А. Капанадзе.

[2] Капанадзе Л. А. Указ. соч., с. 80.

характерно и для литературы предшествующего столетия [1], о чем см. дальше), но и на широкое освоение их собственно терминологических значений (таковы, например, многие названия лекарств, заболеваний, деталей машин и механизмов, сельскохозяйственных терминов, спортивных терминов и т. д.). Не менее важен отмеченный С. И. Ожеговым процесс «терминологизации речи». «На фоне активных процессов номинации,— писал С. И. Ожегов в работе, опубликованной в 1962 г.,— развивается широкая терминологизация речи. Эта тенденция выражается в многообразных формах, получая опору в условиях нашей общественной жизни. Плановое хозяйство и хозяйственный учет, связанный с фиксацией каждой отдельной операции, далеко идущее разветвление наук, производств, дифференциация труда и трудовых процессов, необходимость соблюдения определенного порядка в общественной деятельности вызывали потребности точной квалификации и удобной для общения номинации отдельного акта, деятеля, явления, операции» [2].

§ 79. От терминов отличаются профессионализмы — слова, которые обычно являются своего рода дублетами некоторых собственно терминологических обозначений, распространенными в той или иной профессиональной среде. Например, 'опечатка' в речи газетчиков — *ляп*, 'руль' в речи автомобилистов — *баранка*, 'несданный экзамен' у студентов — *хвост*, 'ошибка' у актеров — *накладка* и т. п. Ср.: *Юрия*

---

[1] Новым процессом, по наблюдениям Л. А. Капанадзе, не свойственным русской литературе XIX в., является вовлечение терминов в образную речь поэтических произведений (указ. соч., с. 89).

Например:

...И не отточишь
Никаких лопат,
Чтоб все пласты поднять вот эти снова,
Где происходит атомный распад
Неуловимых элементов слова.
(Л. Мартынов. Гора.)

Причудливы небесные тела.
Горят, блистают, излучают кванты.
(С. Куняев. Кинозвезда.)

[2] Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, с. 60—61.

это забавляет, но штабс-капитан запыхтел: два подряд исправленных ударения его бесят. Но флот во многом отличается от армии: юнкер — г а р д е м а р и н, обыкновенный р а п о р т — по-флотски р а п о́ р т, в армии на север указывает к о м п а с, во флоте — к о м п а́ с. Все это — мелочи, но мелочи только подчеркивают, что штабс-капитану никогда не понять пышной четкости флотской службы (С о б о л е в. Капитальный ремонт). Отличие профессионализмов от терминологических обозначений состоит в том, что им присуща явная р а з г о в о р н а я, иногда даже п р о с т о р е ч н а я о к р а с к а, многие из них находятся з а п р е д е л а м и с о б с т в е н н о л и т е р а т у р н о г о я з ы к а, хотя и не отгорожены от него какой-либо непреодолимой стеной. Профессионализмы бывают одним из источников пополнения специальной терминологической лексики, а также проникают в литературную речь в образно-метафорических значениях. В то время как термины являются, так сказать, узаконенными и общими названиями какого-либо понятия, профессионализмы у п о т р е б л я ю т с я л и ш ь в о г р а н и ч е н н о й с п е ц и а л ь н о й т е м а т и к о й р е ч и л и ц, с в я з а н н ы х п о п р о ф е с с и и, п о с п е ц и а л ь н о с т и; часто они имеют л о к а л ь н ы й, м е с т н ы й характер.

Нужно иметь в виду, что в некоторых пособиях по лексикологии в понятие профессионализмов вкладывается другое содержание; профессионализмами называют специальные обозначения (квалифицированные выше как терминологические), «известные не всему русскому народу, а употребляемые одной какой-нибудь профессиональной группой лиц (медицинские работники, работники полиграфии, юристы, моряки и т. д.)». В таком случае как профессионализмы рассматриваются «специальные понятия, орудия или продукты труда, трудовые процессы производства», которые «называют иногда специальными словами или специальными терминами» [1], к профессионализмам относят такие обозначения, как *скальпель*, *алиби*, *кортик* и т. п., как профессионализмы, теряющие «свой особый характер употребления» и превращающиеся «в общенародные слова», рассматриваются слова типа *комбайн*, *глобус*, *экран* [2], а также некоторые

[1] Ш а н с к и й Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964, с. 122.

[2] Там же, с. 123.

слова, «ставшие из профессионализмов общенародными в силу их метафорического употребления», такие слова, как *аврал*, *брожение*, *сфера* и под. [1]. Те слова, которые были охарактеризованы нами выше как профессионализмы, выделяются в особую группу а р г о т и з м о в, то есть таких социально ограниченных в своем употреблении слов, «которые являются эмоционально-экспрессивным выражением того, что стилистически нейтрально обозначается общенародными словами» [2]. Сюда тогда относятся слова вроде *темп*, *асбест*, *мостик* (на корабле) и под.

Понятно, что в данном случае перед нами пример терминологических расхождений, которые сами по себе не затрагивают существа дела, но отражают общую неупорядоченность стилистической терминологии. О возможности подобных расхождений полезно помнить при сопоставлении различных точек зрения и по другим вопросам. А р г о́ — э т о у с л о в н а я р е ч ь к а к о й - л и б о о б о с о б л е н н о й п р о ф е с с и о н а л ь н о й и л и с о ц и а л ь н о й г р у п п ы л и ц, х а р а к т е р и з у е м а я о с о б ы м н а б о р о м с л о в и в ы р а ж е н и й. Иногда арго применяется в целях конспирации.

§ 80. В близком (некоторыми исследователями языка — в тождественном значении) употребляется термин «ж а р г о н» [3]. С понятием жаргона связываются, однако, н е т о л ь к о п р о ф е с с и о н а л ь н ы е, связанные с определенным занятием, но и с о ц и а л ь н ы е о т в е т-

---

[1] См.: Ш а н с к и й Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964, с. 125.

[2] Там же, с. 124.

[3] См., например, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой: а р г о — «то же, что ж а р г о н, в отличие от последнего, термин а р г о лишен пейоративного, уничижительного значения. *Арго артистическое. Арго военное. Арго воровское. Арго картежное. Арго профессиональное. Арго спортивное. Арго школьное*»; — ж а р г о н — «язык, состоящий из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяемый (обычно в устном общении) отдельной социальной группой с целью языкового обособления, отделения от остальной части данной языковой общности, иногда в криптологических целях. В отличие от арго этот термин имеет пейоративное значение. *Жаргон буржуазный. Жаргон военный. Жаргон воровской. Жаргон дворянский. Жаргон канцелярский. Жаргон морской. Жаргон спортивный. Жаргон фатовской*».

вления от общенационального языка (говорят о салонно-дворянском жаргоне, о «молодежном» жаргоне и т. п.), характеризуемые неустойчивостью, быстрой сменой специфических в данной речи средств выражения. Для лиц, пользующихся в своем кругу жаргонной речью, характерно стремление к постоянному обновлению набора экспрессивных словечек. Пользование жаргоном — как бы свидетельство принадлежности к определенной социальной группе.

Относительная устойчивость языковой нормы обеспечивает его функционирование как средства общения, сохранения и передачи информации. Для того чтобы язык выполнял свою основную функцию, служил средством общения, он должен быть одинаково понятен людям разных социальных коллективов и возрастных групп. Этим определяется устойчивость общеязыковых норм как письменной, так и разговорной разновидности языка. Жаргонная же речь подвержена изменчивой моде; так же как особый вид одежды, прически, она обусловлена подражанием тем или иным сменяющим друг друга образцам. Ореол языкового авторитета — вне школы и других форм лингвистического воспитания (а нередко и вопреки им) — для большинства говорящих окружает тех, кому они вообще стремятся подражать в чем-то. Он может принадлежать какой-то профессиональной среде с ее особыми традициями, сопутствовать моде и т. д. Ср. в рассказе А. Толстого «Как ни в чем не бывало»: *Помните раз и навсегда — в морском деле не было и не существует слово «веревка». На корабле есть в а н т ы, есть ф а л ы, есть ш к о т ы, есть к а н а т ы я к о р н ы е и п р и ч а л ь н ы е. Самая обыкновенная веревочка на корабле называется к о н е ц. Но если вы в открытом море скажете «веревка» — вас молча выбросят за борт, как безнадежно сухопутного человека.*

От непрерывности традиций часто зависит и устойчивость профессионального словаря, так же как капризами моды обусловливается непрестанная обновляемость соответствующего жаргона.

Жаргонизмы в н е л и т е р а т у р н о г о я з ы к а, хотя некоторые из них с различными экспрессивными или характерологическими целями вводятся в художественные произведения; ср. например: *У костра на корточках сидит Бацилла. Он азартно рассказывает рабочим: — Меня на*

пересылку. Там два рыжих клыка выломал у шимпа.— Это что же такое? — спросил Баженов.— Золотые зубы,— небрежно пояснил Нинка (С. Воронин. Две жизни); *Он знаком с многими уважаемыми людьми, козыряет их фамилиями в разговорах. Всегда кому-то что-то устраивает, помогает, достает. Например, какие-то балалайки (она не знала еще, что на блатном языке «балалайка» — это пианино)* («Лит. газета», 1962) и т. п.

Отдельные жаргонизмы входят в просторечие, растворяются в нем — и уже в таком статусе фиксируются толковыми словарями; ср. *засыпаться, крыть* (возражать), *липовый, слабó, финка* и т. п. Ср.: *Помню, когда мы уже пришли в Беломорск, чиф (так на морском жаргоне зовут старшего помощника) однажды ночью три автомобильных покрышки где-то стащил* (Конецкий. Наш кок Вася).

Жаргонное словоупотребление служит речевой характеристике персонажей в ряде произведений современной литературы.

§ 81. Стилистическая характеристика, которая дается отдельным явлениям языка, в том числе разным группам лексики, часто не совпадает (и терминологически, и по существу) в различных лингвистических работах. Это объясняется и сложностью, во многих случаях неоднородностью самой стилистической и экспрессивной окраски, присущей многим словам, и возможностью очень разнообразного, во многих случаях разнонаправленного их применения в конкретных условиях речевого общения. Это объясняется также и известной неупорядоченностью терминологии, применяемой в работах по стилистике, и отсутствием общепринятого понимания некоторых основных, исходных стилистических категорий.

Согласно намеченной выше группировке стилистически окрашенной лексики (соответствующей основным видам стилистических помет, применяемым в современных толковых словарях) выделяются следующие разряды нейтральных в стилистическом отношении слов.

1. Слова, противопоставленные нейтральным своей собственно стилистической значимостью, способные придать речи более высокий, торжественный или, наоборот, сниженный характер (т. е. слова, ха-

рактеризуемые как «книжные», «высокие», с одной стороны и «разговорные», «просторечные» — с другой).

2. Слова, противопоставленные общеупотребительным вследствие присущей им временно́й приуроченности (архаизмы, историзмы, неологизмы). Ими обозначаются предметы и явления определенной эпохи. Роль архаизмов в речи отчасти совпадает с ролью «высоких» слов, с которыми они в значительной своей части сливаются.

3. Слова, противопоставленные нейтральным экспрессивно-оценочной направленностью (не только называющие, но и выражающие эмоциональную оценку называемого). Для характеристики этих слов в словарях используются пометы «неодобрительное», «пренебрежительное» и т. д. при отрицательной оценке и «ласкательное» при положительной. Как говорилось выше, слова с пометой «высокое» также в ряде случаев выступают в этой функции.

4. Слова, источником которых является внелитературная речь (диалекты, профессиональная лексика, жаргоны, просторечие) и которые частично вводятся в литературное употребление (в разговорную речь, в тексты художественных произведений), в качестве характерологических, отчасти экспрессивных средств языка (диалектизмы, профессионализмы, жаргонизмы, просторечные слова).

Сами по себе диалектные и просторечные слова (так же как и другие элементы речи) представляют собой чисто характерологические приметы, поскольку известным образом характеризуют говорящего. Характерологичность в отличие от экспрессивности проявляется непроизвольно, поскольку с ней просто связано отражение речевых навыков говорящего, в то время как экспрессивные средства вводятся в речь в зависимости от намерения говорящего.

Однако, поскольку в данном случае рассматриваются характерологические средства литературного языка, об их непроизвольном проявлении можно говорить только условно. Элементы просторечия и диалектизмы вводятся в литературную разговорную речь чаще всего именно с экспрессивными целями; в текстах же художественной литературы функции и характерологических, и экспрессивных средств языка всегда сложно преобразованы, поскольку они превращаются в средства художественной

выразительности и изобразительности, по-разному взаимодействуя друг с другом — в зависимости от общих задач построения художественного образа. Когда, например, Николка Заварихин в романе Леонова «Вор» сообщает героине: — *...Это ты напрасно, будто я л ю б и т ь не могу... только слово такое не в ходу у нас, н е н а ш е. Мужики честнее говорят: я т е б я ж а л е ю... чтоб не ошибиться* (разрядка Леонова), то этот стилистический комментарий, введенный в речь персонажа, конечно, имеет прежде всего не лингвистическое, а художественно-контекстное значение; он отражает сложную гамму чувств героев романа — героини, тоскующей по настоящей любви, и расчетливого, все время сознающего себя мужиком, и гордящегося этим, и втайне ущемленного Николки.

§ 82. Стилистическая окраска слов, фиксируемая в словарях при помощи различного рода помет, тесно связана со сферой их употребления. Совершенно очевидна, например, неуместность просторечных, тем более вульгарных слов в официально-деловом документе или научном труде. Точно так же неуместной в них оказалась бы «высокая» лексика. Понятно, что стилистическая «замкнутость» определенных групп слов не ограничивает, а, напротив, расширяет выразительные возможности писателя, дает ему в руки богатый набор словесных красок. Поэтому совершенно беспочвенными являются, например, выступления писателя А. Югова, наивно связывающего стандартность, невыразительность языка художественных произведений с научной лексикографической практикой нашего времени, основанной на понятии литературной нормы. В толковых словарях современного русского языка фиксируются те экспрессивно-стилистические особенности, которые присущи отдельным словам в реальном языке. По какому-то странному заблуждению А. Югов видит в словарных пометах чуть ли не источник всех зол. В статье «Эпоха и языковой «пятачок» [1] он заявляет: «У нас вошло в дурной лексикографический обычай пятнать словарь русского народа неодобрительными и даже прямо запретительными пометами: «просторечие», «областное», «разговорное», «устарелое»; а еще, когда речь идет о каких-либо орудиях труда, то в боль-

[1] См.: Ю г о в А. Судьбы родного слова. М., 1962, с. 3—7. Аналогичные суждения высказывались и позднее.

шом ходу помета: «спец.», то есть «специальное». Автор статьи считает, что «надо быть решительно тугим на ухо в русском языке», чтобы снабжать подобными пометами слова *авось*, *позариться*, *пожива*, *подмащивать*, *подмоклый*, *понабрать*, *понавидаться*, *прясло*, *пособить*, *беремя*, *трухляветь*, *хлебать* и другие. Все эти пометы А. Югов называет «запретительными», «порочащими», «неодобрительными» и т. п.

Прежде всего, здесь сказывается непонимание того, что литературный язык не тождествен языку художественной литературы. Язык научной и научно-технической литературы, публицистики и официально-деловых документов также входит в состав общенародного литературного языка. В данном случае принято говорить о различных разновидностях литературного языка, или его различных функционально-речевых стилях. Каждый из этих стилей характеризуется определенными особенностями в выборе и употреблении слов, в использовании некоторых синтаксических конструкций и т. д. Их совокупность и представляет собой в определенную эпоху то, что называется общенародным литературным языком. В то же время язык художественного произведения может включать в свой состав целый ряд элементов, которые нельзя признать «литературными». Например, многие писатели употребляют в своих произведениях диалектизмы, просторечные слова и формы слов, которые сами по себе остаются за пределами собственно литературного языка.

Таким образом, понятие литературного языка является одновременно и более широким, и более узким, чем понятие языка художественной литературы. И действительно, «надо быть тугим на ухо в русском языке», чтобы не чувствовать той стилистической нагрузки, которую несут в живом современном языке такие слова, как *авось*, *пособить*, *беремя*, *хлебать* и прочие, чтобы не чувствовать инородность этих слов, например, в научном изложении или в официальном документе, где пишущий для выражения того же содержания избрал бы другие, стилистически нейтральные слова. Если слово снабжено в словаре стилистической пометой, это никак не значит, что кто-то отнимает у писателя «право» ввести это слово в произведение. Но помета действительно предостерегает от безразличного и некорректного употребления этого слова. Она указывает на то, что с этим словом связаны определенные экспрессивно-стилистические ассоциации, ко-

торые, если они нужны писателю, могут усилить выразительность художественного образа. Если же они противоречат этому образу, то никакие торжественные рассуждения по поводу их «емкости» не сделают эти слова литературно-нейтральными, т. е. не лишат их, в конечном счете, именно этой самой «емкости», мешающей в таком случае передать то, что нужно. Стилистическая дифференциация языка свидетельствует о его богатстве, а не о «языковом пятачке».

§ 83. Наблюдения над специфическими особенностями словоупотребления, свойственного различным социальным слоям и группам общества, необходимы для достоверной речевой характеристики персонажей. Любопытный пример внимания к языковым «мелочам» такого рода встречаем в рассказе Куприна «Штабс-капитан Рыбников». Выведенный там «фельетонист большой петербургской газеты» Шавинский, случайно столкнувшись с человеком «в общеармейском мундире», выдающим себя за штабс-капитана Рыбникова, начинает невольно наблюдать за ним и угадывает в нем японского шпиона. Вот чем, между прочим, подтверждает он свою догадку: «— ...Ведь маленькая ошибка, оговорка погубит вас в одну секунду. Вот, полчаса тому назад, вы вместо слова *рукопись* сказали *манускрипт*. Пустяк, а очень характерный. Армейский штабс-капитан никогда не употребит этого слова применительно к современной рукописи, а только к архивной или к особенно торжественной. Он даже не скажет: *рукопись*, а *сочинение*».

В художественные произведения вводятся и стилистически окрашенные слова и выражения, находящиеся вне рамок собственно литературного языка. Во многих случаях здесь оказываются уместными не только просторечные, но и жаргонные слова, так же как и канцелярские штампы, вульгаризмы и т. д.

Однако различные специфические (необщеупотребительные) элементы языка служат в художественных произведениях обычно лишь своеобразными «условными сигналами», на фоне которых общеупотребительные языковые средства приобретают нужную для текста «тональность». То или иное диалектное или просторечное слово в речи персонажа способно направить восприятие читателем этой речи как целиком нелитературной, хотя вся она в целом будет состоять из общеупотребительных литературных слов. По-

этому при анализе художественного текста обычно существенны не столько самые диалектизмы, архаизмы и т. д., как таковые, сколько выяснение того, как общеупотребительные нейтральные слова на основе определенного интонационного рисунка речи окрашиваются в «подсказанные» одним специфическим элементом тона. Контекст может придать слову совершенно несвойственную ему, как таковому, выразительность. Многие стилистически нейтральные слова, выступающие в общелитературном языке без всякой специфической окраски, в зависимости от общего контекста, от различного рода ассоциаций, которые возникают в связи с этими словами в этом контексте, приобретают определенные эмоционально-стилистические приметы. Ср., например, у Бунина: *Потом от екатерининской старины перейдешь к романтическим временам, к альманахам, к сентиментально-напыщенным и длинным романам... И замелькают перед глазами любимые старинные слова: скалы и дубравы, бледная луна и одиночество, привидения и призраки, «ероты», розы и лилии, «проказы и резвости младых шалунов», лилейная рука, Людмилы и Алины...* («Антоновские яблоки»).

Стилистически окрашенные слова (архаизмы, диалектизмы, просторечная лексика и т. д.) могут быть использованы в произведении для совершенно различных целей. Их функцию, в конечном счете, всегда определяет тот контекст, в котором они выступают. Поэтому было бы не только недостаточным, но часто и ошибочным определение роли архаизмов, диалектизмов и т. д. вообще, без учета того образного содержания, для раскрытия которого они служат. Проиллюстрируем это на одном из примеров стилистического использования так называемой «высокой» лексики. Известно, что сочетание архаизмов с разговорными, бытовыми, нередко вульгарными словами может служить усилению комического эффекта, придает произведению пародийную окраску. Этот прием сочетания стилистически разнородной лексики широко используется в ряде произведений уже XVIII в., например в «ирои-комической» поэме В. Майкова «Елисей или раздраженный Вакх»:

О муза! ты сего отнюдь не умолчи,
Повежды, или хотя с похмелья проворчи.

Сочетание церковно-славянизмов с просторечной лексикой характерно для ряда сатирических зарисовок Сал-

тыкова-Щедрина. Например: *Вслед за крестьянскою волею объявлена была воля вину, и в природе произошло нечто неслыханное... Слепые прозрели, чающие движения воды взяли под мышку одр и на рысях побежали в кабак* и т. п. [1].

В восприятии читателя славянизмы издавна ассоциируются с представлением об устаревшем книжно-торжественном тоне речи, об архаическом «высоком слоге». Поэтому, когда они используются в повествовании о комических или заслуживающих порицания событиях современной жизни, они невольно воспринимаются как одно из речевых средств создания иронической характеристики изображаемого. Естественно, что это впечатление усиливается в результате обычно неизбежного соседства их с лексикой совершенно иной эмоционально-стилистической окраски. Подобное употребление архаизмов можно отметить и в литературе нашего времени; оно характерно, в частности, для «фельетонного» жанра. Например: *Зато сладкогласных подхалимов и наушников — технолога Шелоханова и иже с ним — крепко и нежно приголубил зело возлюбивший лесть начальник* (Фельетон в «Правде» от 23.XII 1956 г.); *Это было совсем некстати, ибо свинки, опекаемые передовой Запятко, были не зело крупны* (Ю. Алексеев. Проблема красоты) и т. п.

Но если мы возьмем следующие стихи Пушкина:

Во градах наших с улиц шумных
Сметают сор — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?

(«Поэт и толпа».)

то увидим, что здесь столкновение высоких славянизмов *(град, жертвоприношение)* с низкими, прозаическими словами *(сор, метла)* вовсе не направлено на комический эффект. Здесь противопоставление образов опирается на соответствующую экспрессивную окраску противопоставляемых слов. «Сталкиваются не два слова, а два чувства и переживания» [2]. Иное значение приобретает соединение той же высокой лексики с разговорной в творчестве, например, Ога-

---

[1] См.: Ефимов А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1953, с. 290 и сл.

[2] Томашевский Б. В. Стих и язык. М.—Л., 1959, с. 339.

рева. Так, в стихотворении «Напутствие» «сохраняется... высокая лексика пушкинского «Пророка» *(Забудь уныния язык!; благоговеть... перед святынею глагола; с уст твоих, непразднословных и нелживых* и т. д.). Но высокая лексика переосмысляется, наполняясь иным, революционно-демократическим содержанием, попадая в речевой контекст разночинной интеллигенции 60-х годов..., звуча в иной, разговорной интонации» [1].

Своеобразная стилистическая «нейтрализация» совмещаемой высокой и низкой лексики наблюдается в романе А. Толстого «Петр I», где это совмещение служит как бы одним из средств создания речевого колорита эпохи: *...умирал царь Федор Алексеевич ... От воды у него ноги раздуло, как бревна, и брюхо стало пухнуть... Немец нагнулся к его бескровным устам; Иван Артемьевич сидел на лавке, руки засунул под зад. Очи — строгие без мигания* [2]. Таким образом, тот же речевой прием применяется с совершенно различными художественными целями.

В тексте художественного произведения всегда происходит закономерное перераспределение различных речевых показателей. Стилистическая и характерологическая значимость слова используется в экспрессивных целях, экспрессивные средства языка в какой-то мере получают характерологическую значимость и т. д. Однородные в стилистическом отношении элементы несут неодинаковую стилистическую нагрузку — в соответствии с их ролью в структуре художественного целого.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Введенская Л. А. Синонимические пары антонимов.— «Русский язык в школе», 1969, № 4.

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., «Наука», 1963.

Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений.— В кн.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1959.

---

[1] Гайденков Н. М. Н. П. Огарев — поэт.— «Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1957, т. CXV, вып. 7, с. 153.

[2] См.: Степанова В. В. Устаревшие слова в языке романа А. Н. Толстого «Петр I».— В сб.: Изучение языка писателя. Л., 1957, с. 274.

Винокур Т. Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи (к постановке вопроса).— В кн.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., «Наука», 1968.

Винокур Т. Г. О содержании некоторых стилистических понятий.— В сб.: Стилистические исследования. М., 1972.

Евгеньева А. П. Основные вопросы лексической синонимии.— В кн.: Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.—Л., «Наука», 1968.

Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968.

Новиков Л. А. Синонимические функции слов (Семантическая синонимия).— «Русский язык в школе», 1968, № 1.

Петрищева В. Ф. Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке (Опыт лингвистического эксперимента).— В сб.: Развитие лексики современного русского языка. М., «Наука», 1965.

Петровский В. И. О стилистической дифференциации лексики современного русского литературного языка. Львов, 1957.

Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке. М., «Просвещение», 1967.

Глава III

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

ПРОБЛЕМА «СИСТЕМНОСТИ» В ЛЕКСИКЕ

§ 84. Общее понимание языка как системы как будто предполагало распространение соответствующего взгляда и на словарный состав языка (логическим следствием противоположного взгляда было бы утверждение, что лексика находится как бы «вне языка»). Однако признание системности лексики до последнего времени встречало ряд возражений.

В 30-е годы были выдвинуты различные теории языкового поля, целью которых было обнаружение системных отношений, существующих между словами: теория «понятийного поля» Й. Трира, согласно которой на каждое «понятийное поле» (соответствующее определенной сфере понятий) как бы накладываются слова, членящие его без остатка и образующие «словесное поле» (при этом каждое слово получает смысл только как часть соответствующего «поля»); теория «семантического поля» В. Порцига, стремившегося обнаружить связи, заложенные в самих значениях слов (например, *хватать* связано с *рука*, *идти* с *нога*, *видеть* с *глаз* и т. п.— на основе этих связей образуются «элементарные поля значений»; ядром такого поля обычно является глагол) и др. [1]

Между тем несомненная обусловленность лексических значений явлениями окружающей действительности, сложность и многообразие отраженных в словах отношений приводили некоторых исследователей к мысли, что в самой

[1] Подробнее см.: Уфимцева А. И. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка.— В сб.: Вопросы теории анализа в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.

лексике как таковой нет системности. Эта мысль была отчетливо выражена, например, В. М. Жирмунским, который писал, что в лексике «нет никакой системности», кроме той, которая обусловлена отношениями между явлениями самой действительности [1]. Несомненно, что организация лексики обусловлена связями, существующими между предметами и явлениями действительности. Однако вряд ли можно отрицать, что отражение этих связей в лексике регулируется собственно языковыми факторами.

Показательно, что исследователи конкретного лексического материала, изучавшие судьбу отдельных слов или различных групп слов, всегда так или иначе приходили к выводу о существовании в лексике определенных видов взаимодействия, притяжения и отталкивания между составляющими ее единицами, т. е. к пониманию известной системности лексики. Так было, например, с М. М. Покровским, который еще в конце прошлого века в своих семасиологических разысканиях констатировал, «что история значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений», отмечая при этом также и «сходные явления в истории значения слов, принадлежащих к различным сферам представлений» [2]. Разумеется, учитывая особенности лексики по сравнению с другими сторонами языка, мы должны заранее предположить, что определение лексики как системы во многом сложнее, чем определение грамматической или фонологической систем.

О характере системных отношений в лексике писал автор фундаментального исследования словарного состава русского литературного языка XIX в. Ю. С. Сорокин. «Лексический состав,— писал он,— это также определенная система, правда, в отличие от других языковых систем, мало проницаемых и более замкнутых (например системы фонематической или грамматической), несравненно более обширная, сложная, гибкая и подвижная... Можно отметить по крайней мере пять постоянно действующих сил, которые в своем столкновении и взаимодействии определяют судьбу

[1] Сб. О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960, с. 70.

[2] Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959, с. 75, 65.

отдельных слов в языке. Это, во-первых, сила самостоятельного особого значения слова, его отношение к действительности; во-вторых, отношения словопроизводства, связи слова с другими словами по своей форме, отнесенность слова к определенному грамматическому общему разряду, как самому широкому (части речи), так и самому ограниченному и относительно замкнутому (гнездо слов); в-третьих, отношения слова к другим словам по значению...; в-четвертых, связи слов по контекстуальной смежности их значений, связи семантико-фразеологические в широком смысле слова...; в-пятых, связи слов по речевым контекстам, группировки слов стилистического характера» [1].

§ 85. Нет оснований считать, что все участки лексики в равной степени «системно» организованы. Напротив, при ближайшем рассмотрении различных групп слов нетрудно заметить, что слова внутри этих групп по-разному связаны и взаимодействуют друг с другом. В. А. Звегинцев отмечал, например, такие различные виды объединений слов («лексико-семантические системы», по терминологии автора), как группы слов, представляющих «как бы частные подразделения» более общих понятий, выраженных словами с «обобщающими значениями» (например, *синий*, *зеленый*, *красный*, *черный* и т. д.— *цвет*; *дуб*, *сосна*, *береза*, *клен* и т. д.— *дерево*); группы слов синонимического характера, в одних из которых объединяются слова с «такой добавочной смысловой нагрузкой стилистического или идеографического порядка, которая тянет их в разные стороны и препятствует выделению обобщающего слова» (*спешить*, *торопиться*, *нестись*, *лететь*), в других — слова, «располагаются вокруг слова-доминанты, варьируя его основное значение внесением «идеографических или стилистических оттенков» (*большой — громадный*, *великий*, *колоссальный*, *гигантский*, *исполинский*); наконец, группы слов, обозначающих, например, родственные отношения, названия частей тела и т. д., в основе которых лежат «иные принципы определения общего значения» [2].

Ф. П. Филин, отметив, что «положение о словарном составе языка, как о системе разных лексико-семантических

---

[1] Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965, с. 13.

[2] Звегинцев В. А. Семасиология. 1957, с. 269.

групп (или рядов, разрядов) слов в настоящее время является широко распространенным, если не общепризнанным»,— продолжает: «Однако под этими группами понимаются совершенно различные явления: объединения слов на основе общности грамматико-семантических значений, общности значений словообразовательных средств и т. д., не являющихся прямым объектом лексикологии, хотя и играющих важную роль в лексикологических исследованиях» [1].

От лексико-семантических групп нужно отличать объединения слов, обозначающих определенные группы самих реалий, например, названия частей тела и т. п. «Такого рода объединения слов, основывающихся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений, можно назвать тематическими словарными группами» [2]. Если одно из слов тематической группы заменяется с течением времени другим, такая замена не приводит к изменениям в значениях, стилистической окраске слов той же группы. Это свидетельствует о почти полном отсутствии семантических связей между словами группы в языке на данной ступени его развития. Например, если *хребет* постепенно вытесняется словом *спина*, это никак не отражается на словах *голова*, *колено*, *рот* и т. д. Между тем очевидна связь между словами *спина* и *хребет*, *руки* и *ноги* и т. п. Следовательно, в рамках одной тематической группы существуют более мелкие, но тесно спаянные между собою лексико-семантические группы слов. «Лексико-семантические группы слов,— отмечает Ф. П. Филин,— представляют собою собственно языковые единицы, продукт исторического развития того или иного языка. Слова, выражая свои собственные значения, в рамках одной лексико-семантической группы в то же время оказываются связанными между собою отношениями, не безразличными для их собственных значений. Это отношения синонимии, антонимии, всякого рода уточнения, дифференциации и обобщения близких или сопредельных значений» [3].

Неодинаковую степень системности в организации различных групп слов легко видеть, сравнивая, например,

---

[1] Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов.— Езиковедски исследования в чест на акад. Стефан Младенов. София, 1957, с. 525.

[2] Там же, с. 526.

[3] Там же, с. 535—536.

слова, служащие для обозначения родственных отношений и иных отношений между людьми. В то время, как члены первой группы представляют собой в полном смысле микросистему (их недаром поэтому многие исследователи приводили как пример, подтверждающий то, что лексика представляет собой именно систему [1]), слова второй группы явно менее строго разграничивают свои значения: ср. *друг*, *приятель*, *товарищ*, *дружок*, *знакомый*, *доброжелатель*, *недоброжелатель*, *противник*, *враг*, *неприятель*, *супостат*, *соперник* и т. д., их применение не регулируется четкой сеткой однозначных противопоставлений; в женском роде здесь опять-таки нет полностью параллельных соответствий (ср. *друг* и *подруга* и т. д.)

Однако и собственно тематические объединения единиц словаря, естественно, не осуществляются вне тех рамок, которые устанавливаются языком, а соответственно в той или иной мере определяются общим характером семантических отношений, свойственных данному конкретному языку. Об этом свидетельствует уже то обстоятельство, что, как неоднократно подчеркивал Л. В. Щерба, «громадное большинство слов-понятий любого языка несоизмеримо со словами-понятиями всякого другого языка» [2].

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 86. Когда мы пользуемся языком, обычно не отдаем себе отчета в том, что в основе нашей речи лежат два существенных фактора, обусловленных устройством языка в целом,— выбор, обусловливающий чередование языковых единиц, и их сочетание. Как правило, мы не задумываемся над тем, что, высказывая свои мысли, сообщая о чем-либо, мы отбираем определенные слова и определенным образом сочетаем их, причем и отбор, и сочетание определяются правилами, существующими в языке. Это становится очевидно, лишь когда нам приходится разговаривать на неродном языке, автоматизм применения которого у нас не выра-

[1] Такие слова, как *отец*, *мать*, *сын*, *дочь*, *бабка*, *дед*, *внук*, *внучка*, *дядя*, *тетка* и т. д. — однозначно реализуют противопоставления по таким признакам, как «мужской — женский пол» родственника, «восходящая — нисходящая линия», «прямое — непрямое родство».

[2] Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 299.

ботан, либо в тех случаях, когда нам нужно обозначить что-то, а мы сомневаемся, какое слово лучше «подходит» для этого, или возможно ли такое-то сочетание слов и т. д.

Подыскивая нужное обозначение предмета или явления, говорящие перебирают, конечно, не весь словарь (и даже не сколько-нибудь значительную часть его), но выбирают нужное обозначение из некоторого ограниченного круга слов, между которыми существует известная смысловая связь.

Слова как значимые единицы языка не существуют изолированно, собственное значение каждого из них зависит в той или иной мере от значения других связанных с ним по смыслу слов, от возможностей его сочетания с другими словами, а также от тех деривационных рядов, в которых слово находится.

Так, например, общее значение побуждения (волеизъявления) может быть выражено глаголами *просить*, *упрашивать*, *умолять*, *советовать*, *рекомендовать*, *убеждать*, *увещевать*, *требовать*, *приказывать* и др. [1]. Все эти глаголы (в определенных значениях) могут служить обозначением побуждения к какому-либо действию. Ср.: *Просил быть внимательным; Умолял быть внимательным; Советовал быть внимательным* и т. д. Ср. при прямой речи, содержащей формы повелительного наклонения глаголов: *Хозяйка у м о л я л а его: — Не ходи! Ну, не ходи же...* (Г о р ь к и й. В людях); *Один из братьев п р е д л о ж и л: — Ты поплюй ему на лысину!* (Г о р ь к и й. Детство); — *Отдохните-ка! — вскоре п р е д л о ж и л а ему Марийка* (Б у б е н н о в. Белая береза); — *А ты не тряси стол,— миролюбиво с о в е т о в а л хозяин* (Г о р ь к и й. В людях); — *Ты, мать, зажги-ка лампадки везде,— п р и к а з ы в а л дед, покашливая* (Г о р ь к и й. Детство) и т. п.

Общее значение побуждения (волеизъявления) является тем ядром индивидуальных значений данных глаголов, которое реально объединяет их так же, как и соотносительные с ними существительные. Ср.: — *Если можете, то же-*

---

[1] Взаимосвязь данных глаголов отчетливо проявляется в словарных толкованиях (не всегда последовательных), например, *требовать* в «Словаре русского языка» толкуется (в 1-м значении) так: 'Просить чего-либо или предлагать сделать что-либо в настойчивой категорической форме', *молить* — 'просить, умолять'; *рекомендовать* (во 2-м значении) — 'посоветовать (советовать)' и т. д.

нитесь на Лизавете Николаевне,— подарил вдруг Маврикий Николаевич, и, что было всего любопытнее, никак нельзя было узнать по интонации голоса, что это такое: просьба, рекомендация, уступка или приказание (Достоевский. Бесы). На основе семантической общности обнаруживается и то, что отличает значения этих слов друг от друга. Как нетрудно заметить, они отличаются прежде всего степенью категоричности побуждения; ср. *просить* и *требовать*, *просьба* и *требование* и т. д. Именно по этому признаку названные глаголы противопоставлены друг другу, то есть находятся в определенных парадигматических отношениях.

Поскольку любое противопоставление предполагает в противопоставленных явлениях и то, что их объединяет, и то, что их отличает друг от друга [1], в значениях парадигматически противопоставленных слов (целостных самих по себе) могут быть выделены отдельные семантические элементы — семантическая тема, объединяющая слова в тематическую группу, или лексико-семантическую парадигму, и дифференциальные семантические признаки, т. е. признаки, по которым слова, входящие в данную группу, противопоставлены друг другу [2].

§ 87. Парадигматические отношения между словами, конечно, зависят от отношений, существующих между явлениями действительности.

Внеязыковая обусловленность этих отношений заметна прежде всего в так называемой конкретной лексике, представленной объединениями слов, являющихся, например, названиями «частей тела», «времени суток», «мебели», «ланд-

---

[1] «Противоположение (оппозиция),— писал Н. С. Трубецкой,— предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать «основанием для сравнения». Две вещи, не имеющие основания для сравнения, или, иными словами, не обладающие ни одним общим признаком (например, чернильница и свобода воли), никак не могут быть противопоставлены друг другу» — Трубецкой Н. С. Основы фонологии. (Русск. перев.) М., 1960, с. 75.

[2] Компоненты значения слова в настоящее время обозначаются разными исследователями по-разному,— употребляются такие обозначения, как сема, семантический множитель и т. д.

шафта», «средств передвижения», «населенных пунктов» и мн. др. Будучи отражением группировки предметов действительности, подобные объединения слов обнаруживают, однако, целый ряд таких особенностей, которые определяются свойствами языка (ср., например, семантическую особенность слов, относящихся к последней из упомянутых групп,— возможность их метонимического применения для обозначения жителей названного населенного пункта: *Весь город ликовал; Вся деревня вышла на полевые работы* и т. п.). Уже характер вычленения тех или иных звеньев реальной действительности, способы их группировки в какой-то мере зависят от наличия в языке соответствующих наименований. Например, в русском языке нет отдельного слова для обозначения хвойного дерева, но есть такое общее обозначение для хвойного леса — *бор* (с дополнительным семантическим признаком — размера; ср. определение слова в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова: 'большой, густой хвойный лес'); нет отдельного обозначения для лиственного дерева, но есть общее обозначение лиственного леса — *роща* (опять-таки с дополнительным семантическим признаком размера; ср. толкование в том же словаре: 'небольшой, обычно лиственный лес'). Только при помощи составных наименований могут быть выражены такие родовые понятия, как «головной убор» (ср. *обувь*, *одежда*), «населенный пункт» (ср. *жилище*), «средства передвижения» и мн. др.

§ 88. Многие слова (взятые в одних и тех же значениях) являются одновременно членами не одной, а нескольких лексико-семантических парадигм, то есть входят в различные ряды, в которых они противопоставлены другим словам по различным семантическим признакам. Например, в определение лексического значения слова *река* должно войти указание на то, что это «водоем» — во-первых, определенных размеров, во-вторых, определенной формы, обусловленной характером течения воды, наконец, в-третьих, естественного происхождения. Все эти элементы значения являются существенными для семантики слова, потому что каждый из них выступает как дифференциальный семантический признак слова, отграничивающий данное слово от других и указывающий на соответствующие ряды парадигматических противопоставлений. Так, по первому признаку слову *река* противостоят такие слова,

как *речка, ручей*; по второму — такие, как *пролив, озеро, море, океан*; по третьему — такие, как *канал, пруд, водохранилище*. Отмеченные семантические признаки слова *река* потому и могут быть выделены, что оно выступает в данных противопоставлениях.

Такие признаки и кладутся обычно в основу словарных толкований, помещенных в одноязычных толковых словарях, так как именно указание на них позволяет отграничить значения слов, относящихся к однородным группам предметов (и *река*, и *пруд*, и *водохранилище* — это «водоемы», но характеризуемые различными признаками).

Парадигматические противопоставления могут быть обусловлены не только распределением каких-то определенных признаков (в том числе и относительных, например типа «больше-меньше», ср. *горячий — теплый* и т. п.), но и соотношением «наличие — отсутствие» какого-то признака. В тех случаях, когда соотношение «наличие — отсутствие» признака основывается на последовательном расчленении «беспризнакового» значения (*дерево=береза+ель+сосна+ пальма* и т. д. или в древнерусском: *рука=десница+шуица*), соответствующие обозначения образуют ряд последовательных парадигм, или парадигм разных ступеней (*береза+ +ель+сосна* и т. д. =«*дерево*»; *дерево+куст+цветок* и т. д.= «*растение*»).

§ 89. Парадигматические отношения в лексике не только многоступенчаты, но и неоднолинейны: во многих случаях соотношение «наличие — отсутствие» признака связано не с «расчленением» значения, но с его специализацией в каком-то одном направлении или проявляется при несовпадении ряда других семантических признаков слов. В таких случаях возникает иной тип лексико-семантических противопоставлений. Слова образуют особый парадигматический ряд, основанный на неравномерном распределении дифференциальных признаков. Например, слово *лес* является более общим обозначением, чем *роща* и *бор*. Однако последние не покрывают всей сферы значения первого; они противопоставлены ему (и друг другу) одновременно по двум признакам: *бор* — это ‘большой, густой хвойный лес’, а *роща* — ‘небольшой, обычно лиственный лес’. *Лес* выступает как «беспризнаковый» член парадигматического ряда. Но группа слов с семантической темой «лес» не исчерпывается этими обозначениями. Сюда же от-

носятся слова вроде *дубрава*, *колок*, *чаща*, *пуща* и т. д., в значениях которых выступают уже новые признаки, не соотносительные с отмеченными выше. В том же словаре значения данных слов определяются так: *дубрава* — 'лиственный лес, дубовая роща', *колок* — 'небольшой участок леса, перелесок (преимущественно на границе между лесом и степью)' (в четырехтомном академическом «Словаре русского языка» дано такое толкование: 'участок леса в степи'; в обоих словарях слово оценивается как областное), *пуща* — 'густой, непроходимый лес, лесная заросль', *чаща* — 'густой частый лес, заросль'. Таким образом, развитие семантической темы идет в данных значениях по линии специализации, увеличивающей неравномерность лексической парадигмы в целом.

Для значений слов *река*, *речка*, *ручей* не существен признак «быстроты течения». Слово же *поток* отграничивается от этих обозначений именно по признаку «быстроты течения», в то время как признак «размеров» не существен для его значения (ср. определение в словаре под ред. Д. Н. Ушакова: 'стремительно текущая водная масса — река, ручей с сильным течением'). Таким образом, слова *река*, *речка*, *ручей* вместе противопоставлены слову *поток*.

§ 90. Выделяемые на основе парадигматических противопоставлений дифференциальные семантические признаки не составляют в своей совокупности всего содержания слова, — всегда выделяется и такой семантический «остаток», который, обусловливая значение слова, не подводится под какие-либо ряды непосредственных парадигматических противопоставлений. Так, мы можем, сопоставляя значения глаголов движения, таких, как *идти*, *бежать*, *плыть*, *лететь*, *ехать* и т. д., выделить те признаки, по которым они противопоставлены друг другу (способ передвижения, среда, в которой происходит передвижение), но общий для них компонент «двигаться, перемещаться» не может быть подведен под какую-либо более общую определяющую его категорию, будучи сам категориальным признаком. Слова с такими наиболее общими значениями, как *двигаться*, *движение*, *жить*, *существо*, *вещество* и т. п., характеризуются именно категориальными признаками (это не значит, что как лексические единицы они не могут быть сопоставлены друг с другом, ср., например, *жить* и *существовать* и т. п.).

С другой стороны, многочисленные тематические группы, объединяющие названия, например, зверей, птиц, деревьев и т. п., включают в свой состав слова, которые также не противопоставлены друг другу по каким-либо дифференциальным признакам. Так, нельзя сказать, что значение слов *береза* и *осина* реализуют противопоставление по тем или иным отдельным семантическим признакам (как мы можем сказать, что значения слов *гора* и *холм* противопоставлены по признаку «размер»). Значения этих слов имеют общую семантическую тему «дерево», но все, что их отличает, отражает отличие самих предметов во всей совокупности их признаков, так сказать, «свойство быть березой» и «свойство быть осиной».

§ 91. Те признаки, которые объединяют и противополагают значения различных слов, по-разному соотносятся друг с другом. В одних случаях противопоставление значений осуществляется на основе таких признаков, которые могут стать несущественными в определенных контекстах, то есть противопоставление слов нейтрализуется. В других случаях такое противопоставление является решающим для существования самих данных значений как таковых. Так, значение слова *хороший* конструируется именно его противопоставленностью слову *плохой*, и наоборот, слова *прекрасный*, *великолепный*, *замечательный* и под., соотнесенные со значением слова *хороший*, противопоставлены друг другу по таким признакам, которые становятся несущественными в определенных ситуациях, что и делает их в известном смысле взаимозаменимыми.

Лексические единицы, противопоставленные по таким признакам, которые оказываются несущественными в определенных условиях, можно рассматривать как синонимы. Лексические же единицы, само значение которых обусловлено их противопоставленностью (противопоставление дано в самой «семантической теме») — как антонимы.

Синонимы

§ 92. Понятие синонимии давно уже является предметом разнообразных лингвистических истолкований. О том, что такое синоним, какие бывают синонимы, наскольк-

ко это понятие вообще реально [1] и т. д., были высказаны в лингвистической литературе самые разнообразные, часто противоречивые соображения.

Существуют и различные определения синонимов. Синонимы определяются как слова, имеющие тождественное значение, как слова, имеющие близкое значение, как слова, обозначающие одно и то же понятие или же способные обозначить один и тот же предмет. Признаком синонимов считается и взаимозаменяемость слов в определенных контекстах и, наоборот, их распределенность по разным контекстам (при несовместимости в одних и тех же контекстах).

Это не следует понимать так, что в языке существует некая «подлинная» синонимия, а исследователи только в той или иной степени приближаются к ее адекватному определению, хотя такое понимание как будто отражено в некоторых высказываниях о синонимии, содержащих утверждения такого рода: «неправильно относить к синонимам (то-то и то-то)», «ошибочно считать синонимами (то-то)» и т. п. На самом же деле в языке существуют различные (и разнообразные) типы семантических сближений, которые и отражаются поразному в различных определениях синонимов. Речь, таким образом, может идти не столько о различном понимании синонимии, сколько о различном употреблении термина, о его применении к различным явлениям языка: возможно более широкое и более узкое применение термина, а также более последовательное и недостаточно последовательное.

§ 93. Чаще других при выделении синонимов выдвигались такие критерии, как, во-первых, «тождественность или близость значения» слов и, во-вторых, их «взаимозаменяемость». Оба соответствующих определения представляются вполне возможными, они недостаточны, однако, в связи с тем, что понятие «близости значения» остается в об-

---

[1] Г. О. Винокур считал, что «так называемая синонимичность средств языка, если иметь дело не с лингвистической абстракцией, а с живым и реальным языком, с тем языком, который фактически существует в истории, является просто-напросто фикцией. Синоним является синонимом только до тех пор, пока он находится в словаре. Но в контексте живой речи нельзя найти ни одного положения, в котором было бы все равно, как сказать: *конь* или *лошадь*, *ребенок* или *дитя*, *дорога* или *путь* и т. п.» — Г. О. Винокур. Проблема культуры речи.— «Русский язык в советской школе», 1929, № 5, с. 85.

щем неопределенным [1], а взаимозаменимость слов сама по себе допустима и в случаях, когда тот же предмет может быть назван совершенно по-разному в зависимости от того, как он понимается или какие его свойства говорящий хочет отметить.

Если нам надо одним словом определить значение какого-либо другого слова и это можно сделать, перед нами, естественно, такие слова, которые должны расцениваться как взаимозаменимые (а соответственно — и «близкие» по значению). Так, значение глагола *спешить* мы можем определить при помощи глагола *торопиться*, и наоборот; значение глагола *устать* — при помощи глагола *утомиться*, и наоборот; ср. взаимозаменимость в указанном смысле слов *путь — дорога*, *забастовка — стачка*, *настать — наступить*, *бросать — кидать*, *глядеть — смотреть*, *смелый — храбрый*, *быстрый — скорый*, *грустный — печальный*, *страшиться — бояться*, *гасить — тушить* и т. п.

То, что в определенном контексте многозначное слово выступает в таком-то из своих значений, является, как правило, следствием вполне регулярных соотношений данного слова с сочетающимися с ним словами, т. е. обусловливается лексической позицией данного слова. Например, многозначный глагол *открыть* вступает в одних сочетаниях

---

[1] Во «Введении» к «Словарю синонимов русского языка в двух томах», написанном А. П. Евгеньевой, сказано: «Синонимом в полном смысле следует считать такое слово, которое определилось по отношению к своему эквиваленту (к другому слову с тождественным или предельно близким значением) и может быть противопоставлено ему по какой-либо линии: по тонкому оттенку в значении, по выражаемой экспрессии, по эмоциональной окраске, по стилистической принадлежности, по сочетаемости...» (с. 11). Но что значит «предельно близкое значение», остается не вполне ясным, поскольку при характеристике различных синонимических рядов в самом словаре для значений одних из их членов указывается все-таки бóльшая степень «близости», чем для других. Например, синонимический ряд *идти, шагать, вышагивать, ступать, выступать, шествовать...* охарактеризован так: «*Идти* — основное слово для выражения значения; *шагать* — идти широким, обычно размеренным шагом, иногда слово полностью совпадает по значению с идти, приобретая в этом случае разговорный характер...; *ступать* обычно сопровождается какой-либо характеристикой: осторожно, неторопливо, тяжело и т. д.; слово *вышагивать* близко по значению к шагать, но иногда подчеркивает торжественность, достоинство, с которыми кто-либо идет, и в этом случае имеет обычно шутливо-иронический или пренебрежительный оттенок; *шествовать, выступать* — идти важно, с достоинством, обычно не спеша, оба слова характерны преимущественно для литературно-книжной речи, часто употребляются шутливо-иронически...» (т. I, с. 415—416).

в синонимические отношения с глаголом *отворить*, в других — с глаголом *обнаружить*: во фразе *Он открыл дверь и вышел — открыл* может быть заменено глаголом *отворил*, а во фразе: *С женой он сходился все ближе и ближе, с каждым днем открывая в ней новые душевные сокровища* (Л. Толстой. Война и мир) — *открывая* равнозначно *обнаруживая*. Однако реализация соответствующих значений возможна далеко не во всех сочетаниях. Например, применение глагола *открыть* в значении *обнаружить* нереально во фразах вроде *Он открыл в темноте дверь* и т. п. Следовательно, взаимозаменимость слов-синонимов является также позиционно-обусловленной, как возможность применения слова в одном из его значений. Понятно, что реальная применимость тех или иных замен в конкретных ситуациях ограничена также и экспрессивно-стилистическими моментами.

Таким образом, синонимы можно определить как слова, относящиеся к той же части речи, значения которых содержат тождественные элементы, различающиеся же элементы устойчиво нейтрализуются в определенных позициях. Иначе говоря, синонимами могут быть признаны слова, противопоставленные лишь по таким семантическим признакам, которые в определенных контекстах становятся несущественными. Поскольку количество общих совпадающих семантических элементов у разных рядов слов неодинаково (как неодинаково и число «позиций нейтрализации», т. е. тех позиций, когда различающиеся элементы становятся несущественными), можно говорить о разной степени синонимичности для разных слов.

Определение синонимии на основе понятия нейтрализации кажется наиболее привлекательным потому, что, во-первых, оно по существу, соответствует наиболее распространенному пониманию синонимов [1], во-вторых, соотносит

[1] А. П. Евгеньева пишет: «В качестве рабочего положения для подготовки материалов к Словарю синонимов русского языка было принято традиционное понимание: синонимы — слова близкие или тождественные по своему значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения (близкое), либо стилистической окраской (тождественное), либо обоими этими признаками...» —Евгеньева А. П. Проект словаря синонимов. М., 1964, с. 9.

одно из центральных явлений лексики (ср. соображения об асимметричности языкового знака) с явлениями, свойственными языку в целом.

§ 94. Выделяются также стилистические синонимы, т. е. слова, отличающиеся в основном «стилистической окраской», сферой применения и т. д. Например, синонимы *болезнь — недуг — заболевание — хворь* так охарактеризованы в «Словаре синонимов русского языка»: «*Болезнь* имеет широкое значение и употребляется как для обозначения легкого, так и тяжелого нарушения здоровья; *недуг* употребляется для обозначения тяжелого заболевания, слово употребляется редко, преимущественно в литературной, книжной речи; *заболевание*, как и слово болезнь, имеет широкое значение, но употребляется преимущественно в речи медиков; ...*хворь* и *хворость* — слова обиходно-разговорной речи, употребляются обычно с несколько пренебрежительным оттенком». Ср. также *вялый — апатичный*, *губы — уста*, *есть — кушать — жрать*, *лицо — лик — физиономия* и т. п.: *Я слушал пение, глядел на сытую физиомордию Бугрова и думал: «Паскудная рожа!»* (Чехов. Живой товар) и *Блеснет мне белыми зубами твой неотступный лик...* (Блок. Из цикла «Кармен»). Ср. в стихотворении М. Цветаевой «Настанет день...»:

Настанет день — печальный говорят! —
Отцарствуют, отплачут, отгорят,—
Остужены чужими пятаками,—
Мои глаза, подвижные, как пламя,
И — двойника нащупавший двойник —
Сквозь легкое лицо проступит — лик.

К стилистическим синонимам обычно относят также слова, в значениях которых содержатся оценочные элементы; ср. *кляча* — (плохая) *лошадь*, *завершить — кончить* (что-либо значительное) и т. п.

§ 95. Синонимы могут одновременно присутствовать в том же самом тексте. Они служат тогда для характеристики разных оттенков явления, для передачи интенсивности действия, разнообразия его проявлений и т. д. Такой синонимический ряд находим, например, при описании базара в романе Федина «Первые радости». Наряду с глаголом *есть* даются его «сниженные» синонимы: *Верхний базар был жестким, жадным, каким-то безжалостно-отчаянным, забубен-*

ным... Кругом е л и, л о п а л и, ж р а л и. Различия между словами-синонимами, смысловые и экспрессивные отличия их друг от друга наглядно проступают в тех случаях, когда они определенным образом противопоставляются в тексте. Например, разница между глаголами *верить* и *веровать* в «Толковом словаре» Даля раскрывается так: «*Веровать* сильнее положительнее, чем *верить*, и употребляется о предметах высших». Это различие обусловливает такое сопоставление глаголов у Чехова: *Я в е р ю в то, что человек, упавший с лошади, может сломать себе шею, но не в е р у ю в предзнаменования* (Драма на охоте).

Соотношение между глаголами *идти* и *шествовать* характеризуется экспрессивно-стилистической окраской последнего. На подчеркнутом выявлении этой специфической окраски строится такая антитеза: *Даже грубоватый Рославлев, повстречав ее на лестнице, склонился в шутливом поклоне.— Вы не и д е т е, вы ш е с т в у е т е! Перед вами расступаются* (Н и к о л а е в а. Битва в пути). Нейтральное *идти* служит как бы тем фоном, на котором свойственные слову *шествовать* дополнительные оттенки приобретают самостоятельное значение. Ср. также: *У жены твоей — очи, и не г у б ы — у с т а...* (Р. К а з а к о в а. У жены твоей...).

Сопоставление синонимических слов делает ощутимым их различие, как бы выдвигает на первый план то, что остается за рамками их лексической равнозначности. В повести Лескова «Детские годы» герой недоумевает, почему мать сказала ему «прощаю и извиняю», а «не просто прощаю». Следует такое разъяснение: «— Нет, это не все равно: прощение дается даром, по снисходительности того, кто прощает; а извинение вызывается причинами, которые заставляют не считать вину виною». В «Хождении по мукам» А. Толстого дано такое противопоставление слов *истина* и *правда: В какую п р а в д у верил он сам? В великую трагическую историю России? Но это была и с т и н а, а не правда. П р а в д а — в движении, в жизни,— не в перелистанных страницах пыльного фолианта, а в том, что течет в грядущее.*

Стилистический спектр синонимических слов и выражений находит своеобразное преломление в некоторых социальных жаргонах. Характерны поучения старого лакея Бакая, о которых вспоминает Герцен в «Былом и думах»: *Покойник учил мальчишек «пчелиному языку» и, таская*

иногда за волосы, приговаривал «А ты, мужик, знай: я тебе д а ю, а барин изволит тебе ж а л о в а т ь; ты е ш ь, а барин изволит к у ш а т ь; ты с п и ш ь, щенок, а барин изволит п о ч и в а т ь». Этот лексикон был у него вполне выработан, и Бакай никогда не ошибался, когда надобно было сказать р у б а ш к а и когда с о р о ч к а. В повести Лескова «Соборяне» рассказывается о том, как Бизюкина готовилась к приему «передового» гостя. Среди прочих приготовлений она приказывает лакею: — *...Жилетку, манишку и новый кафтан, все надень, чтобы все было как должно,— да этак не изволь мне отвечать по-лакейски: «ч е г о - с и з в о л и т е - с» да «я в а м д о к л а д ы в а л - с», а просто говори: «ч т о, м о л, в а м н у ж н о?» или «я, м о л, в а м г о в о р и л».* Ср. также: «— *Ну, хорошо,— сказал граф, слезая и расправляя ноги у старостиной избы,— а что, коляска моя п р и е х а л а? — И з в о л и л а п р и б ы т ь, ваше сиятельство! — отвечал квартирьер...*» (Л. Т о л с т о й. Два гусара). Заменой глагола *приехать* глаголом *прибыть* в сочетании с подобострастно-вежливой формой *изволила*, относящейся в данном случае к неодушевленному предмету, Л. Толстой передает социально обусловленные взаимоотношения персонажей.

Эвфемизмы

§ 96. Некоторыми исследователями как одна из разновидностей синонимов рассматриваются также так называемые э в ф е м и з м ы.

Эвфемизмы — слова или выражения, с л у ж а щ и е в о п р е д е л е н н ы х у с л о в и я х д л я з а м е н ы т а к и х о б о з н а ч е н и й, к о т о р ы е п р е д с т а в л я ю т с я г о в о р я щ е м у н е ж е л а т е л ь н ы м и, не вполне вежливыми, слишком резкими. Например, *задерживается* вместо *опаздывает, кто крайний?* вместо — *кто последний?* (в очереди), *попразился* вместо *потолстел, позаимствовал* вместо *украл, попросили* (откуда-либо) вместо *выгнали* и т. п. Наряду с такими более или менее устойчивыми заменами, в речи отмечаются смягчающие индивидуально-контекстные обозначения, которые также обычно расцениваются как эвфемизмы. Например, *И Квашин ... искоса поглядел на жену и тещу, чтобы узнать, как подействовала его л о ж ь, или, как он сам называл, д и п л о м а т и я* (Ч е х о в. Ненастье); [Кукушкина:] *В з я т к и!*

Что за слово в з я т к и? Сами ж его выдумали, чтобы обижать хороших людей. Не в з я т к и, а б л а г о д а р н о с т ь! А от б л а г о д а р н о с т и отказываться грех, обидеть человека надо (О с т р о в с к и й. Доходное место); «— *Спроси его, в з я л он у Есипаки голенища?» Подпоручик опять убедился в своей неопытности и малодушии, потому что из какого-то стыдливого и деликатного чувства не мог выговорить настоящее слово «у к р а л»* (К у п р и н. Дознание).

В то время как первые замены в определенной своей части соприкасаются с одной из разновидностей т а б у́ и становятся (или приближаются к тому, чтобы стать) словарными фактами, вторые возникают в речи как о к к а з и о н а л ь н ы е «маскирующие обозначения» неприятных отрицательных явлений. Эти окказиональные замены не основаны на синонимичности соответствующих слов, их назначение как раз в том, чтобы скрыть подлинную сущность обозначаемого. Например, в романе Достоевского «Идиот» дается такая характеристика одного из персонажей: *Афанасий Иванович никогда не скрывал, что он был н е с к о л ь к о т р у с о в а т или, лучше сказать, в в ы с ш е й с т е п е н и к о н с е р в а т и в е н.* Определения *несколько трусоват* и *в высшей степени консервативен*, естественно, не приобретают характера синонимов. Выразительность характеристики зависит здесь именно от контекстного сближения слов, которые сами по себе ни при каких условиях не становятся в языке синонимами. Первое определение как бы раскрывает в н у т р е н н ю ю сущность второго, маскирующего.

«Контекстные синонимы»

§ 97. Нередко в рамках лексической синонимии рассматриваются также слова, которые в определенных текстах могут относиться к одному и тому же предмету или явлению. Так, А. Н. Гвоздев, отметив, что «однородные члены могут представлять ряд синонимов, которые характеризуют одно понятие, явление или признак и используются вместе, чтобы по возможности полнее обрисовать его, так как каждый из них отдельно не характеризует его достаточно точно», приводит такие примеры: *День был августовский, звойный, томительно скучный* (Ч е х о в); *Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка* (Л. Н. Т о л с т о й.

Война и мир); *Прелестный вид, представившийся глазам его, был общий, губернский, форменный* (Герцен. Кто виноват?) [1]. Такое же применение термина «синоним» находим в ряде работ, анализирующих язык и стиль произведений художественной литературы [2]. Иногда такого рода контекстно сближаемые слова обозначаются как «стилистические синонимы», «контекстные синонимы», «ситуативные синонимы». Это до некоторой степени отграничивает подобные сближения от синонимии собственно языковой, но и при таком уточнении термина остается неясным соотношение этих различных по своей природе видов «синонимов».

Сравним две следующие фразы: *И во всем... была какая-то сладкая и горькая грусть* (Бунин. Лика) и *... он смел, знает лес не хуже любого зверя, прекрасный стрелок и неутомимый охотник* (Куприн. На глухарей). В первой фразе однородные члены, несомненно, «характеризуют одно понятие», но они представлены словами, значения которых семантически противопоставлены друг другу. Именно на их общеязыковой противопоставленности и основан смысл данной фразы. Назвав эти слова синонимами (с какими угодно уточняющими определениями), мы тем самым как бы объединим их со словами с действительно «близкими» значениями, что вряд ли поможет уяснению того, как именно в данном случае «характеризуется понятие», а в конечном счете — обнаружению особенностей языка и стиля писателя. Однородные члены второй фразы, несомненно, ближе по своему значению, но относятся к разным частям речи, что является препятствием рассматривать их как синонимы даже при «широком толковании» синонимии. А это делает понятие «контекстных синонимов»

---

[1] См.: Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955, с. 343—344.

[2] Например, Г. Я. Симина, следуя, по ее словам, «несколько расширенному» толкованию «понятия синоним», принятому А. Н. Гвоздевым, в предложении *Косыночку ее из козьего пуха тоже пропил, дареную, прежнюю, ее собственную, не мою...*— видит «четыре синонима» *(дареная, прежняя, ее собственная, не моя)*. Симина Г. Я. Из наблюдений над языком и стилем романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».— В сб.: Изучение языка писателя. Л., 1957, с. 137. Вряд ли можно считать, что в таких случаях перед нами, действительно, «синонимы», если сохранять за этим обозначением какую-либо определенность.

еще более неопределенным. Особенности же стиля конкретного художественного произведения, по-видимому, легче понять, если обратить внимание на то, какими именно языковыми средствами писатель в том или ином случае характеризует одно и то же «понятие». Для этого не нужно факты текста, речи стремиться подвести под те категории, которые свойственны языку как системе.

Конечно, нет смысла возражать против обозначения контекстно сближаемых слов термином «контекстные синонимы» или «ситуативные синонимы», но нужно при этом отчетливо представлять себе, что в таком случае отмечаются не системные отношения, существующие в лексике, но (почти безграничные) возможности использования различных слов в разных целях. Поэтому вряд ли обоснованно видеть в употреблении термина «синоним» применительно к однородным членам предложения, отмечаемым в том или ином тексте, просто «более широкое понимание» синонимии.

Антонимы

§ 98. Наиболее полное противопоставление слов расценивается как антонимия. Антонимами могут быть признаны слова, которые противопоставлены по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причем находятся на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы. В качестве критериев выделения антонимов были выдвинуты также следующие: возможность употребления слов в одном высказывании при противопоставлении, одинаковая сфера лексической сочетаемости [1].

Как отмечал Л. А. Булаховский, «антонимы в основном относятся к выражению качеств, но возможны также, например, при названии действий и состояний отрицательного или отменяющего характера» [2]. Нельзя, однако, согласиться с тем, что «под антонимией понимают не простое противоположение, которое может быть выражено прибавлением отрицания (*белый: небелый; говорить: не говорить; спокой-*

---

[1] Комиссаров В. Н. Проблема определения антонима.— «Вопросы языкознания», 1957, № 2.

[2] Булаховский Л. А. Введение в языкознание, ч. II. М., 1953, с. 45.

ный: беспокойный и т. п.), а противопоставление допускающих это значений, выраженных различными корнями *(бедный, нищий: богатый; сухой: мокрый; черствый: свежий; трудолюбивый, прилежный: ленивый; говорить: молчать; зажечь: погасить, потушить; правда: ложь; проза: стихи; день: ночь; жизнь: смерть)*» [1]. Признание антонимами только разнокоренных слов не отражает действительного положения вещей, так как выражение антонимических отношений при помощи префикса *не-* занимает ведущее место в современном русском языке в области, для которой наиболее характерна антонимия,— в области качественных прилагательных; ср.: *возможный — невозможный, терпеливый — нетерпеливый, удачный — неудачный, решительный — нерешительный, интересный — неинтересный, культурный — некультурный, знакомый — незнакомый* и т. п.[2]. Совершенно ясно, что здесь не такое же «простое противоположение», как в случаях *белый — не белый, говорить — не говорить*, или таких, как «*С женою забота, с не-женою еще хуже*», *подумал Яшвин, выходя из гостиницы* (Л. Толстой. Анна Каренина), *Это касается крестьян и не крестьян* (Лесков. Загон) и т. п.

§ 99. Достаточно отчетливо различаются две группы слов, значения которых являются антонимичными. Их различие обусловлено тем, как в значениях слов представлено членение различных отрезков действительности и соотношение выделяемых в них признаков.

Членение различных частей «семантического пространства» основано на разных принципах. По существу, любая часть его может быть представлена двояко,— во-первых, путем выделения некоторых более или менее устойчивых отрезков этого пространства, приобретающих относительно самостоятельные характеристики, во-вторых, путем антонимической поляризации, то есть установления двух полярных точек, характеристики которых взаимообусловлены.

Например, цветовой спектр во всех языках передается относительно устойчивыми и самостоятельными обозна-

---

[1] Булаховский Л. А. Введение в языкознание, ч. II, М., 1953, с. 44—45.

[2] См.: Максимов Л. Ю. Антонимия как один из показателей качественности прилагательных.— «Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. XXIII, 1958, с. 217 и сл.

чениями. Он же может быть представлен в виде противопоставления, скажем, яркого и бледного цвета (соответственно более яркого, менее яркого, более бледного, менее бледного) или «теплого» и «холодного» цвета с соответствующими градациями и т. д. Если для передачи цветовых восприятий второй способ имеет явно подчиненный характер, то в области звуков оба указанных способа обозначений находятся в сложном взаимодействии, а при передаче температурных явлений преобладает именно второй способ. Ср. *шум*, *скрип*, *вой*, *свист*, *пение* и т. д. (и соответствующие глаголы) и обозначения, представляющие различные звуки по линии «громко — тихо» *(громче — тише)*, «мелодично — немелодично» и т. д.; для температурных явлений — «холодно — тепло» (соответственно *жара — мороз* и т. п.).

Для обозначения конкретных предметов и явлений в языке используется, главным образом, первый способ членения «семантического пространства», а при выделении разнообразных качественных и оценочных признаков — второй способ. Но определенная антонимичность может быть свойственна и первому разряду слов, например, глаголам, обозначающим разнонаправленные действия, одно из которых уничтожает результат другого: *создать — разрушить*, *родиться — умереть*, *утверждать — отрицать*, *отрыть — зарыть*, *приклеить — отклеить*, *пришить — отпороть*, *уйти — прийти*, *взять — отдать* и т. п., или прилагательным, в определенном плане связанным с представлением о противопоставленности обозначаемых признаков, например *черный — белый*, *горький — сладкий* и т. п., или коррелятивным существительным, как правило «без остатка» членящим более общее понятие: *муж — жена (супруги)*, *сын — дочь (дети)* и т. п.

Существенной особенностью такого рода антонимически противопоставленных слов, является то, что отрицание одного из членов такого противопоставления не обусловливает само по себе представления о втором из них: *не создал* — не значит *разрушил; не утверждает* — не значит *отрицает; не приклеил* — не значит *отклеил* и т. д., как *не сладкий* — не предопределяет представления о *горьком* и т. д.

§ 100. Позиционно обусловленная антонимичность свойственна некоторым словам, отдельные значения которых

возникают именно вследствие соответствующего противопоставления. Поскольку всякая антонимичность связана с поляризацией определенного семантического пространства, появление признаков антонимичности между отдельными единицами конкретной лексики, сопровождается появлением у них обобщенного значения. Ср. например, употребление слов *город* и *деревня* в соответствии с их местом в парадигматическом ряду *город — поселок — село — деревня — хутор* и т. д. и их сопоставление *город — деревня*, при котором признаки, обусловленные данным парадигматическим рядом, становятся несущественными, а семантические границы слов соответственно расширяются. Ср. такое сопоставление в парах *дом* и *улица*, *отцы* и *дети* и т. п. Понятно, что слова как таковые не становятся «подлинными» антонимами.

§ 101. Основную группу антонимов представляют слова, обозначающие определенные качества, само выделение которых возможно только как расчленение данных качеств при помощи противопоставленных друг другу значений. Антонимическая противопоставленность слов является в таком случае конструктивно необходимой для них. Значения слов *большой*, *высокий*, *широкий*, *хороший*, *сильный*, *легкий*, *богатый*, *правда*, *здоровье* и т. п. существуют лишь постольку, поскольку им соответственно противопоставлены значения *маленький*, *узкий*, *плохой*, *слабый*, *тяжелый*, *бедный*, *ложь*, *болезнь* и т. п.

С отрицанием *не* слова этой группы становятся выразителями противоположного качества. В тех случаях, когда основными членами противопоставления выступают разнокоренные слова, как в приведенных выше примерах, словам с *не* обычно свойственно «смягченное» выражение качества (ср. *большой — небольшой — маленький*, *правда — неправда — ложь*, *хороший — неплохой — нехороший — плохой* и т. п.). Таким образом, антонимы данной группы характеризуются градуальностью, то есть тем, что между крайними точками основного противопоставления возможны промежуточные. У прилагательных формы сравнительной степени непосредственно отражают возможность различной степени проявления качественного признака (*больше, чем..., меньше, чем* и т. п.).

Особый тип антонимов представлен парами слов, между значениями которых «без остатка» распределена определен-

ная семантическая область; члены такой пары абсолютно противопоставлены друг другу: *присутствовать — отсутствовать, женатый — холостой, жив — мертв* и т. п. *Не присутствует* — значит только отсутствует, и наоборот.

§ 102. На антонимических сопоставлениях построены многие пословицы: *Любишь брать, люби и отдавать; Иди вперед, а оглядывайся назад; Глупый осудит, а умный рассудит; Сытый голодного не разумеет; Рука коротка, да ноготок длинный; Без болезни и здоровью не радуешься; Каково начало, таков и конец; Говорит прямо, а делает криво; Богат да крив, беден, да прям; Много спать — мало жить; Старый друг лучше новых двух* и т. п.

Антонимы используются как средство создания контраста в литературно-художественных произведениях:

За́ море Ч е р н о е, за́ море Б е л о е
В ч е р н ы е н о ч и и в б е л ы е д н и
Дико глядится лицо онемелое...

(Б л о к. Русь моя, жизнь моя...)

И верю: откликами встретят
Набат моих суровых слов,
Когда ж ж и в ы е не ответят,
Восстанут м е р т в ы е на зов!

(Б р ю с о в. Перев. стихотв. В. Гюго «О родина! когда без силы...»)

Тянулась жизнь — как и у всех, кто живет, — б о г а т а я д л и н н ы м и г о р е с т я м и и б е д н а я к о р о т к и м и р а д о с т я м и... (Ш о л о х о в. Поднятая целина) и т. п.

Участие антонимов в создании контраста (антитезы) не значит, однако, что контрастное противопоставление всегда создается именно антонимами, а соответственно, что участвующие в этом противопоставлении слова являются (или становятся) антонимами.

Как нельзя признать целесообразным отнесение к синонимам слов, которые в определенном контексте по-разному характеризуют одно и то же явление, или служат обозначениями того же явления, по разному характеризующими его, так не представляется целесообразным и отнесение к антонимам ситуативно противопоставляемых слов. Нельзя считать, что антитеза или контраст как стилистический при-

ем всегда строится на использовании антонимов, а слова, обозначающие противопоставляемые явления, уже в силу их участия в выражении противопоставления становятся антонимами.

§ 103. Еще более сомнительно утверждение, что, поскольку в определенной ситуации может возникнуть противопоставление вроде *это не медведь, а пень, медведь* и *пень* должны расцениваться как антонимы. Г. П. Мельников так пишет: «Вечером в лесу путникам показалось, что между деревьями стоит медведь. Но потом наиболее зоркий заявляет: «Да не медведь это, а пень». В таком контексте *медведь* и *пень* должны расцениваться как ситуативные многоаспектные антонимы. Следовательно, «обычные» антонимы — это лишь одноаспектный вариант многоаспектных антонимов» [1].

В том, что любой предмет можно спутать с каким-то другим, не приходится сомневаться. Нет смысла спорить и о том, уместно ли называть противопоставляемые вследствие этого наименования предметов антонимами. Ясно, что в таком случае обозначение а н т о н и м получает просто совершенно другое значение. Вызывает возражение, однако, утверждение, что, с л е д о в а т е л ь н о (почему?), «обычные антонимы» — это «лишь вариант» таких «многоаспектных» антонимов. При выделении «обычных антонимов», как бы различно ни очерчивался их круг разными исследователями, их всегда выделяют все-таки как явление, существенное для организации самого языка. Когда же к антонимам относят и к о н т е к с т н о п р о т и в о п о с т а в л я е м ы е с л о в а,— последние отграничиваются обычно (не всегда последовательно) от «собственно языковых» антонимов. Считать же именно языковые антонимы лишь вариантом «ситуативных» — значит отказаться от рассмотрения основных типов лексических значений, т. е. от того, как вообще осуществляется в языке отражение окружающей действительности.

Странно, что автор специальной монографии о лексических антонимах, Л. А. Новиков, «в принципе» солидаризируется с Г. П. Мельниковым. Он пишет: «Обычное пони-

---

[1] М е л ь н и к о в Г. П. О типах дуализмов языкового знака.— «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1971, № 5, с. 58.

мание антонимии предполагает противопоставленность лишь одного из семантических компонентов содержания слов, обозначающих одну и ту же сущность. Так, *день* и *ночь* противостоят друг другу как обозначения светлого и темного времени одного и того же целого — суток. Однако в принципе возможно и более широкое понимание антонимии, как противопоставления смысловых содержаний слов, обозначающих две разные сущности, не по одному, а по многим семантическим признакам. Важно, чтобы такая противопоставленность подчеркивалась в контексте» [1]. Правда, дальше, процитировав приведенное выше высказывание Г. П. Мельникова, Л. А. Новиков отмечает, что «такое понимание антонимии» «не представляет для изучения лексической системы языка такой ценности, как обычная (одноаспектная) антонимия» [2].

Энантиосемия

§ 104. С антонимией часто связывают явление энантиосемии. Этим термином обозначается появление у слова противоположного значения (иногда вытесняющего первоначальное, иногда сосуществующего с ним). Следует заметить, что чаще здесь не прямая противопоставленность, то есть антонимичность в полном смысле слова, но частичная, связанная соценочными моментами. Вот несколько различных примеров, которые дадут некоторое представление о том, что относят к энантиосемии: *пресловутый* — связано с глаголом *слыть*, в древнерусском причастная форма *прѣсловыи (пресловыи)* имела значение ‘славный, знаменитый’ (*В преслововущемъ градѣ Москвѣ); конец* и *начало* происходят от одного корня; *погода* по говорам имеет противоположные значения (‘хорошая погода’ и ‘ненастье’); в словах *лихой, хитрый* и в литературном языке сосуществуют различные по оценочной направленности значения; противоположное значение имеют *ославить* и *прославить* (оба — производные от *слава*); ср. соотношение *честить* и *честь, победа* и *беда, торопиться* и *оторопеть* и т. п.

---

[1] Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). М., 1973, с. 45.

[2] Там же, с. 46.

Типы лексических значений

§ 105. В выражении различной степени качественного признака могут участвовать, кроме форм сравнительной и превосходной степени прилагательных, также слова с экспрессивно-синонимическими значениями. Например, положительная и отрицательная оценка, опорными обозначениями которой являются антонимические прилагательные *хороший* и *плохой*, выражается экспрессивными словами *отменный*, *великолепный*, *замечательный* и т. п.— *отвратительный*, *дрянной* и т. п. Было бы необоснованно считать, что каждое отдельное слово из таких противопоставленных рядов вступает в непосредственное антонимическое соотношение с каким-либо словом, выражающим противоположную оценку. Экспрессивные «приращения», свойственные данным словам, по существу, несоизмеримы друг с другом, поэтому они прежде всего примыкают к членам антонимической пары: *хороший — плохой*, только через них участвуя в соответствующем противопоставлении (*отменный*, *великолепный* и т. п.), *хороший — плохой*, (*дрянной*, *отвратительный* и т. п.). Ср. значение прилагательных *огромный*, *громадный*, *большущий*, с одной стороны и *крохотный*, *микроскопический* и т. п., с другой, которые опять-таки не противопоставлены в отдельности друг другу, но примыкают как экспрессивно-усилительные синонимы к антонимам *большой* и *маленький*: (*огромный*, *громадный*, *большущий*), *большой — маленький*, (*крохотный*, *микроскопический* и т. д.). Таким образом, непосредственными членами антонимического противопоставления являются прилагательные *большой* и *маленький*, их противопоставленностью определяется и роль в данном ряду экспрессивных обозначений.

Уже эти примеры указывают на различное соотношение между значениями внутри различных групп слов. Значения не существуют в языке изолированно, вне связей и взаимодействия с другими значениями. Однако характер этих связей, зависимость собственного значения слова от сопоставленности со значениями некоторых других слов в разных случаях неодинаковы.

§ 106. Вопрос о различных типах лексических значений слов в общем плане был впервые поставлен В. В. Виноградовым. «Наблюдения над способами объедине-

ния разных значений в слова,— писал В. В. Виноградов,— также над закономерностями словоупотребления приводят к выводу, что не все значения слов однородны или однотипны, что есть качественные различия в структуре разных видов лексических значений. Общеизвестно, что слово относится к действительности, отражает ее и выражает свои значения не изолированно, не в отрыве от лексико-семантической системы данного конкретного языка, а в неразрывной связи с ней, как ее составной элемент» [1]. Мысли В. В. Виноградова о различиях между свободными номинативными и фразеологически связанными значениями слов, точно так же как предложенная им классификация фразеологических единиц, оказали решающее влияние на исследования фразеологии русского и ряда других языков, которые проводились в последнее время в нашей стране.

Вместе с тем, говоря о типах лексических значений, В. В. Виноградов исходил не только из особенностей сочетаемости различных групп слов, то есть синтагматических отношений, но и из соотношения слов друг с другом, то есть, по существу, из парадигматических связей. Так, им были выделены прямые (или основные) номинативные, производно-номинативные и экспрессивно-синонимические значения слов. «У многих слов,— писал он,— принадлежащих как к основному словарному фонду, так и к прочей части словарного состава языка, есть стилистические синонимы в разных пластах, или слоях лексики. Значительная часть этих синонимов лишена прямого, свободного номинативного значения. Подобные синонимы выражают свое основное значение не непосредственно, а через то семантически-основное, или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность». В качестве примеров В. В. Виноградов приводил глагол *облечь*, являющийся «книжно-торжественным синонимом» глагола *одеть*; глагол *приникнуть*, входящий «в синонимический ряд — *прижаться*, *прильнуть*, *припасть* как эмоционально-книжное слово» [2]. Далее В. В. Виноградов отметил, что «смысловая структура и функция у разных типов синонимов неодно-

---

[1] Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова.— «Вопросы языкознания, 1953, № 5, с. 12.

[2] Там же, с. 13—14.

родны», поскольку в зависимости от «предметно-смысловых и экспрессивно-стилистических оттенков экспрессивный синоним может выражать и свободное номинативное значение, не передаваемое другими словами того же синонимического ряда», как, например, слово *расхлябанность* в синонимическом ряду *недисциплинированность*, *неорганизованность*, *распущенность*, *разболтанность*. «Слово *расхлябанность* в разговорной речи и в составе произведений газетно-публицистического жанра получило свои индивидуальные характеристические предметно-смысловые приметы, по-видимому, в силу своей большей выразительности, чем слова *недисциплинированность*, *неорганизованность*, и меньшей фамильярности, чем слово *разболтанность*» [1].

Как видно из приведенных цитат, «экспрессивно-синонимические значения» интерпретируются В. В. Виноградовым только как значения стилистически окрашенных слов; указание же на то, что часть их выражает свое значение через опорное слово синонимического ряда, может вызвать возражения. Однако, важной была сама мысль о том, что соотношение между различными словами неодинаково, а этим обусловлен и различный характер их лексических значений.

§ 107. В том случае, когда стилистически окрашенному слову соответствует стилистически нейтральный синоним, между значениями этих слов устанавливается отношение однонаправленной зависимости. Такие слова, как *очи*, *глупец*, *деяние*, *долу*, *супруга; валандаться*, *пособить*, *дуралей* и т. п., не могут быть истолкованы без ссылок на их нейтральные синонимы, поскольку их собственное лексическое значение представляет собой своеобразное преломление значений этих действительно опорных для них слов.

Точно так же слова с экспрессивно-оценочными значениями (то есть слова, которые не только обозначают те или иные предметы и явления, но содержат в своих значениях элемент их оценки) определяются на основе их соотнесения со словами, лишенными оценочных элементов: *огромный — очень большой*, *нестись — быстро двигаться*, *выхваливать — слишком хвалить*, *красивость — мни-*

[1] Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова.— «Вопросы языкознания», 1953, № 5, с. 14—15.

м а я красота и т. п. Это не значит, что для «понимания» этих слов говорящим требуется подобное их истолкование. Но несомненно, что их реальное лексическое значение обусловлено именно их п р о т и в о п о с т а в л е н н о с т ь ю нейтральным словам, являющимся опорными членами соответствующих рядов. Точно так же образования вроде *большущий*, *красотища*, *домик* и т. п., естественно, «понятны» сами по себе, но из этого не следует, что их значения не обусловлены словами *большой*, *красота*, *дом* и т. п., т. е. словами, не осложненными экспрессивными суффиксами.

Таким образом, лексические значения могут быть поразному обусловлены двумя различными видами парадигматических противопоставлений. Тогда как «непосредственные» антонимы всегда выступают как в з а и м о о б у с л о в л е н н ы е и в з а и м о з а в и с и м ы е е д и н и ц ы (значения слов *большой*, *сильный*, *свет*, *вверх* и т. п. существуют как таковые только постольку, поскольку существуют противополагаемые им значения в словах *маленький*, *слабый*, *тьма*, *вниз* и т. п.; и наоборот), соотношение между «экспрессивно-синонимическим» (в широком смысле) и опорными словами характеризуется о д н о н а п р а в л е н н о й о б у с л о в л е н н о с т ь ю. Соответственно значения первых должны быть определены как с о о т н о с и т е л ь н ы е, значения же, представленные экспрессивно-синонимическими словами, — как о б у с л о в л е н н ы е. Отчетливо выделяется также третий тип лексических значений. Он представлен словами, смысловое содержание которых определяется преимущественно п р е д м е т н о й н а п р а в л е н н о с т ь ю. Отношения между такими словами определяются относительно независимым отображением каждым из них определенного участка внеязыковой действительности (ср. названия построек, одежды, мебели и т. д.). Связи между ними обусловлены связями между соответствующими денотатами.

Собственно языковым отражением этих связей является наличие (во многих случаях) обобщающих («родовых») наименований, объединяющих слова, входящие в одну и ту же тематическую группу, а также общность их лексической сочетаемости.

Следует отметить, что семантика ряда слов определяется различными типами зависимостей. Например, значения слов *день — ночь — утро — вечер; весна — осень — лето — зима; молодой — старый* определяются именно тем, что

между ними распределена часть определенной семантической области, которую каждое из них представляет в соотношении с другим или другими словами. В этом смысле они являются с о о т н о с и т е л ь н ы м и. Но вместе с тем эти значения «отягощены» такими признаками, которые не определяются уже «противопоставленностью значений», но существенны в то же время для данных слов, поскольку непосредственно характеризуют обозначаемые ими явления внеязыковой действительности:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь.

(П у ш к и н. Евгений Онегин).

Сложные и многообразные отношения, существующие в лексике, обусловливают различный характер отражения действительности в семантике различных групп слов, а соответственно различный характер связей между отдельными значениями. Выделенные здесь типы лексических значений представляют лишь один из аспектов рассмотрения этих различий.

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 108. Нам уже приходилось обращать внимание на то, что проявление одного из значений многозначного слова позиционно обусловлено, то есть связано с особенностями сочетания данного слова с другими словами.

Разграничение таких, например, значений слова *земля*, как 'планета, на которой мы живем', и 'верхний слой коры нашей планеты', происходит именно потому, что в одних сочетаниях (вроде *земля вращается*, *жизнь на земле* и под.) выступает одно из этих значений, в других (вроде *рыть землю*, *засыпать землей*) — другое. В соответствии с этим изменяются и парадигматические связи слова (ср. *земля — наша планета, земной шар; земля — луна, солнце* и т. д., с одной стороны, и *земля — грунт, почва; земля — недра*, с другой).

Парадигматические связи слова существуют в я з ы к е как системе и остаются з а п р е д е л а м и конкретных высказываний. Это не исключает, естественно, возможно-

сти сближения в высказывании членов одного парадигматического ряда (*не глаза, а очи; реки и ручьи; то шел, то бежал* и т. п.). Напротив, такое сближение (при перечислении, противопоставлении, толковании значений слов и т. п.) осуществляется довольно часто. Но устанавливая самый факт появления в том или ином тексте парадигматически соотнесенных слов, мы исходим из того, что эти слова определенным образом объединены в языке как системе,— только это и дает нам возможность говорить о том или ином характере их сопоставления в конкретном высказывании (точно так же, например, парадигма спряжения глагола устанавливается не потому, что в различных текстах можно отметить сочетания вроде *я знаю и ты знаешь, сначала пойдем мы, потом пойдете вы* и т. п.).

Синтагматические связи проявляются по-иному. Сочетание лексических единиц осуществляется именно в речи, а следовательно может быть рассмотрено как непосредственный факт текста. Это не значит, однако, что синтагматические отношения — это область речи, а не языка (хотя такого мнения и придерживаются некоторые исследователи, рассматривающие соотношения парадигматики и синтагматики в плане соотношения языка и речи). Сочетание всех единиц языка, так же как и их отбор (соответственно — чередование), подчинено определенным правилам, которые объективно закреплены в языке и лишь отражаются в речи, в конкретных высказываниях.

Поскольку парадигматические и синтагматические связи слова взаимообусловлены, определяя типичные для данного слова (в данном значении) лексико-синтаксические позиции, мы тем самым определяем и его место в соответствующем парадигматическом ряду. И наоборот, определяя существенные для данного значения признаки, обусловливающие его соотношение со значениями других слов, то есть определяя его парадигматические связи, мы тем самым устанавливаем и возможные для него синтагматические связи.

Взаимообусловленность парадигматических и синтагматических связей слов наглядно проявляется в тех случаях, когда типичный для определенной группы слов контекст сам по себе (то есть и при отсутствии данных слов) сигнализирует о соответствующем значении. Так, во мно-

гих пособиях приводится как пример эллипсиса фраза — *Татьяна в лес, медведь за нею.* Что здесь опущен «глагол движения» — это очевидно. Но так же очевидно, что ничто здесь не указывает на какой-либо конкретный глагол из соответствующей группы. Разумеется, зная более широкий контекст, мы можем считать, что здесь глагол «быстрого движения». Но самой фразой и этот признак никак не предопределен. Понятно, что определения вроде *бегом, стремительно* или *не спеша* и т. п. так или иначе конкретизируют в разных фразах значение «движения вообще», но опять-таки не свидетельствуют о «пропуске» (соответственно — возможности «восстановления») какого-либо конкретного глагола. Ср.: *И вот тоненький звоночек затрепетал, наполнил всю квартиру. Елена бурей через кухню, через темную книжную, в столовую* (Булгаков. Белая гвардия); *Свист, крик сзади, а я бегом да на станцию, ночи были темные* (В. Белов. Плотницкие рассказы); *Я подхожу. Она тотчас берет меня под руку. — Я на одну минуту,— говорит она мужу с нежной улыбкой* (Казаков. Голубое и зеленое); *Страдания ее способны тронуть камень, но доктор глядит на нее, дует себе на ладонь и — ни с места* (Чехов. Зеркало) и т. п.

Нет оснований говорить и о пропуске именно такого-то глагола и в ряде других безглагольных конструкций; например: — *...Смотритель разговаривать было стал, я его в зубы* (Л. Толстой. Два гусара); *Но шофер больше — ни слова* (Б. Можаев. Лесная дорога); *Слезы градом по Лидочкину лицу. И нет Лидочке жизни* (Лавренев. Лидочкино лихо); *Он, известное дело, усмехнется, пешню в руки, ящик через плечо — и пошел* (Солоухин. Григоровы острова) и т. п.

То, что лексико-синтаксическая организация каждой из этих фраз однозначно предполагает действие, выражаемое глаголами вполне определенной семантики («глаголы удара», «глаголы речи» и т. д.), не вызывает сомнения; в то же время ничто не указывает на «пропуск» какого-либо одного из возможных глаголов (ср. *ударить, треснуть, стукнуть* и т. п., *сказать, произнести, молвить* и т. п.). Фразы такого типа (распространенные в устной разговорной речи и текстах художественной литературы) свидетельствуют и о непосредственной реальности парадигматических объединений слов.

§ 109. Сочетание слов в тексте подчинено существующим в языке синтаксическим правилам. В то же время сочетаемость каждого отдельного слова в пределах допускаемых последними моделей обусловлена его собственной индивидуальной семантикой. В связи с этим различается синтаксическая и лексическая сочетаемость слов. Синтаксическая сочетаемость слова определяется его лексико-грамматической характеристикой, лексическая сочетаемость — его индивидуальным значением.

Будучи различными по природе, эти два вида сочетаемости вместе с тем представляют собой как бы две ступени проявления единой и целостной семантики каждого конкретного слова. В первом случае слово выступает как представитель определенного грамматического класса или подкласса, объединяющего лексические единицы на основании самых общих особенностей их семантики. Во втором случае способность слов сочетаться друг с другом зависит от их индивидуальных значений, более непосредственно отражающих отношения и связи, существующие или возникающие в самой внеязыковой действительности.

Язык не полностью избавлен от «интерференции смыслов» на уровне лексической сочетаемости (например, словосочетания вроде *обнаружить землю* или *любоваться землей* сами по себе недостаточны для определения денотата слова *земля*). Более широкий контекст обычно снимает двусмысленность, поэтому в конкретных высказываниях она не может играть существенной роли. Но важно отметить, что в большей части случаев в самой системе языка выработаны средства для необходимой дифференциации смыслов, ср.: *судить* кого-либо и *судить* о ком-либо, *смотреть* на кого-либо и *смотреть* за кем-либо и т. д.

Таким образом многозначность снимается (в конкретных речевых условиях) и создается (в семантике самого слова как единицы языка), благодаря особенностям лексической и синтаксической сочетаемости слов.

Первая может быть понята как сочетаемость смыслов, вторая — как возможность употребления слова в определенных конструкциях.

Стремясь найти объективные методы описания лексических значений, многие исследователи в последнее время об-

ращаются к особенностям синтаксической сочетаемости слов (валентности слов, их дистрибуции). «Значение не дано в тексте в явном виде,— пишет Ю. Д. Апресян.— Поэтому, если мы хотим найти объективную процедуру установления и классификации значений, мы должны опираться на такие свойства текста..., которые даны нам в прямом наблюдении и достаточно полно отражают интересующие нас, но скрытые от прямого наблюдения семантические свойства... Наиболее непосредственной и наименее осложненной наличием непродуктивных и нерегулярных элементов является связь между семантической и синтаксической структурой текста... Подобно тому, как внутренние (психические) состояния человека проявляются физиологически..., «внутренние состояния» (значения) элементов текста проявляются в их синтаксическом поведении, доступном прямому наблюдению» [1].

Общность синтаксических связей у слов, сближаемых семантически, в ряде случаев несомненна. Так, например, особенности управления объединяют отдельные глаголы, в семантике которых могут быть обнаружены некоторые общие черты. Ср. *интересоваться* кем-либо, чем-либо и *восторгаться* кем-либо, чем-либо, *заниматься* чем-либо, *любоваться* кем-либо, чем-либо, *увлекаться* кем-либо, чем-либо, *восхищаться* кем-либо, чем-либо, *гордиться* кем-либо, чем-либо и т. п. Ср. также: *владеть*, *обладать*, *распоряжаться*, *управлять*, *править*, *командовать*, *ведать*, *заведовать*, *руководить* кем-либо, чем-либо; или *надеяться* на кого-либо, что-либо и с теми же формами зависимых имен — *уповать*, *полагаться*, *рассчитывать; согласиться* на что-либо и *пойти* на что-либо, *решиться* на что-либо и т. п. Разумеется, нельзя игнорировать тот факт, что грамматическая форма словосочетания, в том числе и с управляемым словом, не находится в прямой зависимости от конкретных значений входящих в данное словосочетание слов. Ср. расхождение в формах управления при семантической близости главных членов таких словосочетаний, как *стыдиться* кого-либо, чего-либо и *гордиться* кем-либо, чем-либо, как *рад* кому-либо, чему-либо и *доволен*

[1] Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, с. 23—24.

кем-либо, чем-либо; *возмущаться* кем-либо, чем-либо и *негодовать* на кого-либо, на что-либо; *слышать* и *слушать* кого-либо, что-либо, но *видеть* кого-либо, что-либо и *смотреть* на кого-либо, на что-либо; *презирать* кого-либо, что-либо и *пренебрегать* кем-либо, чем-либо и мн. др.

Однако нет смысла не считаться и с теми показателями семантической близости слов, которые обнаруживаются в особенностях их синтаксического употребления. Влияние же конкретной семантики управляющего слова на возможность применения зависимого слова в той или иной форме вполне очевидно в случае так называемой семантической аналогии, в результате которой отмечаются сочетания вроде *рад успехам* (ср.: *образован, доволен* кем-либо, чем-либо), *недоволен* на кого-либо, что-либо (ср. *сердит* на кого-либо, что-либо), *покровительствовать* кого-либо (ср. *защищать, оберегать* кого-либо), *развитие* к чему-либо (ср. *движение к* чему-либо) и т. п. Вот несколько примеров из литературных произведений: *Я был так рад успехом, что, поблагодаря наскоро главнокомандующего, побежал в палатку, в которой содержался Аммалат-бек* (Марлинский. Аммалат-бек); *Хозяйка на нее немножко недовольна...* (Лесков. Зимний день); ... *но особенно он любил рекрутов и молодых солдат: их он всегда покровительствовал, читал им наставления и помогал часто* (Л. Толстой. Рубка леса); — *Когда вам будет больше лет, то вы сами увидите, какое значение имеет на убеждение возраст* (Достоевский. Братья Карамазовы).

Колебания в формах управления одного и того же слова могут отражать то обстоятельство, что слово парадигматически сближается с имеющими различные формы управления словами; например, *пренебрегать — презирать* кого — что: *О истина, ты всех доброт прямая мать. Не должно никогда тебя пренебрегать* (В. Майков. Игрок ломбера); [Юленька:]... *Я теперь все пренебрегаю, кроме туалета* (Островский. Доходное место); [Флор Федулыч:]... *Пренебречь его следует, пренебречь!* (Островский. Последняя жертва) — при закрепившемся в современном языке сочетании глагола с творительным падежом, ср. *пренебрегать — не интересоваться* кем-чем.

Таким образом, семантические связи, существующие между отдельными словами как членами некоторой семантической парадигмы, отражаются и на формах этих слов как членов определенной синтагмы. Вместе с тем различия в формах управляемых слов при одном и том же глаголе свидетельствуют об известном «расщеплении» его значения, развитии из первоначально недифференцированного значения отдельных значений; ср.: *смотреть* на кого-либо, на что-либо и *смотреть* за кем-либо, за чем-либо; *верить* кому-либо, чему-либо и *верить* в кого-либо, во что-либо; *наблюдать* кого-либо, что-либо и *наблюдать* за кем-либо, за чем-либо; *судить* кого-либо, что-либо и *судить* о ком-либо, о чем-либо и т. п. Ср. также: *заинтересован* кем-либо, чем-либо и *заинтересован* в ком-либо, в чем-либо; *способен* к чему-либо и *способен* на что-либо и т. п.

§ 110. Значение слова проявляется, однако, во всей совокупности его синтагматических связей — и синтаксических и лексических. Примеры безглагольных конструкций, подобные приведенным выше, ясно свидетельствуют об этом. Значения многозначных слов, как мы уже видели, разграничиваются также именно в зависимости от того, в какой не только синтаксической, но и лексической позиции выступает слово. Естественно, что при определении лексической сочетаемости учитываются не отдельные слова, а семантические или тематические группы слов. Так это и делается во многих случаях (не вполне последовательно) в толковых словарях; например, при выделении различных значений и «оттенков значений» глагола *ползти* (см. выше § 52) в СРЯ даны указания: «о пресмыкающихся», «о звуках, слухах и т. п.», «о жидкостях», «об одежде», «о растениях», «о времени», «о ткани».

Поэтому явно ошибочными представляются утверждения такого рода: «Дистрибуцию слова можно описывать в терминах индивидуальных лексем (лексическая дистрибуция) и в терминах грамматических классов и подклассов (грамматическая, категориальная дистрибуция). Полностью учесть лексическую дистрибуцию слов практически невозможно. Следовательно, речь должна идти о дистрибуции

грамматической»[1]. Для лексикологии, разумеется, важен учет не только грамматической, но и лексической сочетаемости, однако речь должна идти здесь не о сочетании отдельных слов, а о тех семантических ограничениях, которые обусловливают то, что данное слово выступает в том или ином значении.

Необходимо иметь в виду также, что грамматическая дистрибуция существенна не при описании лексической семантики вообще, но преимущественно при описании семантики глаголов. Синтаксическое «поведение» прилагательных различных семантических разрядов достаточно единообразно,— поэтому на первый план выдвигается задача определения их именно лексической сочетаемости. При определении синтагматических свойств разных групп существительных можно обратить внимание на следующее. Выделение «частных значений» отдельных падежных форм имени существительного осуществляется обычно в результате того, что падежной форме приписывается значение, обусловленное о б щ е й семантикой включающего ее словосочетания. Например, устанавливаются такие значения родительного падежа, как «родительный принадлежности», «родительный отношения», «родительный целого», «родительный возраста», «родительный материала» и т. д. (ср. *дом отца*, *рабочие завода*, *крыша дома*, *женщина средних лет* и т. д.)[2]. Совершенно ясно, что такого рода «значения» обусловлены лексически, поэтому нет оснований считать их значениями грамматической формы слова как таковой. На это указывали многие исследователи. Однако это не значит, что указанные различия вообще «внелингвистичны». То, что в форме «родительного приименного» могут выступать в с е существительные, делает возможным сопоставление значений соответствующих словосочетаний, причем именно в лексическом плане.

Неодинаковое соотношение главного и зависимого членов таких словосочетаний должно быть обусловлено (поскольку грамматических отличий нет) теми или иными лексико-семантическими признаками сочетающихся слов, а следовательно — определенным образом отражает и парадигматические связи, характеризующие данные слова (ср. *вода реки*, *ручья*, *озера*, *канала* и т. п., но не **вода крана*,

[1] Ф о м е н к о Ю. В. Глаголы психического воздействия в русском языке.— Сб. Вопросы теории русского языка. Новосибирск, 1975, с. 5.

[2] Грамматика русского языка. М., 1953, т. I, с. 121 и сл.

**вода стакана* и т. п. при *вода из крана*, *вода в стакане* и т. п.; ср. различное субъектно-объектное направление в сочетаниях вроде *портрет героя* и *рассказ героя*, при неоднозначности — *портрет художника* и т. п.).

В языке существуют конструкции, «лексическое наполнение» которых ограничено определенными семантическими рамками. Например в современном русском языке может быть отмечена конструкция, в которой одушевленные существительные выступают в винительном падеже множественного числа, совпадающем с именительным, завися от глаголов, круг которых лексически ограничен. Обычно это такие глаголы, как *идти*, *пойти*, *записаться*, *норовить*, *метить*, *рваться*, *наняться*, *навязываться*, *попасть*, *податься*, *приглашать*, *произнести*, *перевести*, *избрать*, *выбрать*, *взять*, *направить*. Эта конструкция имеет значение присоединения или причисления кого-то к определенной категории лиц, причем главным образом выделенных по положению, должности, профессии, званию, но также и по внутренним и внешним качествам и по отношению к другим лицам; например: — *Как жить будем, сударик? В солдаты пойдешь али в чиновники?* (Горький. Детство); — *Я и не лезу в чемпионы* (Антонов. Разговор); *Но эти парни наотрез отказались идти в главные архитекторы* (Рекемчук. Молодо-зелено); *И еще не знаю, как это получилось, но ее направили ко мне в ученицы* (С. Воронин. Рассказ о любви); *Мы из мальчишек вышли в ветераны И сами не заметили, когда* (Дудин. По горизонту черные туманы) и т. п.; ср.: *...выбор князя Мышкина в мужья для одной из Епанчиных* (Достоевский. Идиот) и т. п. В этой конструкции возможны и другие относительные существительные со значением лица: *годится в отцы, в братья* (когда речь идет о возрасте) и т. п. Существительные, не обозначающие лиц, выступают в данной конструкции в тех случаях, когда они употребляются метафорически, вроде: ...— *Суется в волки, а хвост собачий* (Тургенев. Поездка в Полесье).

Семантический анализ различных грамматических классов слов (слов, относящихся к различным частям речи, прежде всего) не может быть, таким образом, основан на однородных признаках их сочетаемости, поскольку сами сочетаемостные свойства этих слов существенно отличаются друг от друга.

При исследовании лексической сочетаемости неосуществимой, конечно, оказалась бы цель создания полного списка всех возможных словосочетаний, в которых выступают те или иные слова. Однако для их семантической характеристики далеко не безразлично определение частотности различных словосочетаний, определение типичных контекстов употребления того или иного слова.

§ 111. Преобладающее употребление слова в определенных словосочетаниях может отразиться и на его собственном значении. При устойчивом, постоянном употреблении слова в одинаковых речевых ситуациях его значение нередко специализируется в определенном направлении. Контекстно обусловленные оттенки значения данного слова обобщаются в сознании говорящих, становясь как бы элементом значения самого слова.

Так, в тех случаях, когда определяемое (в широком смысле) в известной речевой ситуации однозначно предполагает какое-то определение, последнее может быть опущено, причем оно как бы включается в семантику самого определяемого, становится элементом его значения. Происходит своеобразное лексико-семантическое стяжение. Факты семантического стяжения весьма разнообразны и многочисленны в языке.

В тех случаях, когда соответствующее употребление слова закреплено в языке,— перед нами уже результат стяжения, и говорить о нем с точки зрения синхронных отношений можно лишь постольку, поскольку параллельно существуют другие (не подвергшиеся стяжению) значения тех же слов: ср. *готовить уроки*, *готовить специалистов* и т. д. и *Мне негде было обедать*, *а готовить себе я ленилась* (Каверин. Два капитана); *гладить волосы* и т. д. и *Умела мыть и гладить*, *шить и плесть* (Пушкин. Домик в Коломне); *снять книгу с полки* и т. д. и *Вот бы снять*,— *сказал я фотографу* (Пришвин. Календарь природы) и т. п.

Природа стяжения достаточно прозрачна; в языковом плане это приобретение словом *А* (со значением *а*), достаточно устойчиво сочетающимся со словом *В* (со значением *в*), значения всего словосочетания, то есть:

$$А(а) \quad В(в) \rightarrow А(ав)$$

В социальном плане осуществление стяжения зависит, естественно, от общественной значимости тех ситуаций,

которые обозначаются сочетанием *AB*. Социальная характеристика данной ситуации предопределяет как стилистическую значимость соответствующего словоупотребления, так и его способность стать общеязыковым фактом.

Во многих случаях совершенно очевидны стилистические отграничения подобного словоупотребления. Например: — *Вернулся, значит...*— *полунасмешливо сказал юноша.*— *Как видишь.* — *О с о з н а л?* — *в голосе юноши звучала явная ирония.*— *Ну, и о с о з н а л. Ты против меня выступал? За увольнение?* (Н и к о л а е в а. Битва в пути); — *Дмитрий Корнеевич!* — *не отцеплялся парень.*— *Дмитрий Корнеевич! Проявите чуткость! Дайте возможность з а г л а д и т ь! Я признаю ошибку!* (П а н о в а. Сережа); *Федор Петрович оправдал доверие. Он быстро навел порядок в районной больнице, амбулаториях и разных детских учреждениях... В н и к а л, у с т р а н я л и давал ценные указания* (Р е к е м ч у к. Без боли) и т. п.

В других случаях стяжение становится решающим фактором изменения семантики слова. Например, глагол *производить* одним из значений имеет 'производить материальные ценности': ... *социалистический лагерь будет п р о и з в о д и т ь больше, чем все капиталистические страны, вместе взятые* (Из газет). Дополнение (лексически определенное) как бы поглощено самим глаголом; ср. *производство*. Словосочетания *обратиться со словами, с вопросом, с просьбой* и т. д. как бы конденсировались в семантике самого глагола. Ср. *обратиться* к к о м у - н и б у д ь, к у д а - н и б у д ь. Ср. также развитие значений слов *попросить* (откуда-нибудь), *перевод* (читать в подлиннике или в переводе) и т. п.

Влияние синтагматических связей слова на его семантику проявляется не только в семантическом стяжении. Не менее существенным может оказаться к о с в е н н о е влияние ч а с т о с о ч е т а ю щ и х с я с ним слов. С м е щ е н и е значения слова обусловлено в таком случае тем, что слово воспринимается в составе определенного словосочетания, значение которого так или иначе окрашивает и его собственное значение. М. Бреаль, обративший внимание на это явление, назвал его «заражением» (contagion) [1].

---

[1] B r é a l M. Les lois intellectuelles du langage, fragment de sémantique.— «Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France». 1883, с. 132 и след.

Примером синтагматически обусловленного смещения значения слова является судьба глагола *витать* в русском языке. В течение длительного времени он употребляется преимущественно в таких словосочетаниях, как *витать в облаках*, *витать среди фантазий*, *витать в мире мечтаний* и т. п. Именно такое употребление слова привело к тому, что оно становится обозначением отвлеченных от реальности, бесплодных мечтаний; например: *Пошел один я, тих и незаметен. Я думал о земле — я не витал* (Евтушенко. Концерт). В древнерусском языке слово *витати* значило 'жить где-нибудь, пребывать'; ср. глагол того же корня *обитать* (само слово *обитать* — из *об-витати*). Прилагательное *утлый* имеет в современном языке значение 'ненадежный'. Например: *А все-таки положение было довольно утлое* (Куприн. С улицы). Такое значение слова сформировалось в связи с тем, что оно было воспринято в составе тех выражений, в которых оно наиболее часто встречалось, а именно *утлый челн*, *утлое судно* и под. Первоначальное его значение было 'имеющий щели, дырявый'.

Приведенные примеры (число которых можно было бы значительно увеличить) представляют собой наиболее типические случаи влияния общего значения словосочетаний, в которых достаточно устойчиво употребляется слово, на его собственную семантику. Однако, как уже выше говорилось, роль синтагматических связей слова при разнообразных изменениях значений слов вообще очень существенна. Слова с их значениями усваиваются новыми поколениями в основной своей массе не через толкования, в той или иной форме даваемые взрослыми, а из непосредственной речевой практики, из речи, которая состоит именно из тех или иных объединений слов. Для того чтобы у слова *худой* (древнерусск. *худыи*) из значений 'плохой', 'бедный', 'ничтожный' и т. д. развилось современное значение 'тощий', в значительной мере вытеснившее другие его прежние значения, нужно было, чтобы оно было усвоено новыми поколениями носителей языка в таких словосочетаниях, которые выдвигали бы на первый план именно данное осмысление слова. Сравните, например, значения таких слов, как *целовать* (первоначальное значение: 'желать быть здоровым', ср. *цел и невредим*, *целебный*, *исцелить* и т. д.), *упражняться* (первоначальное значение: 'освобождаться от работы',

в связи с чем —'иметь досуг для чего-нибудь' и т.д., ср. *праздный*) и ряда других. Причины семантических изменений, как правило, сложно переплетаются между собой и самое направление семантических изменений зависит обычно от ряда разнородных факторов. Изменение сочетаемости слов (как лексической, так и нередко синтаксической) является, однако, во всех случаях наиболее объективным показателем происходящих семантических сдвигов. Когда устойчивое переносное употребление слова приводит к выделению у него особого переносного значения, об этом в первую очередь свидетельствует изменение его сочетаемости.

АССОЦИАТИВНО-ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 112. Значения существуют для нас постольку, поскольку они закреплены за тем или иным материальным знаком. Природа языкового знака не может не обусловливать известных особенностей значений, с которыми он связан и для выражения которых он используется. Благодаря тому, что каждая единица лексики имеет материальную форму и смысловое содержание, она является средоточием и этих двусторонних связей, объединяющих ее, с одной стороны, с рядами формально близких слов, с другой — с теми точками «семантического пространства», с которыми так или иначе соприкасается ее собственное смысловое содержание. Таким образом, значение слова определяется деривационными (в широком смысле) и ассоциативными связями: слово находится, помимо парадигматических и синтагматических отношений, также в определенных ассоциативно-деривационных отношениях с другими словами.

Например, слово *земля* в разных своих значениях поразному связано деривационными отношениями со словами *земляной*, *землистый*, *земной*, *наземный*, *земельный*, *земляк*, а также *землекоп*, *землечерпалка*, *землемер*, *земледелец*, *землепроходец* и т. д. Так, значение, которое определяется парадигматическими противопоставлениями *земля — песок— — глина...*, синтагматическими сочетаниями *рыть землю*, *сыпать землю*, *комок земли* и т. п., закреплено в деривационном ряду *земля — земляной — землистый — землекоп* и т. д.; значение, определяемое парадигматическими противопоставлениями *земля — вода*, *земля — море...*, син-

тагматическими сочетаниями *увидеть землю*, *близость земли* и т. п.,— закреплено в деривационном ряду *земля — земной — наземный — земноводный* и т. д. Можно сказать, что производные имеют связанное в деривационном отношении значение, само же исходное слово — относительно свободное.

Аналогичные отношения существуют и между значениями многозначного слова. Когда значения квалифицируются в словарях как «переносные» — это свидетельствует о том, что они воспринимаются в связи с какими-то другими значениями, т. е. являются деривационно «связанными». Деривационная связанность — это формальная мотивированность слова.

Как правильно отмечала Н. Н. Амосова, «этимологическое объяснение языкового явления в большинстве случаев нейтрально к его актуальной сущности. Во всяком случае оно не может считаться его конституирующим свойством и не имеет прямого влияния на его функционирование в речи» [1]. Это тем более справедливо, что само «называние производится в громадном большинстве случаев не по главному признаку обозначаемого, а по наиболее броскому, т. е. нередко случайному его признаку» [2]. Однако сами отношения мотивированности (производности) — не только подлинной, но в некоторых случаях и мнимой,— которые, сложно перекрещиваясь, охватывают различные группы лексики, далеко небезразличны для ее характеристики.

Те реальные, предметные ассоциации, которые достаточно устойчиво связываются с представлением о тех или иных явлениях окружающей действительности, всегда так или иначе (не всегда прямо и непосредственно) отражаются в лексике. При этом существенно то, что этими предметными ассоциациями определяется семантическая структура многозначных слов и смысловое соотношение между отдельными словами, связанными отношениями производности.

---

[1] Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963, с. 9.

Это полностью соответствует представлению о слове как единице языка, одним из существенных признаков которой является идиоматичность (немотивированность или неполная мотивированность значения).

[2] Трубачев О. Н. История славянских терминов родства. М., 1959, с. 50.

§ 113. При рассмотрении различных видов многозначности нам приходилось уже отмечать, что в ряде случаев значения многозначных слов объединяются на основе а с с о ц и а т и в н ы х признаков. Ассоциативный признак обычно не отмечается при толковании слова в его основном значении. Он и действительно не участвует в формировании значения слова. Если бы мы ввели, например, в определение основного значения глагола *летать* признак «быстроты» передвижения, мы, очевидно, не дали бы адекватного представления о структуре этого значения, поскольку вполне возможны сочетания вроде *медленно летел* и под.

Но ассоциативный признак, как бы только потенциально сопутствующий слову в его основном значении, подвергается своего рода «кристаллизации» в определенных контекстах «образного» применения слова; когда же такое применение становится достаточно устойчивым — в особом переносном значении. Здесь важно отметить, что подобные ассоциативные связи реализуются и в собственно словообразовательном плане. В различных словообразовательных рядах обнаруживаются такие производные, значения которых своеобразно обусловлены именно п е р е н о с н ы м и значениями «исходных» слов данных рядов. В то же время переносные значения последних как бы поддерживаются значениями подобных производных,— значениями, которые можно назвать м е т а ф о р и ч е с к и м и только с точки зрения их соотношения с другими членами словообразовательного ряда, но которые для самих этих слов являются о с н о в н ы м и. Ср. переносные значения, например, глаголов *стоять (стоять на своем, стоять до конца)*, *пылать (пылать страстью* и т. п.), *кипеть* и т. д. и значения (основные) слов *настоять, стойкий; пылкий; кипучий* и т. д.

Таким образом, ассоциативно-деривационные отношения в лексике связаны с понятием м о т и в и р о в а н н о с т и.

Лексическое значение может быть мотивировано двояко,— во-первых, морфемным составом слова (понятно, что степень и характер такой мотивированности в разных случаях различны, ср. *земной, предутренний, ловушка, писатель, пастух* и т. д.); во-вторых, другим значением (или значениями) того же слова; эта мотивированность (характер зависимости переносного значения от исходного) также может быть различной (ср. вторичные значения таких слов, как *зарезать, плавать, всплыть, бросить, сплотить* и т. п.).

Народная этимология

§ 114. Кроме этих основных, системно-обусловленных, деривационных отношений, в отдельных случаях дает о себе знать «л о ж н а я», основанная на случайных сближениях, м о т и в а ц и я, в результате которой слово может подвергаться переосмыслению, а иногда и значительной семантической и формальной перестройке.

Явление ложной мотивации обычно связано со стремлением осмыслить новое, не вполне понятное слово путем его сближения с какими-то другими («привычными») словами (или отдельными морфемами этих слов). Это явление в лингвистических работах обычно обозначается как н а р о д н а я (или ложная) э т и м о л о г и я. Под этим наименованием объединяются различные случаи звуковых взаимодействий слов. Характерно, в частности, такое переиначивание звуковой формы, при котором «мотивируется» только какая-то ч а с т ь с л о в а (обычно заимствованного), причем «остаток» так и остается не мотивированным с точки зрения словообразовательных моделей заимствующего языка. Ср. *спинжак* (*спин* — объяснено через *спина*, *жак* — не мотивировано), *гульвар* (*гуль* — объяснено через *гулять*, *вар* — не мотивировано) и т. п.

В других случаях в соответствии с приписываемой слову внутренней формой происходит то или иное его п е р е о с м ы с л е н и е. Это может быть и н д и в и д у а л ь н о е п е р е и с т о л к о в а н и е слова: *Директор базы Потейчук, к примеру, назвал Щепетинщикова* «у т о п и с т о м». *Тэк-с. Что он имел в виду? Ага: т о п и т, мол, Щепетинщиков людей, доводит своими приказами до увольнения. Ну что ж, придется вызвать Потейчука, устроить ему небольшую головомойку...* (В. А г р а н о в с к и й. Щепетинщиков в опале).

Иногда же на основе такого рода сближений возникает более или менее устойчивое в определенной с о ц и а л ь н о й среде употребление слова со с п е ц и ф и ч е с к и м с м ы с л о м. Примером может служить слово *мораль*, которое персонажами А. Н. Островского употребляется в таких контекстах: [Татьяна Никоновна:] *Да послушайте, Пульхерия Андреевна, неужели ж вы что серьезное про Оленьку знаете?* [Пульхерия Андреевна:] *Серьезное не серьезное, там как рассудите. Конечно, для девушки м о р а л ь* («Старый друг лучше новых двух»).

§ 115. Но действие народной этимологии распространяется не только на такие индивидуальные (или социально-ограниченные) преобразования слов. В ряде случаев звуковое сходство слова с каким-либо другим словом (или другими словами) становится причиной его фонетического или семантического преобразования, закрепленного в общенациональном языке.

В отдельных случаях именно внешнее, звуковое сходство слова с каким-либо другим словом (или словами) становится причиной его фонетического (иногда также и семантического) преобразования. Например, глагол *жмурить* восходит к тому же корню, что и слова *миг*, *мигать*, *мгновение* с чередованием *г—ж*. Перестановка согласных в корне произошла под влиянием *жму (жать)* [1]. Древнерусское существительное *съвѣдѣтель*, производное от глагола *вѣдѣти* 'знать' (ср. современные *ведать*, *сведущий* и др.), уже в древнерусских текстах появляется также и в форме *съвидѣтель*, связываясь с другим глаголом — *видѣти* (ср. *самовидець* в тех же контекстах). Эта форма и закрепляется в дальнейшем в русском языке (современное *свидетель*). Однако, несмотря на то, что слово уже связывается с другим «корнем», его общая номинативная функция в целом остается прежней. Прилагательное *смиренный* и производные от него связываются в современном русском языке с *мир* (ср. также *смирный*). Однако это не подлинная этимологическая форма слова, а результат его позднейшего переосмысления. В древнейших памятниках слово выступает в форме *съмѣренъ*. Замена первоначальных форм с *ѣ*, указывающих на происхождение слов *съмѣритися*, *съмѣренъ*, *смѣрение* от слова *мѣра* (ср. такие производные от того же корня в современном языке, как *умéрить* и др.), формами с *и* наблюдается уже в текстах XIII—XIV веков.

§ 116. Звуковой облик целого ряда заимствованных слов (в том числе древнейших) претерпел изменения в результате «ложной этимологии». Вот несколько примеров. Существительное *буйвол* является заимствованием из латинского

---

[1] Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 145.

bubalus (народнолатинск. * *būvalus*). В древнерусском слово известно в форме *быволъ*, изменение формы (во всех восточнославянских языках) произошло в результате осмысления слова как восходящего к *буй* 'дикий' и *волъ*.

Существительное *изъян* связывается с тюркским *zyjan* (в тюркских языках из новоперсидского *zyjān* 'вред, убыток'). Начальное *и* в русском можно объяснить влиянием глагола *изъять*.

Существительное *веер* восходит к немецкому *Fächer* (заимствование Петровской эпохи), преобразовано вследствие сближения с *веять*.

§ 117. В результате внешних звуковых сближений, изменяющих мотивировку слова, может подвергнуться переосмыслению и его семантика. Примером может служить появившееся в русском языке в XVIII в. существительное *роздых*. Слово явно ассоциируется со словами *отдых*, *отдыхать*, однако оно представляет собой переделку немецкого *Rasttag* 'день отдыха': *... солдатство наше из Раст-Таг немецкого слова, значащаго отдохновения день сделало по нашему роздых, неупотребительное прежде слово, соглашающееся токмо звоном с Раст-Таг...* (Тредиаковский. Три рассуждения. СПб., 1773 г.). В значении 'привал, отдых в походе' слово употребляется в произведениях XIX—XX вв. Например: *Михельсон на Саткинском заводе, спасенном его быстротою, сделал первый свой роздых по выступлению из-под Уфы* (Пушкин. История Пугачева) и т. п. Вместе с тем у слова появляется более широкое значение 'передышка, перерыв в работе, отдых': [Подколесин:] *Ну, я и теперь не прочь от слова. Только не сейчас же; месяц по крайней мере нужно дать роздыху*» (Гоголь. Женитьба); «*Ну и зарядили дожди — без роздыха*» (Панова. Времена года); «*Кажется, легкая и чаще всего скорая работа у обоих писателей была роздыхом между периодами труда захватывающего, исполненного страстного подъема*» (Федин. О Николае Погодине) и т. п.

Изменением деривационных связей слова объясняется современное употребление глагола *довлеть*. Его первоначальное значение 'быть достаточным' (ср. однокоренные слова *довольно*, *довольствоваться*, *самодовлеющий* 'достаточный сам по себе' и т. п.) полностью утрачено в настоящее время. Глагол закрепился в значении 'тяготеть, гос-

подствовать', причиной чему было его осмысление в связи со словами *давить*, *давление*.

Случайными сближениями объясняются и изменения в соотношении значений отдельных слов. Так, существительное *дымка* кажется производным от *дым*, но это не так. Оно было заимствовано русским языком из турецкого (*dimi*) как обозначение легкой прозрачной ткани. Ср. у Лермонтова:

Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну

(Из-под таинственной, холодной полумаски...)

Развитию вторичного значения заимствования способствовала, однако, именно его звуковая близость (исторически — случайная) со словом *дым*, к которому оно как бы примкнуло словообразовательно. На первый план в связи с этим выступило (первоначально — вторичное, переносное) значение «легкая, похожая на дым, застилающая пелена чего-либо (тумана и т. п.). *Дымка тумана*» («Словарь русского языка»). Ср.: *Далекий горный берег был ласково окутан синеватой дымкой мглы* (М. Горький. Фома Гордеев); *Осенняя дымка висела над Невой, и в этой дымке золоченой иглой мерцало легендарное Адмиралтейство* (Паустовский. Повесть о лесах). Это значение и сохранилось за словом в современном языке. Влияние звуковой формы слова из-за связанных с ней ассоциаций на его семантику очевидно.

Паронимы

§ 118. Близкие по звучанию слова называют паронимами. Следует иметь в виду, что этот термин употребляется в лингвистической литературе в разных значениях (более узком и более широком). Во-первых, паронимами называют только близкие по значению однокоренные слова (сходство которых нередко приводит к ошибочному употреблению одного из них вместо другого), ср. *остатки — останки*, *ступня — ступень* и т. п.; во-вторых, паронимами называют вообще всякие близкие по звучанию слова, ср. *апеллировать — оперировать*, *заведовать — завидовать* и т. п.

Звуковая близость слов обоих типов используется в каламбурах, а также может быть причиной ложных ассоци-

аций. В некоторых случаях, как мы видим, эти ассоциации приводят к фонетическому или семантическому (иногда и к тому и к другому одновременно) изменению отдельных слов.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., «Наука», 1974.

Евгеньева А. П. Основные вопросы лексической синонимики.— В кн.: Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.—Л., «Наука», 1966.

Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. Л., «Наука», 1975.

Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). Изд-во МГУ, 1973.

Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов. На материале некоторых русских глаголов. М., «Наука», 1975.

Глава IV

ЛЕКСИКА КАК ОТКРЫТАЯ СИСТЕМА. ФОРМИРОВАНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 119. Слова, которые охватываются понятием «словарный состав современного русского литературного языка», весьма р а з л и ч н ы по своему п р о и с х о ж д е н и ю. Даже единицы однородных в стилистическом и семантическом плане групп лексики во многих случаях вовсе н е о д н о р о д н ы с точки зрения устанавливаемых для них генетических связей и времени их появления в языке. Так, если мы займемся выяснением происхождения хотя бы таких привычных для всех из нас уже с первых же дней школы слов, как *школа*, *класс*, *тетрадь*, *урок*, *учитель*, *бумага*, *портфель*, *книга*, *карандаш*, *звонок*, *читать*, *писать*, *ручка* и др. под., то обнаружим довольно пеструю в этом плане картину.

Так, мы выясним, что *школа* — слово, засвидетельствованное в древнерусских памятниках письменности с XIV в.,— заимствовано через польский из латинского *schola*, в свою очередь заимствованного из греческого;

класс — заимствовано, по-видимому в эпоху Петра I, из французского *classe*, восходящего к латинскому *classis*;

тетрадь — отмечается уже в древнейших старославянских памятниках (с XI в.) — заимствовано из среднегреческого τετραδι(ον) от τετρας, буквально ‘четвертая часть листа’;

урок — древнерусское слово (образовано при помощи префикса *у-* от того же корня, который мы видим в *рек-у*, *рок*), имело в древнерусских текстах значения ‘уговор, условие; назначение, определение; указание, постановление, правило; определенное количество; плата; подать, налог; пеня, штраф, судебная пошлина; жалование, оклад; долж-

ность; срок, определенное время'. Последнее из отмеченных значений и сохранилось в современном слове *урок* (ср. однокоренное слово *срок* — из *съ-рокъ* 'договор');

учитель — от общеславянского корня *ук-*, *уч-* (ср. *учить*, *наука*); находит соответствия в других индоевропейских языках;

бумага — считается заимствованием из итальянского (впервые отмечено в памятнике 1414 г.);

портфель — сравнительно недавнее заимствование из французского;

книга — общеславянское слово; отмечается в древнейших старославянских и древнерусских памятниках письменности; этимология слова представляется спорной [1];

карандаш — заимствование из тюрских языков (предполагаемая форма **karadaš* 'черный камень');

звонок — от общеславянского *звонъ* (тот же корень — с чередованием — в словах *звенеть*, *звук*, *звучать* и *звякать*);

читать — от общеславянского; связано чередованием гласных с *чту*, *честь* (ср. *по́честь*), *четки*, *четкий*;

писать — общеславянское слово, отмечено в древнейших старославянских и древнерусских памятниках; находит соответствия в других индоевропейских языках (тот же корень — с чередованием — в слове *пестрый*);

ручка — от общеславянского *рука*, имеющего соответствия в других индоевропейских языках.

Состав лексики русского языка непрерывно м е н я л с я на протяжении веков: отдельные слова забывались вследствие исчезновения обозначаемых ими реалий, другие меняли свои значения, наконец, некоторые слова дошли до нашего времени как обозначения тех же предметов и явлений, обозначениями которых они выступали уже в древнейших памятниках письменности.

ДРЕВНЕЙШИЙ ФОНД РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

§ 120. Многие из слов древнейшего ядра русской лексики имеют соответствия в других славянских языках и на основании этого в о з в о д я т с я к э п о х е о б щ е с л а в я н с к о г о я з ы к а. К таким словам относятся, например, обозначения р о д с т в е н н ы х о т н о ш е н и й,

[1] См.: Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Т р у б а ч е в а, т. II. М., 1967, с. 262—263.

слова *род, племя*, некоторые названия животных, например: *баран, бык, вол, волк, ворон, гусь, жаба, заяц, зверь, змея, коза, корова, конь, лиса, лось, муха, мышь, овца, пес, рыба, сова, тетерев, уж, хорь, щука, ястреб;* многие слова, обозначающие различные явления природы, в том числе обозначающие различные отрезки времени: *утро, день, вечер, ночь, сутки, весна, лето, осень, зима, год* (с тем же корнем: *погода, выгода, годиться*), *век; берег, болото, буря, ветер, вихрь, вода, глина, гора, гроза, гром, дождь, дым, жара, звезда, земля, камень, лед, лес, луг, мороз, небо, озеро, песок, поле, река, роса, ручей, снег, солнце, тьма, холод* и т. д.; слова, являющиеся названиями растений: *береза, бук, вяз, горох, гриб, дуб, ель, ива, клен, липа, лопух, морковь, орех, осина, сосна, терн, тыква, трава, тополь, хмель, яблоня, ясень* и др.; названиями частей тела: *борода, бок, бровь, бедро, волос, голова, горб, горло, грудь, зуб, лапа, лицо, лоб, нос, нога, ноготь, око, перст, плечо, рог, рука, сердце, темя, ус, уста, чело* и др. К общеславянскому периоду восходит ряд слов, называющих поселения, постройки, орудия труда, предметы домашнего обихода и т. д.: *село, дом, окно; бревно, ведро, весло, вилы, волокно, гумно, долото, жито, зерно, игла, лен, лыко, лук, масло, мука, мыло, невод, нож, нить, плот, полотно, пшено, ремень, седло, серп, сито, сноп, солома, соха, тесто, ток, цеп, шило* и др. Общеславянскими по происхождению являются многие слова современного русского языка, имеющие отвлеченные значения: *беда* (тот же корень в *победа, убедить*), *вера, вина, воля, гнев, грех, дух, жалость, зло, кара, месть, мысль, правда, сила, слава, слово, смерть, страх, труд, цена, честь* и др.

Целый ряд прилагательных современного русского языка также относится к общеславянскому фонду: *белый, босой, быстрый, важный* (ср. *уважать* и *отвага*), *ветхий, гладкий, глубокий, глухой, голый, гордый, готовый, добрый, желтый, злой, косой, лысый, лютый, молодой, мудрый, новый, полный, синий, слепой, старый, суровый, хитрый, черный, юный, ярый* и др. То же можно сказать о ряде глаголов, таких, как *бежать, бодать, бороться, бояться, брать, будить, варить, везти, вертеть, веять, видеть, вить, воевать, вянуть, глядеть, гнать, гнить, гореть* (ср. *греть*), *дать, дуть, дышать, жить, есть* и др.

Нетрудно заметить, что приведенные выше слова относятся к общеупотребительным пластам лексики современного языка. Во многих случаях они являются исходными точками разветвленных деривационных рядов (например: *дать — дар, даяние; дань, подать, выдать, выданье; выдать, предать, предатель, предательство* и т. д.).

Как отмечает Н. М. Шанский, слов, «идущих из общеславянского языка (многие из которых бытуют в настоящее время уже с другими значениями), в нашей лексике сейчас не более двух тысяч. Однако до сих пор эти слова являются в нашей речи наиболее употребительными, частыми и ходовыми и в повседневном общении составляют не менее $^1/_4$ всех слов» [1].

§ 121. Значительная часть общеславянского фонда лексики имеет соответствия и в других индоевропейских языках, что указывает на ее существование в еще более древний период, в эпоху родоплеменного строя. Многие слова, связанные с обозначением родственных отношений (так называемые «термины родства» и «термины свойства»), восходят именно к периоду индоевропейского языка, что подтверждается наличием общих корней у этих (как и ряда других) слов в языках, которые относятся к индоевропейской группе (в индоевропейскую группу, кроме славянских, входят индийские, иранские, балтийские, германские, романские, кельтские языки, а также греческий, албанский, армянский и ряд мертвых языков Малой Азии) [2].

Таковы сохранившиеся в современном русском языке с эпохи индоевропейской общности слова *мать* (старослав. мати); *отец* (старослав. отьць);

---

[1] Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964, с. 73.

[2] Нужно напомнить, что о соответствиях в разных языках речь может идти только при учете закономерных фонетических изменений, которые происходили в отдельных языках в разные периоды их развития, а также при учете морфологической структуры сравниваемых слов. Простое внешнее сходство слов даже с близкими или тождественными значениями далеко не всегда свидетельствует об их генетической общности; например, французск. *feu* 'огонь' и немецк. Feuer 'огонь' — это никак не связанные по происхождению слова, а французск. *plein* 'полный' и португальск. *cheio* — слова одного происхождения.

сын (восходит к индоевропейскому* *sūnus*, от индоевропейского **seu-*, **su-*[1] 'рождать' и суффикса *-nu-*, являвшегося суффиксом отглагольных образований пассивного залога); *дочь* (старослав. дъшти); *брат; сестра; вдова* (старослав. вьдова); *дева* (старослав. дѣва) возводится к индоевропейскому корню **dhēi* 'кормить грудью', т. е. слово, по-видимому, имело значение 'способная кормить грудью', т. е. не 'не вступившая в брак', как позднее, а 'молодая женщина, которая уже способна кормить грудью'; *свекр, свекровь* (старосл. свекръ, свекры); *зять* (старослав. зѧть), предполагается индоевропейский прототип **genət* от *genə* 'рождаться', т. е. 'родственный'); *сноха* (старослав. снъха) связывается одними исследователями с индоевропейским **sūnus* 'сын', так как сноха — 'жена сына', соответственно **snusā*<**sūnu-*; другими — с корнем **sneu-* 'вязать, связывать' [2], т. е. истолковывается в таком случае как 'связанная (родством)'; *деверь* (старослав. дъверь); *золовка* (из предполагаемого общеславянского **zъly*; старослав. зълъва); *шурин* и др. С измененными значениями русские *муж* и *жена* восходят также к индоевропейским корням; изменение значения состояло в том, что слова были включены в систему обозначений родственных отношений, тогда как их более древние значения ('мужчина' и 'женщина') были оттеснены на второй план (ср. *ученый муж* и т. п., формы множественного числа *мужья* и *мужи;* у Пушкина: *Отцы-пустынники и ж е н ы непорочны* и т. п., ср. также значение прилагательных *мужской* и *женский*, произведенных от *муж* и *жена*, а не от *мужчина* и *женщина*, что соответствовало бы семантическим связям).

Общеславянскими по происхождению (соотносимыми с индоевропейскими корнями) являются русские *дед (дѣдъ)*, *внук (вънукъ)*, *жених* и др.

Относительно этимологических связей отдельных «терминов родства», т. е. их первоначальной этимологической формы, высказывались разные суждения. Нет общепринятого мнения и относительно морфологической структуры не-

---

[1] Реконструируемые на основании данных различных языков древнеиндоевропейские формы, так же как и общеславянские формы, как не засвидетельствованные в письменных памятниках, условно изображаются буквами латинского алфавита с звездочкой вверху перед ними.

[2] Отсюда же русский глагол — *сновать* (и производное от него *основа*) — см.: Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка, т. III, с. 700 (добавление переводчика О. Н. Т р у б а ч е в а).

которых из этих обозначений. Так, например, предлагались различные объяснения суффиксальному оформлению старославянского отьць (в русском — *отец*). Резюмируя различные мнения по этому поводу, О. Н. Трубачев, подробно исследовавший историю славянских «терминов родства», отмечает: «Специально славянским приобретением является в **otьcь* суффиксальное *-c-*, развившееся из и.-е. **k*... Форма **otьkъ* является в сущности дославянской. Напротив, форма **otьcь* реальна с самого начала славянского периода как проявление общей тенденции изменения задненебных в соседстве с гласными переднего ряда» [1].

С указанными выше обозначениями родственных отношений связан целый ряд п р о и з в о д н ы х, существующих и в современном русском языке. Таковы, например, *вотчина*, *отчим* [2]; *матерóй* (старослав. матѣръ), этимологическая связь которого с **mater* (ср. также латинское *matūrus* 'зрелый'), возможно, по словам О. Н Трубачева, представляет «один из следов положения женщины-матери в древности» [3]; *мачеха* (старослав. мащеха) — «образование с суффиксом сравнительной степени, предположительно значившее 'подобная матери'»[4]; *усыновление* (в древнерусском — *сыновение*), диалектные *сыновец* 'племянник' (в древнерусском *сыновьць*), *сыновица* 'племянница по брату', *сыновка* 'жена сына'; *пасынок*, *падчерица* (из древнерусского *дъчи*, с выпадением редуцированного, оказавшегося в слабой позиции, ср. его «прояснение» в сильной позиции — *дочь*); сохранившееся в диалектах *братан* 'старший брат', 'племянник', 'двоюродный брат'; *братия*, *брататься*, *побратим; сестреница* 'двоюродная сестра'; *девка*, *девушка*, *девочка*, *девица*, *девственный*, *девичник; снохач*.

---

[1] Т р у б а ч е в О. Н. История славянских терминов родства. М., 1959, с. 26—27.

[2] «Суффикс *-im-* здесь, видимо, глагольного происхождения, ср. русские *проходим*, *подхалим* (в последнем корень *хал-*: *нахал*, *охальничать*, родственные *хулить*, *хвалить*) — отчетливые отглагольные образования с суффиксом *-им*. Правда, относительно слова *отчим* правильнее будет заключить, что оно аналогического образования, возможно, по образцу *побратим*, так как исходный глагол для самостоятельного образования *отчим* отсутствует» (Т р у б а ч е в О. Н. Указ. соч., с. 29).

[3] Там же, с. 32.

[4] Там же, с. 34.

К общеславянской эпохе восходят русские слова со значением 'дитя, ребенок', ср. в древнерусском: *дѣтя, робя, чадо* и *чядо*. Названия ребенка в различных языках индоевропейской группы «обладали, несмотря на совершенно обособленное образование, сходными структурно-морфологическими признаками. Почти все они — существительные среднего рода: нем. *Kind*, греч. τέκνον, слав. *dětę*. Этимологический анализ обнаруживает в них отглагольные субстантивированные прилагательные» [1]. Так, немецкое и греческое обозначения восходят к образованиям со значением 'рожденное', славянское **dětę* возводится к основе **dětent* 'вскормленное' (ср. древнерусское *доити* 'вскармливать грудью'). Назначение формы среднего рода в древнейшую эпоху, т. е. в эпоху индоевропейской общности, было в ее использовании при назывании всего неодушевленного в противопоставлении одушевленному. В дальнейшем это противопоставление было в известной степени ослаблено уже вследствие того, что многие названия неодушевленных предметов были оформлены как имена мужского или женского рода. Однако противоречие между значением одушевленности и формой среднего рода сохраняется и в современном языке. «Наше привычное и, казалось бы, совершенно ясное словоупотребление в данном случае представляется отражением весьма древнего состояния. Речь идет о семантической ограниченности русского *дитя* (<слав. *dětę*) ср. р., сравнительно, например, с *сын* и *дочь*. В то же время форма множественного числа от *дитя* — *дети*, где средний род выражения не получил, универсальна как общее обозначение потомков. Не случайно также и то, что для приобретения этого качества потребовалась особая форма множественного числа *дети*, слав **děti*, в то время как правильная форма множественного числа от * *dětę* **dětęta* для этого не годилась в силу уже упоминавшихся причин» [2].

Русское сравнительно позднее образование *ребенок* (множественное *ребята*) восходит к индоевропейскому корню **orbh-*, присутствующему в нескольких родственных языках, во-первых, в обозначениях сироты (греч. ὀρφανός, латинск. *orbus*, армянск. *orb*, которые, по-видимому, ука-

[1] Трубачев О. Н. Указ. соч., с. 35.
[2] Там же, с. 36.

зывают на первоначальное значение 'маленький'), во-вторых, в словах со значением 'раб', в-третьих, в словах со значением 'работа'. О. Н. Трубачев следующим образом реконструирует «семантическую историю» индоевропейского *orbh-*. Отметив, что ввиду широкого распространения это — несомненно древнее образование индоевропейского языка, восходящее к эпохе родового строя, он пишет: «Этого достаточно, чтобы отбросить первичность значения 'сирота, лишенный родителей', не имевшего смысла в эту эпоху. Остаются, с одной стороны, значения 'работать, раб', с другой стороны 'дитя, маленький'. Известная вторичность возникновения рабства и подневольного труда по отношению к эпохе родового строя говорит только об одном возможном направлении развития значений: 'дитя, маленький'> >'раб, работать'. Значение 'наследник' (ср. нем. *Erbe*) тоже вторично и отражает сравнительно поздние имущественные отношения» [1].

Относительно славянского *чѧдо* высказывались различные мнения. Некоторые ученые усматривают в этом слове заимствование из германских языков (ср. немецкое *das Kind*). По мнению О. Н. Трубачева, славянское слово имеет «близкие формы в слав. *na-čęti*, *na-čьnǫ*, *za-čęti*, *kon* и, таким образом, ни в смысловом, ни в фонетическом отношении не имеет соприкосновения с нем. *Kind*, др.-в.-нем. *chind* <и.-е. *ǧentóm*. В германском есть другие — единственно точные соответствия слав. *čędo*: готск. *du-ginnan*, нем. *beginnen* 'начинать' ...», которые могут быть сопоставлены с указанными выше славянскими формами. Тем самым славянское *čędo* можно объяснить как производное от индоевропейского корня **ken-* (обнаруживающегося в словах со значениями 'начинать', 'новый', 'молодой' и др.) с суффиксом *-do* (ср. *чудо*, *стадо*) [2].

Общеславянским образованием является *отрок* — слово, имевшее в древнерусском, кроме сохранившегося в современном русском, также значения 'дружинник', 'воин', 'слуга', 'раб'. Слово образовано сложением префикса *от-* и корня *рок-* (ср. *реку* 'говорю'). Префикс *от-* близок здесь по значению к особому отрицанию; ср. *отречься*, *отрицать* и под. «Таким образом,— писал Л. П. Якубинский,— слово *отрок* имело значение 'не говорящий', но не

[1] Трубачев О. Н. Указ. соч., с. 39—40.
[2] Там же, с. 43.

в смысле «немой» или «не умеющий говорить», «не выучившийся еще говорить», а в смысле «не имеющий права высказываться», «говорить на собрании», «не допускаемый к публичному выступлению на собрании». Древнейшим слоем «отроков» были несовершеннолетние юноши, подростки; это значение слова *отрок* отражается, например, в старославянском и др.-русском *отрокъ* — 'подросток', 'юноша'... С появлением рабов возникает новый слой людей, лишенных права голоса на общественном собрании, «не говорящих»; слово *отрок* получает новое осмысление, сохраненное и видоизмененное в древнерусском *отрокъ* —'раб, слуга', украинск. *отрок* — 'батрак', чешск. *otrok* — 'раб', польск. (старинное) *otrok* — 'батрак'. Сюда же относятся отроки из княжеской дружины, княжеские слуги...» [1].

Уже на этих немногих примерах можно видеть, что с е м а н т и ч е с к а я и с т о р и я слов в ряде случаев дает более или менее однозначные указания на (иногда неизвестную из других источников) историю обозначаемых этими словами реалий. И в семантических связях слов, и в их морфологической структуре своеобразно отражается также (достаточно сложно и не непосредственно) миропонимание древних людей, особенности общественных отношений далеких эпох и социального устройства. Так, исследование терминов родства проливает дополнительный свет на историю матриархата и патриархата, историю возникновения семьи и т. д. Существенно, например, что в то время как одни обозначения, относящиеся к терминам родства, обнаруживают поразительное единство в различных индоевропейских языках, другие, хотя и восходят к общеиндоевропейским корням, но в разных языках имеют различную этимологическую форму, что свидетельствует об их более позднем происхождении. Такими, например, являются славянские названия *мачехи, отчима, падчерицы, пасынка, невестки* и т. д., названия, которые были не нужны при групповом браке, поскольку отсутствовали соответствующие понятия. Эти названия, можно с уверенностью полагать, возникли уже при парном браке, в условиях отцовской семьи. Их обособленность в славянских языках косвенно указывает на то, что образование отцовской семьи

---

[1] Я к у б и н с к и й Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 57.

происходило в период явного обособления отдельных индоевропейских народов.

§ 122. История развития ремесел у древних славян достаточно полно отражена в соответствующих названиях; анализ последних позволяет проследить историю самих реалий (изменение применяемых приспособлений, совершенствование технологии, географическую распространенность тех или иных предметов).

В монографии О. Н. Трубачева «Ремесленная терминология в славянских языках» [1] подробно рассмотрены термины текстильного производства (прядения и ткачества), термины обработки дерева, гончарного производства и кузнечного ремесла. Автор не только подкрепляет дополнительными данными (или заново устанавливает) этимологию ряда общеславянских слов, отраженных и в русском языке (*плести, чесать, рубить, строгать, тесать, ковать, паять, калить; долото, горн, горшок, ключ, клюка, дуло, клин, куб (кубок), чаша, блюдо* и мн. др.), но и выдвигает ряд общих положений, важных для собственно лингвистического представления о движении семантики слов. Так, в указанной работе было высказано (и подтверждено анализом конкретных языковых фактов) следующее положение: «Важной спецификой языкового плана терминологии... является преимущественное отражение последнею не современного ей состояния реалий, а предшествующего... Эта как бы постоянная недостаточность терминологии, отстающей от реально-технического прогресса, представляет собой архаизирующую сущность любой традиционной терминологии. Язык имеет тенденцию прийти в соответствие с материальным прогрессом, но, во-первых, это соответствие осуществляется с неизбежным опозданием, а во-вторых, сам способ достижения этого соответствия обычно выдает себя» [2].

Наблюдения над историей различных наименований приводит и к более частным, но важным в семасиологическом отношении наблюдениям. Это можно проиллюстрировать на таком примере.

---

[1] Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

[2] Трубачев О. Н. Указ. соч., с. 9.

В русском существительном *мизинец* (в древнерусском *мѣзиньць*) сопоставления с родственными словами индоевропейских языков дают возможность также выявить древний (переосмысленный позднее) «термин родства», имевший значение ‘младший ребенок’. «Вообще внимательное знакомство с терминологией родственных отношений,— пишет О. Н. Трубачев,— неоднократно убеждает в тесной ее связи с названиями частей тела человека, причем нужно отметить, что связь эта выражается не в образовании наших терминов за счет названий человеческого тела, как казалось бы естественным и как это считают некоторые исследователи. Напротив, фонетическое и семантическое развитие целого ряда слов недвусмысленно указывает на образование названий человеческого тела из материала терминов родства» [1].

СТАРОСЛАВЯНИЗМЫ

§ 123. Особую роль в истории русского литературного языка играл на протяжении столетий старославянский язык, т. е. язык славянских переводов греческих текстов, переводов, которые были выполнены во второй половине IX в. Еще его называют древнеболгарский, так как переводы были сделаны на один из диалектов болгарского языка, или церковнославянский, так как первые переводы были сделаны с церковных книг, а в дальнейшем старославянский стал языком богослужения.

Старославянский язык — это старейший письменный славянский язык, язык церковных книг, появившихся на Руси после принятия ею христианства в 988 г. при киевском князе Владимире. Как язык книжной культуры старославянский язык оказал значительное влияние на язык восточных славян, для которых в течение длительного времени он был одним из основных источников формирования литературного языка. «Взаимодействие между древнерусским и церковнославянским языками,— писал Л. П. Якубинский,— облегчалось тем, что церковнославянский язык хотя и был языком иноземным, завезенным в Киевское государство извне, но вместе

[1] Трубачев О. Н. История славянских терминов родства. М., 1959, с. 46.

с тем был языком, близко сходным с древнерусским, близко родственным ему. Он был, таким образом, языком чужим, но не совсем чуждым. Этим объясняется то обстоятельство, что в древнерусский язык проникали не только отдельные церковнославянские слова, но и грамматические формы... Само собой разумеется, что уже с древнейших времен ряд церковнославянских слов попадал в разговорный язык образованных людей; здесь эти слова переставали быть церковнославянскими, обрусевали...» [1].

Говоря о влиянии старославянского языка, Л. А. Булаховский подчеркивал, что «нельзя упускать из виду того, что оно далеко не во всем оставалось только книжным. Не нужно думать, что к нему через школу приобщались только грамотеи, а более широкие народные массы не испытывали влияния литературного языка. Ясно, что в большей или меньшей мере литературный язык в свою очередь влиял на язык массы, особенно в таких крупных центрах, как Москва. Поэтому и язык городского населения, не проходившего школы, так или иначе сближался с литературной речью, и между ними не создавалось слишком резких отличий; ни о какой «бездне» во всяком случае говорить не приходится»[2].

Благодаря близости к древнерусскому языку старославянский язык был в основном понятен не только образованным слоям общества, но и более широким массам носителей древнерусского языка, а многие из тех особенностей, которые отличали его от собственно древнерусского, стали с течением времени восприниматься как жанрово-стилистические отличия в общей системе древнерусского литературного языка.

Когда эти отличия связаны с определенными соответствиями в русском и старославянском языках, они и по сей день в ряде случаев воспринимаются как соответствия между книжными и разговорными или между устаревшими и современными формами выражения (ср.: *град — город*, *брег — берег*, *нощь — ночь* и т. п.), но не как какие-нибудь ряды «своих» и «иноязычных» слов. Такому восприятию славянизмов противоречит и то обстоятельство, что устаревшие славянизмы представлены не только в нашей классической, но также и в современной литературе, и то, что мно-

[1] Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 273, 274—275.

[2] Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка, т. I. Киев, 1952, с. 75—76.

гие именно старославянские по происхождению слова закрепились в литературном языке, вытеснив (или семантически ограничив) восточнославянские соответствия.

§ 124. Старославянские элементы в составе русской лексики можно определить по ряду признаков.

1. Русским полногласным сочетаниям *-оро-*, *-ере-*, *-оло-*, *-еле-* (после *ж*, *ч*, *ш* не *-еле-*, а *-ело-*) в старославянском соответствуют неполногласные *-ра-*, *-рѣ-*, *-ла-*, *-лѣ-* (после *ж*, *ч*, *ш* также *-ла-*). «Если поэтому,— писал А. А. Шахматов, — мы вместо ожидаемых русских сочетаний *оро*, *ере*, *оло* (*ело*) или рядом с ними найдем в тех или иных словах сочетания *ра*, *рѣ* (*ре*), *ла*, *лѣ* (*ле*), то с уверенностью признаем такие слова остатками церковнославянского основания нашего литературного языка, церковнославянизмами» [1].

Обнаруживая такие соответствия, мы можем заметить, что в разных случаях роли между соответствующими единицами распределены по-разному. Так, *град* и *город* остались в русском языке стилистически дифференцированными обозначениями одного и того же понятия, а *прах* и *порох* стали служить для обозначения различных предметов (заметим, что, например, в семантической структуре французского существительного *poudre*, первоначально ‘пыль’, совмещены эти значения, а кроме того, слово стало служить и для обозначения пудры,— в этом значении оно и было заимствовано русским языком). Таким образом, с появлением на Руси пороха один из стилистических дублетов, служащих для обозначения пыли (*прах*, *порох*), был использован для его названия (то, что это был именно «восточнославянский вариант», т. е. *порох*, а не *прах*, понятно, так как наметившаяся уже в древнерусском языке семантическая дифференциация между ними заключалась в отягощении последнего такими метафорическими значениями, как в выражениях *персть есмь и прахъ* и под.). Это же слово было использовано при образовании производных *пороша* и *порошок*.

Семантической дифференциации подверглись пары *власть — волость*, *вред — веред* ‘чирей’, *глава — голова* (ср.: *главный — головной*), *здравый — здоровый*, *краткий —*

[1] Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, с. 71.

короткий, нрав — норов, оградить — огородить, страна — сторона, страж — сторож, хранить — хоронить. Некоторые из неупотребительных в современном языке старославянских соответствий сохранились во фразеологических словосочетаниях: *бразды правления* (ср. *борозда*), *глас вопиющего в пустыне* (ср. *голос*), *стар и млад* (ср. *молодой*), *древо жизни* (ср. *дерево*) и под.

В ряде случаев в русском языке закрепились производные от неполногласных форм, сосуществующие с другими (отличными по форме и значению) образованиями от их полногласных соответствий: *брань — бранить, возбранять* — наряду с *оборона, оборонять; облако* (от корня *влак-* из *об-влако*) — наряду с *оболочка* (от корня *волок-*); *заглавие, оглавление* — наряду с *заголовок; прекословить, вопреки* — наряду с *поперек; среда, средний* — наряду с *середина, середка; учреждать, учреждение* — наряду с *очередь;* ср. также: *возглас, гласный, согласиться, пригласить, огласить* — наряду с *голос, голосить, голосовой, голосовать* и т. п. Вытесненные полногласными дублетами существительные *брег, врата, град, древо, злато, хлад* сохраняются в своих производных, которые семантически примкнули к полногласным соответствиям: *берег — прибрежный, безбрежный* (ср. *набережная*); *ворота* (в футболе, хоккее) — *вратарь; город — градостроительство* (ср. *городской*); *дерево — древесный, древесина* (ср. *деревянный*); *золото — златоверхий; холод — охладить, прохлада,* современное образование *хладокомбинат* (ср. *холодить, холодный*); ср. еще *борода* и *брадобрей;* также: *молодой—младенец, дорогой — драгоценный* (ср. *дорогостоящий* и т. п.).

В других случаях, напротив, старославянские формы закрепились в литературном языке, вытеснив полногласные соответствия, которые сохраняются лишь в отдельных производных или вообще оказались за пределами литературного языка; ср.: *благо — болого* (название *Болгое*); *бремя — беремя* (*беременность*); *влага; владеть — володеть* (*волость*); *враг — ворог* (*ворожить*); *врач; время; жребий — жеребей* (*жеребьевка*); *мрак — морока; плен — полон* (*полонить*); *праздный* (*праздник, упражнять*), ср.: *порожний* (из *порождьный*); *пламя — полымя* (из *поломя*); *запрет; среда* (день недели, а также ‘окружение’); *сладкий — областное солодкий* (и в более специальном значении мотиви-

рующее существительное *солод*); *требовать, употребить; трезвый; храбрый; храм — хоромы; член; чрево — черево; шлем.*

// Префиксы *пре-* и *пред-* являются по происхождению также старославянскими и соответствуют исконно русским *пере-* и *перед-*, то же соотношение в предлогах *пред — перед, чрез — через.*

Указанные соответствия между старославянскими и русскими словами находят объяснение в том, что старославянские *-ра-*, *-ла-*, *-лъ-*, *-рь-* и восточнославянские (древнерусские *-оро-*, *-оло-*, *-еле*, *-ере-*) возникли из сочетаний *-*or-*, *-*ol-*, *-*el-*, *-*er-* общеславянского языка. Различная судьба последних в южнославянских (к которым относится и староболгарский), с одной стороны, и восточнославянских языках — с другой, результат распада славянской общности. В южнославянских языках сочетания *-*or-*, *-*ol-*, *-*el-*, *-*er-* преобразовались в неполногласные сочетания *-ра-*, *-ла-*, *-лъ-*, *-рь-*, в восточнославянском (древнерусском) — в сочетания *-оро-*, *-оло-*, *-еле-*, *-ере-*. Следовательно, только в словах, которые восходят к общеславянским с сочетаниями *-*or-*, *-* ol-*, *-* el-*, *-*er-*, правомерно искать отмеченные соответствия, в других случаях таких соответствий быть не может. Слова *брат*, *грань*, *правый*, *слава*, *слепой*, *крепкий*, *кресло* и др., восходящие к общеславянскому языку именно с сочетаниями *-ra-*, *-la-* и т. д., и в южнославянских, и в восточнославянских языках сохранили эти сочетания. Поэтому в данном случае не следует говорить о неполногласии и пытаться найти им какие-либо полногласные соответствия, таких соответствий не существует и никогда не существовало в русском языке.

Естественно, что и все заимствованные слова (кроме тех, которые заимствованы из южнославянских языков) не имеют каких-либо полногласных дублетов, как, например, *грамм*, *кран*, *плакат*, *плед*, *трест* и т. п.

2. Русским сочетаниям *ро-*, *ло-* в начале слова перед согласными в некоторых случаях соответствуют старославянские сочетания *ра-*, *ла-*: *разница — розница*, *рознь*; *равный — ровный*; *ладья — лодка*; *раб*, *раба* — древнерусское *роба́*, ср. заимствованное из украинского *хлебороб*. Указанным различием объясняется немотивированное с точки зрения современного языка чередование *расти*, *растение*, *возраст* и т. п.— *рос*, *рост*, *рослый*. «Конечно, *а* в письменном *расту*,— писал А. А. Шахма-

тов,— можно объяснить и следствием аканья, ср. при этом *рос*, но вероятнее, что здесь сохранилось старое правописание, свидетельствующее о старом (церковнославянском) произношении» [1]. Приставки *раз-*, *рас-* сохраняют также старое правописание (присоединяясь при этом и ко вновь образуемым словам, т. е. никак не свидетельствуя о слове, как таковом), ср. их видоизменение тогда, когда они оказываются под ударением: *роспись*, *росчерк*, *розвальни*.

3. Древнерусскому языку не было свойственно сочетание согласных *жд* (в словах вроде *ждать* оно появилось вследствие выпадения гласного *ь* в сочетании *жьд*). «Почти все слова, где в современном литературном языке является сочетание *жд*, могут быть признаны остатками церковнославянского языка; при многих из них имеются исконно русские слова с звуком *ж*» [2]. Так, старославянизмами являются *вождь*, *гражданин* (ср. *горожанин*), *жажда*, *между* (ср. *межа*, *смежный*), *надежда* (ср. *надёжный*), *нужда* (ср. *нужный*), *одежда* (ср. *одёжа*, *одёжка*), *рождение*, *рождество* (ср. *рожать*, *роженица*), *тождество* (ср. *тоже*), *чуждый* (ср. *чужой*).

Кроме этой небольшой группы отдельных слов, с сочетанием *жд* выступает ряд глаголов несовершенного вида, образующихся при глаголах совершенного вида на *-ить* после мягкого *д*: *возродить — возрождать*, *досадить — досаждать*, *заградить — заграждать*, *осадить — осаждать*, *обсудить — обсуждать*, *освободить — освобождать*, *охладить — охлаждать*, *победить — побеждать*, *побудить — побуждать*, *принудить — принуждать*, *рассудить — рассуждать*, *сопроводить — сопровождать*, *убедить — убеждать*, *угодить — угождать*, *утвердить — утверждать* и некоторые др. Сюда же относятся причастия на *-ен*: *награжден*, *освобожден*, *обсужден* и т. д. и отглагольные существительные на *-ение*: *награждение*, *освобождение*, *обсуждение* и т. д. Наряду с чередованием *д' — жд* можно отметить, однако, и чередование *д' — ж*: *зарядить — заряжать*, *нарядить — наряжать*, *опередить — опережать*, *простудить — простужать*, *разредить — разрежать*, *соорудить — сооружать*, *ссудить — ссужать* и под. Ср. также: *посадить — сажать*. А. А. Шахматов считал, что слова с *-жд-*, в том числе и указанные глаголы и отглагольные образо-

[1] Шахматов А. А. Указ. соч., с. 75.
[2] Там же.

вания, относятся к заимствованиям (из церковнославянского) позднейшей эпохи, так как уже в древнейших памятниках чуждое древнерусскому языку сочетание *жд* заменяется (в некоторых памятниках — последовательно) буквой *ж*. Примечателен, по мнению А. А. Шахматова, тот факт, что неизвестны глагольные формы 1-го лица единственного числа на *-жду*; это сочетание было заменено там русским *-жу*: *предупрежу*, *освобожу* и т. д. (исключения: *жажду*, *стражду*).

4. Звуку *ч* древнерусского языка при чередовании с *т'* (мягким) в старославянском соответствовало сочетание *шт*, которое в древнерусском заменялось *щ*. Слова современного русского языка, где в таких случаях вместо *ч* стоит *щ*,— старославянизмы (в других случаях — при чередовании с *ск* и *ст'* — *щ* появился в исконно русских словах и формах слов, ср.: *пустить — пущу*, *доска — дощатый*): *изящный*, *мощь*, *помощь*, *общество*, *общий*, *овощи*, *пещера* — в соответствии с собственно русскими *мочь*, *обчество*, *Печеры* (географическое название, ср. *Киево-Печерский монастырь*, *Печерский монастырь* под Псковом) и др.

Кроме отдельных слов, *щ* выступает в глаголах несовершенного вида, образующихся при глаголах совершенного вида на *-ить* после *т'*: *возвратить — возвращать*, *осветить — освещать* (ср. *свеча*), *посвятить — посвящать*, *поглотить — поглощать*, *укротить — укрощать* и др. Сюда же относятся причастия на *-ен*: *возвращен*, *освещен* и т. д.— и отглагольные существительные на *-ение*: *возвращение*, *освещение* и т. д.

Суффиксы действительных причастий настоящего времени *-ущ-(-ющ-)*, *-ащ-(-ящ-)*, как таковые, не являются приметой старославянского происхождения слов, в которых они присутствуют. Сами эти суффиксы действительно старославянского происхождения, но уже в древнерусском (книжном) языке они постепенно вытесняют исконно русские формы с *-уч-(-юч-)*, *-ач-(-яч-)*, которые переходили в разряд прилагательных. Часть таких явно отглагольных образований, имеющих значение прилагательных, существует в современном языке: *висячий*, *горячий*, *живучий*, *колючий*, *лежачий*, *могучий*, *сидячий*, *стоячий*, *текучий*, *ходячий* и т. п. Причастия же с суффиксами *-ущ-(-ющ-)*, *-ащ-(-ящ-)* образуются в современном языке от глаголов несовершенного вида независимо от их происхождения.

5. Примерами старославянизмов является также: *е* вместо *о* в начале слова: *единый, единица* при *один, одинокий; ю* вместо *у* в начале слова: *юный, юг* (ср. старое производное от этой основы — *ужин*), *юродивый* при *урод, уродливый; а* вместо *я* в начале слова: *агнец* при *ягненок, аз* (ср. в *азбука*) при древнерусском *язъ* (из которого современное *я*).

6. В некоторых словах русского языка отразилось древнее чередование *г—з'* (мягкое), например: *нельзя — льгота* (от *льга* 'свобода, легкость', ср. *легкий*); в старославянском *з* мягкое отвердело; таким образом, слово *польза* (от этого же корня) — старославянского происхождения, так же как *притязание, состязание* (корень *тяг-*, ср. *тягаться, тяжба*), *осязать* (ср. *посягать*).

§ 125. Древнерусский язык усвоил некоторые словообразовательные элементы старославянского, в результате чего отдельные старославянские по происхождению морфемы вошли в словообразовательную систему русского литературного языка. Происходило это следующим образом. В древнерусский язык проникали, наряду с другими, суффиксальные и префиксальные слова из старославянского, по образцу которых начинали оформляться слова, образованные уже на русской почве (ср. сказанное выше о суффиксах действительных причастий настоящего времени). К таким элементам относятся:

1. Суффиксы *-ствие: бедствие, действие, препятствие, сочувствие; -знь: болезнь, боязнь, жизнь, казнь; -тва: битва, молитва; -ыня* (у существительных с отвлеченным значением): *гордыня, святыня, твердыня; -чий: кормчий, ловчий.*

Старославянский по происхождению суффикс *-ние* прочно вошел в систему русских словообразовательных средств, являясь одним из основных при образовании отглагольных существительных: *борение, искание, становление, учреждение* и т. п.

2. Префиксы *из-: избрать, изгнать, излить* и т. п.; *низ-: низвергнуть, низвести, низложить, низринуть, ниспослать; во-* и *со-* (перед слогами с гласными полного образования): *вооружить, вообразить, собор, событие, сочувствие; воз-: воздать, воспеть, воспретить, восток, восторг* и мн. под.

3. Первые части сложных слов *благо-*, *добро-*, *зло-*, *сue-*: *благодарить*, *благословить*, *добродетель*, *злословить*, *суеверие*, *суесловить* и под.

При сравнении старославянизмов и их собственно русских (по происхождению) параллельных образований в современном русском языке нетрудно заметить, что в целом на долю первых выпало обозначение более общих или более отвлеченных понятий; ср.: *влачить — волочить*, *страж — сторож*, *огласить — голосить*, *здравый — здоровый*, *равный — ровный*, *чуждый — чужой*, *помощь — помочи*, *восстать — встать*, *излить — вылить* и т. п.

В русском языке и в средние века и позднее многие из старославянских по происхождению строительных элементов активно использовались при образовании новых слов. Поэтому было бы ошибкой считать, что присутствие в слове одного (или даже нескольких) из этих элементов указывает на старославянское происхождение самого этого слова. Так, во многих появившихся в XVIII в. словообразовательных кальках западноевропейских слов были широко использованы некоторые из указанных выше элементов, что не дает, разумеется, оснований считать соответствующие образования какими-либо славянизмами. Ср. у Сумарокова — *влюбление* (*по открытию взаимного влюбления* — «Лихоимец»); у Татищева — *времясказание*, *времясчисление* (*Хронология у Грек точно на нашем языке значит времясказание, но мы обыкли именовать летосказание, правильнее же времясчисление* — «История российская с самых древнейших времен...»); у Тредиаковского — *громогласие*, *доброзрачность*, *доброприветливость*, *предрассуждение*, *удобовращность;* у Радищева — *чиносостояние;* у Кантемира — *законоведение*, *отдействие* ('реакция'), у Новикова — *предприятие* и мн. под.

§ 126. Борьба против «славенщины», проводимая в конце XVIII — начале XIX в. сторонниками и последователями Карамзина была направлена не только (и, можно думать, даже не столько) против устаревших слов, действительно восходящих к церковнославянскому языку начального периода («*Персты* и *сокрушу* производят какое-то дурное действие»,— писал Карамзин Дмитриеву), но в значительной мере против многих из именно таких позднейших образований и даже слов и словосочетаний, которые

не имели в своем составе никаких собственно старославянских примет, но ассоциировались со слогом позднейшей церковнославянской книжной речи. «Д. В. Дашков, защитник аристократических светских норм литературного языка,— писал В. В. Виноградов,— приводил пародические примеры длиннейших славянских образований по типу *древо благосенно-лиственное* — вроде: *длинногустозакоптелая борода...*» [1]. Нетрудно заметить, что в пародическом примере нет никаких собственно славянских элементов (*борода* вообще руссизм, ср. *брада*). Что же касается длиннейших образований, то они появились в церковнославянской письменности главным образом в результате так называемого второго южнославянского влияния (с конца XIV в.), т. е. не относятся к старославянскому языку в собственном смысле слова. Это не старославянизмы, а церковнославянизмы. Элементы же старославянского языка (лексические и морфологические), указанные выше, в основной своей части никак не воспринимаются как нечто чуждое русскому литературному языку. Любопытно отметить при этом, что некоторые из слов, которые в эпоху Карамзина воспринимались как архаизмы, в настоящее время воспринимаются как стилистически нейтральные или, во всяком случае, только как высокие, но не устаревшие (ср. приведенное выше высказывание Карамзина, где им поставлены рядом слова *перст* и *сокрушить*, и включение последнего в словари современного русского языка или безо всяких помет, как, например, в СРЯ, или с пометой «высокое» — как в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова).

Как писал Л. А. Булаховский, «и сейчас нам трудно составить фразу, в которой бы не попалось слова, так или иначе не проникшего в наш язык из старого книжного источника или не созданного по старинным образцам. Мы даже и не чувствуем уже, что *время, сладкий, жажда, враг, нужда, плен* — это чужие слова, и только научный анализ может нас в этом убедить. Наоборот, мы, конечно, были бы удивлены, если бы нам предложили вернуться к их настоящей русской форме — *солодкий, веремя, жажа, ворог, нужа, полон*» [2].

---

[1] Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 177.

[2] Булаховский Л. А. Указ. соч., с. 75.

Старославянизмы — это наиболее весомый пласт лексических элементов, которые вошли в русский национальный язык извне. Но в лексике современного русского языка есть и другие пласты заимствованных слов, многие из которых закрепились в ней и не несут на себе какого бы то ни было отпечатка «чужеродности».

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА

§ 127. В словарном составе отражаются связи одного народа с другими в разные периоды его истории, так как развитие лексики происходит и за счет заимствования чужих, иноязычных слов. Одни из заимствованных слов получают широкое применение в разных сферах устной и письменной речи (ср. указанные выше: *школа*, *бумага*, *тетрадь*, *портфель*), другие ограничены в своем употреблении (например, многие являются специальными терминами).

Некоторые из заимствований были сделаны еще в эпоху общеславянского языка и усвоены древнерусским как элементы общеславянского языкового наследия. Такими древними заимствованиями из германских языков считаются, например, *бук*, *изба*, *карп*, *князь*, *король*, *купить*, *лук* (растение), *осел*, *пост* (ср. *постная пища*), *скот*, *хлев*, *хмель*, *холм*, *холст*. Из скандинавских языков проникли уже в древнерусский *ворвань*, *кнут*, *крюк*, *ларь*, *пуд*, *сельдь*, *ябеда;* из финских заимствований можно отметить: *пихта*, *рига*, *салака* и некоторые другие. Следует иметь в виду, однако, что, когда речь идет о древнейших заимствованиях, направление заимствования не всегда бесспорно.

Так, по поводу слова *скот* высказывалось и иное мнение — о германском заимствовании из славянского (на основании того, что в германских языках слова с тем же корнем имеют более отвлеченные значения: ‘сокровище’, ‘деньги’, ‘налог’). Иногда на основании общности корней в словах родственных языков трудно бывает решить, имеем ли мы дело с заимствованием из одного языка в другой, или же общность объясняется тем, что данное слово и в том и в другом языке восходит к периоду общего для них

праязыка. Так, например, относительно слова *хлеб* высказывались различные мнения: одни исследователи считают, что слово еще в древности заимствовано славянскими языками из германских, другие полагают, что это слово является исконным как для германских, так и для славянских языков. Происхождение слова *изба* объясняется также по-разному: наряду с мнением о заимствовании из германского высказывалось и другое, а именно о происхождении слова из *ис-топка* от *ис-топить* (в древнерусских памятниках зафиксированы формы *истьба*, *истъба*).

Для ряда слов предлагаются различные этимологии. Как пример можно привести общеславянское слово *книга*. Одними исследователями на основании формы *книгочей* слово признается общеславянским заимствованием из древнетюркского **küinig*, усвоившего в переоформленном виде китайское слово со значением 'свиток'. Славянское *книга* пытались объяснить также из ассирийского *kunukku* 'печать', сопоставляя с армянским *knik'* 'печать'. Источник искали и на Западе, сопоставляя славянское слово с древнескандинавским *kenning* 'познание, учение'. Выдвигалась и собственно славянская этимология слова — доказательство исконно славянского происхождения слова основывалось на сопоставлении со словами *кнея* 'лес' и *кнес* 'конек на крыше'. В этимологическом словаре Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской также указано на возможность «толкования слова и как славянского суффиксального образования от основы *кънн-*», но для сравнения предлагаются не русское *кнея* и древнерусское *кнѣсъ*, но готское *kunnan* 'знать' и древнескандинавское *kunna* 'учить' [1].

§ 128. Разнообразные обозначения заимствованы славянскими языками из греческого (точнее, среднегреческого, или византийского). Некоторые из этих слов были усвоены русскими при непосредственном общении с византийцами, другие — книжного происхождения, они проникли в древнерусский язык через старославянский. К давним заимствованиям относятся названия растений:

[1] См.: Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, с. 152—153.

анис, *кедр*, *свекла;* названия животных: *ехидна*, *кит*, *крокодил* (в старослав. *коркодилъ*, в связи с чем русское *крокодил* является, по-видимому, вторичным заимствованием— уже из западных языков). К ранним заимствованиям из греческого относятся также *идол*, *известь*, *канун*, *каторга*, *кровать*, *тетрадь*, *лохань*, *кукла*, *магнит*, *палата*, *парус*, *стих*, *терем*, *фонарь*, *хор*; многие заимствования из греческого проникли в старославянский язык (а через него в русский) в результате перевода греческих богослужебных книг после принятия христианства: *ад*, *амвон*, *анафема*, *ангел*, *евангелие*, *ересь*, *икона*, *лавра* (большой монастырь), *ладан*, *лепта*, *монастырь*, *монах*, *панихида*, *пономарь* и т. д.

§ 129. Наряду с заимствованием в старославянском происходило семантическое словообразовательное калькирование греческих слов, что наложило существенный отпечаток на семантическую структуру определенных пластов его лексики, в значительной мере усвоенной в дальнейшем также и русским литературным языком.

Сущность калькирования состоит в том, что для выражения понятия, неизвестного в том или ином языке, используется иноязычное слово как образец: либо при помощи присущих данному языку средств создается производное слово, повторяющее словообразовательную структуру образца (словообразовательно-семантическая калька), либо уже существующему в данном языке слову придается новое значение в соответствии с тем, какое значение присуще в другом языке семантически тождественному или близкому по основному значению слову. Иначе говоря, как бы копируется (обычно не полностью, а только частично) семантическая структура этого слова (отсюда и название — калька).

Некоторые из славянских слов были приспособлены для передачи новых религиозных понятий, такие, например, как *вера*, *истина*, *грех*, *бес* и т. д. Некоторые слова были образованы с той же целью из славянских корней по образцу греческих.

Словообразовательными кальками с греческого, возникшими в старославянском и перешедшими в русский литературный язык, являются, например, многие сложные слова с начальной частью *благо-*: *благоволить*,

благоговеть, *благодарить*, *благодетель*, *благоприятный* и т. д. [1]; такие слова, как *возмездие*, *достоверный*, *естество*, *инок* (калька μοναχός — от *инъ* 'один'), *лицемер*, *малодушие*, *мудрость*, *наперсник*, *насущный*, *прекословить*, *предтеча*, *совесть*, *совет* и др. В некоторых случаях одно и то же греческое слово при переводе передавалось по-разному; например, *диаволъ* (заимствование из греческого — διάβολος 'клевещущий, злословящий') заменяется иногда в том же тексте славянскими полукальками — существительным *неприязнь* или субстантивированным прилагательным *лукавыи*.

Понятно, что, будучи заимствованы русским литературным языком, все эти слова на протяжении веков также подвергались всевозможным переосмыслениям,— семантика их изменялась, некоторые из значений забывались, вытеснялись другими. В качестве примера можно привести то же слово *лукавый*. Первоначальное значение этого прилагательного определяется значением общеславянского существительного *лука* 'изгиб, излучина реки'. *Лукавый* — значило 'извилистый'. На основе этого значения формируется уже в древнейшую пору 'коварный, обманный'. В своем последнем (переносном) значении слово и было приспособлено для передачи религиозного смысла среднегреческого διάβολος. В современном русском языке сохранилось именно значение 'коварный', но слово приобрело и более «мягкое» значение, выражающее уже не резко отрицательную, но скорее даже доброжелательную оценку; ср. *Милая, л у к а в а я улыбка блеснула в ее глазах. Расцеловал бы ее за эту улыбку* (П а н о в а. Ясный берег). *Лукавый* в значении 'дьявол' сохраняется, продолжает свое существование главным образом в сочетании *от лукавого*; само это значение характеризуется в современных толковых словарях как «просторечное» [2].

В производном *лукавство* совмещены оба значения прилагательного, но уже не отражено его субстантивированное употребление. В новом образовании — *лукавинка*, характе-

---

[1] Не все, однако, слова с начальным *благо-* — старославянские кальки с греческого. Некоторые из подобных слов возникали позднее в русском языке по старому образцу.

[2] Вот как, например, описана семантика прилагательного *лукавый* в СРЯ: «1. Склонный к козням, интригам, хитрый, кóварный. 2. Исполненный веселого задора, игривости, кокетства. 3. В знач. сущ. *лукавый. Прост.* Бес, дьявол, сатана».

ризуемом как «разговорное», выступает уже только смягченное значение прилагательного.

§ 130. Во многих церковнославянских и связанных с ними по содержанию древнерусских текстах обращает на себя внимание преобладающее или исключительное употребление некоторых слов в расширенно-метафорическом значении. Было бы ошибочным полагать, что все эти слова явились литературным приспособлением существовавших в славянских языках слов конкретного, бытового содержания для выражения отвлеченных понятий. В ряде случаев более правдоподобным представляется предположение о прямом калькировании соответствующих греческих обозначений. При этом любопытно, что дальнейшая судьба некоторых из этих калек определялась их частичной деметафоризацией, т. е. их употреблением для выражения тех конкретных явлений, с которыми оказывалась соотнесенной их «внутренняя форма». Так, например, глагол *искоренити* образован в соответствии с позднегреческим (новозаветным) ἐκ-ῥιζόω (ῥίζα — 'корень'). В древнейших памятниках он употребляется только метафорически: *Святополкъ Изяславич много насилие створи и домы силныхъ искорени безъ вины* (Киево-Печерский патерик, 1222—1226 гг., сп. 1406 г.); *ти бо суть не мене одиного хотѣли убити, но вас искоренити* (Лаврентьевская летопись) и мн. др. Аналогичное употребление продолжается и в позднейших памятниках.

Но вместе с тем «внутренняя форма» слова в определенных стилях древнерусской письменности (например, в проповеднической литературе) явилась основанием для вовлечения слова в образную символику произведений, использующих «образное» значение слов для построения развернутых метафор, основанных на сложных семантических противопоставлениях и перифразах. Например, у Кирилла Туровского: *Христосъ... связанъ бысть и терниемъ вѣньчанъ, да разрѣшить от узъ дьяволь человѣкы, и терние прельсти вражия искоренитъ*. Обнаружение «внутренней формы» слова путем его сталкивания со словом *терние* (употребленном здесь и в прямом и в образно-символическом значении), естественно, приближало его к той конкретной сфере употребления, с которой оно было связано только словообразовательно. И не лишенным, как кажется, основания было бы предположение о том, что то

«конкретное» употребление данного слова, которое можно отметить в некоторых более поздних памятниках, явилось следствием именно такой его литературной «конкретизации», а не проявлением первоначального прямого значения.

§ 131. В более поздние эпохи русская лексика продолжала пополняться словами как восточного, так и западного происхождения.

При определении языков, из которых происходило заимствование, нужно иметь в виду, что, когда речь идет о словах, широко распространенных в различных языках, указать на непосредственный источник заимствования далеко не всегда представляется возможным. Ср. в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера: «**а́рмия**, уже в 1705 г. у кн. Куракина...; также *армея* (1704 г. и у Прокоповича)... Окончание *-ия* может быть ошибочной регуляризацией вместо старого *-ея*, которое воспринимается как вульгарное. Заимств. из франц. *armée* или нем. *Armee*»; «**ата́ка** 'нападение', со времени Петра I... Из нем. *Attacke* или франц. *attaque*. Судя по грамматическому роду едва ли заимств. через посредство польск. *atak*...»; «**форма́т**. Через нем. *Format*... или из франц. *format* от лат. *formātum* 'оформленное'»; «**фе́я**. Через нем. *Fee* — то же или прямо из франц. *fée* от позднелат. *fāta* 'богиня судьбы': *fātum* 'судьба'...»; «**фанта́зия**, уже у Петра I ... Через польск. *fantazja* или непосредственно из ит. *fantasia* от лат. *phantasia*, греч. φαντασία...» и т. п.

Нужно заметить, что, устанавливая тот или иной источник заимствования слова в русском языке, мы тем самым никак еще не определяем собственное «происхождение» слова. Например, *гирло* 'устье реки, горловина' заимствовано из румынского *gîrla* 'устье, река', которое в свою очередь было заимствовано из славянского *gъrlo*. Случаи подобного «обратного заимствования» нередки в разных языках. Например, русское *флирт* заимствовано из французского *flirter* 'кокетничать'; само французское слово было заимствовано из английского *to flirt*, являющегося в свою очередь видоизменением старофранцузского глагола *fleureter* 'порхать с цветка на цветок' (ср. французское *la fleur* 'цветок').

Многие иноязычные слова, перед тем как войти в русский, проделали долгий путь из языка в язык, иногда при

этом до неузнаваемости изменив свою внешнюю форму и свое значение. Например, греческое τέλεσμα 'посвящение, чары, заклинание' было заимствовано арабским, где приняло форму *tilsam*. Форма множественного числа последнего (*tilsamân*) преобразовалась в итальянском в *talismano* 'магическая буква', откуда слово вошло во французский (*talisman*) и немецкий (*Talisman*), а затем из одного из этих языков и было заимствовано русским. Греческое слово σπάθη 'бедро, широкий меч' попало в латинский — *spatha* 'меч', из которого произошло итальянское *spada*, заимствованное польским, где оно приняло форму *szpaga*, в которой в XVII в. и было воспринято русским языком. Греческое название селезенки σπλήν через старофранцузский попало в английский, где приняло форму *spleen* и значение 'ипохондрия, сплин', а в этом значении проникло и в русский; ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому с п л и н у,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу...

Сама «русская хандра» восходит к античности — слова *хандра, хандрить* являются сокращением («вероятно, через разложение первоначального *похандрить*», полагает М. Фасмер) латинского *hypochondria* от греческого τα ὑποχόνδρια 'живот', от χόνδρος 'хрящ'.

Появившееся в русском языке со времени Петра I слово *магазин* считается заимствованным из немецкого, в который оно проникло из французского, заимствовавшего его из итальянского; в свою очередь итальянское *magazzino* представляет собой переоформление арабского слова со значением 'склад, амбар'.

§ 132. Из восточных народов у русских наиболее активными были связи с представителями тюркских языков. Этим объясняется сравнительно большое количество с л о в т ю р к с к о г о п р о и с х о ж д е н и я в русском языке. Так, к тюркским заимствованиям относятся *алтын, арбуз, армяк, аршин, атаман, баклажан, балбес, балык, барабан, барс, барсук, барыш, бахрома, башка, башмак, буерак, буран, бурый, ватага, вьюк, деньги, изюм, кабала, кабан, кавардак, казак, казна, капкан, каракуль, кирпич, колпак, кумач, кумыс, лапша, наждак, ревень, са-*

зан, *сан*, *сундук* и т. д.; через тюркские языки был заимствован ряд слов из других восточных (персидского, арабского) языков: *бадья*, *бирюза*, *бисер*, *изъян*, *калека*, *кандалы*, *кинжал;* через тюркские из греческого — *изумруд*, из китайского — *чай* и т. д., слово *бусы* считается непосредственным заимствованием из арабского; *чесуча* — из китайского.

К старым (до XVIII в.) заимствованиям из германских языков, сохранившимся и в современном языке, относят *бархат* (средневерхненемецкое *barchat* восходит к арабскому *barrakan* 'род одежды'), *вал* 'земляная насыпь' (в германских языках из латинского *vallum* 'лагерный вал') и др.; к романским заимствованиям относят: *бумага* (с XV в.), *мушкет* и *мушкетер*, *солдат* и др.

Значительное количество слов западноевропейских языков до начала XVIII в. проникало в русский язык через польский. К таким заимствованиям относятся: *балясы*, *башня*, *бунт*, *бутылка*, *вахта*, *винт*, *гвалт*, *гитара*, *грош*, *грунт*, *дама*, *деликатный*, *карета*, *кофта*, *малевать*, *оказия*, *рынок* и др. Словами, заимствованными из польского, являются также: *булка*, *забияка*, *завзятый*, *за́мок*, *заядлый*, *мазурка*, *минога*, *рычаг* и др.

§ 133. Петровская эпоха характеризуется бурным проникновением в русский язык европеизмов. В это время в русском языке появились закрепившиеся впоследствии слова: *армия*, *атака*, *атеист*, *аффект*, *багаж*, *база*, *баланс*, *балкон*, *балл*, *баллотировать*, *банк*, *барьер*, *баул*, *билет*, *бильярд*, *брешь*, *бригада*, *бронза*, *брюки*, *буксировать*, *бульон*, *ванна*, *газета*, *галантный*, *герой*, *глянец*, *грифель*, *группа*, *губерния*, *гусар*, *десант*, *дефект*, *диверсия* и мн. др.

Тогда как в XVI—XVII вв. польский язык служил в большинстве случаев посредником при заимствовании западноевропейских слов, начиная с Петровской эпохи русская лексика непрерывно пополнялась за счет немецких, французских, в дальнейшем и английских слов уже при непосредственном контакте с этими языками.

Главным образом именно к петровскому времени относится основная масса заимствований также из голландского. Это хотя и небольшая сравнительно с заимствованиями из других языков, но значительная по

сравнению с предыдущим и последующим периодом группа слов, заимствованных русским из этого языка.

Известно стремление Петра I установить более тесные и регулярные связи с рядом западноевропейских стран. Во время первой же своей заграничной поездки Петр задержался в Голландии, где в деталях знакомился с тем, как там поставлено судостроительное дело. В Голландию была отправлена самая многочисленная группа первых петровских «пенсионеров» — молодых людей, отобранных для обучения за границей технике, архитектуре и живописи.

Заимствованиями из голландского в русском языке являются такие слова, как *абрикос*, *апельсин*, *балласт*, *боцман*, *вымпел*, *гавань*, *дрель*, *дюйм*, *зонтик*, *каюта*, *киль*, *конвой*, *лоцман*, *матрос*, *мачта*, *рейд* (место стоянки кораблей), *рея*, *рупор*, *трап*, *тюк*, *флюгер*, *форпост*, *штиль*, *шторм*.

Петровские нововведения, вызвавшие значительную перестройку административно-государственного устройства и многих других форм общественной жизни, сопровождались существенными изменениями в лексике русского литературного языка. Огромное число новых понятий и реалий в административной и военной областях, в сфере науки, техники, промышленности, литературы и искусства требовало своего наименования. Для этого были приспособлены некоторые из уже существовавших в языке слов, но главным образом потребность в новых обозначениях удовлетворялась за счет многочисленных заимствований из различных европейских языков. Такое направление в пополнении лексикона соответствовало, как известно, общим устремлениям Петра приблизить формы русской жизни к западноевропейским образцам, «европеизировать» Россию.

Поток иноязычных заимствований, захлестнувший официально-деловую переписку, вторгся и в разговорную речь представителей петровской администрации, так или иначе приближенных к императорскому двору лиц, постепенно распространившись на некоторые средние слои общества.

Сам Петр вынужден был издавать распоряжения, направленные против чрезмерного увлечения иностранными словами, делавшими отдельные тексты совершенно «невнятными».

Чтобы сделать вводимые в русские книги иноязычные слова более доступными читателю, переводчики на первых

порах сопровождали их (в скобках или после слов *то есть*, *или*) либо русскими образованиями, представляющими собой кальки и полукальки (*прелюдии — предиграния*, *юриспруденция — законоискусство*, *пургатории — чистилища*), либо свободным переводом соответствующих понятий (*адгеренты — единомышленники*, *политика — народоустроение*, *помпа — славопоказание*), либо русскими эквивалентами вводимых слов (*экскузация — извинение*, *секул — век*, *дифференция — розница*, *порта — врата или дверь*). В ряде случаев иноязычные слова пояснялись при помощи описательных оборотов (*эквивалент — равномерное награждение*, *реверс — письменное обязательство*, *рекруты — новобранные солдаты*, *багаж — вещи домовные*, *мумия — древних лет человек*, *поры — дирки во всякой плоти сущия*). В других случаях для пояснений использовались уже существовавшие в церковнославянской и древнерусской письменности обозначения, чаще всего являвшиеся кальками греческих слов: *афеизм — безбожие*, *фисики — естествословцы*, *апостат — отступник* и др. Затруднения, возникавшие при подыскании русского лексического соответствия, нередко приводили к тому, что при одном и том же иноязычном слове давались различные пояснения (*идея — мысль — умовоображение — образ или вид; суксес — окончание дела — предъуспеяние — успех; публичный — явный — народный — государственный — всенародный* и т. п.), иногда одно и то же русское слово давалось при разных иноязычных: *договор — акорд*, *кондиция*, *пароль*, *контракты*, *трактаты* [1].

Практика пояснения иноязычных слов при помощи вводимых в текст объяснений способствовала, с одной стороны, освоению и закреплению в литературном языке целого ряда лексических заимствований, с другой — активизации определенных словообразовательных ресурсов русского языка с целью выражения усвоенных с Запада понятий. Вместе с тем в самой лексико-семантической системе русского языка происходят существенные сдвиги в результате приспособления целого ряда исконных слов для выражения тех понятий, которые были закреплены в переносных значениях соответствующих иноязычных слов. Адмирал А. С. Шишков в своем знаменитом «Рассуждении о старом

[1] См.: Hüttle-Worth Gerta. Die Bereicherung des Russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956, S. 6—9.

и новом слоге российского языка», напечатанном в 1803 г., ополчался на писателей, которые «Французскія имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на Руской языкъ; самопроизвольно принимаютъ ихъ въ томъ же смыслѣ изъ Французской литературы въ Россійскую словесность, какъ будто изъ ихъ службы офицеровъ тѣмижъ чинами въ нашу службу, думая, что онѣ въ переводѣ сохранятъ тожъ знаменованіе, какое на своемъ языкѣ имѣютъ. Напримѣръ: *influance* переводятѣ *вліяніе*, и не смотря на то, что глаголъ *вливать* требует предлога *въ*: *вливать вино въ бочку*, *вливаетъ въ сердцѣ ей любовь*, располагаютъ нововыдуманное слово сіе по Французской Граматикѣ, ставя его по свойству ихъ языка, съ предлогомъ *на: faire l'influance sur les esprits, дѣлать вліяніе на разумы.* Подобнымъ сему образомъ переведены слова: *переворотъ*, *развитіе*, *утонченный*, *сосредоточить*, *трогательно*, *занимательно*, и множество другихъ» [1].

Кальками с различных западноевропейских слов являются и такие вполне обычные для современного языка слова, как *впечатление*, *земледелие*, *предрассудок*, *развлечение* и мн. др.; ср. также отмеченные тем же Шишковым в других местах его «Рассуждения...» кальки с французских слов: *блистательный*, *вкус*, *влияние*, *дух* (*дух времени* и т. п.), *трогать* ('вызывать сочувствие'), *черта* (ср. *черта характера* и т. п.) и др. Любопытно, что текст самого «Рассуждения...» не свободен от столь едко осмеиваемых автором новшеств. Он употребляет, например, *упоение* в значении французского *enivrement: Толико то излишнее у п о е н и е ума своего чтением иностранных книг; предрассудок*, *вещественность*.

§ 134. Сколь бы ни был заметным стилистический сумбур в письменных текстах петровского времени, вызванный небывалым наплывом иноязычных слов, он был, как известно, преодолен в последующие десятилетия. Неумеренное введение в литературный язык иноязычных слов не поколебало народных основ национального русского языка [2]. В какой-то мере оно даже способствовало ускорению

[1] Ш и ш к о в А. С. Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка. Спб., 1803, с. 25—26.

[2] Как отмечал С. И. Ожегов, «структура языка, которая складывалась и развивалась в продолжение веков, а именно его грамматический строй и основной словарный фонд, сохранились во всех своих основных

процессов его стилистической дифференциации, более четкому определению роли старославянизмов в литературном языке и окончательному отграничению собственно русского литературного языка от церковнославянского. На протяжении XVIII в. в основных чертах определяется активное ядро литературной лексики.

Происходит постепенная ассимиляция некоторой части лексических заимствований, явившихся следствием упорядочения специальной терминологии и выработки общих норм литературного словоупотребления. Огромная роль в осуществлении этого, как известно, принадлежит таким писателям, как Тредьяковский, Ломоносов, Сумароков. «Процесс европеизации русского литературного языка,— писал В. В. Виноградов,— в половине XVIII века продвигается вглубь. В структуре национального русского языка осознаются морфологические и семантические формы выражения западноевропейских языков. Лексические заимствования сокращаются» [1]. Переводы второй половины XVIII в. отличаются от переводов Петровской эпохи гораздо более осторожным обращением с иноязычной лексикой. Например, в переводе книги Л. Эйлера «Письма о разных физических и филозофических материях», сделанном С. Румовским и опубликованном в 1768—1774 гг., уже нет заимствованных слов, кроме тех, которые и ранее были в употреблении: *материя*, *натуральный*, *система*, *класс*, *механика*, *механический*, *машина*, *горизонт*, *горизонтальный*, *вертикальный*, *параллельный*, *перпендикулярный*, *конус*, *конический*, *градус*, *полюс*, *нерв*, *мускул* и под. [2].

§ 135. Полемика по поводу иноязычных слов с новой силой возобновилась в 30—40-е годы XIX в. Большое место вопрос об иноязычных словах занимает, в частности, в статьях Белинского, в которых «частный вопрос о новых словах связывается с общим вопросом о новых понятиях и идеях, с вопросом о борьбе двух непримиримых мировоз-

---

чертах и определили собой дальнейшее развитие языка и самобытность накапливаемых элементов нового качества». (Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, с. 20—21.)

[1] Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 150.

[2] См.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965, с. 45—46.

зрений, вскрываются идеологические корни устарелых пуристических взглядов» [1].

Эта полемика связана с новым приливом заимствований, наметившимся в 30-е гг. XIX в [2]. Однако заимствованные слова теперь уже органичнее входят в систему литературной лексики, подвергаясь не только фонетико-грамматическому, но и собственно семантическому освоению. Другими словами, заимствование иноязычной лексики в основном способствует обогащению синонимических рядов русского языка, формированию гибкой и разносторонней терминологии, не приводя, как это было в начале предшествующего столетия, к загромождению словаря неустойчивыми варваризмами и излишними дублетными образованиями.

Значительную часть заимствованной лексики составляют так называемые интернационализмы, т. е. слова, представленные в различных, причем не ближайше родственных, языках — многие из таких слов восходят к древним языкам — древнегреческому и латинскому, будучи непосредственно заимствованными из последних или созданными позднее на основе греческих и латинских словообразовательных элементов. Показательно, что, несмотря на пуристическую установку В. И. Даля, в его толковом словаре представлено более 750 заимствованных слов и их производных, вошедших в употребление в 1820—1850-е гг. Среди них такие слова, как *ассоциация*, *бюрократия*, *вульгарный*, *гуманный*, *декрет*, *демагогия*, *демонстрация*, *диссонанс*, *импортировать*, *индивидуум*, *индустрия*, *инерция*, *инициатива*, *интеллектуальный*, *интенсивный*, *интонация*, *классификация*, *комбинация*, *коммунизм*, *концепция*, *критерий*, *мораль*, *мотив*, *обскурант*, *объект*, *организовать*, *паника*, *пассивный*, *пессимист*, *поза*, *популярный*, *пресса*, *претензия*, *принцип*, *пролетариат*, *профессия*, *пуб-*

---

[1] Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965, с. 53.

[2] «Резкий перелом наступает к 1830-м гг. Поток заимствований в эти годы становится намного сильнее и последовательно нарастает к середине века, до 1860—1870-х гг. включительно. Можно смело сказать, что именно в эти годы в основном определился широкий круг терминов западноевропейского происхождения, прочно усвоенных русским литературным языком и вошедших в его лексическую систему» (Сорокин Ю. С. Указ. соч., с. 48).

лицист, реагировать, реальный, реформа, рутина, симптом, скандал, солидный, социализм, специалист, субстанция, субъект, схема, сюжет, территорця, ультиматум, утопия, фон, фонд, цивилизация, цикл, цитировать, эксперт, эксплуатация, энергия и др. [1].

§ 136. Заимствование, как и семантическое приспособление исконных слов для выражения новых понятий, уже не связано в XIX в. с таким резким отходом от прежних норм литературного словоупотребления, как в первой четверти XVIII в. И заимствование, и словообразовательно-семантическое калькирование определяются с этого времени в основном потребностями смысловой дифференциации, уточнения информативных возможностей деривационно связанных слов и слов-синонимов. Это можно показать на следующем примере. Существительное *черта* (общеславянское по происхождению) в XVIII в. в соответствии с французским *trait* (ср. немецкое *Zug*) стало употребляться в сочетаниях вроде *черта характера, черты лица* и под. [2], ср. также: в соответствии с немецким *die letzen Züge — последние черты* 'агония': *видеть последние черты его жизни и превхождение ее во смерть* (Радищев. Житие Ушакова); *После сего продолжали они с язвительнейшими ругательствами и насмешками описывать всякую черту бедного Припрыжкина* (Крылов. Почта духов); *И сим первым опытом моим оканчиваю весь план военной гигиены. Я поместил в нем одни только первые черты для примера. Трудиться в обработывании его призываю каждого соотчича, кто чувствует к сему звание и избрание в сердце своем* (Мудров. Слова о пользе и предметах военной гигиены, 1809 г.) и т. д. Довольно пестрый конгломерат значений, который придан слову *черта*, был постепенно упорядочен распределением соответствующей семантики между существительным *черта*, с одной стороны, и существительными *особенность, подробность*, а также заимствованными (соответственно из немецкого и французского) словами *штрих* и *деталь* — с другой. В той же приведенной выше цитате из «Слова...» выдающегося русского клинициста-терапевта

---

[1] См.: Сорокин Ю. С. Указ. соч., с. 49.

[2] *Черта злословия* в «Рассуждений...» Шишкова среди примеров «рабственного перевода с французских речей» (Указ. соч., с. 46).

М. Я. Мудрова видим, кроме несвойственной современному языку формы *соотчич* (ср. *соотечественник*), употребление и слова *звание* в том значении, которое мы выразили бы при помощи префиксального образования, — *призвание*. Это калька немецкого *Beruf*. Кристаллизация значения, как мы видим, осуществилась позднее, когда произошло семантическое размежевание между однокоренными *звание* и *призвание*.

Выработка новых норм русского языка привела к упорядочению лексической системы и целесообразному ограничению европейских заимствований. Заимствования XIX в. в основной своей части прочно вошли в словарный состав современного русского языка, претерпев фонетическую и грамматическую ассимиляцию. Таковы, например, заимствованные из французского: *аванс*, *апломб*, *банальный*, *буржуазия*, *вакансия*, *вестибюль*, *вуаль*, *галантный*, *дебаты*, *драп*, *жакет*, *жанр*, *жест*, *иллюзия*, *интимный*, *кафе*, *кашне*, *клика*, *код*, *кошмар*, *макет*, *маньяк*, *мемуары*, *меню*, *наивный*, *ореол*, *паника*, *партнер*, *плато*, *поза*, *пресса*, *престиж*, *приз*, *пюре*, *район*, *реванш*, *режим*, *резюме*, *реклама*, *реформа*, *салон*, *сеанс*, *сезон*, *сенсация*, *сигарета*, *скандал*, *солидарный*, *талон*, *тембр*, *тир*, *тираж*, *тривиальный*, *фат*, *фельетон*, *фильтр*, *флакон*, *фойе*, *фон*, *фонд*, *шевелюра*, *шедевр*, *эскиз*, *эстрада*, *этюд* и др. Кроме того, ряд заимствованных русским языком из французского слов восходит к греческому или латинскому языкам, но получил во французском особые значения, с которыми эти слова и перешли в русский язык, например: *агитация*, *доктрина*, *индустрия*, *интуиция*, *катастрофа*, *коммуна*, *конкуренция*, *концепция*, *кооперация*, *новатор*, *плагиат*, *плебисцит*, *популярный*, *провокация*, *прогресс*, *пролетарий*, *пропаганда*, *процесс*, *реставрация*, *социальный*, *террор*, *тип*, *традиция*, *факт*, *эффект* и др

К более ранним заимствованиям из немецкого, таким, как *галстук*, *глянец*, *клякса*, *локон*, *парикмахер*, *планка*, *рант*, *флигель*, прибавились *абзац*, *бутерброд*, *гастроль*, *крах*, *лейтмотив*, *мольберт*, *рейс*, *циферблат*, *штамп* и др. Из английского вошли в русский язык слова *бойкот*, *бокс*, *бульдог*, *джунгли*, *интервью*, *керосин*, *клоун*, *комфорт*, *лидер*, *митинг*, *пиджак*, *плед*, *сноб*, *спич*, *спорт*, *текстиль*, *тоннель*, *флирт*, *чек*, *чемпион*, *юмор*; некоторые из английских слов, заимствованных

русским языком в XIX в., по-видимому, прошли через посредничество французского: *бюджет*, *вагон*, *жюри*, *памфлет* [1].

В XIX в. появился целый ряд слов, с о з д а н н ы х п о о б р а з ц у и н о я з ы ч н ы х, главным образом немецких. Так, в результате словообразовательно-семантического калькирования возникли сложные слова типа *взаимодействие (Wechselwirkung)*, *всесторонний (allseitig)*, *жизнедеятельный (lebenstätig)*, *жизнерадостный (lebensfroh)*, *закономерный (gesetzmässig)*, *общеизвестный (allgemeinbekannt)*, *первооснова (Urgrund)*, *потусторонний (jenseitig)*, *правомерный (rechtmässig)*, *противопоставить (entgegenstellen)*, *равнозначный (gleichbedeutend)*, *свободомыслие (Freidenkertum)*, *целесообразный (zweckmässig)* и др. [2]

Основная масса слов, заимствованных в XIX в., в отличие от многих вводимых в русские тексты в предшествующем столетии, была о с в о е н а русским языком, является существенной частью современной литературной лексики. Иноязычные слова, благодаря меньшей их «отягощенности» многозначностью и различного рода ассоциациями, легче подвергались в необходимых случаях терминологизации, относительно свободно вмещались в нужные «клеточки» стилистико-семантической «матрицы», обогащая синонимические ряды единицами новых смысловых оттенков (ср. *наивный* и *простодушный*, *симпатия* и *сочувствие*, *энергия* и *сила* и т. п.).

§ 137. В конце XIX — начале XX в. русский язык пополнился целым рядом новых иноязычных слов, главным образом относящихся к о б щ е с т в е н н о-п о л и т и ч е с к о й л е к с и к е. Таковы, например, *аграрный*, *буррикада*, *демонстрация*, *забастовка*, *интернационал*, *кампания*, *манифестация* и др. В первое десятилетие после революции в русский язык вошли слова *авто*, *кино*, *радио*, *фильм* (первоначально *фильма*), а также *блюминг* (англ. *blooming*), *конферансье* (франц. *conférencier*), *концерн* (нем. *Konzern*), *оккупант* (нем. *Okkupant*), *свитер* (англ. *sweater*), *такси* (франц. *taxi*) и др. Как отмечает Л. П. Крысин, специально исследовавший процесс заимствования иноязычной лексики русским литературным языком советского

[1] См.: С о р о к и н Ю. С. Указ. соч., с. 161 и сл.
[2] Там же, с. 167 и сл.

периода, в конце 10-х — первой половине 20-х годов иноязычных неологизмов в русском языке появляется мало. Это объясняется, в частности, экстралингвистическими причинами (изолированность советского государства). Со второй половины 20-х годов процесс заимствования новой иноязычной лексики активизируется, заимствуется ряд научных и технических терминов (в большинстве своем интернационального характера), из области спорта и культуры, некоторые названия бытовых предметов. С середины 50-х годов пополнение лексики иноязычными словами вновь усиливается. «Таким образом, процесс иноязычного лексического заимствования в русском языке послеоктябрьского периода имеет в своем развитии некоторые спады и подъемы. Схематически это развитие можно представить в виде кривой, вершинные точки которой приходятся на конец 20-х и 30-е и на конец 50-х — начало 60-х годов» [1].

Наибольшая часть заимствований этого периода приходится на слова английского языка. Так из английского заимствованы *бульдозер*, *бум*, *грейдер*, *демпинг*, *джаз*, *джем*, *джемпер*, *коктейль*, *комбайн*, *конвейер*, *контейнер*, *кросс*, *пинг-понг*, *пуловер*, *радар*, *регби*, *сейф*, *сервис*, *слэбинг*, *снайпер*, *спиннинг*, *стенд*, *телетайп*, *траулер*, *троллейбус* и ряд других.

Примерами слов, заимствованных из французского, могут служить: *глобальный*, *демарш*, *комбинезон*, *маникюр*, *метро (политен)*, *перманент*, *репортаж*, *табло*, *тотальный*, *туризм*, *эскимо*.

Некоторые слова были заимствованы из немецкого (*аншлаг*, *эрзац*), испанского (*силос*), итальянского (*автострада*, *сальто*), чешского (*робот*) и др.

В качестве признаков того, что иноязычное слово стало заимствованным, т. е. освоенным заимствующим языком, вошло в его лексико-семантическую систему, различными исследователями назывались следующие: 1) передача иноязычного слова фонетическими и графическими средствами заимствующего языка; 2) грамматическое освоение слова, т. е. его включение в категории определенных частей речи заимствующего языка (например, заимствованный

---

[1] Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, с. 195.

иноязычный глагол в русском языке выступает в присущих русскому глаголу формах лица, наклонения и времени, а также получает определенное видовое значение, несвойственное глаголам западноевропейских языков); 3) фонетическое освоение иноязычного слова, т. е. его приспособление к фонетической системе заимствующего языка; 4) словообразовательная активность слова; 5) семантическое его освоение, т. е. перераспределение определенной сферы смысла между смежными с ним и близкими ему по значению словами, существовавшими в языке, и данным неологизмом; 6) регулярное употребление слова в речи — для слова, не прикрепленного к какой-либо специальной стилистической сфере, — в различных жанрах литературной речи; для термина — устойчивое употребление в определенной терминологической области.

Однако, как отмечает автор цитированного выше исследования о заимствованных словах в современном русском языке — Л. П. Крысин,— не все из перечисленных условий являются необходимыми для вхождения иноязычного слова в язык. К факультативным признакам, по мнению автора, могут быть отнесены такие, как фонетическая и грамматическая ассимиляция иноязычного слова и его словообразовательная активность. «Например, в современном русском языке существуют и активно употребляются слова с нехарактерными для русского произношения фонетическими чертами и не ассимилированные грамматической системой. Фонетически не освоенные (или, точнее, не вполне освоенные): *джем*, *джемпер*, *джигит*, *в колледже* (произношение звукосочетания *чж (дж)* характерно для русского языка только на стыке морфем — ср. произношение слов *отжил*, *от жены*); *фланг*, *шланг*, *демпинг*, *пеленг*, *блюминг*, *ринг* и т. п. (сочетание *нк* в конце слова не характерно для русских слов); *бонтон*, *досье*, *оазис; болеро*, *модерато* и т. п. (произношение [о] в первом и во втором предударных слогах на месте *а* и редуцированного в подобных по слоговой структуре русских словах); произношение твердого согласного перед *е: адáп*[тэ]*р*, *бифш* [тэ́] *кс*, *ш*[тэ́] *псель;* [дэ] *кадáнс*, [дэтэ] *ктúв*, [дэ́] *льта*, *мо*[дэ́]*ль;* то[ннэ́]*ль*, *а*[ннэ́]*ксия*, [сэ́] *псис*, [нэсэсэ́р] и т. п.; грамматически не освоенные: *филé*, *желé*, *пикé*, *дражé*, *атташé*, *кóфе*, *жюрú*, *áлиби*, *кóми; пальтó*, *лассó*, *инкóгнито; кенгурýй*, *табýй*, *рагýй*, *меню́*, *ревю́*, *инженю́*, *алóэ; беж*, *бордó*, *эпóнж* и т. п.; не освоенные фонетически и грамматически: *пенснé*, *турнé*,

шоссе́, *фойе́*, *кафе́*, *койнэ́*, *консомэ́*, *интервью́*, *рандеву́* и т. п.» [1].

Далеко не все из приведенных выше слов продуктивны в словообразовательном отношении. «Что касается других признаков освоения иноязычного слова языком, то они, по-видимому, необходимы как критерии «заимствованности» слова» [2].

§ 138. В определенные моменты развития литературного языка вопрос о заимствовании иностранных слов становится предметом широкого общественного обсуждения, подчас своего рода внешним проявлением идеологической борьбы (как, например, это было во время столкновения так называемой западнической и славянофильской идеологий). Приверженцы пуризма, обычно справедливо указывая на неоправданность, а нередко и уродливость отдельных заимствований, в то же время борются против всех (обративших на себя их внимание) неологизмов, которые бывают обычно наиболее ярко представлены именно заимствованными словами. Стремясь оградить родной язык от иноземных влияний, пуристы, как правило, исходят не из объективных факторов языкового развития, а из априорных представлений о «чистоте» и «национальной самобытности» языка, представлений, в основе которых нередко просто неприятие всего нового, особенно если это новое связано с чем-то непривычным и чуждым в своем словесном выражении. В таком случае обычно говорят о рабском следовании иноязычным образцам, о нежелании или неумении привлечь для создания новых наименований собственные языковые ресурсы.

Однако словарные новшества предшествующей эпохи, против которых боролись ревнители «чистоты языка», оказываются во многих случаях настолько прочно усвоенными и освоенными языком, что следующие поколения ревнителей, борясь против новых новшеств, не замечают уже того, что в их собственной речи вполне обычны новшества предыдущей эпохи, которые подвергались аналогичным гонениям.

Действительное засорение языка «иностранными словечками», неоправданными заимствованиями обычно не

---

[1] Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, с. 36.

[2] Там же, с. 38.

выходит за пределы или узко профессиональной речи, или ограниченных социальных жаргонов.

«Между тем процесс заимствования иноязычных слов есть процесс двусторонний. Это не только простая передача готовых элементов одним языком во владение другого языка. Это вместе с тем процесс их органического освоения системой данного языка, их приспособления к его собственным нуждам, их преобразования — формального и семантического — в условиях иной системы. Именно о процессе заимствования,— если только это действительно акт усвоения и приспособления заимствованных слов, а не механическое перенесение в иную речевую стихию некоей совокупности иностранных слов,— можно сказать, что это процесс по преимуществу творческий, активный, предполагающий высокую степень самобытности усваивающего языка, высокую степень его развития» [1].

ДИАЛЕКТНЫЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЛОВА

§ 139. Словарный состав русского литературного языка постоянно пополняется диалектными и так называемыми просторечными словами.

В отличие от диалектизмов, представляющих собой специфический пласт общелитературной лексики, занимающих в ней особое место (см. выше), ряд диалектных слов, введенных в то или иное время (с разными целями) в общелитературное употребление, утратил отпечаток диалектности и воспринимается в настоящее время как принадлежность общелитературной речи. В отличие от диалектизмов, помещаемых в толковых словарях современного литературного языка (и тем самым признаваемых частью литературной лексики) с пометой «областное» (и тем самым признаваемых особыми, стилистически отмеченными элементами этой лексики), диалектные слова, о которых здесь говорится, не представляют в настоящее время каких-либо местных говоров. Если они и не являются стилистически нейтральными, их стилистическая значимость определяется в современной речи не характерологической ролью, но экспрессивными и экспрессивно-оценочными оттенками значения. Многие

[1] Сорокин Ю. С. Указ. соч., с. 174.

же из этих слов воспринимаются как вполне нейтральные, и то, что они проникли в литературный язык из местных народных говоров, устанавливается лишь на основании показаний старых словарей, отдельных замечаний в художественных произведениях и других данных.

Например, глагол *шуршать* явно не воспринимается как диалектное слово. Между тем Тургенев, вводя слово в свой рассказ, берет его в кавычки и делает характерное примечание: *Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас* («Бежин луг»).

Как отмечает Ю. С. Сорокин, слово *неудачник* впервые зафиксировано лишь в 3-м издании словаря Даля, вышедшем уже в начале XX в. под ред. И. А. Бодуэна де Куртэнэ, «в отношении к лицу, не имеющему удачи, употреблялось в говорах Псковской, Смоленской и Ленинградской областей (данные 20-х гг. XX в.). Впервые употреблено в «Обрыве» Гончарова, в разговоре Марка Волохова с Райским. Услыхав от Волохова это слово, Райский находит его «хорошим, метким», на что Марк отвечает: «Здешнего изделия: чем богаты, тем и рады!..» После этого слово начинает довольно часто мелькать в литературе» [1].

Из территориальных диалектов на протяжении XIX в. в литературный язык вошли такие слова, как *бесшабашный, бубнить, гадюка, голодовка, детвора, елозить, жулик, забористый, завсегдатай, задира, зазнайка, заскорузлый, залихватский, занятный, зря, измываться, клянчить, лебезить, мальчуган, неразбериха, несуразный, несусветный, нудный, плес, пойма, самодур, семенить, сутолока, тайга, щуплый* и ряд других.

Проникая из диалектов в литературную речь, некоторые слова изменяли свое значение. В ряде случаев вхождению диалектного слова в литературный язык предшествовало его распространение в просторечной среде, откуда оно наряду с другими элементами просторечной лексики проникало в язык литературы. С пометами «просторечное», «простонародное» фиксируются в словарях XIX в. такие слова, как *беднота, вызволить, выкрутасы, головотяп* и т. п.

Закрепление слова в составе литературной лексики иногда сопровождалось тем или иным сдвигом в его семантике. В некоторых случаях этот сдвиг был весь-

[1] Сорокин Ю. С. Указ. соч., с. 489.

ма существенным, как, например, у прилагательного *обыденный*. В словаре 1847 г. значение этого слова определяется так: «построенный или совершенный в один день. *Обыденная церковь. Обыденный путь*». В словаре Даля сказано: «однодневный, одноденный, суточный, об один день сделанный, одни сутки длящийся. *Обыденная церковь* есть в Москве и Вологде; по преданию, они выстроены миром в сутки, по обету, после чумы или мора». В Москве существуют *Обыденские переулки*, которые «получили название по церкви Ильи Обыденного (XVII в.), выстроенной верующими «*обыдень*», т. е. за один день» [1]. При толковании прилагательных *обиходный*, *обиходливый* Даль заметил: «В последнее время многие, с чьей-то легкой руки, стали писать *обыденный* вм. *обиходный*, искажение крайне ошибочное». «Однако,— пишет по поводу такого употребления Ю. С. Сорокин,— это, очевидно, не было простым семантическим смещением народного слова на почве собственно литературной речи. Здесь перед нами, видимо, налицо влияние народно-разговорного же языка, но иной диалектной среды. Вероятно, употребление слова *обыденный* в смысле «обычный, повседневный» сложилось первоначально в московском просторечии. Изредка такое употребление отмечается уже в литературной речи 40-х гг.; с 60-х гг. оно становится общераспространенным» [2].

Приток диалектных слов в литературную речь продолжался и в XX в. В первые послереволюционные годы, как известно, чрезмерное увлечение некоторых авторов «местными речениями» вызвало протест со стороны многих деятелей культуры. «Если в Дмитровском уезде,— писал Горький,— употребляется слово «хрындуги», так ведь необязательно, чтоб население остальных восьмисот уездов понимало, что значит это слово... У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои «говора», свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балохонски» («Письма начинающим литераторам», 1930 г.). Однако включение в литературный язык народных диалектных и просторечных слов осуществляется не только через произведения художественной литературы, например, все бóльшую роль в их освоении играет газетная

---

[1] Имена московских улиц. Под общей редакцией А. М. Негова. М., 1972, с. 177.

[2] Сорокин Ю. С. Указ. соч., с. 490—491.

речь (различные виды очерка). Постепенно лишались примет диалектности, входя в общелитературное употребление, такие слова, как *баламут*, *глухомань*, *гостинец*, *доярка* (вместо прежнего *доильщица*), *жатка*, *замшелый*, *затемно*, *изморозь*, *кондовый*, *коржик*, *косовица*, *кошара*, *марево*, *морока*, *новосел*, *окот*, *отгул*, *проран*, *путина*, *стан (полевой стан)*, *ток* ('место для малотьбы', ср. *гумно*) и ряд других. Диалектное происхождение значительной части этих слов для большинства говорящих уже неощутимо, помета «областное», сопровождающая их, например, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, представляется устаревшей. Можно заметить, что в ряде случаев за счет диалектных слов удовлетворяется потребность в создании разветвленной системы обозначений производственных процессов и реалий, связанных с сельским хозяйством (ср. приведенные выше *доярка*, *жатка*, *косовица* и др.; ср. также возникшее на основе диалектного *пропашка* — *пропашные культуры*, на основе диалектного *теребить лен* — *теребильщик* и т. п.).

§ 140. По мере того как в неспециальной литературе (в художественных произведениях, очерках, в послереволюционное время — в различных видах газетной информации) все большее освещение получали производственные процессы, происходило освоение литературным языком профессиональных терминов, специальных обозначений, связанных сначала с сельским хозяйством и различными ремеслами, затем с фабричным и заводским производством.

Говоря о развитии литературной лексики XIX в., В. В. Виноградов писал: «Социальные диалекты города с 40—50-х годов становятся мощным источником пополнения литературы живой речью... Литература в ее основном русле («натуральная школа») теперь ориентируется на быт, на его классовые, сословные, профессиональные языковые деления»[1]. И дальше: «Постепенно открывается доступ в литературу разным социально-групповым и профессиональным диалектам, преимущественно городского быта, таким, которые раньше были за пределами литературного языка. Однако характерно, что в это же время происходит систематическое собирание и широкая литературно-журнальная

[1] Виноградов В. В. Указ. соч., с. 328.

канонизация и той профессиональной лексики, которая обслуживала обиход помещичьего хозяйства» [1].

Достоянием литературного употребления становятся слова вроде *заповедник*, *зеленя*, *зябь*, *копнить*, *межевой*, *хутор* и под.

Многие узкопрофессиональные слова, будучи вовлеченными в общелитературное употребление, подвергаются характерной м е т а ф о р и з а ц и и. Вторичные, переносные с исторической точки зрения значения ряда таких слов для современного языка представляются, несомненно, основными; и только яркая «внутренняя форма» большей части этих обозначений недвусмысленно указывает на их профессионально обусловленные значения, которые и отмечались при их начальной лексикографической фиксации (словарями середины и второй половины XIX в.). Сюда относятся, например: *доморощенный* (первоначально *родившийся дома*, *вскормленный дома*, главным образом о животных) [2]; *животрепещущий* (первоначально в рыбной торговле); *мелкотравчатый; мягкотелый* (первоначально о плодах); *осечься* (первоначально о лошадях); *пошиб* (первоначально в значении 'стиль, манера' в профессиональной речи иконописцев); *прикорнуть* (*корнуть* о полегшем хлебе); *приспешник* (первоначально в значении 'подготовщик при производстве чего-либо'); *пустопорожний* (первоначально в значении 'незаселенный или невозделанный' о земле); *разношерстный* (первоначально о животных); *скороспелый* (первоначально об овощах); *строчить* (первоначально о шве в речи сапожников, портных); *топорный; щепетильный* (первоначально относящийся к торговле модным мелочным товаром) и др.

Профессиональная лексика продолжала играть заметную роль в пополнении словарного состава общелитературного языка и в дальнейшем. Так, в первые послереволюционные годы широкое употребление в переносных значениях получили такие слова, как *смычка*, *спайка*, *увязать*, *ячейка*, бывшие техническими обозначениями.

Широкое освещение различных производственных процессов в газетах, по радио и телевидению, а также их отра-

---

[1] В и н о г р а д о в В. В. Указ. соч., с. 330.

[2] «Это один из наиболее ранних случаев появления перен~~о~~сного употребления у слова, относящегося исходно к терминам сельскохозяйственным» (С о р о к и н Ю. С. Указ. соч., с. 497).

жение в художественной литературе обусловливает то, что многие специальные обозначения становятся, с одной стороны, более активными в общелитературном употреблении, а с другой — подвергаясь метафоризации, вливаются в различные тематические группы слов, в первую очередь общественно-публицистической лексики.

Характерно, что происходит не только вовлечение в литературный язык новых лексических единиц, но и постепенное «олитературивание» тех специальных значений общеупотребительных слов, которые первоначально реализовались в узких профессиональных кругах, например: *окно* 'незаполненный промежуток времени между урокамй, лекциями', *остепениться* 'получить ученую степень, защитив диссертацию' и т. п. Ср. два характерных примера из повести С. Воронина «Две жизни»: — *Надо снять карту бассейнов*, — раскладывая передо мной планшет, *сказал на другой день Мозгалевский.— Все протоки, речки, ручьи на кальку. Пригодится в п о л е.— В п о л е? — Да. — А разве мы будем работать не в тайге? — А вы что, не знаете, что всякие изыскания называются п о л е м? П о л е в ы е и з ы с к а н и я,— ответил Мозгалевский и пристально посмотрел на меня; — Ущелье естественного происхождения,— доносится снизу голос Зырянова,— а к о р и д о р о м у п у т е й ц е в называется вот то, что вы видите сейчас за окном.*

§ 141. Начиная с 30-х—40-х годов XIX в. литературный язык активно вбирает в себя с п е ц и а л ь н у ю т е р м и н о л о г и ч е с к у ю л е к с и к у [1], при этом многие термины, подвергаются метафоризации, часть таких образно-переносных значений устойчиво закрепилась в языке. Интересна временна́я последовательность проникновения специальных терминов в общий литературный язык, которая связана «со сменою и постепенным усилением воздействия разных областей научных знаний на идеологию оп-

[1] «Глубокий и живой интерес к фактам и понятиям точных и естественных наук, увлечение новыми открытиями в их области, широкая популяризация естественнонаучных знаний наложили отпечаток и на язык того времени. Воздействие языка науки на фразеологию литературной речи было очень сильным. Характерные обороты научного языка, научная терминология вышли далеко за пределы специального употребления и свободно переносились в язык публицистических и художественных произведений» (С о р о к и н Ю. С. Указ. соч., с. 353).

ределенных кругов русского общества»: сначала в сферу образно-переносного употребления вовлекаются термины математики, механики, астрономии, затем (с 60-х годов XIX в.) термины биологии и медицины [1].

В современном литературном словаре насчитываются десятки терминов, само терминологическое значение которых для неспециалистов просвечивает как бы сквозь призму их переносных, «обиходных» значений. Например: *аберрация, агония, амальгама, апогей, атмосфера, атрофия, бацилла, доза, зенит, импульс, ингредиент, инерция, кристаллизация, орбита, организм, паллиатив, пароксизм, пертурбация, призма, симптом, сфера, фаза, фактор, эмбрион* и мн. под. Образному переосмыслению подвергались не только отдельные термины, но и устойчивые терминологические словосочетания вроде: *уравнение со многими (со всеми) неизвестными, центр тяжести, безвоздушное пространство, точка опоры, наклонная плоскость, удельный вес, звезда первой величины, центробежные силы, свести к нулю* и т. п.

Пополнение этой группы лексики осуществляется параллельно с развитием науки и техники и соответственно с появлением новых терминологических обозначений. Так, например, открытие и изучение вирусов привело к расширению ряда *микроб, бацилла* аналогичным применением слова *вирус* (*вирус стяжательства* и т. п.). Развитие радиотехники вызвало к жизни образное употребление сочетаний вроде *настроиться на нужную волну* и т. п. То внимание, которое привлекли к себе полеты в космос, дало толчок к расширенно-метафорическому использованию вновь возникших космических терминов (*виток, стыковка, состояние невесомости* и т. д.).

Вовлечение новых терминологических рядов в сферу образного употребления активно происходит в языке газеты. Вот несколько примеров [2]: *Спартакиада перешла свой экватор. По конькам и фигурному катанию программа уже исчерпана; Безответственность — планктон аферистов. Юра хорошо изучил эту питательную среду, освоил ее терминологию, приспособился к скудоумию, примитиву штампов; А вот недавно мне пришлось*

[1] Сорокин Ю. С. Указ. соч., с. 355 и сл.

[2] См.: Капанадзе Л. А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики.— В сб.: Развитие лексики современного русского языка. М., 1965, с. 87 и сл.

наблюдать такую сценку. Молодой розовощекий автор в бабочке читал свои стихи с эстрады, — стихи были так себе, никудышные, заполненные рифмованной протоплазмой; Обыватель — это азот в государственной атмосфере, исполняющий свои нейтральные функции, без которых невозможна жизнь. Это — нейтрино в государственном атоме; Рецензент заботится лишь о том, чтобы читатель сам мог заполнить собственным содержанием вакуум в стихах поэта; Хирурги вступили в бой с амортизацией сердца. Активизируются сочетания вроде *алгоритм времени, стартовая площадка, вывести на орбиту, запрограммированные действия* и т. п.

Характерно, что метафорическое переосмысление быстро охватывает новые термины, что только лишний раз подтверждает положение о том, что метафорическая экспансия в первую очередь наблюдается со стороны тех слов, которые являются обозначениями актуальных для носителей языка предметов и явлений.

Возможность метафорического переосмысления слова (в том числе и термина) сама по себе не свидетельствует о приобретении этим словом нового переносного значения. Однако в ряде случаев эти вторичные значения действительно закрепляются за словами, а когда речь идет о терминологии, т. е. специальной лексике, они в общелитературном употреблении выдвигаются и на первый план. Очевидно, что значительная часть терминов приобрела в современном общелитературном языке новые значения, т. е. произошла детерминологизация данных обозначений, а соответственно — расщепление общей семантики слова на отдельные самостоятельные значения (терминологическое и общелитературное), например: *ажиотаж* (первоначально в специальном значении, которое определяется в СРЯ так: «искусственное, спекулятивное повышение или понижение курса биржевых бумаг или цен на товары в капиталистическом обществе с целью извлечения прибыли»), *аккумулировать, диапазон, контакт, потенциал, размагнититься* и под. Детерминологизация обычно осуществляется, как отмечает Л. А. Капанадзе, в результате обобщения специального значения в процессе употребления слова. Происходит расширение сферы употребления слова, круг его применения становится очень широким. Вот несколько

примеров таких смещений: *травма* (первоначально в медицине 'повреждение тканей организма'; затем появляется второе значение термина — в медицине же — 'психическая травма, нервное потрясение'; в общем употреблении теперь 'любое потрясение, встряска'); *противопоказанный* (в медицине 'невозможный, вредный при определенных болезнях'; в общем употреблении 'недопустимый, невозможный'); *диагноз* (в медицине 'определение болезни на основании исследования больного'; в общем употреблении 'определение чего-либо на основании каких-н. данных'); *параметр* (в математике 'величина, входящая в систематическую формулу и сохраняющая постоянное значение в пределах одного явления'; в общем употреблении 'некоторая величина'); *габарит*, *лимит* и т. п. [1].

Отмечается также, что тогда как в прошлом веке детерминологизированные слова и обороты пополняли в основном книжные слои литературной лексики, «в наше время этот пласт слов формирует нейтральные и отчасти разговорные, сниженные слои лексики языка (ср.: *сфера*, *ингредиент*, *кристаллизация*, *симптом*, *эмбрион*, *кризис*, *апогей*, *импульс* — в XIX в. и *накал*, *спайка*, *крен*, *задел*, *отдача*, *завихрение* — в XX в.). Изменились и те специальные области, сферы, из которых черпает литературный язык новые значения и новые словосочетания. Громадное значение приобретает техника (машиностроение, радиотехника, строительное дело и др.). Впрочем, влияние «технического языка» в наш век техники приобрело всемирные масштабы,— подобное влияние испытывают английский, немецкий, итальянский и другие языки» [2].

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ

§ 142. В формировании лексики современного русского языка значительную роль, как мы видим, сыграли контакты с другими языками, постоянное взаимодействие общелитературного языка с местными говорами, профессиональной и терминологической речью. Однако основным средством пополнения и развития словарного состава русского литературного языка всегда было исполь-

[1] Капанадзе Л. А. Указ. соч., с. 92—93.
[2] Там же, с. 93.

зование собственных словообразовательных ресурсов. Образование новых слов при помощи тех словообразовательных элементов, которые имеются в языке, путем использования многочисленных аффиксов (префиксов и суффиксов), а также путем словосложения (или, как иногда говорят, основосложения) определяло основное направление развития русской литературной лексики, а во многом и характер освоения языком различных заимствованных слов. Так, на основе иноязычных слов возникают многочисленные группы производных, являющихся реализацией тех же словообразовательных типов, которые представлены образованиями от исконно русских основ (ср. *безысходный — безыдейный, беспринципный; сознательность — идейность, принципиальность; возникновение — формирование, цитирование; пособничество — фразерство, позерство; обывательщина — литературщина; стрелочник — биржевик; опекунша — комендантша, генеральша* и т. д. и т. п.).

Образование новых слов посредством аффиксации и основосложения постоянно происходит и в современном литературном языке. Так, в послереволюционную эпоху лексика русского литературного языка пополнилась такими неологизмами, как *хозяйственник, переподготовка, перевыполнить, коллективизация, раскулачить, партизанщина, выдвиженец, обезличка, передовик, кружковец, красноармеец, единоличник, просвещенец, дошкольник, выпускник, воскресник, бракодел, пылесос, проигрыватель, снегоочиститель, пятилетка, самоотвод, самообслуживание, хлебозаготовка, поточный* и т. п. Большое количество существительных было образовано для обозначения вновь возникших специальностей и профессий: *ракетчик, электронщик, атомник, газовик, карусельщик, наладчик, разработчик, экскаваторщик, трубоукладчик, программист, приборист, перфораторщик, тоннельщик, арматурщик, сварщик, высотник* и т. д.

§ 143. Не менее существенную роль в развитии лексики играют семантические сдвиги, происходящие в уже существующих в языке словах. Так, например, в послереволюционную эпоху в состав общественно-политической лексики, претерпев соответствующие смысловые изменения, оказались вовлеченными такие слова, как *прослойка, смычка, ударник, передовой, оснастить, вахта, рационализация, охватить* ('вовлечь в круг действия'), *нагрузка*

('обязанность, поручение'), *перековаться* ('перевоспитаться'), *переключить* ('придать новое направление, перевести на иную работу'), *ориентир* ('направление деятельности, цель, установка, ориентация'), *перегиб* ('нарушение правильной линии, вредная крайность'), *самодеятельность*, *актуальный*, *сигнал*, *лакировка*, *поток* и многие другие [1].

Можно заметить, что производные (в том числе и упоминавшиеся выше) от многих слов отражают именно новые значения последних; ср., например: *выдвиженец*, *передовик*, *кружковец*, *подшефные*, *перегибщик*, *штурмовщина*, *поточный*, *бюллетенить*, *авралить* и т. п.

§ 144. В качестве обозначений многих новых предметов и явлений в языке закрепились новые ряды составных наименований, т. е. устойчивых словосочетаний, иногда характеризующихся, помимо устойчивости, также такими чертами, как идиоматичность и терминологичность. Ср.: *генеральная линия*, *передовой край*, *районный центр*, *торговая сеть*, *красный уголок*, *дом отдыха*, *служба быта*, *газовая плита*, *стиральная машина*, *стартовая площадка*, *космический корабль*, *вывести на орбиту*, *поставить на вид*, *отдел кадров*, *техника безопасности*, *охрана труда*, *суворовское училище*, *товарищеский суд*, *общественное поручение* и т. п.

§ 145. Наряду с использованием этих традиционных для русского языка способов номинации, обращает на себя внимание и стремительное развитие нового вида словотворчества, сравнительно мало распространенного в дореволюционную эпоху, а именно называния предметов при помощи аббревиатур и так называемых сложносокращенных слов. Этот вид обозначений прочно закрепился за многими вновь возникшими или преобразованными учреждениями, организациями и другими специфическими явлениями советской действительности. К инициальным аббревиатурам принадлежат такие обозначения, как *РСФСР*, *СССР*, *ЧК*, *ЦСУ*, *вуз*, *ФЗО*, *ГЭС*, *нэп*, *жэк*, *загс*, *МТС*, *ОРУД*, *орс* и многие другие. Среди много-

[1] Подробнее о развитии общественно-политической лексики см.: Протченко И. Ф. Развитие общественно-политической лексики в советскую эпоху.— В сб.: Развитие лексики современного русского языка, М., с. 17—28.

численных сложносокращенных слов могут быть отмечены наименования, образованные путем сложения двух (иногда больше) усеченных основ, вроде *нарком*, *ликбез*, *комбед*, *совхоз*, *главбух*, *военрук*, *рабкор*, *торгпред*, *завхоз*, *профорг*, *юннат*, *ширпотреб*, *исполком*, *леспромхоз* и т. п.; ср. сокращения смешанного типа: *районо*, *самбо* и т. п. Еще более активной оказалась другая формула сложносокращенных слов, в соответствии с которой первый член именного словосочетания, являющийся определением, подвергается усечению, в то время как определяемое, стоящее на втором месте, не сокращается: *продналог*, *ревтрибунал*, *зарплата*, *физкультура*, *политучеба*, *райсовет*, *профбилет*, *земснаряд*, *медпункт*, *технадзор*, *санинспекция*, *запчасти* и т. д. Распространению такого типа наименований способствовало приобретение многими из усеченных компонентов относительной подвижности, выражающейся в их способности присоединяться к сравнительно большому числу разнообразных основ (ср. образования с компонентами *агит-*, *слав-*, *гор-*, *гос-*, *жил-*, *зем-*, *ком-*, *культ-*, *нар-*, *проф-* и т. д., например: *агитбригада*, *агитколлектив*, *агитпункт*, *горсовет*, *горздрав*, *горбанк* и т. п.). Близкими к данному типу обозначений являются образования с такими компонентами, как *авиа-*, *авто-*, *гидро-*, *макро-*, *микро-*, *теле-*, *фото-*, *электро-*, обладающими, однако, еще бóльшей степенью свободы и «раскрепощенности». Ср. возможность отрыва этих компонентов: *фото-* и *радиотовары*, *авиа-* и *автотранспорт*, *микро-* и *макросъемка* и т. д. Показательны также широкие возможности создания не только номинативно-устойчивых, но и окказиональных образований с этими элементами (ср. например, с одной стороны, *авиабензин*, *авиабомбы*, *авиадвигатель*, *авиадесант*, *авиаконструктор*, *авиалиния*, *авиамедицина*, *авиамодель*, *авиамотор*, *авиаперевозки*, *авиапочта*, *авиасвязь*, *авиатехник* и т.д.; с другой — *авиарассказ*, *авиафокусы*, *авиановшества*, *авиаприключение* и под.) [1].

§ 146. Изменения в жизни общества находят непосредственное отражение не только в пополнении словаря разного

[1] Другие примеры окказиональных образований такого рода и анализ самого типа см.: Воронцова В. Л. Процессы развития морфологических элементов, стоящих на грани морфемы и слова.— В сб.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964, с. 97 и сл.

рода неологизмами (в том числе и семантическими), но и в смещении значений некоторых слов, обозначающих исчезнувшие формы общественных отношений.

Такие изменения претерпели, например, в современном русском языке слова, связанные с называнием многих дореволюционных учреждений, должностей, званий, сословных различий и привилегий и т. д.

Нередко эти единицы лексики недифференцированно расцениваются как историзмы, оставшиеся в пассивном словаре современного языка. Между тем судьба подобных обозначений была неодинакова. Некоторые из них действительно стали историзмами, сохранившись в языке только в качестве названий тех или иных специфических явлений дореволюционной России и сомкнувшись с другими историзмами, обозначающими исчезнувшие реалии той же эпохи (*камер-юнкер*, *земство*, *дума*, *конка* и др.).

Другие слова продолжают употребляться как обозначения соответствующих явлений зарубежной жизни. Таковы, например, *престолонаследник*, *помещик*, *губернатор*, *полиция*, *гимназия*, *рента* и т. п.

Происходит своеобразное стилистическое расщепление этих слов: с одной стороны, они примыкают к историзмам, словам, обозначающим исчезнувшие реалии русской жизни, с другой — в какой-то мере сближаются с теми единицами лексики, которые существуют в языке как наименования специфических явлений, характерных для некоторых других стран (ср.: *лорд*, *ранчо*, *колледж*, *джонка*, *мэр*, *апартеид*, *меджлис* и т. п.).

Третью группу слов составляют такие слова, которые были переосмыслены применительно к новым явлениям действительности. Вот несколько примеров таких переосмыслений.

Прилагательное *знатный* приобрело значение ‘известный, выдающийся по своей деятельности’, вытеснившее в актуальном словоупотреблении прежнее значение ‘принадлежащий к знати, к аристократии’. Например, в газетном тексте: *Когда заходит речь об этом, и сам Л.— знатный мастер..., и начальник фабрики... вспоминают множество ошибок и просчетов;* ср. *знатный шахтер*, *знатный животновод* и т. п. Для существительного *миллионер*, наряду со старым значением ‘обладатель богатства, оцени-

ваемого в миллион, в миллионы (каких-либо денежных единиц)', в четырехтомном «Словаре русского языка» выделены еще два значения: «2. О колхозе, доход которого исчисляется в миллион или миллионы рублей; 3. О летчике, налетавшем миллион или миллионы километров». Ср. сообщение в «Вечерней Москве» (от 21 июня 1963 г.), озаглавленное «*В. Терешкова и В. Быковский — л е т ч и к и м и л л и о н е р ы*». Существительное *династия* («ряд монархов из одного и того же рода, последовательно сменявших друг друга на троне по праву родства и наследования», как определяется это слово в СРЯ) употребляется в наше время и как обозначение представителей разных поколений из одной семьи, выполняющих ту же самую работу, имеющих ту же самую профессию; например; *шахтерская династия, рабочая династия* и т. п. Ср. в газетном тексте: *Немало у нас на заводе таких д и н а с т и й р а б о ч и х, трудовой стаж которых перевалил за сотню и больше лет.* Слова *мещанин, мещанство, мещанский*, утратив характер сословных терминов, закрепились в качестве морально-оценочных обозначений.

В качестве оценочных слов сохранились в современном языке и существительные *вельможа, сановник, барин, гусар* и производные от них.

Подытоживая сказанное о составе русского литературного языка мы можем определить, какие с п о с о б ы н о м и н а ц и и (т. е. способы называния, а следовательно, и образования новых названий) д е й с т в у ю т в языке, а затем попытаться выяснить в общих чертах р о л ь э т и х с п о с о б о в в р а з в и т и и л е к с и к и русского литературного языка в н а с т о я щ е е время.

Пополнение словаря в каждом языке идет своими путями, однако о с н о в н ы е с п о с о б ы н о м и н а ц и и имеют достаточно о б щ и й характер.

Для обозначения того или иного явления может быть или с о з д а н о н о в о е с л о в о на б а з е и м е ю щ и х с я в я з ы к е л е к с и ч е с к и х е д и н и ц и а ф ф и к с а л ь н ы х с р е д с т в (префиксов и суффиксов), или з а и м с т в о в а н о и н о я з ы ч н о е слово, или о б р а з о в а н о с л о ж н о е, составное наименование, или же, наконец, п р и с п о с о б л е н о с л о в о, уже с у щ е с т в у ю щ е е в я з ы к е, которое в таком случае определенным образом в и д о и з м е н я е т свою с е м а н т и к у (а часто при этом и стилистическую окраску).

§ 147. Все указанные способы номинации издавна и широко использовались говорящими на русском языке. Они продолжают действовать и в настоящее время, когда в нашей стране возникли новые формы социально-политической, хозяйственной и культурной жизни, потребовавшие своего наименования, когда развитие общества, научно-технический прогресс, обусловливающий появление новых предметов и возникновение новых понятий, активно воздействуют на словарный состав языка.

1. При помощи традиционных аффиксальных средств были образованы, например, такие неологизмы, как *плановость*, *укрупнение*, *хозяйственник*, *перевыполнить*, *переподготовка*, *оперативка*, *планерка*, *частотность*, *грузовик*, *зенитка*, *воскресник*, *передовик*, *дошкольник*, *обезличка*, *замонолитить* и т. д.

2. Значительная часть неологизмов возникла в результате основосложения: *красноармеец*, *радиовещание*, *пятилетка*, *хлебозаготовки*, *единоличник*, *бракодел*, *атомоход*, *новостройка*, *снегоочиститель*, *пылесос* и т. д.

3. Для обозначения целого ряда предметов и явлений были использованы составные наименования: *производственные мощности*, *единицы оборудования*, *средства связи*, *пути сообщения*, *режим экономии*, *подъемный кран*, *стиральная машина*, *больничный лист* и мн. под.

Важно отметить, что на основе составных наименований в языке возник новый вид наименований, который получил широкое распространение именно в послереволюционную эпоху. Это: а) аббревиатуры: *СССР*, *нэп*, *МИД*, *вуз*, *ОТК*, *дот* и т. п.; б) сложносокращенные наименования разных типов, во-первых, с усеченными основами соединяемых слов: *колхоз*, *нарком*, *местком*, *леспромхоз* и т. п., во-вторых, с усеченной основой только первого слова: *горсовет*, *профсоюз*, *агитпункт*, *госбанк* и т. п.

4. Пополнение словаря продолжало идти и путем заимствования иноязычных слов: *комбинат*, *концерн*, *комбайн*, *блюминг*, *бульдозер*, *такси*, *контейнер*, *фильм*, *свитер* и т. д., а также спортивных терминов: *раунд*, *спринт*, *стайер*, *прессинг* и т. п.

5. Во многих случаях для обозначения нового служат уже существующие в языке слова, приобретающие новые значения, например: *спайка*, *комиссар*, *палата*, *звено*, *бригада*, *спутник* и т. д.; ср. многие техниче-

ские обозначения нашего времени: *мост* 'часть шасси автомобиля', *стрела* 'подвижная часть подъемного крана', *рама*, *наплыв* (в кино) и т. п.

Новые формы общественно-политической жизни обусловили появление новых понятий, что сопровождалось изменением семантики таких слов, как *сознательный*, *идейный*, *подкованный*, *сигнал*, *передовик*, *новатор*, *вахта*, *соревнование*, *перекличка* и т. д.

В повести П. Нилина «Жестокость», в которой изображены события начала 20-х годов, находим такое пояснение к слову *сознательный*: «Это слово «сознательный» было в те годы в большом ходу. Им как бы награждали человека. Сознательный — значит, понимающий, осознающий, с какими трудностями связано построение нового мира, и готовый пойти на любые жертвы в преодолении трудностей».

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Авилова С. Н. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени. М., «Наука», 1967.

Балахонова Л. И. Диалектные по происхождению слова в современном литературном языке.— В сб.: Слово в русских народных говорах. Л., «Наука», 1968.

Даниленко В. П. Лингвистическое изучение терминологии и культуры речи (к постановке вопроса).— В сб.: Актуальные проблемы культуры речи. М., «Наука», 1970.

Земская Е. А. Как делаются слова. М., Изд-во АН СССР, 1963.

Крысин Л. П. Иноязычная лексика в современном русском языке. М., «Наука», 1968.

Ожегов С. И. Основные черты развития русского языка в Советскую эпоху.— В кн.: Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., «Высшая школа», 1974.

Протченко И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М., «Наука», 1975.

Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1968.

Скворцов Л. И. Профессиональные языки, жаргоны и культура речи.— «Русская речь», 1972, № 1.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. М.—Л., «Наука», 1965.

Сороколетов Ф. П. Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка.— В сб.: Слово в русских народных говорах. Л., «Наука», 1968.

Филин Ф. П. У истоков русского языка.— «Русская речь», 1968, № 2.

Шанский Н. М. Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка.— «Русский язык в школе», 1954, № 3.

Глава V

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 148. Наряду со словосочетаниями, которые возникают в речи по существующим в языке правилам лексической и синтаксической сочетаемости слов, в различных языках отмечают словосочетания, которые необходимо включать в словарь, так как они существуют в самом языке как целостные единицы номинации и подобно словам не создаются, а воспроизводятся в речи.

В одних случаях такие воспроизводимые словосочетания выступают как составные наименования реалий, для называния которых в языке нет отдельных слов (ср.: *железная дорога, стиральная машина, анютины глазки* и т. п. и *шоссе, холодильник, маргаритки* и т. п.), в других — являются своего рода экспрессивными синонимами отдельных слов или словосочетаний аналитического характера (ср.: *водить за нос — обманывать; поставить в тупик — озадачить; тянуть канитель — говорить* (или *делать*) что-либо *нудно, долго; тянуть лямку — делать тяжелую неприятную работу* и т. п.). Поскольку такие единицы устойчиво закреплены в языке, в них иногда сохраняются слова, которые сами по себе вышли из употребления *(бить баклуши, не видно ни зги)*, или слова в исчезнувших грамматических формах (например, *притча во языцех* и т. п.).

Словосочетания первого типа (составные наименования) и словосочетания второго типа (их часто называют идиомами, идиоматизмами, идиоматическими выражениями) образуют особые единицы в лексическом составе языка, которые относят

к фразеологии и обозначают как фразеологические единицы, фразеологические обороты, или фразеологизмы.

Кроме того, в языке существуют такие слова, отдельные значения которых проявляются только в сочетании с одним или несколькими словами, причем эти ограничения не вытекают из собственно «предметного» значения сочетающихся слов (например, одно из значений глагола *брать*, определяемое как 'двигаться, направляться в какую-нибудь сторону', фактически реализуется только в сочетании со словами *направо*, *вправо*, *правее*, *налево*, *влево*, *левее*). Словосочетания со словами, имеющими такое значение, многие авторы также относят к фразеологии.

§ 149. Идиоматические выражения, существующие в современном русском литературном языке, различны по своему происхождению и по экспрессивно-стилистической значимости (в последней часто как раз и отражается происхождение соответствующих устойчивых выражений).

Значительную часть фразеологического состава современного русского языка составляют устойчивые словосочетания народно-разговорного характера. Многие из них широко отражены в произведениях художественной литературы: *бабушка еще надвое сказала; вилами по воде писано; лиха беда; быть бельмом в глазу (на глазу); бить* (или *ударить*) *по карману; бить (ударить) по рукам; остаться на бобах; остаться с носом; взять быка за рога; взять в оборот; кидать (бросать) камешки* (в чей-либо) *огород; валить с больной головы на здоровую; вверх тормашками; семь верст до небес (и все лесом); ищи ветра в поле; поминай как звали; вешаться на шею; взять в толк* ('понять'); *вить веревки* (из кого-либо); *как с гуся вода; выносить сор из избы; выйти сухим из воды; глаза разбегаются (разбежались); голова идет (пошла) кругом; на свою голову; диву даваться; дать крюку; ни дать ни взять; дело в шляпе; держать ухо востро; душа ушла в пятки; дым коромыслом; за семь верст киселя хлебать; заварить кашу; заговаривать зубы; закусить удила; заметать следы; играть в бирюльки; тертый калач; стреляный воробей; достаться на орехи; положить зубы на полку; хоть кол на голове теши; колоть глаза* (кому-либо); *комар носа не подточит* ('не к

чему придраться'); *перемывать косточки* (кому-либо); *кривить душой; кровь с молоком; курам на смех; нести околесицу; смотреть в кусты; разбиваться в лепешку* и мн. др.

Часть фразеологизмов, также отраженных в художественной литературе, имеет грубо-просторечный характер, например: *с жиру беситься; брать горлом; взять за бока; вертеть (крутить) хвостом* ('хитрить, лукавить; уклоняться от ответа'); *вешать собак* (на кого-либо; 'наговаривать, обвинять, клеветать'); *вожжа под хвост попала; с души воротит; вправлять мозги; мякинная голова; лодыря гонять; дать по шапке; дать прикурить; держи карман шире; после дождичка в четверг; задирать хвост; залезть в карман* (к кому-нибудь); *змея подколодная; на всю катушку; кишка тонка; кондрашка хватил; крутить носом; по пьяной лавочке; лезть в бутылку; сматывать удочки;* жаргонное *взять на пушку* и т. п.

Многие фразеологизмы — книжного происхождения, например: *от аза до ижицы* ('от начала до конца'); *кладезь премудрости; витать в облаках; властитель дум; тьма кромешная; бразды правления; воспрянуть духом; во время оно; до глубины души; с открытым забралом; как зеницу ока; играть на нервах; стереть с лица земли; камень преткновения; авгиевы конюшни; пожинать лавры; соль земли; прокрустово ложе* и мн. др. Ср. связанные с библейскими текстами: *глас вопиющего в пустыне; гог и магог* (или *гога и магога*, о человеке, внушающем ужас); *аредовы веки* ('очень долго' в сочетании с *жить, прожить*; по имени библейского патриарха, прожившего 962 года); *обетованная земля; избиение младенцев; казнь египетская* ('бедствие'); *колосс на глиняных ногах; фиговый листок; манна небесная* и т. д.

Нужно заметить, что библейское происхождение ряда фразеологизмов не означает того, что фразеологическое словосочетание, как таковое, было непосредственно заимствовано из перевода Библии на старославянский или церковнославянский язык. Как отмечает Н. М. Шанский, «фразеологизма *волк в овечьей шкуре*, как такового, не было. Он появился в русском языке на базе евангельского отрывка: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные». Образ, положенный в основу фразеологического оборота *волк в овечьей шкуре*, заимствован; сам же фразеологический оборот в характер-

ной для него форме и лексико-грамматическом составе является исконно русским»[1].

Известное количество словосочетаний восходит к литературным произведениям (и, таким образом, в противоположность подавляющей части единиц фразеологии не являются анонимными): *любви все возрасты покорны* из «Евгения Онегина» Пушкина; *злые языки страшнее пистолета; минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь; шел в комнату — попал в другую; счастливые часов не наблюдают* из «Горя от ума» Грибоедова; *вертеться (кружиться, крутиться) как белка в колесе* восходит к басне Крылова «Белка». *Административный восторг* — выражение из романа «Бесы» Достоевского. *Сражаться с ветряными мельницами* — восходит к роману Сервантеса «Дон-Кихот»; *панургово стадо* — по имени Панурга, персонажа романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». И т. п.

Некоторые из фразеологизмов книжного происхождения представляют собой к а л ь к и: *медный лоб* 'упрямый тупица' — фр. *front d'airain; соломенная вдова* 'женщина, временно оставшаяся без мужа или не живущая с ним' — нем. *die Strohwitwe; иметь зуб* (против кого-либо) — фр. *avoir une dent; холодная война* — англ. *cold war* и т. п.

§ 150. Причины возникновения и закрепления в языке тех или иных фразеологизмов не всегда ясны. В отношении первоначального смысла некоторых из них (например, *съесть собаку; не видно ни зги*) высказывались разные предположения. Несомненно, однако, что решающим фактором закрепления фразеологизма всегда является его о б р а з н о с т ь, отвечающая одной из тенденций развития языка — тенденции к э к с п р е с с и в н о с т и речи.

Говорящие обычно стремятся использовать язык не только в его основной, коммуникативной функции, но и в той его функции, которую условно называют э с т е т и ч е с к о й. Потенциальная образность фразеологизма отвечает элементарной потребности разнообразить речь, средствами самой номинации придавать ей экспрессивно-оценочную направленность.

Показательно, например, что и в информационных жанрах (например, в газетной информации) широко исполь-

[1] Ш а н с к и й Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964, с. 235—236.

зуются устойчивые экспрессивные словосочетания, чаще всего выступающие эквивалентами (с предметно-логической точки зрения) однословных обозначений, например: *черное золото; голубой экран; труженики полей* и т. п.; *политический климат; терять почву под ногами; пуститься во все тяжкие; отравить атмосферу; расчистить дорогу; родимые пятна* и т. п.

§ 151. Фразеологические единицы в значительной своей части ничем не отличаются по строению от свободных словосочетаний. Среди фразеологизмов мы находим почти все типы словосочетаний, которые отмечены в активном фонде современного языка; по формальной структуре они совпадают с предложениями как глагольными, так и именными (ср.: *бабушка еще надвое сказала; вилами по воде писано; не видно ни зги; лиха беда начало*) и со словосочетаниями, включающими формы всех частей речи (ср.: *взять в оборот; остаться с носом; кривить душой; кровь с молоком; дым коромыслом; ни к селу ни к городу; на свою голову; тертый калач; и стар и млад; дело в шляпе* и т. д.). Фразеологизмы, формально совпадающие с предложением, могут быть построены и как повествовательные и как вопросительные *(сбыточное ли дело?)*, включать различные формы глагола (ср.: *песок сыплется; след простыл; поминай как звали; пахнет порохом; песенка спета* и т. д.). Сразу же, однако, обращает на себя внимание информативная недостаточность большинства таких совпадающих по форме с предложением конструкций: словосочетание *песок сыплется* само по себе не имеет фразеологического значения, присущего его фразеологическому омониму со значением 'очень стар, дряхл', который всегда требует дополнения из кого (хотя бы не выраженного эксплицитно, но предполагаемого лексическим контекстом, ср., например: *— Он стар? — Песок сыплется;* аналогично *след простыл* (кого-то) и т. д.

Таким образом, формальное совпадение фразеологизмов типа *песок сыплется; след простыл; кот наплакал* и т. п. с омонимичными предложениями никак не свидетельствует об их синтаксической соотносительности. Свободные конструкции той же структуры и того же лексического состава представляют собой реализацию определенного типа предложения, поэтому могут быть подведены под общую схему, или формулу, предложения.

Не только лексическое значение, но и синтаксическая функция каждой конкретной фразеологической единицы индивидуальны. Здесь устанавливаются иные функциональные соотношения между различными фразеологическими словосочетаниями, по сравнению с совпадающими с ними свободными конструкциями. Разложение фразеологического целого на его составляющие при синтаксическом анализе текста недопустимо, так как в тексте фразеологизм только как целое получает определенную синтаксическую функцию.

Синонимичность и антонимическая противопоставленность фразеологических единиц, таким образом, не вытекает из лексической близости или противопоставленности их отдельных компонентов. При этом существенно, что во многих случаях и синтаксические функции сходных по формальной структуре фразеологизмов оказываются различными. И напротив, различные по структуре и по лексическому составу фразеологизмы могут вступать в синонимические и антонимические отношения; ср., например, при количественной характеристике чего-либо: *хоть пруд пруди — кот наплакал;* ср. также: *след простыл — поминай как звали* и т. п.

§ 152. Идиомы как своеобразные обороты речи, свойственные какому-либо языку и не переводимые дословно на другой язык [1], издавна отмечались лингвистами и фиксировались в словарях. Однако специальное изучение различных типов фразеологических словосочетаний началось сравнительно недавно.

В начале нашего столетия швейцарский лингвист Ш. Балли указал на отличия фразеологических устойчивых словосочетаний от свободных и предложил определенную классификацию фразеологического материала. Он выделил три группы фразеологических сочетаний: обычные сочетания, фразеологические группы (серии) и фразеологические единства. Им было отмечено также отсутствие каких-либо четких границ между различными видами словосочетаний, в том числе между свободными и представляющими собой неразложимые единства [2].

---

[1] Ср. определение слова *идиома* в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова: «Оборот речи, выражение, свойственное какому-нибудь языку и непереводимое дословно на другой язык, например, русские выражения *бить баклуши, убить бобра*».

[2] См.: Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961, с. 87 и сл.

Идеи Ш. Балли были развиты В. В. Виноградовым, опубликовавшим в первые послевоенные годы ряд статей о фразеологических словосочетаниях русского языка и включившим небольшой раздел о фразеологии («Основные типы фразеологических единиц в русском языке») в свое исследование «Русский язык. Грамматическое учение о слове» [1].

В. В. Виноградов также выделил три основных типа фразеологических единиц, которые были названы им «фразеологические сращения», «фразеологические единства» и «фразеологические сочетания». В основу классификации были положены «факторы семантического порядка», а именно то, как соотносится значение фразеологического целого со значениями образующих его слов.

Фразеологические сращения — абсолютно неделимые, неразложимые словосочетания, «значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака». Примерами фразеологических сращений являются устойчивые словосочетания вроде *собаку съел* (в чем-нибудь), *как ни в чем не бывало*, *точить лясы*, *бить баклуши* и под. «Семантическое единство фразеологического сращения,— отмечал В. В. Виноградов,— часто поддерживается синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами. Например: *так себе; куда ни шло; была ни была; то и дело; хоть куда; трусу праздновать; диву даться; выжить из ума...*» и т. д., в связи с чем «фразеологические сращения являются только эквивалентами слов» и «подводятся под грамматические категории как целостные семантические единицы».

Фразеологические единства — словосочетания, в которых «значение целого связано с пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов». Таковы, например, разговорные выражения *держать камень за пазухой*, *выносить сор из избы*, *семь пятниц на неделе*, *стреляный воробей*, *класть (положить) зубы на полку* и т. д., а также «литературно-книжные фразы» вроде *плыть по течению*, *всплыть на поверхность* и т. п. Фразеологические единства являются, как и фразеологические сращения, потенциальными эквивалентами слов, но

[1] См.: Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 21—28.

отличаются от них «семантической сложностью своей структуры, потенциальной выводимостью своего общего значения из семантической связи компонентов». Грамматические отношения между компонентами фразеологических единств «могут быть сведены к живым современным синтаксическим связям».

Фразеологическими сочетаниями В. В. Виноградов назвал словосочетания, «образуемые реализацией несвободных значений слов». В. В. Виноградов отметил, что «большая часть слов и значений слов ограничена в своих связях внутренними семантическими отношениями самой языковой системы. Эти лексические значения могут проявляться лишь в связи с строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений. При этом для такого ограничения как будто нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений... Например, слово *брать* в значении: овладевать, подвергать своему влиянию, и в применении к чувствам, настроениям — не сочетается свободно со всеми обозначениями эмоций, настроений. Говорится: *страх берет*, *тоска берет*, *досада берет*, *злость берет*, *ужас берет*, *зависть берет*, *смех берет*, *раздумье берет*, *охота берет* и некоторые др. Но нельзя сказать: *радость берет*, *удовольствие берет*, *наслаждение берет* и т. п.»

«Фразеологически связанное значение трудно определимо», поэтому обычно «такое значение не столько определяется, сколько характеризуется, освещается путем подбора синонимов, которые могут его выразить и заменить в соответствующем контексте». К фразеологическим сочетаниям были отнесены В. В. Виноградовым также сочетания со словами, которые «вообще не имеют свободных значений», но «существуют в языке лишь только в составе фразеологических групп», например: *потупить (взор, взгляд, глаза, голову;* ср. *потупиться)*, *беспросыпный* (лишь в сочетании со словом *пьянство*) и под.

В отличие от фразеологических сращений и единств фразеологические сочетания «аналитичны», в них слова с фразеологически связанным значением допускают синонимическую замену. В. В. Виноградов писал: «Различия в онтологическом содержании свободных и связанных значений настолько велики и существенны, что их неразличение приводит к искажению всей смысловой структуры слова».

§ 153. Классификация фразеологизмов, предложенная В. В. Виноградовым с теми или иными поправками и уточнениями, была принята многими исследователями фразеологии русского языка. Так, например, Н. М. Шанский выделил четвертый тип фразеологических единиц, названных им «фразеологическими выражениями».

Фразеологические выражения — «устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями» [1]; фразеологические выражения включают две различные группы: «фразеологические выражения коммуникативного характера» *(Человек — это звучит гордо; Хрен редьки не слаще; Без труда не вытащишь рыбку из пруда)* и «фразеологические выражения номинативного характера» *(трудовые успехи; на данном этапе; высшее учебное заведение)*.

Н. М. Шанский отметил различие фразеологизмов с точки зрения их лексического состава (с одной стороны, «обороты, которые состоят целиком из слов, обладающих свободным употреблением», например: как *снег на голову*, *через час по чайной ложке* и под.; с другой — «обороты, в которых имеются слова с закрепленным употреблением или устаревшие лексико-семантические факты», например: *мурашки бегают*; *оторопь нашла; притча во языцех; сим победиши* и под.), а также подробно охарактеризовал фразеологические обороты «с точки зрения их структуры», «с точки зрения их происхождения» и «с точки зрения их экспрессивно-стилистических свойств».

О РАЗЛИЧНЫХ КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

§ 154. Работы В. В. Виноградова привлекли к проблемам фразеологии внимание многих лингвистов, однако, несмотря на огромное число работ (в том числе отдельных монографий), посвященных фразеологической тематике, ни в определении объема и задач фразеологии, ни в определении самих критериев «фразеологичности» до сих пор нет единства мнений. Не достигнуто и сколько-нибудь единообразное понимание того, как фразеология соотносит-

[1] Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964, с. 201.

с я с л е к с и к о й. Некоторые исследователи безоговорочно включают фразеологию в лексику, другие отводят ей роль отдельного «уровня» языка, считая, что лексика находит свое продолжение будто бы в двух параллельных уровнях — синтаксисе (свободные сочетания слов) и фразеологии (несвободные сочетания слов). Необоснованность этого взгляда очевидна уже из того, что любое высказывание организовано по определенным синтаксическим правилам, то есть представляет собой сочетание синтаксически значимых единиц, тогда как фразеологизмы (в том их понимании, какое было развито В. В. Виноградовым и его последователями) н е о п р е д е л я ю т с т р у к т у р ы т е к с т а; никакой текст не членится «без остатка» на фразеологизмы, так, как он членится на фонемы, морфемы, слова и синтаксические конструкции.

Терминология, относящаяся к фразеологии, остается во многом двусмысленной. «Зыбкость, неопределенность и многообразие в понимании объекта фразеологических исследований,— констатировал С. И. Ожегов в 1957 г.,— сопряжены с такой запутанностью терминологии, какой нет, вероятно, ни в одном разделе лингвистики» [1].

С. И. Ожегов сравнивает терминологию в книгах по общему языкознанию Л. А. Булаховского, который «под идиоматикой понимает то, что у В. В. Виноградова называется фразеологическими сращениями, единствами и сочетаниями, а под фразеологией ходовую цитацию, пословицы и т. п.», и А. А. Реформатского, который «в идиоматике объединяет то, что Л. А. Булаховский называет идиоматикой и фразеологией, а в фразеологию включает явления профессиональной, жаргонной, художественной речи» [2].

Приходится отметить, что за прошедшие после опубликования статьи С. И. Ожегова два десятилетия «запутанность терминологии» в этой области только увеличилась.

Наиболее странное впечатление производит, однако, даже не разнобой в терминологии, а то, что «фразеология» понимается некоторыми исследователями как нечто само по себе д а н н о е в языке в своих точных границах. В связи с этим отдельные исследователи признают «неправильным» включение в фразеологию тех или иных разрядов сло-

---

[1] О ж е г о в С. И. О структуре фразеологии.— Лексикографический сборник, вып. 2. М., 1957, с. 37.

[2] Там же.

восочетаний (или, наоборот, исключение из нее каких-то типов словосочетаний) лишь на основании того, что их представление о фразеологии не совпадает с другим представлением, в соответствии с которым такие-то словосочетания признаются или не признаются фразеологизмами.

Словосочетания, которые различными исследователями рассматриваются как фразеологические единицы, чрезвычайно различны по своему характеру. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они могут объединяться и разграничиваться различными способами, на основании различных признаков. В зависимости от общего определения, которое дается понятию «фразеологическая единица», меняется и объем, а отчасти и состав фразеологии языка. Нет сомнения, что для разных целей могут оказаться полезными какие-то различные принципы классификации фразеологического материала.

В исследованиях мы находим в качестве основных критериев выделения (а иногда и классификации) фразеологизмов такие качества, как идиоматичность словосочетания, его устойчивость и воспроизводимость, постоянство состава компонентов, невыводимость значения целого из суммы значений составляющих его компонентов, образность и т. д. Совершенно ясно, что, какими бы второстепенными ни казались отдельные из этих признаков с точки зрения иных критериев и принципов выделения фразеологизмов, нет никакого основания (именно с точки зрения этих иных принципов) считать их несостоятельными или даже ошибочными.

§ 155. Неопределенность состава фразеологии, обусловленная тем, что к фразеологии были отнесены единицы, выделенные на основании неоднородных признаков, приводит некоторых исследователей к выводу о необходимости более точно определить критерии «фразеологичности» и в соответствии с ними строже очертить объемы и границы фразеологии. Так, поскольку словосочетаниям, которые многие (вслед за Виноградовым) обозначают как «фразеологические сочетания» (вроде *берет сомнение*, а также *закадычный друг* и т. п.), не присуща «семантическая нерасчлененность значения», нет оснований включать их в состав фразеологии, если признак целостности, нерасчлененности значения словосочетания действительно признается основным критерием «фразеологичности». Отмечается также, что в указанных сочетаниях нет не только «семантической нерасчлененности»,

но и какого-либо сдвига в значении целого по сравнению со значением образующих его компонентов: значения слов *закадычный* и *друг* полностью сохраняются в словосочетании *закадычный друг*, а значение всего словосочетания определяется этими значениями. Особенность же подобных сочетаний состоит в другом — в том, что одно из слов ограничено в своей сочетаемости: прилагательное *закадычный* появляется только в сочетании со словом *друг*, в сочетании с другими словами оно невозможно (если не говорить о сознательном смысловом сдвиге), а следовательно, его собственное значение неотрывно привязано к данному словосочетанию и как бы только в нем и существует (ср. словосочетания вроде *верный друг*, *ближайший друг* и т. п.).

Подобные словосочетания не представлены во «Фразеологическом словаре русского языка», вышедшем под ред. А. И. Молоткова [1]. Отметив, что в качестве критериев фразеологизма различные авторы называют в разных комбинациях такие свойства словосочетания, как устойчивость, целостность значения, непереводимость на другие языки, а также метафоричность, образность, экспрессивность и т. д., редактор словаря А. И. Молотков пишет во вступительной статье «Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания» следующее: «Между тем анализ фразеологизмов русского языка со стороны значения, формы и употребления позволяет утверждать, что ни один из этих признаков, ни сам по себе, ни в совокупности с другими, не является категориальным, определяющим, различительным, дифференциальным признаком фразеологизма». Категориальными, определяющими признаками фразеологизма признаются лексическое значение, компонентный состав и наличие грамматических категорий [2].

Автор сопоставляет фразеологизм со словом и словосочетанием, что считает принципиально важным «для правильного понимания самой природы фразеологизма», поскольку слово «имеет некоторые общие с фразеологизмом признаки», а словосочетание является в большинстве случаев «генетическим источником фразеологизма». Следует заметить однако, что для того, чтобы утверждать, что такие-то признаки фразеологизма не являются определяющими, а такие-то являются, нужно уже з н а т ь, что такое фразеологизм. Только

---

[1] См.: Фразеологический словарь русского языка. М., 1967.
[2] Там же, с. 7.

после того, как мы выделили какие-то единицы из ряда других, можно выяснить, какими же отличительными свойствами эти единицы обладают. Но чтобы выделить эти единицы, необходимо предварительно определить критерии их выделения. Когда речь идет о такой неоднородной области языка, какой выступает фразеология в соответствии с ее «широким пониманием», намеченным в работах целого ряда лингвистов, т. е. фразеология, представленная всевозможными устойчивыми сентенциями, образными речениями, экспрессивными перифразами, поговорками и т. д., вряд ли имеет смысл говорить о правильном и неправильном понимании природы фразеологизма, ведь природа фразеологизма будет зависеть от того, какие из всех этих единиц мы условимся в соответствии с принимаемым нами определением называть фразеологизмами.

Ценность лингвистического определения, а соответственно — критериев выделения определенных языковых единиц зависит в первую очередь от того, насколько данное определение позволяет объединить и последовательно и непротиворечиво охарактеризовать те языковые явления, которые интуитивно воспринимаются говорящими как однородные, и отграничить их от смежных явлений. Собранные во «Фразеологическом словаре...» единицы, бесспорно, составляют среди многообразных устойчивых словосочетаний, относимых к фразеологии, сравнительно (насколько это возможно, когда дело касается такого неоднородного по многим параметрам материала) компактную группу.

Но трудно считать бесспорным, что представленные в словаре фразеологизмы отобраны действительно только на основании отмеченных во вступительной статье «категориальных признаков фразеологизма». Почему *дать согласие* — это «описательный оборот», словосочетание, отнесение которого к фразеологии «ничем не оправданно», а, положим, *прокладывать дорогу* или *путь* (кому-либо, чему-либо) — это фразеологизм, обладающий сам по себе «лексическим» значением? Автор исходит из того, что в первом случае перед нами «словосочетание, в котором каждое слово сохраняет свое лексическое значение, свою форму, свою грамматическую характеристику», которое поэтому не имеет «лексического» значения и не соотносится «с лексическим значением соответствующего ему глагола». А *прокладывать дорогу (путь)* — это не «описательный оборот», хотя значение этого выражения в словаре толкуется так: «создавать благо-

приятные условия для успеха, продвижения кого-либо, для достижения чего-либо». Почему не «описательный оборот» *брать измором*, значение которого опять-таки толкуется не каким-либо «соотносительным» глаголом, а как раз описательно — «настойчиво добиваться чего-либо, надоедая своими просьбами, разговорами, действиями и т. п.»? Аналогичные вопросы возникают и в связи с другими глагольными фразеологизмами.

Приходится признать, что понятие «лексическое значение» само требует определения применительно к выделенным фразеологизмам, коль скоро «лексическое значение» не равнозначно «целостности значения», т. е. признаку, названному среди других, которые «не являются категориальными» для отграничения фразеологизмов. Если лексическое значение большей части составляющих словарь фразеологизмов может быть определено только при помощи описательных оборотов, то в чем состоит их лексическое значение, противопоставленное таким образом «целостности значения»? Не вполне ясно также, почему составные термины *анютины глазки*, *антонов огонь*, *виттова пляска* и т. п.— это словосочетания, в которых «составляющие их слова не утрачивают признаков слов», тогда как *чертова дюжина*, *медвежий угол*, *шарашкина контора* и т. д.— это единицы, характеризуемые именно лексическим значением. Трудно отрешиться от мысли, что отвергнутая в качестве определяющего признака фразеологизмов метафоричность как раз и определила отбор фразеологизмов, помещенных в словаре.

Для подтверждения того, что указанные в статье признаки в своей совокупности присущи только фразеологизму, автор вступительной статьи сопоставляет фразеологизм со словом и словосочетанием и отмечает, что «фразеологизм и слово имеют общие признаки: лексическое значение и грамматические категории» [1], в то время как со словосочетанием у фразеологизма нет ни одного общего признака. «Всякое словосочетание представляет собой сочетание слов, в котором слова сохраняют все свои признаки, тогда как компоненты фразеологизма утрачивают все признаки слова (кроме его звукового облика): лексическое значение, формы изменения, синтаксическую функцию и т. д. Связи и отношения между компонентами фразеологизма перестают быть

[1] Фразеологический словарь русского языка. М., 1967, с. 8.

связями между словами» [1]. Мнение, что слова, входящие во фразеологизм, лишены лексического значения, а поэтому — вообще «не слова», а лишь «компоненты» фразеологизма, разделяется и некоторыми другими исследователями.

§ 156. Можно было бы, по-видимому, не считаться с тем, что фразеологические словосочетания интуитивно воспринимаются нами как именно словосочетания со связанным (опосредствованно мотивированным) значением (можно было бы думать, что интуиция нас обманывает и, как раз «отделавшись» от нее, мы подходим к пониманию существа фразеологизмов), если бы не то немаловажное обстоятельство, что, сколь бы ни была затемнена мотивированность фразеологизма (мотивированность через исходное словосочетание), она никогда не стирается настолько, чтобы последний превратился полностью в «внесловесное» образование. Дело не доходит до того, чтобы все компоненты фразеологизма стали никак не сопоставимы с «обычными» словами. Ведь даже *ни зги*, *ни бельмеса*, *с панталыку* и т. п. отсвечивают для нас отраженным значением целого — именно как определенные формы слов (ср. *щец*, *дровец*). Совсем странно думать, что в выражениях *держать язык за зубами* или *прикусить язык* слово *язык* лишено лексического значения или что это вообще не слово, хотя в подтверждение того, что «словосочетание состоит из лексических единиц — слов — с их конкретными лексическими значениями, но в целом оно не образует единицы с лексическим значением», фразеологизм же, «наоборот, не состоит из лексических единиц-слов, но сам по себе является самостоятельной единицей языка с конкретным лексическим значением», предлагается сравнить следующие фразы: *Я хотел было завести разговор с моим ямщиком, но только что раскрыл рот, меня подбросило и я прикусил язык* (Добролюбов. Внутреннее образование) и *Кто-то из молодежи, сославшись на традицию, предложил «обмыть» нового токаря, но мастер посмотрел на знатока традиций так, что тот сразу прикусил язык* (И. Соловьев. Будни милиции). Очевидно, что и в первой цитате налицо фразеологическое значение словосочетания, которому дана только «внешняя мотивировка», придающая фразе нарочитую двусмысленность

[1] Фразеологический словарь русского языка. М., 1967, с.9.

(вообще характерный для многих писателей того времени прием). Так что признание за фразеологизмом лексического значения, или «словности», вряд ли способно опровергнуть интуитивное представление о том, что компоненты даже наиболее идиоматичных по значению фразеологизмов — это именно слова, связанные друг с другом в устойчивом словосочетании, имеющем иносказательный смысл.

§ 157. Непризнание «статуса» слов за компонентами фразеологизма связано, помимо прочего, и с известной трудностью интерпретации этого явления: сначала мы замечаем, что фразеологические единицы — это какие-то особые сочетания слов, затем выясняем, что компоненты фразеологизмов — это вовсе не слова, а нечто только внешне совпадающее со словами.

И сознательное переиначивание фразеологизмов в речи, и существование их синонимических разветвлений, закрепленных в самом языке, естественней всего объясняются тем, что компоненты фразеологизма представляют собой слова, что и делает возможным замену их другими, близкими по смыслу (сближаемыми, противопоставляемыми — в данном словосочетании) словами. Ср. синонимические образования, приводимые как примеры фразеологической вариативности: *бросать камешки — кидать камешки* (в чей-либо) *огород; валяться — кататься со смеху; вбивать — вколачивать в голову — в башку; и бровью — глазом — ухом — усом — носом не ведет; ударить — стукнуть — взбрести в голову — в башку; висеть — держаться на волоске — на ниточке; витать — парить в облаках; гнуть — ломать спину — горб — хребет; затыкать — закрывать — зажимать рот* (кому-нибудь); *дух захватывает — занимает* и мн. под.

Трудно сомневаться в том, что вариативность обусловлена здесь совершенно очевидной синонимичностью (*бросать— кидать; вбивать — вколачивать; в голову — в башку* и т. п.) или предметной близостью (*бровью — глазом — ухом — усом — носом; висеть — держаться* и т. п.) входящих во фразеологизмы слов.

Интересны в этом плане и следующие случаи варьирования фразеологизмов.

Во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова отмечены фразеологизмы: *на дружеской*

(на короткой) ноге, на равной ноге, на родственной ноге [1]. Между тем можно заметить, что *быть* (*жить, держаться* и т. п.) ... *на ноге* допускает более широкий круг определений: ... *У меня же ты сыт, одет, получаешь жалованье; ты живешь на благородной ноге, ты артист, но ты этого не хочешь понимать и не чувствуешь* (Достоевский. Неточка Незванова); — *Теперь вам особенно нужно держать себя прилично и на тонкой ноге, чтобы все видели, что вы дворянские дети* (Достоевский. Преступление и наказание); *Свидригайлов и недели не жил в Петербурге, а уж все около него было на какой-то патриархальной ноге* (там же); *Эпизод с перчаткой, хотя и мог кончиться дурно, принес мне ту пользу, что поставил меня на свободную ногу в кругу, который казался мне всегда самым страшным — в кругу гостиной...* (Л. Толстой. Детство); — *Я сейчас к тебе в вагон переберусь. Развалимся и заживем на холостую ногу* (Чехов. Стража под стражей) и т. п. Ср. также: *на широкую ногу* и *Одним словом, в несколько лет во всех отношениях он поставил себя на такую ногу, что добрые люди дивились, а недобрые завидовали* (Аксаков. Семейная хроника); а также: *Он был на такой ноге в городе, что пригласительный билет от него мог служить паспортом во все гостиные...* (Л. Толстой. Детство). Представляется несомненным, что было бы трудно объяснить все эти вариации, исходя из того, что компоненты фразеологизма — «не слова».

§ 158. Одновременно с таким пониманием фразеологии, требующим значительного сужения ее границ, развивалось и другое, прямо противоположное в этом отношении. Так, были высказаны соображения о том, что «совмещение в слове хотя бы двух значений автоматически превращает каждое из них в несвободное, контекстуально связанное». Естественно, что при таком взгляде на «связанность» значения слова определение границ фразеологии существенно меняется. В то время как, по мнению одних исследователей, из состава фразеологии, если мы считаем фразеологизмами именно семантически неразложимые единства, должны быть

[1] Само по себе выражение *быть на дружеской ноге* — не совсем точный перевод французского être sur un bon pied, так же как *жить на широкую ногу* — французского vivre sur un grand pied.

исключены те объединения слов, которые были названы В. В. Виноградовым «фразеологическими сочетаниями», по мнению других, напротив, любые сочетания слов должны быть рассмотрены с точки зрения их фразеологичности.

Ярким примером этой второй точки зрения, основанной на том, что вообще разграничение свободных и связанных значений неоправданно, является фразеологическая концепция М. М. Копыленко.

М. М. Копыленко полагает, что исследователи фразеологии «обычно стремятся к предельному ограничению объема фразеологии, не учитывая того, что лексемы характеризуются различными комбинаторными возможностями, зависящими главным образом от их семантических свойств. В сочетаемости одних лексем наблюдаем высокую предметно-логическую обусловленность, в сочетаемости других лексем такая обусловленность ниже, в третьем случае находим сочетаемость, не имеющую предметно-логических оснований. Разбирая имеющиеся в языке сочетания лексем, найдем среди них и терминологические, и переносные по значению, и образные, и экспрессивные и многие другие. Единственное, чего нельзя найти в сочетаниях лексем,— это четкой границы между ними по наличию или отсутствию того или иного качества» [1].

Такое расширение объема фразеологии, как видим, связано не просто с терминологической подменой (вместо «лексическая сочетаемость» сказать «фразеология»), но основано на убеждении, что между различными по своему характеру словосочетаниями нет четких границ, между крайними точками можно наблюдать переходные явления. Еще более резко мысль о некоей решающей роли переходных явлений была высказана М. М. Копыленко в другом месте, где он опирается на высказывание Ш. Балли: «Словосочетания могут представлять различную степень спаянности в пределах между двумя крайними случаями, а именно: 1) когда сочетание распадается немедленно после того, как оно было создано, и составляющие его слова вновь обретают полную свободу вступать в другие комбинации; 2) когда слова, в силу того, что они постоянно употребляются в этом сочетании для передачи одной и той же мысли, полностью теряют свою

---

[1] Копыленко М. М. Сочетаемость лексем в русском языке. М., 1973, с. 3.

независимость, оказываются неразрывно связанными между собой и имеют смысл только в данном сочетании.

Ясно, что между этими двумя крайними случаями можно обнаружить массу переходных случаев, не поддающихся точной классификации» [1].

По поводу этого высказывания М. М. Копыленко пишет: «За шестьдесят с лишним лет, отделяющие нас от 1909 года, когда выдающийся французский лингвист Ш. Балли впервые обратил внимание на существенные особенности лексической сочетаемости, было высказано много разных мнений и взглядов. Наиболее горячо обсуждался вопрос об объеме фразеологии. Однако никто не смог опровергнуть справедливость позиции, занятой Шарлем Балли... Серьезный и пытливый исследователь, независимо от исповедуемой им фразеологической доктрины, оказывался вынужденным включить в орбиту своего внимания «переходные случаи», т. е. по сути сочетаемость лексемы во всем ее объеме, и попытаться привести в систему то, что, по мнению Ш. Балли, не поддается точной классификации. Но господствующее положение в обозреваемый период продолжала занимать предложенная акад. В. В. Виноградовым в конце 40-х годов рубрикация (сращения, единства, сочетания), модернизированная Н. М. Шанским» [2].

§ 159. Мысль Ш. Балли о существовании «переходных случаев» между «полной свободой» в лексической сочетаемости слов, с одной стороны, и устойчивыми, семантически «спаянными словосочетаниями» — с другой, разумеется, не требует опровержения. Во всех областях языка обнаруживаются «переходные случаи», что заставляет исследователей выделять «центральные» и «периферийные» явления. При рассмотрении лексического материала нам также приходилось сталкиваться с «переходными» случаями. Так, при определении понятия «слово» приходилось констатировать, что между словом и словосочетанием не всегда проходит отчетливая граница (например, в отношении отдельных предложно-падежных форм имени, приобретающих значение наречий), точно так же, как есть единицы, занимающие «про-

---

[1] Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961, с. 89.

[2] Копыленко М. М. Фразеология.— В кн.: Обзор работ по русскому литературному языку за 1966—1969 гг. Лексика. М., 1972, с. 40—41.

межуточную зону» между словом и морфемой (некоторые служебные слова, которые только на основании «остаточной выделимости» могут быть отнесены к словам, но по другим признакам близки к морфемам). При разграничении явлений многозначности и омонимии мы опять-таки были вынуждены говорить о переходных явлениях (незавершенный «семантический распад» многозначного слова) и т. п. Все это не значит, конечно, что вообще нет смысла (или нет возможности) разграничивать слова и словосочетания, слова и морфемы, многозначность и омонимию и т. д. Определение «крайних точек» только и делает возможным обнаружение «переходных» явлений. Но разграничение свободных и фразеологически связанных значений слов имеет другой смысл. Это разграничение вовсе не предполагает сочетания слова в «свободном» значении с какими угодно другими словами. Это разграничение можно понять лишь в том случае, если мы будем учитывать различие между лексико-семантической и лексической сочетаемостью слова. Например, слово *X* имеет три выделяемых в словаре лексических значения: *a*, *b*, *c*. Первое из этих значений реализуется в сочетании со словами A_1, A_2, A_3, A_4 и т. д., второе — со словами B_1, B_2, B_3, B_4 и т. д. Слова A_1, A_2, A_3, A_4 и т. д. характеризуются общим для них семантическим признаком, поэтому их перечисление не обязательно, достаточно указания на этот признак (перечисление обычно оказывается и невозможным, так как лексическая группа соответствующих слов оказывается незамкнутой, поскольку она может пополняться и за счет новообразований, и за счет переносного употребления в соответствующем значении слов иных тематических групп). Слова B_1, B_2, B_3, B_4 и т. д. характеризуются также общим для них семантическим признаком, что делает излишним (и невозможным в силу указанных выше обстоятельств) их перечисление. Для реализации же значения *C* возможными оказываются сочетания слова лишь с некоторыми словами из группы *C*, например C_1 и C_4. Хотя и у других слов этой группы (C_2 и C_3) в их значениях присутствует тот же семантический признак, они не появляются в сочетании со словом *X*. Здесь, следовательно, невозможна собственно семантическая характеристика сочетаемости, но требуется как раз «лексическое перечисление». В этом и заключается то различие, которое увидел и отметил В. В. Виноградов между свободными и фразеологически связанными значениями слов.

§ 160. Будучи основной номинативной единицей языка, слово, независимо от его семантической сложности (ср. *подниматься* и *карабкаться*, *лес* и *чащоба* и т. п.), обозначает какой-то отрезок действительности как нечто отдельное и целостное. В отличие от слова сочетание слов соответствует расчлененному отображению явлений действительности, опять-таки независимо от их внутренней, реальной слитности и нечленимости (ср. *быстро двигаться* и *мчаться* и т. п.). Идиоматичность слова и мотивированность словосочетания — одно из важнейших свойств организации языка как знаковой системы. Однако, как хорошо известно, в языке постоянно отмечаются такие словосочетания, которые противоречат указанному принципу. Эти словосочетания обычно и оцениваются как фразеологические, или фразеологически связанные. Однако характеристика таких словосочетаний оказывается, как мы видели, различной.

В значительной мере это обусловлено не только тем, что разными авторами выдвигаются различные критерии «фразеологичности», но также и тем, что сами понятия «нерасчлененность значения», «семантическая целостность», «эквивалентность слову», так же как «мотивированность» и «немотивированность» и т. д. не определены с достаточной убедительностью.

Так, что́ значит, что словосочетание обладает «нерасчлененным значением» или «семантической целостностью»? Если подразумеваем под этим то, что словосочетание в таком случае выражает одно понятие, мы тотчас же оказываемся перед почти неразрешимыми на лингвистическом уровне трудностями, поскольку у нас нет, по существу, никаких оснований считать, что, например, *змея подколодная* обозначает одно понятие (так же как и *змея* в том же значении, ср. *Не человек, змея!*), а *большой хитрец!* (*Он был ловкий придворный, б о л ь ш о й х и т р е ц и больше ничего...*— Т у р г е н е в), *страшный хитрюга* и т. п.— два понятия или что *хитрец* обозначает одно понятие, а *коварный человек* (ср. невозможность соответствующего суффиксального образования) — два. Ссылка на закрепленность понятия в значении отдельного слова никак не может помочь делу, так как речь идет как раз о сочетаниях слов. Что же касается семантической сложности различных слов, то она явно неодинакова: ср. *лошадь* и *кляча* ('плохая лошадь'); *идти* и *плестись* ('медленно идти'); *большой* и *чрезмерный* ('слишком большой'); *брат жены* и *шурин*; *писатель* и *автор про-*

заических произведений; канифолить смычок и *смазывать канифолью смычок; столярничать* и *заниматься столярными поделками* и т. д. и т. п. Следовательно, семантическая нерасчлененность слова не может быть соотнесена с его семантической «элементарностью» или со словообразовательной нерасчлененностью. Мы говорим о целостности, нерасчлененности значения отдельного слова, исходя именно из того, что это о т д е л ь н о е с л о в о, а о расчлененности значения словосочетания, исходя из того, что это с о ч е т а н и е о т д е л ь н ы х с л о в.

Таким образом, когда мы дальше утверждаем, что такое-то словосочетание характеризуется семантической нерасчлененностью, а поэтому оно эквивалентно слову, в связи с чем и должно быть признано фразеологическим,— мы попросту выдаем за определение то, что как раз собирались определить, или же, выдавая «эквивалентность слову», лексичность значения фразеологизма за его основной признак, на самом деле исходим из каких-то других признаков.

Одним из таких признаков является немотивированность значения (идиоматичность) фразеологизма. Но здесь опять-таки возникают затруднения разного рода. Так, неясно, почему словосочетания вроде *потупить глаза* ближе к немотивированным словосочетаниям, чем *опустить глаза* (скорее как раз наоборот). Само понятие немотивированности оказывается не только неопределенным, но и противоречивым. Что, собственно, мы имеем в виду, говоря, что немотивированными являются словосочетания, общее значение которых не вытекает из значения входящих в них слов? Если то, что словосочетание может иметь и какое-то еще значение (которое вытекает из значения слов), то мы никак не должны бы были считать немотивированными словосочетания вроде *бить баклуши, камень преткновения, охулки на руку не положит* и т. п. Напротив, их значение необходимо признать полностью мотивированным, так как в данных сочетаниях слова не могут иметь иного значения, чем то, из которого и вытекает значение целого. Если же, говоря о немотивированности, иметь в виду то, что значение какого-то словосочетания не может быть выведено из тех значений отдельных слов, которые отмечены и в других словосочетаниях (ср.: *бить жену, детей...*; *бить стекла, посуду...*; *бить в колокол, в доску...* и т. п. при уникальности значения *бить баклуши*), то мы опять-таки наталкиваемся на трудности, так как общее образное значение целого ряда фразеологизмов никак

не противоречит возможному образному применению отдельных, входящих в них слов (ср. например, значение фразеологизма *тянуть канитель* и значения слов *тянуть* и *канитель* в отдельности).

Значительная часть фразеологического состава языка состоит из таких словосочетаний, которые характеризуются мотивированностью своего значения, но не значениями отдельных компонентов, взятых в их относительно свободных значениях, а буквальным значением целого (ср. *сидеть между двух стульев; становиться поперек горла; положить на обе лопатки* и т. д. и т. п.). Ясно, что можно с равным успехом говорить о мотивированности или немотивированности таких словосочетаний, смотря какой смысл мы будем вкладывать в эти понятия. Многим исследователям фразеологии представляется поэтому более уместным вообще рассматривать подобные словосочетания не с точки зрения их мотивированности — немотивированности, а с точки зрения образности. Нередко образность (метафоризация и т. п.) и расценивается как основной или один из основных признаков фразеологизмов. Однако в таком случае объем фразеологии приходится значительно сузить — не только за счет всевозможных лексикализованных словосочетаний и стандартных выражений, заведомо лишенных образности, но и за счет целого ряда таких словосочетаний, которые трудно рассматривать как образные (ср. *сбить с панталыку* и т. п.), но которые неизменно признаются фразеологическими всеми исследователями фразеологии.

ПОНЯТИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗАННОСТИ. ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

§ 161. Приходится признать, что если для определения и выделения приблизительно того же самого множества словосочетаний выдвигаются совершенно различные признаки, которые во многом не соотносительны друг с другом и которые по-разному и в разных направлениях то сужают, то расширяют границы этого множества, то, следовательно, или эти признаки описываются не совсем точно, или само понятие «фразеологичность» в том виде, в каком оно сложилось к настоящему времени, внутренне противоречиво.

Однако, как бы мы ни переосмысливали это понятие, остается несомненным, что словосочетания, причисляемые

даже на разных основаниях к фразеологизмам, при всех своих различиях имеют и что-то общее, что и заставляет объединять их, противопоставляя свободным словосочетаниям.

По-видимому, о б щ и м для всех них и является только то, что они как-то п р о т и в о с т о я т «с в о б о д н ы м» с л о в о с о ч е т а н и я м, т. е. и х с в я з а н н о с т ь.

Конечно, в таком случае объединить эти словосочетания на основе более определенных признаков, чем общий признак «связанности» будет невозможно, как будет невозможно и дать единое основание для их классификации, поскольку и с т о ч н и к и «с в я з а н н о с т и» здесь р а з л и ч н ы. Следовательно, нужно прежде всего точнее установить самый характер «связанности» для разных групп словосочетаний. Для этого целесообразнее всего обратиться к тем внутриязыковым связям, которыми определяется значение слова.

§ 162. Объединяясь в речи в соответствии со своими значениями, слова образуют словосочетания, представляющие собой реализацию того или иного синтаксического образца, или синтаксической формулы. Именно последние закреплены в языке, следовательно, находятся в определенных парадигматических отношениях друг с другом. Понятно, что это отношения уже иного рода, чем отношения между конкретными словами, это отношения между синтаксическими единицами, образующими синтаксические парадигмы. Парадигматическое же значение каждого конкретного словосочетания как синтаксической единицы определяется его соответствием определенной формуле конструкции. Но в действительности дело обстоит не всегда так.

Парадигматическое значение целого ряда словосочетаний определяется не их соответствием той или иной формуле конструкции, а принадлежностью к различным лексическим парадигмам. В этом смысле они являются п а р а д и г м а т и ч е с к и с в я з а н н ы м и. Например, в ряду слов, обозначающих родственные отношения, оказываются такие составные наименования, как *двоюродный брат, двоюродная сестра*. Парадигматическая связанность этих обозначений определяется не их семантической нерасчленимостью — ее у них нет (ср.— *Это твой р о д н о й б р а т? — Нет, д в о ю р о д н ы й*),— а тем, что

они занимают вполне определенные «клеточки» соответствующей лексической «матрицы»: *отец — мать — сын — дочь — брат — сестра; дядя — тетка — племянник — племянница — двоюродный брат — двоюродная сестра.* Ср. *белый гриб* среди названий других грибов (*березовик*, *опенок* и т. д.). Семантическая слитность составных наименований может быть различной, ср. названия растений типа *гвоздичное дерево*, *конский щавель*, *волчьи ягоды*, *медвежий корень*, *медвежье ухо*, *львиный зев*, *куриная слепота*, *анютины глазки* и т. д.; понятно, что *медвежье ухо* представляется более слитным, чем *медвежий корень*, а сочетание *медвежий корень* в свою очередь менее членимо, чем такие наименования, как *белый гриб*, *волчьи ягоды* и под., которые в самом своем составе заключают родовое обозначение (*грибы*, *ягоды*). Парадигматический ряд, отражающий родо-видовые соотношения обозначаемых предметов, во многих случаях вообще построен именно на таком (специфическом в каждом случае) расчленении родового обозначения: *смородина: черная — красная; хлеб: белый — черный* и т. п.

Легко заметить, что среди наименований различных организаций, учреждений, официальных документов и т. д. значительное место принадлежит именно составным наименованиям: *адресный стол*, *биржа труда*, *касса взаимопомощи*, *нотариальная контора*, *дом отдыха*, *аттестат зрелости*, *больничный лист*, *выходное пособие*, *гербовый сбор* и т. д. и т. п.

Мотивированность, так же как и семантическая членимость подобных наименований, неодинакова. Разумеется, неодинакова и их парадигматическая обусловленность в том или ином ряду соотносительных с ними наименований (так же как и соответствующих односложных обозначений). Однако их парадигматическая связанность заключается не в характере или степени прикрепленности к определенному парадигматическому ряду, а в том, что они вообще остаются на уровне лексических отношений, на уровне лексической парадигматики. Этим и определяется их «эквивалентность слову». Понятно, что парадигматическая закрепленность всегда предполагает стабильность и регулярную воспроизводимость соответствующих обозначений, поэтому сама по себе смысловая равнозначность отдельного слова и словосочетания никак не предопределяет языковой «статус» последнего.

§ 163. Многие словосочетания характеризуются тем, что связь между их компонентами является детерминированной: один из компонентов словосочетания невозможен вне определенного лексического окружения. Таковы, например, слова *проселочный (проселочная дорога)*, *торный (торная дорога, торный путь)*, *окладистый (окладистая борода)*, *писчий (писчая бумага)*, *кромешный (кромешный ад, кромешный мрак, кромешная тьма)*, *закадычный (друг)*, *заклятый (враг)*, *вперить (глаза, взгляд, взор, очи)*, *воздеть (руки)*, *вменить (в вину, в заслугу, в обязанность)*, *смежить (глаза, очи, веки)*, *слезно (просить, молить, умолять)*, *земно (кланяться)*, *скоропостижно (умереть, скончаться)*, *впросак (попасть, попасться)*, *наотрез (отказать, отказаться)*, *ни зги (не видно)*, *дотла (сжечь, сгореть, уничтожить, разорить, разоряться, проиграться)* и т. п.; т. е. фразеологически закрепленное слово сигнализирует об определенном словосочетании,— соответственно — словосочетание, в котором оно выступает, является синтагматически связанным. Это — связанность опять-таки не на синтаксическом, а на лексическом уровне. Связанным словосочетание является не как синтаксическая единица, а как сочетание конкретных слов, т. е. как единица лексическая (в синтаксическом плане все приведенные выше словосочетания, как и другие им подобные, построены точно так же, как соотносительные с ними по структуре свободные словосочетания: например, переходный глагол + имя существительное в винительном падеже и т. д.).

Можно ли считать, что, поскольку фразеологически закрепленное слово неупотребительно вне фиксированных сочетаний, оно лишено собственного значения? Это значение, действительно, часто трудно определимо само по себе, так как оно как бы растворяется в значении целого. Но вместе с тем оно и отражает значение целого, в связи с чем потенциально сохраняет способность к разрушению своих синтагматических ограничений и проявлению «отраженного» значения в новых контекстах. Поэтому утверждения о бессмысленности таких слов не представляются правильными. Если бы слова *зга*, *лясы* и т. п. были бессмысленными, были бы невозможны фразы *Не знаю, решена ль Загадка зги загробной* (Пастернак), *От этих лет не вспомнят ни зги; Но нынче не время любовных ляс* (Маяковский), невозможны об-

разования вроде *баклушничать* (ведь слово *баклуши* закреплено за словосочетанием *бить баклуши*, как *лясы* за *точить лясы*, *ни зги* за *не видно ни зги*).

§ 164. Некоторые фразеологи рассматривают синтагматически связанные словосочетания, подобные указанным выше, в одном ряду со словосочетаниями, в которых реализуются несвободные, фразеологически связанные значения слов (называя и те и другие, вслед за В. В. Виноградовым, «фразеологическими сочетаниями»). Другие, напротив, отказывают последним в фразеологичности на том основании, что проявление того или иного значения многозначного слова всегда зависит от контекста, т. е. является контекстно обусловленным. Можно ли считать, что поэтому противопоставление свободных и фразеологически связанных значений слов не оправданно? Выше мы уже останавливались на этом вопросе. Сопоставим еще такие примеры. Для глагола *идти* выделены среди других следующие значения: во-первых, согласно Словарю русского языка С. И. Ожегова, «двигаться, переступая ногами»; во-вторых, «отправляться, направляться куда-нибудь». В каком из этих значений выступает глагол, зависит от его окружения. В этом смысле можно сказать, что значения глагола являются к о н т е к с т н о о б у с л о в л е н н ы м и. Так, в словосочетаниях вроде *идти медленно*, *идти босиком*, *идти размеренным шагом*, *идти переваливаясь* и под. реализуется первое из указанных значений, в словосочетаниях вроде *идти на работу*, *идти в лес*, *идти гулять* и под.— второе. Понятно, что невозможно перечислить все лексические окружения, которые обусловливают проявление то того, то другого значения,— это невозможно сделать не только потому, что круг соответствующих сочетаний неизмеримо велик, но и потому, что он вообще не ограничен и не замкнут чисто лексически. Можно лишь установить общие синтаксические и семантические условия, в которых эти значения реализуются. В том же словаре выделено и такое значение этого глагола: «Об осадках: падать» [1]. Легко обнаружить, что данное значение реализуется вовсе не со всеми обозначениями осадков, которые могут «вы-

[1] В четырехтомном академическом «Словаре русского языка» это значение определено так: «Лить, падать (об осадках)».

падать», как это можно было бы предположить на основании данного толкования, а только со словами *дождь*, *град* и *снег*. Это уже не семантическое, а чисто лексическое ограничение: значение привязано к строго очерченному ряду словосочетаний (они должны быть даны списком); в сочетании с другими, семантически близкими словами, даже синонимическими, оно невозможно. Не говорят *идет ливень*, *идет роса* и т. п. Существенно и то, что даже «уточняющие» словосочетания вроде *капли дождя*, *горошины града*, *хлопья снега* и т. п. уже невозможны с глаголом *идти* в значении 'падать'. Ср. решительное выключение глагола в указанном значении из противопоставления *идти — ходить: всю зиму мальчик х о д и л* (не: *шел*) *в школу*, но: *все лето ш л и* (не: *ходили*) *дожди*. В этом плане и различаются свободные и фразеологически связанные значения слов. Ср. значение прилагательного *глубокий*, которое проявляется только в сочетании со словами *осень*, *ночь*, *старость* (но не *весна*, *вечер* и под.); значение прилагательного *волчий* — в сочетании *волчий аппетит*, прилагательного *бешеный* — в сочетании *бешеные деньги*, глагола *брать* — в сочетании со словами *направо*, *налево*, *правее*, *левее*, *прямо* и т. п.

Важно отметить, что фразеологичность значения не предопределяется сама по себе тем, что слово в данном значении выступает обычно в сочетании с небольшим количеством (по сравнению с другими значениями) слов. Например, у глагола *ползти* выделены, в частности, такие значения: 'стлаться по поверхности, обвиваясь, цепляясь за что-либо (о растениях)', 'расползаться, разлезаться (о ткани)'. Понятно, что эти вторичные значения проявляются в гораздо меньшем количестве словосочетаний, чем основное значение того же глагола. Указанные в скобках ограничения не свидетельствуют, однако, о фразеологичности этих значений, так как при этом нет собственно лексической закрепленности слова. Значение 'расползаться, разлезаться' возможно при сочетании глагола с названием любой ткани, а также изделий из тканей и т. д.; ср.: *— Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся,— сказал Петрович,— да нашить-то нельзя: дело совсем гнилое, тронешь иглой — а вот уж оно и п о л з е т* (Г о г о л ь. Шинель). То же самое относится и другому из указанных выше значений. Число растений, которые могут «стлаться по поверхности, обвиваясь, цепляясь...», ограниченно,—

но это, однако, ограничения в области реалий, а не слов; ср. *Виноградная лоза ползет по решетке.*

Фразеологическая связанность какого-то (или каких-то) из значений многозначного слова обнаруживается только в словосочетании — само по себе слово *идти* не требует сочетания со словами *дождь* или *снег*, так же как слово *глубокий* — со словами *ночь* или *осень*. Следовательно, словосочетания *снег идет*, *глубокая осень* и т. п. нельзя назвать синтагматически связанными, хотя один из их компонентов и выступает во фразеологически связанном значении.

Вместе с тем эти словосочетания следует, по-видимому, рассматривать как деривационно связанные. Значения производных слов являются деривационно связанными по отношению к значениям исходных слов (ср. *лесной* и *лес*), вторичные значения многозначных слов — деривационно связанными по отношению к исходным значениям. Когда в толковых словарях при некоторых словах дается вместо толкования указание на другое слово, вроде «**земной** — прилагательное к *земле* (в 1-м значении)»,— это и показывает, что значение данного слова является деривационно связанным. Точно так же когда какие-то значения квалифицируются в словарях как переносные, это свидетельствует о том, что они воспринимаются в связи с другими значениями тех же слов, т. е. также являются деривационно связанными.

Деривационная связанность значения не обусловливает какой-либо связанности самого словосочетания, в котором выступает слово с данным значением. Какое из значений многозначного слова будет реализовано, зависит, действительно, от того, с какими словами будет сочетаться это слово,— однако это семантическая, а не лексическая зависимость. Так, разные значения прилагательного *глубокий*, в том числе и деривационно связанные, реализуются в различных семантических синтагмах (ср.: *глубокая река*, *глубокий овраг*, *глубокая рытвина* и т. п. и *глубокая натура*, *глубокие знания*, *глубокий ум*, *глубокая книга* и т. д.), но они не закреплены в определенных (лексически) словосочетаниях. В противоположность этому значение прилагательного *глубокий* в словосочетаниях *глубокая ночь*, *глубокая осень*, *глубокая зима*, *глубокая старость* ограничено именно этими словосочетаниями (не говорят: *глубокая весна*, *глубокий вечер*, *глубокий час* и т. п.), т. е. значение данных словосочетаний не является семантически мотиви-

рованным, каждое из них мотивировано как бы само по себе, в отдельности.

Понятно поэтому, что характер этой мотивированности для разных случаев различен, ср.: *глубокий старик* в связи с *глубокая старость*, *медвежья услуга* в связи с переносным значением слова *медведь* (т. е. возможно и независимо от фактического источника выражения — басни И. А. Крылова) и т. д.

Каждое из подобных словосочетаний имеет, следовательно, свою особую, индивидуальную «внутреннюю форму». А это опять-таки свойство, делающее словосочетания похожими (в этом отношении) на слова, т. е. на единицы лексики.

Мотивированность на уровне слова — идет ли речь о значении производного слова или о производном значении — это всегда частичная мотивированность [1]. Это лишь некоторая зависимость значения от другого значения (деривационная связанность значения). Мотивированность на уровне сочетания слов — это, как правило, полная мотивированность, в этом сущность словосочетаний, как таковых; словосочетания с неполной мотивированностью значения могут возникнуть только вследствие того, что словосочетание мотивировано какой-то не отраженной или неполно отраженной в нем ситуацией или благодаря тому, что исходное (свободное) словосочетание подвергается переосмыслению. Новое значение словосочетания в таком случае мотивировано уже не непосредственно (не своим составом), а опосредствованно — отношением к исходному значению. Отношение это — зависимость, т. е. перед нами деривационно связанное значение словосочетания.

Представляется очевидным, хотя многие исследователи, как мы видели, придерживаются прямо противоположного взгляда, что указанная зависимость потенциально присуща всякому идиоматическому выражению. Ведь само «ощущение немотивированности» возникает только благодаря соотнесению значения фразеологического сращения со значением аналогичного свободного словосочетания.

Показательно, что при отсутствии реальных аналогов среди свободных словосочетаний (ср. *без году неделя*) зна-

---

[1] «Между смыслом частей и смыслом целого получается зазор, люфт. Это обычно для слова, это норма для него» (П а н о в М. В. О слове как единице языка.— «Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та», 1956, т. 51, с. 147).

чение фразеологизма строится именно на мнимой возможности его буквального понимания (если отрицать это, смысл подобных фразеологизмов вообще утрачивается). Поэтому даже лишенные подлинной «внутренней формы» (с точки зрения синхронных внутриязыковых отношений) сращения типа *бить баклуши* представляются деривационно связанными в ряду с нулевым исходным элементом (субъективно, как показывают различные случаи употребления фразеологизма, этот «нуль» может подменяться разного рода ассоциативными «единицами»).

Возможное возражение: «внутренняя форма» тех или иных фразеологизмов не воспринимается, стерта, уводит в сторону от правильного понимания реального их значения — не является возражением. Ведь мы и у большей части слов ее «не ощущаем». Важно, есть она у слова или нет. Это и раскрывается словообразовательным анализом, при этом существенно, что словообразовательное значение почти никогда не равно лексическому значению слова, что оно может даже направлять по ложному пути осмысление слова.

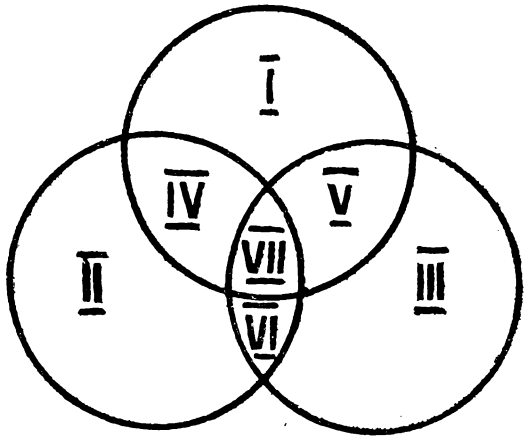
Значение словосочетания *железная дорога* является в этом смысле деривационно связанным (при этом неважно, что внутренняя форма словосочетания «не ощущается»), а значение (также парадигматически связанного и, кроме того, синтагматически связанного) словосочетания *перочинный нож* не является деривационно связанным (понятно, что у слова *перочинный* самого по себе, напротив, значение связанное в деривационном отношении).

Таким образом, степень мотивированности — немотивированности фразеологизмов, хотя ее учет и важен во многих отношениях, не является решающим признаком фразеологических объединений слов.

§ 165. Парадигматические, синтагматические и деривационные значения единиц лексики не существуют независимо друг от друга. Вместе с тем семантическая связанность словосочетаний в каждом из указанных планов может быть установлена независимо. Таким образом, каждый вид связанных словосочетаний имеет свою собственную характеристику. Однако ряды соответствующих словосочетаний (как это можно было заметить уже из приводимых примеров) оказываются в значительной части пересекающи-

мися. Определив эти пересечения, мы получаем достаточно строго разграниченные типы фразеологических словосочетаний, что может быть представлено в схеме:

I — парадигматическая связанность (П);
II — синтагматическая связанность (С);
III — деривационная связанность (Д);
IV—VII — сочетание этих видов связанности в разных группах фразеологических единиц.

Выделенные в схеме типы фразеологических сочетаний слов могут быть пояснены примерами.

I П: *подъемный кран, стиральная машина, запасные части, единицы оборудования, сделать замечание, вступить в должность.*

II С: *закадычный друг, обложной дождь, проливной дождь, кружный путь (дорога), спертый воздух, воздеть руки, насупить брови, смежить глаза (веки), земно кланяться, курить взатяжку, во сто (много) крат, слезно просить.*

III Д: *глубокий старик, медвежья услуга, собачий холод, хранить молчание (спокойствие), обдать презрением, читать нотацию (нравоучение), пороть чушь (вздор, ерунду), влюбиться по уши, реветь белугой.*

IV П + С: *подзорная труба, грецкий орех, перочинный нож, оказать помощь (содействие, поддержку, услуги).*

V П + Д: *железная дорога, волшебный фонарь, головной убор, тянуть лямку, заливаться соловьем, мозолить глаза, лодыря гонять, зашибить дрозда, плыть по течению, смотреть сквозь пальцы.*

VI С + Д: *беспробудное пьянство, черный как смоль, ни зги не видно, орать (кричать) во всю ивановскую, позарез нужно.*

VII П + С + Д: *краеугольный камень, камень преткновения, змея подколодная, темна вода во облацех, бить баклуши, точить лясы, поставить в тупик, вскружить*

голову, замолвить словечко, со скрежетом зубовным, вверх тормашками, быльём поросло.

Намеченная в данной схеме классификация устойчивых словосочетаний охватывает весь или почти весь традиционный материал фразеологии, не навязывая ему ложного единого критерия и не подчиняя его априорной характеристике того, что должно считаться фразеологией. Вместе с тем эта схема дает возможность последовательно и единообразно соотнести фразеологическое словосочетание со словом и свободным словосочетанием. Естественно, она никак не заменяет других классификаций, отражающих структурно-грамматические, стилистические и т. д. особенности разных типов фразеологизмов.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

§ 166. В индивидуальном употреблении фразеологические словосочетания могут подвергаться различным преобразованиям. Возможность намеренного переиначивания фразеологизмов, их обыгрывания (возможность эта достаточно часто используется и в произведениях художественной литературы, и в повседневной разговорной речи) лишний раз свидетельствует о том, что слова, образующие фразеологизм, воспринимаются говорящими именно как слова, а не как какие-то только внешне совпадающие со словами компоненты фразеологизма. Становясь во фразеологическом словосочетании действительно компонентами словосочетания, слова тем не менее остаются все-таки словами, точно так же, как и слова, употребленные в переносном значении (что обусловлено, кстати говоря, также особенностями их связи с другими словами в определенных словосочетаниях), не перестают быть словами.

Один из обычных способов обыгрывания фразеологизмов заключается в том, что слово, входящее в фразеологическое словосочетание, может быть понято как бы буквально, в его основном значении. Тогда происходит своеобразное разрушение неразложимого по смыслу словосочетания или его неожиданное переосмысление. Например: [Елена:] (вполголоса) *А вы разве не знаете, что нужно платить добром за зло?* [Тетерев:] *Не имею ни крупной, ни мелкой монеты...* (Горький. Мещане); *...Ассигнованные нам суммы — капля в море, да и капля-то еще в море, а не у нас...*

(А. Толстой. Эмигранты); ср. у Федина в «Первых радостях» (в разговоре Мешкова с Парабукиным): —...*Тебе это не по зубам.— Мне много что по зубам, Меркул Авдеевич. Вот когда в зубы дают, это мне не по зубам. А в рассуждениях я не меньше твоего понимаю.— Я тебе в зубы не даю. Синяк-то не я тебе наставил* и мн. под.

Нередко в «игру» вступают не только свободные значения слов, входящих в устойчивые фразеологические словосочетания, но и те же (или близкие им по основному значению) слова, включенные в другие фразеологизмы. Как правило, значения этих сопоставляемых фразеологических словосочетаний никак не связаны друг с другом. Именно на неожиданность подобного сближения и рассчитан комический эффект. Основное, свободное значение слова выступает тогда только как тот внутренний стержень, который объединяет различные по семантике фразеологические сочетания. В статье «Несколько слов о мизинце Г. Булгарина и о прочем» А. С. Пушкин пишет, что он «напал» на следующее место в «Сыне Отечества», издаваемом Гречем и Булгариным: *Я решился на сие* (на оправдание г. Булгарина) *не для того, чтоб оправдать и защищать Булгарина, который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов.* «Пересчитывая по пальцам» рецензентов, кому Греч «думал погрозить мизинчиком» Булгарина, Пушкин одного за другим называет «записных рецензентов» и по различным причинам отвергает возможность того, что «мизинчик касается» этих рецензентов. О Воейкове он пишет: *Ловкие издатели «Северной Пчелы» уж верно не станут, как говорится, класть ему пальца в рот, хотя бы сей палец был и знаменитый, вышеуказанный мизинчик.*

Иногда прямое свободное значение слова не противопоставляется его фразеологически связанному значению, а только как бы служит основой для своеобразной перелицовки идиоматического выражения. Например, то, что в языке существует выражение *махнуть рукой* на что-либо (или на кого-либо), позволяет Чехову шутливо сказать о живущем в клетке дрозде: *На свою неволю он давно уже махнул лапкой...* («В Москве на Трубной площади»). Прямое, основное значение слова *рука* делает возможным эту замену, но фразеологическое значение

всего выражения не разрушается, а, наоборот, по аналогии переносится и на свободное словосочетание.

Точно так же введение в идиоматическое выражение разного рода уточняющих слов основывается обычно на одновременном восприятии общего значения идиоматического целого и прямых значений образующих его словарных единиц, например: — *Вы в уме или нет? — вырвалось невольно у председателя.— То-то и есть, что в уме... и в подлом уме...* (Достоевский. Братья Карамазовы); — *Дальше своего дворянского носа вам ничего не видать, да и не увидать* (Лесков. Овцебык); *Черный хлеб своей беспутной жизни барин Манюхин добывал враньем, то есть рассказыванием заведомых небылиц...* (Леонов. Вор).

Первичное, прямое значение слова, по существу, никак не вторгается здесь в устойчивое значение фразеологического целого, оно не разрушает и не изменяет его. Но оно как бы присутствует как та основа, на которой возникает параллельное индивидуальное построение. Это индивидуальное построение в своем общем значении опирается на предыдущее.

§ 167. Прямое значение слова, входящего во фразеологическое целое, часто является как бы только поводом для создания развернутого образа, который воспринимается на фоне общеупотребительного устойчивого словосочетания, причем присущее последнему переносно-образное значение остается семантическим стержнем и нового, индивидуального построения, например: *Я, может быть, и умен. Но будь я семи пядей во лбу, непременно тут же найдется в обществе человек в восемь пядей во лбу, и я погиб* (Достоевский. Подросток); *Глядя на него, я вспомнил клопов, Зиночку, свою диагностику, и не мороз, а целый Ледовитый океан пробежал по моей спине* (Чехов. Ночь перед судом) и т. п. Ср. случаи, где существующий фразеологизм не воспроизводится в индивидуальном построении, но опять-таки явно ощущается как ключ к пониманию последнего: *Константин Ионыч, принимая пособие Авенира и Платониды, и сам не сидел сиднем и не ждал воды под лежачий камень.* (Лесков. Котин доилец и Платонида); —*...Сто зубов против них имею, и они это отлично знают! А вот почему они так не делают, чтобы я к ним*

ни одного зуба? Невыгодно (Сергеев-Ценский. Пристав Дерябин).

Возвращение словам, входящим во фразеологизм, их прямого, первичного значения, т. е. их буквальное осмысление, вопреки обычной в данном словосочетании фразеологической связанности, также используется как сознательный прием. Сущность этого приема состоит в том, что фраза, внешне совпадающая с устойчивым фразеологическим словосочетанием, уже в силу этого совпадения привлекает к себе бóльшее внимание. Она воспринимается как бы сквозь призму ее привычного фразеологического значения, в той или иной мере окрашивающего и данное индивидуальное построение. Ср., например, у Маяковского: *Хорошо поставленное зрелище было только один раз: уже на обратном пути из Нью-Йорка в Гавр. Сплошной ливень вспенил белый океан, белым заштриховал небо, сшил белыми нитками небо и воду. Потом была радуга* («Мое открытие Америки») — и устойчивое выражение *шито белыми нитками*, отстраненное в предыдущем тексте, но как бы бросающее на него свой эмоциональный отблеск (ср. перед этим *хорошо поставленное зрелище* — о ливне в океане).

В конце второй книги трилогии А. Толстого «Хождение по мукам» встречается видоизмененный фразеологизм *темна вода во облацех* (выражение, которым характеризуется что-либо непонятное, неясное): *Восемнадцатый год кончался, пронесясь диким ураганом над Россией. Темна была вода в осенних хмурых тучах. Фронт был повсюду... На тысячи верст тянулись окопы, окопы, окопы. Надвигающаяся осень не веселила сердца бойцов, и многие, поглядывая на тучи, ползущие с севера, раздумывали о своих деревнях, где ветер задирал солому на крышах, крапивой зарастали дворы и гнила картошка на огородах, а войне и конца не видно.* Образ приобретает как бы двойную перспективу. Он воспринимается и в его конкретном наглядном изображении *(осенние хмурые тучи)* и в то же время вбирает в себя иносказательный смысл устойчивого фразеологического выражения.

Буквальное истолкование выражения *провести за нос* показано как источник конфликта в романе Достоевского «Бесы». Там рассказывается о том, что Петр Павлович Гаганов, человек «пожилой и даже заслуженный», имел невинную привычку часто «с азартом приговаривать»:

Нет-с, меня не проведут за нос! Однажды, когда он «проговорил этот афоризм» в клубе, Ставрогин вдруг подошел к нему и «неожиданно, но крепко ухватил его за нос двумя пальцами и успел протянуть за собою по зале два-три шага...» «Шум поднялся ужаснейший...» и т. д. Ср. обыгрывание выражения *остаться с носом*, понимаемого одновременно в двух планах,— в свободном и в фразеологическом, в другом романе Достоевского — в «Братьях Карамазовых», в разговоре Ивана Карамазова с «чертом», где на вопрос Ивана — *Ну и что ж, отходил с носом?* следует такой ответ: «— *Друг мой,— заметил сентенциозно гость,— с носом все ж лучше отойти, чем иногда совсем без носа, как недавно еще изрек один болящий маркиз (должно быть, специалист лечил) на исповеди своему духовному отцу — иезуиту. Я сам присутствовал — просто прелесть*». «*Возвратите мне, говорит, мой нос!*» *И бьет себя в грудь.* «*Сын мой,— виляет патер,— по неисповедимым судьбам провидения все восполняется и видимая беда влечет иногда за собой чрезвычайную, хотя и невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила вас носа, то выгода ваша в том, что уже никто во всю вашу жизнь не осмелится вам сказать, что вы остались с носом*».

Показу такой конкретной реализации фразеологизмов противостоит их собственно словесное обыгрывание. Интересно в этом плане сравнить с приведенными выше примерами многочисленные риторические преобразования того же фразеологического сочетания в романе Чернышевского «Что делать?». Сочетание *провести за нос* вызывает здесь длинный ряд индивидуально-контекстных вариаций, основанных на, так сказать, внешнем разложении сочетания. Это разложение не ведет к смысловому разрушению фразеологизма, наоборот, его общее значение как бы распространяется и на отдельные входящие в него слова (*провести* и *нос*), обусловливая возможность их видоизменения и определенных смысловых замен: ...*если вам укажут хитреца и скажут:* «*Вот этого человека никто не проведет*»,— *смело ставьте 10 р. против 1 р., что вы, хоть вы человек и не хитрый, проведете этого хитреца, если только захотите, а еще смелее ставьте 100 р. против 1 р., что он сам себя на чем-нибудь водит за нос, ибо это обыкновеннейшая, всеобщая черта в характере у хитрецов, на чем-нибудь водить себя за нос.*

Уж на что, кажется, искусники были Луи-Филипп и Меттерних, а ведь как отлично в ы в е л и сами себя з а н о с из Парижа и Вены в места злачные и спокойные буколически наслаждаться картиною того, как там, в этих местах, Макар телят гоняет. А Наполеон I как был хитр,— гораздо хитрее их обоих...,— а как мастерски п р о в е л с е б я з а н о с н а Э л ь б у, да еще мало показалось, захотел подальше, и удалось, удалось так, что д о т а щ и л с е б я з а н о с до Св. Елены!..— даже умилительно то усердие и искусство, с каким он т а щ и л тут с е б я з а н о с!..

§ 168. Пути и способы применения и преобразования фразеологических единиц языка в художественной литературе чрезвычайно многообразны. Приведенные примеры показывают, что их экспрессивные возможности могут быть по-разному использованы в зависимости от образной структуры текста, от тематического задания, наконец, от конкретных художественных намерений и общих стилистических устремлений писателя.

Возможности преобразования неодинаковы у разных типов фразеологизмов. Парадигматически связанные составные наименования вообще не поддаются, как правило, различным переиначиваниям. Словосочетания же, фразеологичность которых определяется синтагматической связанностью входящих в них слов или сочетаний слов, вроде *ни зги не видно*, *орать (кричать) во всю ивановскую*, а также *смежить глаза*, *зажмурить глаза* и т. п., сравнительно легко раскрепощают эти фразеологически связанные компоненты, которые переносятся в другие словосочетания, но явно сохраняют «образный» отпечаток своего обычного, именно устойчиво закрепленного употребления:

...И где-то на пути его лежит
Жемчужина, подернутая томной поволокой,
Ж е м ч у ж н и ц у з а ж м у р и в и с м е ж и в.

(Н. М а т в е е в а. Путешественник.)

[*Зима*]
То в дупло наклонное ныряет,
Как ловец за жемчугом на дно,
То с н е ж и н к у острую в п е р я е т
С любопытством в темное окно...

(Н. М а т в е е в а. Зима.)

Ср. также: *Греческие диктаторы поступили таким образом отнюдь не потому, что их о б у я л п р и с т у п с к р о м н о с т и* («Правда», 23 апреля 1971 г.).

Что касается словосочетаний типа *ни зги не видно, кричать (орать) во всю ивановскую* и подобных, то их спаянность, по-видимому, вообще не является достаточно прочной. Фразеологически связанные элементы этих словосочетаний легко освобождаются от своих принудительных связей и переносятся в другие словосочетания с общей функцией экспрессивного обозначения высшей степени проявления чего-то.

Вот несколько примеров из очень многих возможных: *От этих дел н е в с п о м н я т н и з г и* (М а я к о в с к и й. Владикавказ — Тифлис); — *Ах, Аркадий! Сделай одолжение, п о с с о р и м с я раз хорошенько — д о п о л о ж е н и я р и з, до истребления* (Т у р г е н е в. Отцы и дети); *Набрыдлов же, маленький куценький поручик, в о в с е л о п а т к и с т а р а л с я походить на Ивана* (Ч е х о в. Скверная история); *Божатся, клянутся и ж е л а ю т себе в с я к и х н а п а с т е й в о в с е л о п а т к и* (Ч е х о в. Ярмарка); *Играют все больше «Стрелочка», играют машинально, ф а л ь ш и в я н а ч е м с в е т с т о и т* (т а м ж е).

В ряде случаев выход «усилительных» фразеологизмов из ограничивающих их словосочетаний кажется более решительным; ср., например, сочетаемость выражений *до чертиков, во всю ивановскую: — Вообрази, Родя, на что вчера съехали: есть или нет преступление? Говорил, что д о ч е р т и к о в д о в р а л и с ь!* (Д о с т о е в с к и й. Преступление и наказание); — *Я сам з а м у ч и л с я д о ч е р т и к о в,— хмуро проговорил Давыдов* (Ш о л о х о в. Поднятая целина); — *...Это с того бока, с суши, подошли наши части и с т а л и к р о ш и т ь в о в с ю и в а н о в с к у ю* (С. А н т о н о в. На военных дорогах); — *...Тогда т е р н ы ц в е л и в о в с ю и в а н о в с к у ю, белой кипенью вся балка взялась!* (Ш о л о х о в. Поднятая целина).

Понятно, что в тех случаях, когда слово как компонент фразеологизма характеризуется не синтагматической, а только деривационной связанностью (т. е. слово само по себе имеет и прямое свободное значение), его отрыв от фразеологизма именно в том образном значении, которое оно получило в составе фразеологического целого, проис-

ходит гораздо реже, хотя в общем-то возможен. Например, в романе Леонова «Вор» приводится разговор братьев Дмитрия Векшина и Леонтия:

— Вот и объясни, за что ты так ненавидишь меня, который всегда добра тебе желал?.. в чем тут дело, где тут собака зарыта?

Некоторое время Леонтий шел, покусывая сорванную на ходу полынку.

— Можно мне, братец, не объяснять вам, в чем моя собака заключается? — тихо спросил он.

И дальше: *— Ну, раскрывайся напоследок, почему давеча про собаку-то утаил? — с полушутки начал Векшин* (разрядка в последнем примере Л. Леонова).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ (ФРАЗЕОСХЕМЫ)

§ 169. В составе современного русского языка находятся такие ряды близких по строению фразеологизмов, которые являются результатом не преобразований какого-то определенного фразеологического словосочетания, а скорее результатом своеобразной лексикализации отдельных синтаксических конструкций, имеющих (именно как конструкции, а не сочетания каких-то конкретных слов) фразеологический характер. В отличие от фразеологических единиц лексики (или лексических фразеологизмов) во фразеологических конструкциях нет лексической неподвижности. Они не связаны с определенными словами, как таковыми, но они обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определенных, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определенных служебных слов. В то время как лексические фразеологизмы индивидуальны в лексической сфере, индивидуальность фразеологических конструкций проявляется в сфере синтаксиса, т. е. в пределах заданной схемы допускается в той или иной мере свободное лексическое наполнение.

Например, форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения может быть употреблена не только в своем основном, т. е. побудительном значении, но и в разного рода условных и уступительных конструкциях, а так-

же в конструкциях, служащих для выражения степени признака или действия: *Зато жареное он по-прежнему засушивает так, что хоть стучи им по тарелке — настоящий картон* (Тургенев. Фауст); *Говорить на публике он любил, вдохновлялся, вздымал к потолку руки и любовался собой так, что хоть зеркало перед ним ставь* (Антонов. Дело было в Пенькове); *Заговорили все. Полки, дивизии, весь фронт, хоть волосы рви. Прорвало* (А. Толстой. Рассказ проезжего человека); — *Всегда у меня нос краснеет с холоду, прямо хоть на улицу не выходи* (Л. Леонов. Вор); ...*А ты около меня походишь, поухаживаешь, и опять я живая, хоть танцуй* (Панова. Времена года) и мн. др. Легко заметить, что фразеологический характер приведенных предложений заключается не в каких-то особых лексических значениях входящих в них слов, а в особенностях их строения, обусловливающих фразеологически связанное значение присутствующих в них грамматических форм слов.

Но на основе определенных фразеосхем очень часто возникают и лексические фразеологизмы, т. е. такие словосочетания, в которых наличие не только опорных слов, но и всех компонентов (всего лексического состава) становится закрепленным. Отражая общее значение данной фразеосхемы, эти устойчивые сочетания в то же время, так сказать, индивидуализируют его. Конкретное значение каждого из таких лексических фразеологизмов не определяется полностью типовым значением данной фразеосхемы, а закреплено именно за ним. В данном случае это такие фразеологические обозначения трудности, безысходности положения, как: *Хоть в петлю лезь! Хоть ложись да помирай! Хоть вон беги! Хоть караул кричи! Хоть волком вой! Хоть святых вон выноси!* и под.,— и в еще большей мере утратившие предикативность и как бы «разобщенные» в своих отклонениях от общего значения всей фразеосхемы фразеологические словосочетания вроде: *Хоть глаз выколи; Хоть шаром покати; Хоть выжми (выжимай); Хоть брось*, а также экспрессивные обозначения большого количества: *Хоть пруд пруди; Хоть отбавляй* и под.

Различие между фразеосхемами (синтаксическими фразеологизмами) и варьированием лексических фразеологизмов можно пояснить также на следующих примерах.

На основе лексического фразеологизма *хлебом не корми*

(со значением противопоставления чему-то) появился целый ряд дублетных образований; ср.:

— *Что я с ними поделаю, ежели их хлебом не корми, а дай похохотать...* (Седых. Даурия); —*...А мне, братцы, наипервейшее удовольствие— рыбку ловить. Хлебом меня не корми, а только дай с удочкой посидеть* (Чехов. Мечты).

Лапшу (имя бурсака) *медом не корми, а дай в руки обиход* (Помяловский. Очерки бурсы); — *...Его медом не корми, а расскажи, где кто воюет и будем ли мы воевать* (Достоевский. Подросток).

[Соленый:]... *Барона кашей не корми, а только дай ему пофилософствовать* (Чехов. Три сестры); *Кашей их не покорми, а только взгляни на них потеплей* (Чехов. Слова, слова и слова).

Везде здесь трансформация именно конкретного лексического фразеологизма. Но глагол в форме повелительного наклонения может выступать не в лексическом, а синтаксическом фразеологизме.

Так, например, предложения типа *Сначала делай (сделай)* (то-то), *потом делай (сделай)* (то-то) могут выражать простую последовательность требуемых действий. Видовые различия форм определяются тогда общим характером реального побуждения и характером самих требуемых действий. Замена формы императива несовершенного вида формой совершенного вида (если это возможно) и наоборот не разрушает основного значения высказывания. Однако те же предложения могут выступать для выражения уже особого, несвободного значения. Видовая прикрепленность формы глагола становится тогда обязательной. Предложения типа *сначала* + императив соверш. вида, *потом* + императив несоверш. вида (или императив + *сначала* ...—... *потом*), приобретая характер устойчивой синтаксической модели, служат для выражения следующего значения: 'ты не можешь (или: не смеешь) делать что-либо, пока не сделал того-то', 'ты должен сначала... тогда можешь...' и т. п. Ср.: [Паратов:] *Так выучитесь прежде понимать, да потом и разговаривайте!* (Островский. Бесприданница);— *Нет, ты сперва двадцать раз подавись, да тогда и приходи с разговорами* (Успенский. Нравы Растеряевой улицы); — *А не знаешь разве, что за девок-то вашему брату ноги колом ломают? — А ты прежде излови да потом и ломай.*

Эк чем стращать вздумал,— нахально ответил Захар (Мельников-Печерский. В лесах); — *Нескладно брешешь ты, дядя.— Сбреши лучше! Допрежь чем брехней попрекать, ты узнай, а тогда уж гутарь* (Шолохов Тихий Дон);— *Жидковат ты супротив меня. Подрасти сначала, а потом задавайся* (Седых. Даурия); — *Вы, сударь, научитесь сперва вежливости, а потом уже разговаривайте с людьми* (там же) и т. п.

Одно из противопоставляемых наречий может быть легко опущено, ср.: —...*Наживи свой дом, тогда и гони* (о 3-м лице; Чехов. В овраге); — *Учиться и учить, говоришь ты? А ты можешь научиться сделать людей счастливыми? Нет, не можешь... Ты поседей сначала, да и говори, что надо учить* (Горький. Макар Чудра). Но в общем фразеосхема строится на наличии слов, определяющих последовательность действий (*сначала, прежде, сперва, потом, тогда* и под., часто с частицами *да и, уж, уже, и*). Таким образом, рамки фразеосхемы имеют довольно определенные лексические «скрепы», но сами глаголы, выступающие здесь в форме повелительного наклонения, никак лексически не ограничены.

ИЗМЕНЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ

§ 170. От разнообразных случаев варьирования фразеологизмов, их намеренного преобразования следует отличать те изменения, которые лексические фразеологизмы претерпевают с течением времени, т. е. исторических изменений в характере связанности их компонентов и их собственной структуры.

Как и другие единицы языка, фразеологические словосочетания не остаются неизменными. С течением времени изменяется как общий фразеологический состав языка, так и строение отдельных фразеологизмов. Так, на протяжении XIX в. изменилась фразеологическая сочетаемость ряда слов. Например, в ряде словосочетаний произошла смена полузнаменательных глаголов при существительных; ср.:

Плутовка вздумала на хитрости подняться.
Взяв важный и степенный вид,
Идет в пещеру, где сбиралися лисицы

(Измайлов. Бесхвостая лисица.)

и современные выражения *пуститься на хитрость; пойти на хитрость; принять вид*. Ср. у Погорельского: *Странность профессора, красота Аделины и возрастающая к ней страсть моего друга д е л а л и неприятное на меня в п е ч а т л е н и е*... («Двойник, или Мои вечера в Малороссии»); *Необыкновенная, можно сказать, чудная сцена сия с д е л а л а глубокое на меня в п е ч а т л е н и е* (т а м ж е) — при современных *производить впечатление, произвести впечатление*.

Прилагательное *скоропостижный* закрепилось в современном языке в мрачной роли определения при словах *смерть, кончина* (точно так же как наречие *скоропостижно* при глаголах *умереть, скончаться*). Однако общее значение этого прилагательного, квалифицируемое в «Словаре современного русского литературного языка» как «устаревшее», определяется следующим образом: «произошедший в короткий срок; внезапный, неожиданный». В «Словаре...» В. И. Даля при прилагательном *скоропостижный* указаны такие существительные, как *случай, дело, смерть*. Ср. у Лескова: *Рогожин свертел с к о р о п о с т и ж н у ю с в а д ь б у и справлял необыкновенный медовый месяц* («Захудалый род»). Таким образом, в языке XIX в. сочетаемость указанного слова не была столь ограниченной, как в современном языке. По существу, слово с ограниченной сочетаемостью (типа *сущий* и т. п.) превратилось в слово с принудительной сочетаемостью (типа *обложной дождь*).

Глагол *утолить* имеет в современном русском литературном языке фразеологически связанное значение. Его сочетаемость фактически ограничена несколькими словами *(утолить — голод, жажду, желание)*. В древнерусском языке, выступая со значениями ‘убедить, уговорить, усмирить; успокоить; облегчить’ (см. «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, т. III, с. 1311—1312), он соответственно сочетался с дополнениями, выраженными самыми различными существительными (*Утолити к о г о-л и б о, утолити гнѣвь* и т. д.). В XIX в. еще были вполне употребительны сочетания вроде *утолить боль, утолить печаль*. В настоящее время и они воспринимаются как устаревшие (см., например, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова).

Усилительный фразеологизм *благим матом*, ограниченный в современном языке сочетанием с глаголом *кричать*

(орать), у писателей XVIII — начала XIX в. встречается также и с глаголами движения: ...*Спасибо Анютка-то прибежала благим матом к нам в спальню, мы с ней подняли мать твою с полу и положили на постель* (Измайлов. Евгений);— *Вот нашел, о чем заботиться, — промолвил урядник,— показать только линек —и так благим матом вспрыгнешь, словно заяц с капусты* (Марлинский. Лейтенант Белозор). Ср.: *Испуганный вор, зная, что оборотни так же боятся пения петуха, как мы стихов Котова, так давнул несчастного вестника зари, что он закричал кукареку благим матом* (там же) и т. п. Сочетаемость фразеологизма, таким образом, сузилась.

§ 171. Между различными типами фразеологических словосочетаний нет, конечно, не только неподвижных, но и резко очерченных границ. Так называемые обычные словосочетания, расширяя сферу применения или сохраняясь в языке при изменении самих обозначаемых ими реалий, могут восприниматься уже как образные выражения, как метафорические перифразы или застывшие формулы. Например, словосочетание *бить челом*, возникшее не позже XIII—XIV вв. *(челомь бити)*, сначала, по-видимому, являлось просто «натуралистическим» отображением самого действия ('класть земные поклоны'). Затем в условиях феодально-средневековых отношений оно стало выражать обращение к власти, а именно с просьбой или с жалобой на кого-либо. Например: *ѣздилъ къ великому князю на Москву о томъ же челомъ бити своему государю* (Псковская I летопись, 1471 г.). Ср.: *челомь бити на* (кого-либо), *челомь ударити на* (кого-либо) 'жаловаться, пожаловаться на кого-либо' (см. «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, т. III, с. 1488—1489). Приобретя характер устойчивой формулы, словосочетание *бить челом* и внешне лексикализуется в производных *челобитье, челобитный (челобитная грамота)*.

Обозначение какого-то явления по его внешнему характерному признаку может сохраняться и при исчезновении самого признака, например: «*Аризона*» *подняла пиратский флаг. Это совсем не означало, что на ней взвилось черное с черепом и берцовыми костями романтическое знамя морских разбойников. Теперь разве только на бутылках с сулемой*

изображались подобные ужасы. Флага, собственно, на «Аризоне» не было поднято никакого (А. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина). Характер метафоричности выражения при этом, естественно, меняется.

§ 172. Во фразеологизмах, представляющих собой устойчивые, застывшие словосочетания, сохраняются отдельные грамматические формы слов, которые исчезли из языка, будучи заменены другими формами. Эти непонятные с точки зрения современного языка аномалии во многих случаях являются «реликтами» его прежней грамматической системы, т. е. могут служить своего рода мнемоническими указателями, направляющими от фактов современного языка к разрушенным, но регулярным когда-то парадигмам.

Например, старые, немотивированные с точки зрения современного языка, формы словоизменения сохраняются в таких неразложимых сочетаниях, как *притча во языцех*, *темна вода во облацех*, *почить в бозе*, *средь бела дня*, *прильпе язык к гортани*, *несть числа* и т. д.

Фразеология является своего рода кладовой, где сохраняются разрозненные остатки продуктивных когда-то форм слов,— сохраняются уже как немотивированные компоненты фразеологизмов, устойчивых выражений, «ходячих цитат».

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. М.—Л., «Наука», 1970.

Виноградов В. В. Основные типы фразеологических единиц в русском языке.— В кн.: Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 2-е, М., «Высшая школа», 1972.

Мордвилко А. П. Очерки по русской фразеологии (Именные и глагольные фразеологические обороты). М., «Просвещение», 1964.

Ожегов С. И. О структуре фразеологии.— В кн.: Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., «Высшая школа», 1974.

Телия В. Н. Что такое фразеология. М., «Наука», 1966.

Шанский Н. М. Лексические и фразеологические кальки в русском языке.— «Русский язык в школе», 1955, № 3.

Шанский Н. М. Основные свойства и приемы стилистического использования фразеологических оборотов.— «Русский язык в школе», 1957, № 3.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА [illegible]
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Введение

Предмет и задачи лексикологии. Лексика и другие уровни языка 5
Особенности лексики 16
Основные типы словарей 20
Дополнительная литература 48

Глава I. **Слово как единица лексики**

Проблема определения слова 49
Лексическое значение слова 54
Обобщающий характер слова 58
Тождество слова. Омоформы, омофоны, омографы. Варианты и дублеты 65
Многозначность и омонимия. Проблема разграничения многозначности и омонимии 68
Семантическая структура многозначного слова. Метафора. Метонимия. Синекдоха. Функциональные переносы наименований 91
Изменение семантической структуры слова 105
Прямые (основные) и переносные (вторичные) значения слов 111
Виды многозначности 121
Слово как единство лексического и грамматического значений 130
Дополнительная литература 150

Глава II. **Стилистическая дифференциация лексики**

Стилистические разряды слов 151
Экспрессивно-оценочная лексика 163
Функционально-стилистическая значимость слов и сфера их употребления 168
Дополнительная литература 181

Глава III. **Системные отношения в лексике**

Проблема «системности» в лексике 183
Парадигматические отношения 187

Синонимы 193
Эвфемизмы 199
«Контекстные синонимы» 200
Антонимы 202
Энантиосемия 208
Типы лексических значений 209
Синтагматические отношения 213
Ассоциативно-деривационные отношения 225
Народная этимология 228
Паронимы 231
Дополнительная литература 232

Глава IV. **Лексика как открытая система. Формирование словарного состава современного русского литературного языка**

Древнейший фонд русской лексики 234
Старославянизмы 243
Заимствованная лексика 253
Диалектные и специальные слова 272
Словообразовательные и семантические неологизмы 280
Дополнительная литература 287

Глава V. **Фразеология и ее особенности**

Фразеологические единицы русского языка 288
О различных критериях выделения фразеологических единиц 296
Понятие фразеологической связанности. Типы фразеологических единиц 310
Стилистическое использование фразеологизмов 320
Лексические фразеологизмы и фразеологические конструкции (фразеосхемы) 327
Изменения фразеологической сочетаемости слов 330
Дополнительная литература 333

ИБ № 1259

Дмитрий Николаевич Шмелев

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Лексика

Редактор Г. В. Карпюк
Художественный редактор Т. Г. Никулина
Технические редакторы В. В. Новоселова, С. Н. Филатова
Корректор Нестерова

Сдано в набор 25/V 1977 г. Подписано к печати 21/X 1977 г. 84×108¹/₃₂.
Бумага сыктывкар. № 1. Печ. л. 10,5. Условн. л. 17,64. Уч.-изд. л. 18,95.
Тираж 110 тыс. экз.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Просвещение» Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Сматрицировано в ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28. Заказ № 239.

Отпечатано на Книжной фабрике № 1 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

Цена 95 коп.